Лица и Лицедеи

Фёдор Раззаков

Кумиры

Тайны гибели

Annotation

Фатальные истории жизни известных личностей — тема новой книги популярного исследователя закулисья наших звезд Федора Раззакова. Злой рок подводил к гибели, как писателей и поэтов — Александра Фадеева и Николая Рубцова, Александра Вампилова, Юлию Друнину, Дмитрия Балашова, так и выдающихся российских спортсменов… Трагический конец был уготован знаменитостям отечественного кино — Евгению Урбанскому, Майе Булгаковой, Елене Майоровой, Анатолию Ромашину, Андрею Ростоцкому… Трагедии подстерегали многих кумиров эстрадного и музыкального олимпа. Перед глазами читателя проходит целая цепь неординарных судеб, вовлеченных в водоворот страстей и мистических предзнаменований.

- Федор Ибатович Раззаков
  - Трагедии в литературе
    - Гибель красного литератора
    - «Я умру в крещенские морозы…»
    - Холодные воды Байкала
    - Самоубийцы
    - Трагедия в Козынево
  - Трагедии в спорте
    - В небе под Свердловском
    - Разорванное сердце
    - Лифт на эшафот
    - Роковой 1975-й
    - Панцирная сетка
    - Тайна гибели «Пахтакора»
    - Роковой километр
    - Взлетевшие в небо
    - «Железный конь» несется к смерти
    - Трагедии последних лет
    - «Инфант террибль» советского хоккея
    - Трагедии на стадионах
  - Трагедии в советском кино

    - Актеры
        - Смертельный трюк в Каракумах
        - Как погибла Фрося Бурлакова
        - Трагедии последних лет
    - Режиссеры. Сценаристы
        - Рижская развязка
        - Мертвая петля
        - Смерть на колесах
        - Смерть на воде
        - Роковой 1987-й
        - Потери последних лет
- Трагедии на эстрадном и музыкальном олимпах
    - В небе под Харьковом
    - СашБаш
    - Последний сон
    - Короткая песня
    - Трагедии конца девяностых
    - Шагнувший вниз
    - Люди гибнут за кумира.
- Трагедии в цирке
    - По следам Отелло
    - Гибель Ириски
    - Трагедии наших дней
- Трагедии в мире телевидения
    - Первые потери
    - На полных скоростях
- На волосок от смерти
- В конфликте с законом
    - Сто кругов ада
    - Если б не Сталин
    - В тюрьму по недоразумению
    - По приказу Берии
    - Лампочка Спартака
    - Тюремные университеты Захара Большакова
    - В тюрьму… за красоту
    - Пять лет в неволе
    - Остап Бендер за решеткой

    - Пострадавший за шутку
    - Трагедия футболиста
    - Тюремные университеты «поручика Голицына»
    - Еще одна трагедия футболиста
    - В погоне за насильником
    - Буба за решеткой
    - Неистовый Сергей
    - Соловей в неволе
    - Трижды судимый Петруха
    - За решеткой — первый чемпион мира
    - «Морозко» в тюрьме
    - «Вези меня, извозчик…»
    - Выстрел в себя
    - Наезд «неуловимого»
    - «Видишь ли, Юра…»
  - Трагедии на почве алкоголизма

Федор Ибатович Раззаков
Кумиры: Тайны гибели

Трагедии в литературе

Гибель красного литератора
Александр Фадеев

Если не брать сталинские годы, когда в энкавэдэшной мясорубке погибло несколько сотен советских литераторов самых разных национальностей, то следует признать, что самая громкая трагедия в советской литературе случилась в конце 50-х, когда из жизни ушел один из литературных колоссов — писатель Александр Фадеев. Чтобы понять, что предшествовало этому, рассказ стоит начать с самого начала.

Фадеев родился 24 декабря 1901 года в небольшом уездном городке Кимры Тверской губернии. Его отец — Александр Иванович — в молодости увлекшийся революционными идеями, был родом из бедной крестьянской семьи. С 1885 года он попадает на заметку властям и начинает новую жизнь, полную скитаний, невзгод и постоянных преследований. В 1892 году он приезжает в Петербург и становится одним из активных участников Санкт-Петербургской группы народовольцев. Спустя два года полиция арестовывает его и помещает в Петербургскую тюрьму. Там в один из дней 1896 года по просьбе Политического Красного Креста его навещает 23-летняя слушательница Петербургских фельдшерских курсов Антонина Владимировна Кунц (из обрусевших немцев). Молодые понравились друг другу, и когда Фадееву объявили приговор, пять лет ссылки в отдаленном северном городке Шенкурске, Антонина Кунц отправилась туда вместе с ним. В июне следующего года они обвенчались.

В 1900 году у Фадеевых родилась дочь Татьяна. Затем, год спустя, — сын Александр, а через четыре года — второй сын, Владимир. Однако совместная жизнь родителей не ладилась. Причем виной этому был суровый характер главы семейства. По воспоминаниям близких, Фадеев-старший всерьез считал, что революционеру не следует иметь семью. Он редко баловал детей лаской, был грубоват и резок в отношениях с женой. Мысль о разводе давно уже вынашивалась в его голове. Чашу терпения, судя по всему, переполнил поступок жены, который глава семьи не смог ей простить. В дни революции 1905 года он активно поддерживал эсеров, а его жена

— социал-демократов. И Фадеев-старший ушел из семьи (в 1916 году он умрет от туберкулеза).

Два года спустя в семью будущего писателя вошел новый мужчина — двадцатидвухлетний отчим Глеб Владиславович Свитыч. Он был сыном известного польского революционера В. С. Свитыча-Иллича. С матерью Фадеева его сблизила совместная работа в Виленской железнодорожной больнице, где оба были фельдшерами. По словам всех, кто знал Глеба Владиславовича, он с нежной заботой относился к приемным детям. Сам Фадеев много позже признается, что он чтил отчима как родного.

Осенью 1908 года Фадеевы переехали сначала во Владивосток, а затем в небольшое село в 50 километрах от городка Имана — Саровку. Там Саша Фадеев пошел в школу. Спустя три года Фадеевы решились на новый переезд — в село Чугуевку Сысоевской волости Южно-Уссурийского уезда. Это таежное село считалось одним из заброшенных в округе, где месяцами отсутствовала связь с внешним миром. Не было в селе и врачей, поэтому приезд сразу двух фельдшеров был встречен местными жителями с радостью. К ним в Чугуевку больные ехали чуть ли не со всей волости.

Фадеев с самого детства рос одаренным ребенком. Ему не было и четырех лет, когда он самостоятельно овладел грамотой — наблюдал со стороны, как учили его сестру Таню, и выучил всю азбуку. С четырех лет он начал читать книжки, поражал взрослых неуемной фантазией, сочиняя самые необычные истории и сказки. Его любимыми писателями с детства были Джек Лондон, Майн Рид, Фенимор Купер.

Родители Саши воспитывали своих детей в любви и уважении к труду. Вот как напишет позднее сам А. Фадеев: «Мы сами пришивали себе оторванные пуговицы, клали заплатки и заделывали прорехи в одежде, мыли посуду и полы в доме, сами стелили постели, а кроме того — косили, жали, вязали снопы, пололи, ухаживали за овощами в огороде. У меня были столярные инструменты, и я, а особенно мой брат Володя, всегда что-нибудь мастерил. Мы всегда сами пилили и кололи дрова и топили печи. Я с детства умел сам запрячь лошадь, оседлать ее и ездить верхом…»

Однако семья Фадеевых жила в большой нужде, и когда встал вопрос о том, чтобы старший сын Александр продолжил свое

образование (сельская школа этого не позволяла), было решено отправить его во Владивосток, к тетке, которая была начальницей мужской прогимназии. Так осенью 1910 года Фадеев стал учеником Владивостокского коммерческого училища. Довольно скоро Фадеев выбился в лучшие ученики (даже заработал похвальную грамоту от дирекции), стал посещать литературный кружок при училище (за свои короткие рассказы и стихи он получил несколько премий). Жил он у тетки, однако, чтобы не стеснять ее в средствах, вынужден был в 1914 году (в 13 лет!) зарабатывать себе на жизнь самостоятельно — он устроился репетитором и стал давать частные уроки отстающим ученикам, совмещая эту работу с занятиями в училище. Каким Фадеев был в те годы? Вот как описывает его в характеристике классный руководитель училища: «Фадеев — хрупкая фигурка еще не сложившегося мальчика. Бледный, со светлыми, льняными волосиками, этот мальчик трогательно нежен. Он живет какою-то внутренней жизнью. Жадно и внимательно слушает каждое слово преподавателя. Временами какая-то тень посещает лицо — складка ложится между бровями, и личико делается суровым. Впереди него сидят на парте Нерезов и Бородкин. Последний, склонный пошалить, делает гримасы Фадееву, стараясь его рассмешить, но мальчик с укором бросает на него взгляд, сдвигая между бровями морщинку. Черная куртка со стоячим воротником и «меркуриями» не совсем хорошо сидит на мальчике: она сшита не у портного (очевидно, домашнего производства). Однако мальчик не смущается того, что одет беднее других: он держится гордо и независимо…»

В доме его тети Марии Владимировны Сибирцевой постоянно устраивались вечера, которые посещала передовая молодежь Владивостока. Не раз здесь бывали и революционно настроенные деятели, в том числе из большевистской партии. Они вели жаркие дискуссии о дальнейшей судьбе России, и часто свидетелем этих споров был Фадеев. Видимо, под их впечатлением юноша в 1917 году становится членом так называемой коммуны — группы демократически настроенной молодежи старших классов коммерческого училища. В том же году Фадеев входит в редколлегию газеты «Трибуна молодежи» и публикует в ней ряд проблемных статей о молодежи и учебе. Товарищи Фадеева читали эти статьи с

захватывающим интересом. В них были страстность, живой литературный язык, убедительность в развитии главной мысли.

Примерно в это же время сердце юного Александра посещает первая любовь. Девушку звали Ася Колесникова, она была ровесницей Фадеева и жила недалеко от него. Однако о чувствах, которые испытывал к ней Фадеев, она тогда не знала, даже не догадывалась о них. Да и сам он признается ей в этом только спустя тридцать лет. Приведу отрывок из его письма, датированного 1 июня 1949 года:

«Как это вполне естественно бывает с мальчиками и девочками, мы с Вами, однолетки, развивались неравномерно. Вы были уже, в сущности, девушка, а я еще мальчик. И, конечно, Вам трудно было увлечься этим тогда еще не вышедшим ростом и без всякого намека на усы умненьким мальчиком с большими ушами. Но если бы Вы знали, какие страсти бушевали в моей душе!..

Должно быть, именно в силу неразделенности чувства оно длилось необыкновенно долго для того возраста — три или четыре года. В сущности, только бури гражданской войны заглушили его…»

В начале 1918 года политическая ситуация во Владивостоке заметно осложняется. В апреле в город высаживаются оккупационные войска японцев и англичан. Население города реагирует на это неоднозначно — часть людей приветствует приход иностранцев (мол, теперь в городе установится настоящий порядок), часть активно выступает против. Фадеев, как и все члены «коммуны», был в числе противников оккупации. Однако почти все преподаватели требовали прекратить в стенах училища всяческие политические дискуссии, в противном случае грозя ослушникам исключением. Но их требование было нарушено. Вскоре в 7-м классе началась форменная буза — ученики потребовали исключить из училища преподавателя, который на уроке бросил в лицо всему классу фразу: «Вы мерзавцы!» Однако руководство училища не пошло на поводу у бунтовщиков и поступило диаметрально противоположным образом — исключило из училища нескольких особо активных смутьянов. Но руководители не учли одного — что на сторону исключенных встанет чуть ли не все училище. Вскоре началась забастовка, которая, как цепная реакция, постепенно охватила многие училища города. Эта забастовка была тут же поддержана Владивостокским Советом рабочих и солдатских депутатов. В конце концов, видя, что сила не на его стороне,

руководство коммерческого училища пошло на уступки и удовлетворило все требования стачечного комитета.

Лето 1918 года Фадеев провел у родителей в Чугуевке. А когда в сентябре вернулся во Владивосток, там уже была другая власть — белогвардейская (колчаковский мятеж произошел в июне, и советская власть была свергнута по всему Приморью). Вот как вспоминал затем Фадеев: «Шла кровавая битва, в которую был втянут весь народ, мир раскололся, перед каждым юношей уже не фигурально, а жизненно… встал вопрос: «В каком сражаться стане?»

Фадеев с выбором определился довольно быстро — в том же сентябре он вступил в ряды Коммунистической партии. Так как происходило это в подполье, Фадеев не проходил кандидатского стажа, даже экзаменов по политграмоте у него не принимали. А затем начались его боевые будни. По поручению Владивостокского партийного комитета юные подпольщики (а вместе с Фадеевым в партию вступили еще несколько учащихся коммерческого училища, среди которых были трое его лучших друзей: Женя Хомяков, Гриша Билименко и Петя Нерезов) вели агитационно-пропагандистскую работу среди молодежи города, расклеивали листовки, работали связными и стояли «на стреме» у явочных квартир. В апреле 1919 года Фадеева и его друзей с поддельными паспортами (Фадеев, например, значился Александром Булыгой) переправили в центр партизанского движения края — Сучанскую долину. Так началась новая полоса в жизни юного Фадеева — его «партизанские университеты». У этой «школы» были как светлые, так и темные стороны «обучения». Например, именно там Фадеев впервые по-настоящему увлекся возлияниями. Вот его собственные слова на этот счет: «Я приложился к самогону еще в 16 лет, когда был в партизанском отряде на Дальнем Востоке. Сначала я не хотел отставать от взрослых мужиков в отряде. Я мог тогда много выпить. Потом я к этому привык. Приходилось. Когда люди поднимаются очень высоко, там холодно и нужно выпить. Хотя бы после. Спросите об этом стратосферников, летчиков или испытателей вроде Чкалова. Мне мама сама давала иногда опохмелиться. Я ее любил так, как никого в жизни. Я уважал ее. И она меня понимала. Это был очень сильный человек…»

В начале военной службы Фадеев был прикомандирован к штабу партизанских отрядов Приморья, которыми с мая 1919 года

командовал Сергей Лазо. Вскоре Фадеев вместе со своими товарищами был отправлен в агитационный поход в Никольск-Уссурийский уезд с задачей организации новых партизанских отрядов. Буквально в каждом селе на пути следования им приходилось устраивать митинги и призывать мужское население к переходу на сторону советской власти. Именно во время этого похода Фадеев стал вести дневник, который сослужит ему хорошую службу в работе над первыми произведениями.

Друзья-однополчане в шутку называли Фадеева и трех его друзей четырьмя мушкетерами. Сам Фадеев позднее так напишет о своих друзьях: «Я на всю жизнь благодарен судьбе, что у меня в боевые годы оказалось трое таких друзей! Мы так беззаветно любили друг друга, готовы были отдать свою жизнь за всех и за каждого! Мы так старались друг перед другом не уронить себя и так заботились о сохранении чести друг друга, что сами не замечали, как постепенно воспитывали друг в друге мужество, смелость, волю и росли политически. В общем, мы были совершенно отчаянные ребята — нас любили и в роте, и в отряде. Петр был старше Гриши и Сани на один год, а меня — на два, он был человек очень твердый, неболтливый, выдержанно-храбрый, и, может быть, именно благодаря этим качествам мы не погибли в первые же месяцы: в такие мы попадали переделки из-за нашей отчаянной юношеской безрассудной отваги».

В августе 1919 года Фадеев оказался в партизанском отряде Петрова-Тетерина. В том же месяце под ударами превосходящих сил японцев и белоказаков партизанам пришлось отступить из Сучанской долины в глубь тайги. Осенью отряд, в котором находился Фадеев, встал на постой в его родном селе Чугуевке. Правда, родные Фадеева еще год назад перебрались на жительство в город, поэтому Александр их уже не застал.

В январе следующего года партизаны Приморья перешли в наступление и освободили город Спасск. После вступления в город Фадеев и его двоюродный брат Игорь Сибирцев были избраны в состав Спасского укома РКП(б) и делегатами на IV Дальневосточную краевую конференцию РКП(б), которая состоялась в начале марта. В том же месяце по предложению Сергея Лазо Сибирцев был назначен комиссаром Спасско-Иманского военного района, а Фадеев его помощником.

В начале апреля, нарушив мирное соглашение, японские войска напали на партизанские отряды и гарнизоны красных войск во Владивостоке, Хабаровске, Спасске и других городах Приморья. Во время одного из этих боев Фадеев был ранен. Он наверняка бы погиб, если бы не его товарищ С. Пищелка, который, рискуя жизнью, по пояс в ледяной воде, вынес тяжело раненного Фадеева из японского окружения. Выздоравливал Фадеев уже в городе Имане.

В мае 1920 года Фадеев принял активное участие в эвакуации военного имущества, вооружения и боеприпасов из Приморья в Амурскую область. На пароходике «Пролетарий» с прицепленной баржей он проделал шесть рейсов по реке Уссури. Позднее он так опишет это время: «Рейсы по Уссури в 1920 году — одно из самых счастливых воспоминаний моей юности. Мне было 18 лет. Я поправлялся после ранения, полученного мною под Спасском, еще хромал, но уже было ясно, что все будет хорошо. Все время стояла ясная солнечная погода, мы много ловили рыбы неводом, и я — по немощности — бывал за повара. В жизни не едал такой жирной налимьей и сомовой ухи. Постоянное напряжение, опасности, наши, иногда кровопролитные, схватки с дезертирами из армии, не раз пытавшимися овладеть пароходом, чтобы удрать за Амур, — все это только бодрило душу».

Осенью того же года по путевке подпольного Владивостокского комитета партии Фадеев был направлен в Благовещенск для организации комсомола по линии Амурской железной дороги. Однако уже через месяц он вновь попал на фронт — в составе бригады, которой командовал его двоюродный брат Игорь Сибирцев; Фадеев воевал против атамана Семенова. Тогда же Фадеев некоторое время пробыл на посту комиссара 8-й Амурской отдельной стрелковой бригады и был избран на конференцию военкомов, политработников и коммунистов, которая состоялась в начале февраля 1921 года в Чите. На этой конференции Фадеева избрали делегатом на X Всероссийский съезд РКП(б).

Съезд открылся 8 марта, а накануне его открытия вспыхнул мятеж в Кронштадте. На его подавление была брошена 7-я армия под командованием М. Тухачевского, а вскоре к ней присоединилась и часть делегатов съезда. Во время этих боев Фадеев едва не погиб. Он получил тяжелое ранение и долго пролежал без всякой помощи на

льду Финского залива, потеряв много крови. Но врачам в госпитале, куда его затем доставили, удалось спасти ему жизнь. (Стоит отметить, что участие Фадеева в этой военной операции будет отмечено орденом боевого Красного Знамени.)

В госпитале Фадеев пролежал несколько месяцев. Но времени даром не терял — прочитал гору всяких книг, начиная от произведений утопических социалистов и заканчивая Лениным и Блоком. Там же Фадеев влюбился в одну из медсестер, и хотя его чувство так и осталось неразделенным, в сердце будущего писателя оно оставило след на всю жизнь. Время, проведенное в госпитале, он всегда будет вспоминать как один из самых прекрасных периодов своей жизни.

После выздоровления Фадеева демобилизуют из Красной Армии и отправляют в Москву — работать инструктором Замоскворецкого райкома партии. В столице он живет на квартире своей хорошей знакомой Т. Головниной. Когда в сентябре 1921 года, оставаясь на партийной работе, он поступает в Московскую горную академию, ему предоставляют комнату в общежитии.

В стенах академии Фадеев довольно быстро сумел выбиться в лидеры, завоевал авторитет как среди преподавателей, так и среди студентов. Вскоре его выбирают в партийный комитет академии, посылают делегатом на VII Московскую губернскую конференцию. Однако, напряженно занимаясь в академии и ведя партработу, Фадеев тогда же делает первые попытки заняться литературным трудом — пишет свою первую повесть «Разлив», в которой описывает события 1917 года, происходившие в его родном селе Чугуевке. В 1922 году Фадеев вступает во Всероссийскую ассоциацию пролетарских писателей (ВАПП), а спустя год — в декабре 1923-го — в журнале «Молодая гвардия» (№ 9—10) появляется его рассказ «Против течения». С этой публикации и начинается литературная деятельность Фадеева.

Проходить в студентах Фадееву довелось недолго — в начале февраля 1924 года он перешел из академии на второй курс механического факультета Московского механико-электротехнического института им. Ломоносова, однако к занятиям так и не приступил — по партийной линии его направили на Кубань. С апреля Фадеев работает инструктором Кубано-Черноморского обкома партии, а уже в

начале июля получает повышение — избирается секретарем первого райкома партии города Краснодара.

По рассказам очевидцев, Фадеев и здесь довольно быстро стал душой коллектива. Его энергия буквально била через край. То он во внеслужебное время руководил самодеятельным хором, то собирал футбольную сборную города и был в ней капитаном. Правда, на последнем поприще он лавров не снискал. Его команда в единственном матче со сборной города Туапсе проиграла с разгромным счетом 0:7 и выбыла из дальнейшего розыгрыша.

Не забывает Фадеев и о литературном творчестве. Именно в Краснодаре Фадеев начинает работать над своим первым крупным произведением о Гражданской войне — «Разгромом». Вскоре эта работа настолько сильно захватывает его, что он всерьез подумывает уйти с партийной работы и целиком посвятить себя литературе. Эта мысль окончательно утверждается в нем в сентябре 1924 года, и он пишет письмо в Москву своим партийным руководителям с просьбой посодействовать его переводу с партийной работы на журналистскую. Его просьбу удовлетворяют. Уже через месяц Фадеева отзывают из Краснодара и переводят в Ростов-на-Дону в качестве заведующего отделом партийной жизни в газете «Советский Юг».

В те же годы происходят изменения и в личной жизни Фадеева. Он знакомится с молодой писательницей Валерией Герасимовой (она была дочерью ссыльного революционера) и вскоре женится на ней. Стоит отметить, что очень многое от ее характера и даже внешности Фадеев позднее вложит в героиню своей книги «Последний из удэге».

Вспоминает В. Герасимова: «В тот период, когда наши отношения только складывались и были таковыми, что Саша со всей страстностью своей натуры любил меня, а я скорее всего позволяла себя любить (хотя внутренне, возможно, под этим скрывалось что-то более глубокое), на меня обрушилось страшное несчастье. Оно было тем более страшно и несправедливо, что я была так молода и, как говорили, красива… Несчастьем, так нелепо сразившим меня, была предстоящая тяжелая операция. Я могла навеки превратиться в инвалида. Я была сражена, унижена, я думала: как же поведет себя этот человек? Человек из совсем иного (как мне тогда, и тоже в значительной мере ошибочно, казалось) мира. Но твердая, поистине мужественная рука Саши неизменно поддерживала меня. В нем не

было ни тени колебания, ни секунды желания «уйти в кусты». Он обращался со мной не как влюбленный, а как старый, умный, добрый друг. При этом ни тени игры в великодушие, ни грана сентиментальности, а мужественная, серьезная стойкость.

Операция прошла благополучно, и помню, как, очнувшись от наркоза и через день придя в себя, я задыхалась от счастья, от возвращенной мне радости жизни и от того, что есть у меня обретенный в страданиях такой друг, как Фадеев».

В конце 1925 года Фадеев назначается на работу в отдел печати Северо-Кавказского крайкома партии. Среди огромной массы всяких дел — работа в газете, в крайкоме — Фадеев находит время и для творчества. На даче под Нальчиком (на хуторе Долинском) он работает сразу над несколькими произведениями: романом «Провинция», повестями «Таежная болезнь» (один из вариантов «Разгрома»), «Смерть Ченьювая» (один из первых набросков «Последнего из тазов», позднее — «Последнего из удэге»).

Между тем 1926 год стал для Фадеева переломным. В середине года в газете «Советский Юг» был напечатан отрывок из его романа «Разгром» под названием «Морозка». Отрывок произвел впечатление на всех, в том числе и на руководителей самой привилегированной литературной организации — Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), членом которой Фадеев стал еще в 1922 году. В итоге в конце сентября Фадеев уезжает в Москву, а месяц спустя ЦК ВКП(б) направляет его для постоянной работы в распоряжение ВАПП. Как вспоминают очевидцы, на ростовском вокзале Фадеева провожали в Москву его коллеги-писатели. Один из них надписал ему на память свою книгу, пророчествуя: «Фадеев! Ты въезжаешь в Москву на белом коне…»

Рабочим местом Фадеева в столице стал кабинет оргсекретаря ВАПП на Тверском бульваре («дом Герцена»). А жил Фадеев вместе со своей женой-красавицей Валерией первое время в скромных апартаментах в Сокольниках (на 5-м Лучевом просеке). Чуть позже они переехали поближе к работе — в левый флигель «дома Герцена», который служил жилым домом для многих московских литераторов. Жизнь Фадеева в те годы была довольно скромной. Они с женой не излишествовали, наоборот — часто нуждались в деньгах, на многом экономили. Их крохотная комнатка также носила на себе все признаки

спартанского образа жизни: походная кровать, стол, стул и сомнительная возможность умыться. Фадеев долго одевался в то, в чем приехал с юга, — в черную кавказскую рубашку с высоким воротником, узкий кожаный пояс с серебряной насечкой, в военные командирские сапоги. Впрочем, скромность тогда сопутствовала практически всем советским литераторам. Но постепенно ситуация начала меняться. С возрастанием роли другой литературной организации — РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей) — писатели, работающие в ней, стали жить гораздо комфортнее, чем все остальные (особенно это касалось верхушки РАПП). Немалую роль при этом играло одно обстоятельство — сестра руководителя РАПП Леопольда Авербаха была замужем за тогдашним главой всемогущего НКВД Генрихом Ягодой. Постепенно РАПП подмяла под себя практически все литературные журналы в стране, создала свои ячейки по всему Союзу (ЛАПП, МАПП, была даже НахРАПП в Нахичевани). В системе этой организации кормились сотни людей. В конце 20-х к ним присоединился и Фадеев, который в структуре РАПП стал одним из ее руководителей — занял пост оргсекретаря. Правда, как утверждают очевидцы, Фадеев вел себя, в отличие от своих коллег — того же Л. Авербаха или В. Киршона, которого называли «нуворишем», достаточно скромно. Но вот по части борьбы с «врагами пролетарской литературы» Фадеев им ни в чем не уступал. Вместе со всеми он громил тогдашних «отщепенцев»: Бориса Пильняка, Евгения Замятина, Андрея Платонова — за то, что они первыми из писателей попытались проанализировать выросшую на глазах командно-административную систему, прикрывшуюся социалистическими лозунгами. Фадеев был солдатом партии до мозга костей и любое несогласие с линией партии рассматривал как предательство.

Бурная общественная деятельность, которой в конце 20-х годов Фадеев отдавал все свои силы, пагубно сказывалась на его личной жизни. В 1929 году практически распался его брак с Валерией Герасимовой (официальный развод они оформили в 1932 году). Как принято говорить в таких случаях, не сошлись характерами. Сама В. Герасимова позднее укажет на одну из причин их разрыва: «Мое здоровье пошатнулось. Моя грусть, а иногда прямое недомогание порой омрачали жизнь. И еще: я не любила так называемого

«общества», псевдо (для меня псевдо) веселья, различных вечеринок и сборищ. Общение мое с людьми было избирательным. Иное дело Саша, еще молодой человек с неизбывной тогда силой, с навыками иной, «компанейской» жизни, с органической веселостью…»

В те же годы Фадеев оказался втянутым в историю, которая навсегда легла темным пятном на его репутацию. Рассказывает Л. Овалов: «Фадеев был интересным мужчиной, с шармом, нравился женщинам. В журнале «Красная новь» работала секретарем прелестная девушка, дочь писателя Оля Ляшко. Фадеев ее соблазнил. А когда она однажды пришла к нему, он даже не вышел, а в грубых, матерных выражениях велел гнать ее. Через несколько дней это повторилось, потом еще… А в Олю был по уши влюблен молодой, очень способный писатель Виктор Дмитриев. Ради нее он согласился на совершенное безумство. Они сняли номер в Доме крестьянина на Трубной площади, где Дмитриев застрелил Ольгу, а потом себя.

Было возбуждено уголовное дело. А у меня сложились добрые отношения с ближайшим другом Фадеева Леопольдом Авербахом. Его сестра была женой Ягоды и прокурором Москвы. Как-то я пришел в гости к Леопольду Леонидовичу и увидел у него на столе уголовное дело. Я прочитал его от корки до корки, в том числе и Олины дневники. Было совершенно очевидно, что причиной трагедии стал Фадеев. Делу, естественно, не дали хода».

К 1932 году у Сталина окончательно созревает решение ликвидировать РАПП. Почему? Вот как отвечает на этот вопрос Л. Колодный: «Лидеры РАПП беспрекословно выполняли любые команды вождя, однако стремившийся к единомыслию и единоначалию И. В. Сталин не мог больше терпеть ассоциацию, похожую всем строем, массовостью, генеральным секретарем, секретариатом, пленумами, съездами на некую партию, хотя ассоциация и стремилась быть правовернее папы.

Тайком от руководства РАПП вождь решил не просто распустить ассоциацию, а — в духе того времени — ликвидировать ее, как, скажем, кулачество…»

Стоит отметить, что Фадеев в этот период вел себя достаточно хитро. Посыпая голову пеплом, он постарался отмежеваться от своих недавних товарищей (он-то знал, каким боком ему может выйти недавняя дружба с тем же Авербахом, которого в письме Горькому он

сам характеризовал как «прекрасного товарища, работающего в литературе не случайно, преданного этому делу и исключительно полезного»). В ноябре 1932 года Фадеев публикует в «Литературной газете» цикл статей под названием «Старое и новое», где обрушивается на руководителей РАПП с сокрушительной критикой, обвиняя их в вульгаризации, групповщине, администрировании и т. д. и т. п. Реакция рапповцев на эту публикацию была соответствующая. Руководитель Московской организации РАПП А. Сурков грозил: «Сашка предал друзей! Но мы еще посмотрим, кто кого! Он еще попляшет!» Однако время рапповцев уже прошло — ассоциацию распустили, а ее верхушку раскидали по стране (к примеру, Л. Авербаха сослали парторгом на Уралмаш). Кстати, тот же писатель Л. Овалов приводит любопытную деталь: когда он посетил Авербаха на Уралмаше, тот рассказал ему, что Фадеев был консультантом шефа НКВД Генриха Ягоды. А в конце разговора бывший руководитель РАПП многозначительно изрек: «Помяни мое слово: Фадеев кончит жизнь самоубийством». Как в воду глядел! Но об этом наш рассказ впереди.

Тем временем превентивные меры Фадеева принесли желаемый результат — его не тронули. Более того, даже поощрили — он вошел в оргкомитет Союза писателей и был приглашен на историческую встречу со Сталиным на квартире Максима Горького (состоялась 26 октября 1932 года).

Вспоминает К. Зелинский: «Перед тем как встретиться с группой писателей 26 октября (мне пришлось присутствовать на этой встрече, выступать и говорить со Сталиным), состоялась предварительная встреча писателей-коммунистов со Сталиным, Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Бухариным — тоже на квартире у Горького.

Выпили. Фадеев и другие писатели обратились к Сталину с просьбой рассказать что-нибудь из своих воспоминаний о Ленине. Подвыпивший Бухарин, который сидел рядом со Сталиным, взял его за нос и сказал:

— Ну, соври им что-нибудь про Ленина.

Сталин был оскорблен. Горький как хозяин был несколько растерян. Сталин сказал:

— Ты, Николай, лучше расскажи Алексею Максимовичу, что ты на меня наговорил, будто я хотел отравить Ленина.

Бухарин ответил:

— Ну, ты же сам рассказывал, что Ленин просил у тебя яд, когда ему стало совсем плохо и он считал, что бесцельно существование, при котором он точно заключен в склеротической камере для смертников, — ни говорить, ни писать, ни действовать не может. Что тебе тогда сказал Ленин, повтори то, что ты говорил на заседании Политбюро?

Сталин неохотно, но с достоинством сказал, отвалясь на спинку стула и расстегнув свой серый френч:

— Ильич понимал, что он умирает, и он действительно сказал мне, я не знаю, в шутку или серьезно, чтобы я принес ему яд, потому что с этой просьбой он не может обратиться ни к Наде, ни к Марусе. Вы самый жестокий член партии.

Эти слова, как показалось Павленко, Сталин произнес даже с оттенком некоторой гордости.

Все замолкли. Никому уже не хотелось дальше расспрашивать Сталина. Но Фадеев, когда рассказывал про этот эпизод, добавил от себя, что Сталин был действительно железный человек, но ему надо было разоблачить клевету Бухарина перед Горьким, и он это сделал…»

Между тем рапповское прошлое Фадеева долгое время не давало покоя его завистникам. И при любом удобном случае они старались лишний раз напомнить ему об этом. Фадееву это, естественно, не нравилось. В конце концов, видимо, следуя поговорке «С глаз долой — из сердца вон», он решает на время покинуть Москву. Уезжает сначала в Башкирию, затем на Южный Урал. В конце августа 1933 года он отправляется в места своей боевой юности — на Дальний Восток. Во время этих странствий он не забывает и о творчестве — заканчивает вторую часть «Последнего из удэге», начинает третью.

В конце 1933 года коммунисты Приморья избирают Фадеева делегатом на очередной, XVII съезд партии, который должен пройти в январе следующего года в Москве. Так он вновь оказывается в столице. На съезде Фадеев выступает с докладом, его избирают в состав президиума правления. Но так как обязанность эта больше общественная, то в Москве его практически ничто не удерживает. В итоге осенью он вновь отправляется на Дальний Восток. Позднее в

одном из писем Фадеев так опишет свое внутреннее состояние в тот период: «Все эти годы — с 1930-го по 1936-й — скитался по свету и окончательно, как мне казалось, не мог никого полюбить. Мне было как-то особенно тяжело жить (в смысле жизни личной) вот в эти тридцатые годы, годы самого большого моего одиночества. Вполне уже зрелый человек, я много размышлял над этой стороной жизни своей и сопоставлял с жизнью других. И я понял (и просто увидел по жизни других), что наиболее счастливыми и наиболее устойчивыми, выдерживающими испытание временем, бывают браки, естественно (по ходу самой жизни) сложившиеся из юношеской дружбы, дружбы, носящей или с самого начала романтический характер, или превращающейся в романтическую спустя некоторый срок, но дружбы не случайной, а более или менее длительной, уже сознательной, когда начинают складываться убеждения, формироваться характеры и подлинные чувства. Необыкновенная чистота и первозданность такого чувства, его здоровый романтизм, естественно перерастающий в подлинную любовь, где молодые люди впервые раскрывают друг в друге мужчину и женщину и формируют друг друга в духовном и физическом смысле, рождение первого ребенка — все это такой благородный фундамент всей последующей жизни!»

В августе 1935 года Фадеев вновь возвращается в Москву. Кажется, теперь — навсегда. Ему предоставляют отдельную квартиру (№ 25) в Большом Комсомольском переулке, дом 3а. Однако оседлой жизни никак не получается — в доме нет хозяйки, и Фадеева все время тянет из дома. Осенью с делегацией писателей он едет в Чехословакию, а по возвращении отправляется отдыхать под Сухум. В 1936 году едет в сражающуюся Испанию, а затем месяц живет в Париже. Последняя поездка круто меняет и его личную жизнь. В те же дни во Франции гастролирует Московский художественный театр, спектакли которого Фадеев посещает. Тогда он и знакомится с актрисой Ангелиной Степановой, влюбляется в нее и по возвращении в Москву делает ей предложение руки и сердца.

Наступает печальной памяти 1937 год. В стране начинаются массовые репрессии, в том числе и в среде писателей. Как вел себя в то время Фадеев? По свидетельству очевидцев, он пытался спасти некоторых своих коллег по перу от ареста, но ему это не удалось. К примеру, он публично поклялся своим партийным билетом, что Юрий

Либединский — честный коммунист, но с его мнением не посчитались (Либединского исключили из партии). Фадеев выступил в защиту венгерского коммуниста Антала Гидаша, но вновь неудача — того посадили. Отмечу, что в мясорубке сталинских репрессий погибли многие из друзей и соратников Фадеева по Гражданской войне, в том числе Гриша Билибенко, Петя Нерезов (двое из четырех «мушкетеров»), Паша Цой, арестовали и командира партизанского отряда, в котором сражался Фадеев, Иосифа Певзнера, послужившего прообразом Левинсона в «Разгроме».

В конце 1938 года произошла следующая история. Тогда арестовали известного публициста Михаила Кольцова. Фадеев на правах секретаря Союза писателей стал активно дознаваться, на каком основании арестовали честного человека. Когда об этом стало известно Сталину, он вызвал Фадеева к себе.

— Значит, вы не доверяете нашим органам НКВД, если ставите под сомнение арест Кольцова? — спросил Сталин Фадеева.

— Я просто хочу разобраться, Иосиф Виссарионович, — стоя навытяжку перед генсеком, отвечал Фадеев. — Я знаю Михаила Кольцова много лет, и у меня ни разу не возникало мысли, что он может быть врагом народа.

— Не стоит слишком доверяться своим чувствам, товарищ Фадеев. Ознакомьтесь лучше вот с этим, — и Сталин протянул гостю серую папку с личными признаниями Кольцова.

Это теперь мы знаем, каким образом добывалось большинство из этих «признаний», а тогда это была тайна за семью печатями. Поэтому Фадеев, ознакомившись с показаниями арестованного, поверил в их правдивость. А может быть, сделал вид, что поверил. Кольцова расстреляли.

Могли посадить и самого Фадеева. Известны несколько случаев, когда на него писались доносы, в которых подробно вскрывались факты его дружбы и сотрудничества с бывшими рапповцами, а ныне «врагами народа» Л. Авербахом, В. Киршоном (в 1937–1938 годах их расстреляли) и другими. Но ни один из этих доносов не нашел должной реакции со стороны НКВД. Более того, один из доносчиков — писатель Леонид Соловьев (автор книги «Повесть о Ходже Насреддине») — сам был арестован и отправлен в ГУЛАГ. Почему же Фадеева пощадили? На этот счет существует несколько версий, но

самая правдоподобная из них — его не дал посадить сам Сталин, которому он очень нравился. За что? Видимо, за преданность. Позднее И. Эренбург так отзовется о Фадееве: «Он был смелым, но дисциплинированным солдатом, он никогда не забывал о прерогативах Главнокомандующего». Любопытно еще одно признание. Первая жена Фадеева, Валерия Герасимова, Сталина ненавидела и еще в 30-е годы считала истинным виновником творившегося произвола (многие ведь думали, что он ничего не знает). В те годы она встретилась с Фадеевым и, к своему изумлению, узнала, что он совершенно искренне любит Сталина.

Именно Сталин в 1938 году предложил отныне именовать руководителя Союза писателей СССР генеральным секретарем и повелел избрать на этот пост именно Фадеева. Год спустя Фадеева избрали и членом Центрального Комитета партии. В декабре того же года писатель удостоился огромной чести — Сталин пригласил его на свое 60-летие, которое справлялось в узком кругу соратников.

Об одном из интересных случаев, произошедших в том же году, рассказывает первая жена Фадеева В. Герасимова:

«Когда в 1939 году группу писателей представляли, по рекомендации руководства СП, к орденам, докладывал Сталину Фадеев… Лишь много позднее я узнала от Саши, что, когда при чтении списка представленных к награждению черед дошел до меня, Сталин, глядя на него так, как, очевидно, он в нужные моменты умел глядеть, спросил: «А что, товарищ Фадеев, представляет собой эта Герасимова?» Было поразительно, невероятно, что ОН мог даже поинтересоваться мной. Но вопрос был зловещим. Саша никогда не говорил мне, как мужественно и благородно поступил он под этим взглядом, рискуя многим. Но П. Павленко, игравший в ту пору видную роль в Союзе писателей и присутствовавший на этом заседании, рассказал мне, что Саша, весь, правда, при этом покраснев (такая была у него особенность!), твердо ответил, что это «одаренный писатель». И еще что-то, опровергающее возможную клевету. Сталин, не спуская с него глаз, выждал паузу… И Саша ее выдержал…»

Стоит отметить, что, помимо Сталина, к Фадееву довольно доброжелательно относились и другие члены Политбюро: Ворошилов, Молотов, Каганович. Единственным человеком, кто относился к нему иначе, был Лаврентий Берия. Фадеева он ненавидел. Впрочем, те же

чувства испытывал к нему и сам Фадеев. История этой ненависти восходит к 1937 году.

В том году по заданию Сталина Фадеев и его коллега по перу Петр Павленко отправились в Грузию, на очередной съезд компартии республики. Сталин попросил Фадеева записать свои впечатления о съезде и представить ему на суд. И такое письмо вскоре было ему отправлено. О чем же написали в нем писатели? Они сообщили Сталину о том, что в Грузии присутствует настоящий культ личности товарища Берии. Мол, его бюст стоял в центре города, а делегаты съезда каждый раз вставали, когда Берия входил в зал заседаний. Такое почитание, писали Фадеев и Павленко, расходится с историей и традициями большевистской партии, и это абсолютно ни к чему.

Письмо через несколько дней дошло до Сталина, однако ожидаемого его авторами результата не принесло. Берию даже не пожурили, а наоборот — в середине 1938 года перевели на работу в Москву и назначили сначала заместителем, а затем и шефом НКВД. Однако история с письмом на этом не закончилась.

Спустя какое-то время известный в те годы актер — исполнитель роли Сталина в кино — Михаил Чиаурели по секрету поведал Фадееву такую историю. Однажды он был приглашен на обед к Сталину. Когда Чиаурели пришел, за столом, кроме хозяина, был еще один человек — Берия. И во время застолья между ними состоялся такой диалог. Сталин сказал:

— Что-то ты, Лаврентий, говорят, культ себе устраиваешь на родине, статуи воздвигаешь?

— Откуда такая информация, Иосиф Виссарионович? — удивился в ответ Берия.

— Слухами земля полнится, — хитро улыбаясь, ответил Сталин. — Среди писателей такой разговор был.

Тут Чиаурели заметил, что и по лицу Берии пробежала хитрая усмешка. По-видимому, он догадался, откуда растут ноги у этого слуха. А затем эту догадку подтвердил и сам Сталин. Он достал из нагрудного кармана своего френча сложенное вчетверо письмо Фадеева и передал его Берии. Мол, прочти на досуге. С тех пор Фадеев стал лютым врагом шефа НКВД. Однако превратить писателя в лагерную пыль Берия, естественно, не мог — на пути этого стоял сам Сталин. Поэтому Берия наносил удары исподтишка, в основном по

близкому окружению Фадееева. К примеру, перед самой войной он арестовал родную сестру первой жены писателя Марианну Герасимову. Стоит отметить, что та в свое время работала в ГПУ и слыла там одной из самых фанатичных сотрудниц. Она была коммунисткой до мозга костей и разоблачала «врагов народа» со свойственным ее фанатизму темпераментом. И вот теперь ее саму арестовали. Несмотря на то, что Фадеев попытался предпринять все возможное, чтобы вызволить свою бывшую родственницу из тюрьмы, — он написал два письма лично Берии — у него ничего не получилось. Марианну отправили в «Алжир» (Акмолинский лагерь жен изменников родины), где она пробыла около пяти лет. Только в конце войны ее освободили, однако запретили возвращаться в Москву и ряд других крупных городов Союза. Не вынеся этого последнего издевательства, Герасимова покончила с собой. А в мае 1945 года опасность едва не нависла над самим Фадеевым. Что же произошло?

В один из дней Берия пригласил его к себе на дачу. Отказаться Фадеев не смог. Ужин был изысканный: тонкие вина, лососина, черная икра. Разговор шел о литературе, вернее, о проблемах, сопутствующих ей. В частности, Берия коснулся вопроса о том, что в Союзе писателей СССР существует гнездо иностранных шпионов, а генсек союза этого не замечает. Фадеев на это возразил: «Почему вы выдвигаете такие предположения, внушая их Иосифу Виссарионовичу, в которые я, работая бок о бок с людьми и хорошо зная их, просто не могу поверить?» Берии этот вопрос не понравился. Он прервал разговор и, поднявшись из-за стола, пригласил гостя в бильярдную. Но там, во время игры в «американку», вновь запел старую песню — про шпионов. И тут Фадеева прорвало (видимо, сказался выпитый коньяк, который Берия усиленно подливал ему в бокал). Фадеев начал говорить, что вообще нельзя так обращаться с писателями, как с ними обращаются в НКВД, что эти вызовы, эти перетряски, эти науськивания друг на друга, эти требования доносов — все это нравственно ломает людей. В таких условиях не может существовать литература, не могут расти писатели. Берия сначала пытался отвечать гостю вежливо, но затем и его понесло. Он начал кричать, размахивать руками, и они окончательно разругались. В один из моментов Берия бросил кий на стол и ушел в гостиную за своим пиджаком. И Фадеев воспользовался моментом — через другую дверь он неслышно вышел

на террасу, спустился в сад и дошел до ворот. Часовые, стоявшие там, узнали его и беспрепятственно выпустили. Фадеев быстрым шагом отправился на Минское шоссе. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Прошло минут пятнадцать, как я скорее догадался, а потом услышал и увидел, как меня прощупывают длинные усы пущенного вдогонку автомобиля. Я понял, что эта машина сейчас собьет меня, а потом Сталину скажут, что я был пьян. Я улучил момент, когда дрожащий свет фар оставил меня в тени, бросился направо в кусты, а затем побежал обратно, в сторону дачи Берии, и лег на холодную землю за кустами. Через минуту я увидел, как «Виллис», в котором сидело четверо военных, остановился возле того места, где я был впервые замечен. Они что-то переговорили между собой — что, я уже не слышал, — и машина, взвыв, помчалась дальше. Я понял, что если я отправлюсь в Москву по Барвихинскому, а потом Минскому шоссе, то меня, конечно, заметят и собьют. Поэтому, пройдя вперед еще около километра за кустами, я перебежал дорогу и пошел лесом наугад по направлению к Волоколамскому шоссе. Я вышел на него примерно в том месте, где проходит мост через Москву-реку у Петрова-Дальнего. Пройдя еще полкилометра, я сел в автобус, приехал к себе на московскую квартиру, где официально, так сказать, я был уже в безопасности. Не знаю, сообщил ли Берия Сталину о нашей встрече или нет. Однако в отношении Сталина ко мне усилились те язвительные ноты, которые, впрочем, были у него всегда…»

Однако вернемся в конец 30-х.

Близость к сильным мира сего не самым лучшим образом сказалась на творчестве Фадеева. В конце 30-х годов он не писал ничего серьезного, кроме небольших очерков и каких-то никчемных сценариев. Вот как пишет Л. Колодный: «Он рано поседел. Страдал от бессонницы. Чтобы ее побороть, начал пить… Заболел так сильно, что санитары регулярно наезжали к нему домой и увозили в больницу. Болезнь эта — расплата за близость к власти. Другая плата — творческий застой. Илья Эренбург по этому поводу писал: «Говорили также, что Фадеев мало пишет потому, что много пьет. Однако Фолкнер пил еще больше и написал несколько десятков романов. Видимо, были у Фадеева другие тормоза».

Александра Фадеева никто не преследовал, перед ним были раскрыты все двери — издательств, журналов, театров. Но он мало что нес туда… Он лишился способности творить. Вот как наказала судьба большого писателя. Как бабочка, он слишком близко приблизился к тому огню, что горел в Кремле. И обжег крылья…

Творческое вдохновение Фадееву вернула, как ни странно, война. Он явственно ощутил, что его вдохновенных строк не хватает всем: и тем, кто ушел на фронт и бился с врагом, и тем, кто остался в тылу. В августе 41-го вместе с Михаилом Шолоховым он побывал на Западном и Калининском фронтах. Итогом этих поездок стало несколько опубликованных в «Правде» репортажей. Однако там же он заработал и сильную простуду, после чего вынужден был лечь в знаменитую «кремлевку» (улица Грановского, 2). Пока лежал, в его доме в Большом Комсомольском разместили военное учреждение. Поэтому, когда он выписался, ему пришлось искать для себя временное пристанище у друзей (жена с ребенком к тому времени эвакуировались). Как рассказывают очевидцы, эта неустроенность вновь толкала Фадеева на уходы «в пике». А он тогда был назначен заместителем начальника Совинформбюро А. С. Щербакова, с которым у него были, мягко говоря, плохие отношения. И вот однажды Щербакову срочно понадобился его заместитель, а того никак не могут найти. На снимаемой квартире его не было, не было его и у ближайших друзей. «Опять пьет в каком-нибудь «шалмане»!» — метал громы и молнии Щербаков. — Найти немедленно!»

В конце концов, с помощью самого Берии, который знал все тайные пристанища Фадеева, писателя обнаружили на какой-то квартире на Красной Пресне. Естественно, под хмельком. Далее — рассказ самого А. Фадеева:

«Я хоть и был членом ЦК, но сидел в приемной комнате, как проситель. Сжался весь, напряглось у меня все внутри. Думаю, скажу сейчас Щербакову такие слова, за которые меня не только из ЦК, но и из партии вышибут. Я ненавидел Щербакова за то, что он кичился своей бюрократической исполнительностью, своей жестокостью бесчеловечного служаки. Но вот вышел из комнаты, где происходило заседание, А. А. Андреев (в те годы он был секретарем ЦК ВКП(б). — *Ф. Р.*) подошел ко мне, посмотрел в глаза, на сведенные брови,

почувствовал мое отчаяние, положил мне на плечо руку и сказал тихим простым голосом:

— Что с вами, товарищ Фадеев? Нехорошо вам, голубчик?

И вдруг пропала у меня вся моя выдержка, вся напряженность, неудержимо хлынули слезы, и я закрыл лицо руками.

— Ничего, товарищ Фадеев, — сказал мне Андреев, — ведь тут ваши товарищи сидят. Разберемся как-нибудь в вашем горе.

Спас меня Андрей Андреевич. Как-то вышло с этими слезами все тяжелое, что накопилось в душе. На секретариате дали мне только выговор, хотя Щербаков и требовал моей крови…»

Примерно тогда же бездомность Фадеева на время прекратилась — его принял к себе писатель Павел Антокольский, проживавший на улице Щукина. Прожив у него несколько месяцев, Фадеев затем улетает в блокадный Ленинград. Там много работает как журналист, пишет очерки о героях-блокадниках. А в 1943 году ему предлагают написать «Молодую гвардию». Но об этом стоит рассказать подробнее.

Краснодон наши войска освободили в начале 43-го. Тогда же стало известно о подвиге молодежной подпольной организации «Молодая гвардия», которая действовала под самым носом у фашистов. В середине того же года об этом подвиге написала «Комсомольская правда», а в сентябре появился Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении молодогвардейцев: пятерых из них удостоили звания Героя Советского Союза (посмертно), а еще сорок пять были награждены боевыми орденами. Примерно в то же время ЦК ВЛКСМ обратился к Фадееву с предложением написать о подвиге молодогвардейцев книгу, которая могла бы стать прекрасным примером мужества и героизма для подрастающих поколений. Фадеев, давно испытывавший потребность создать крупное, серьезное произведение, ухватился за эту идею. Позднее он расскажет: «Тому, что я написал этот роман, я прежде всего обязан ЦК ВЛКСМ, который предоставил в мое распоряжение огромные материалы комиссии, которая работала в Краснодоне после его освобождения задолго до того, как были эти материалы опубликованы в печати».

В конце того же года Фадеев отправился в Краснодон — к месту действия своего будущего романа. Работал он, как сам позднее признавался, «с упорством изюбря», испытывая не только привычную для него неудовлетворенность собой, но и мгновения истинного

воодушевления, писал «на нервах» и с радостью, «ломая перья». Неуемному творческому порыву сопутствовало все: и прекрасная героическая тема, и материальное вознаграждение, которое гарантировал издательский договор. Кстати, на деньги, полученные по этому договору, Фадеев впоследствии неплохо «развернулся»: к казенной даче (ранее она принадлежала писателю Зазубрину, расстрелянному в 1937 году) присовокупил еще одну — двухэтажный особняк из фондовых материалов по казенной цене на участке Литфонда. Да еще детям своим на том же участке отдельную дачу воздвиг. Квартиру отдал старшему сыну, а новую, пятикомнатную, получил для себя с женой. Короче, «упаковался».

Роман «Молодая гвардия» был закончен в начале 1945 года и вскоре оказался на столе главного редактора газеты «Красная звезда» Всеволода Вишневского. Он и стал его первым читателем. Тогда же он записал свои первые впечатления о романе:

«Вещь, чувствуется, масштабная, экспозиция неторопливая, широкая… Степь, знойное и мучительное лето 1942 г. даны прочно, верно… Смело и четко обрисовывается образ Олега Кошевого. И хорошо, чисто дан образ Ули… Прямо и горько даны все эпизоды с эвакуацией, отступлением. Постепенное нагнетание, нарастание тревоги и беды сделано умело и сильно… Удивительно написано патетическое обращение к матери, чистое, волнующее до слез, трепетное…

Лучше стал писать Фадеев. Лучше».

Когда роман Фадеева вышел в свет, успех его был грандиозным. Справедливо считается, что прецедентов такому успеху у нас в стране нет. Его читали везде: в городах и селах, в таежной глуши и в землянках на передовой. В том же, 45-м, году роман был удостоен Сталинской премии. В 1946 году режиссер Сергей Герасимов поставил на его основе спектакль, а год спустя снял фильм «Молодая гвардия», в котором главные роли сыграли студенты его курса.

Вспоминает И. Макарова (сыграла в фильме роль Любови Шевцовой): «Летом 1947 года наша киноэкспедиция выехала на съемки в Краснодон. То, чем мы занимались там, можно назвать восстановлением факта. Родные и близкие казненных молодогвардейцев, преодолев боль воспоминаний, рассказывали нам, как происходили события, показывали места, давали советы. Сергей

Герасимов прислушивался к их рассказам, по ходу дела уточняя сценарий. Почти полгода работала наша киноэкспедиция в местах борьбы юных подпольщиков с немецкими захватчиками…

Когда я познакомилась с матерью Олега Кошевого — Еленой Николаевной, долго не могла задать ей ни одного вопроса о сыне. Мне казалось, что ее глаза выражают все, что я хотела и не осмеливалась спросить. Нужно было просто сидеть с нею рядом, гладить ее руку, видеть ее слезы, слезы сильного, мудрого и безутешного человека…

Так же, по-моему, чувствовали себя и все остальные актеры. Ведь все мы жили в семьях своих героев. Нонна Мордюкова — у Громовых, Людмила Шагалова — у Борц, а Володя Иванов — у бабушки и мамы Олега Кошевого. Мы все понимали, как мучительно трудно было семьям, где еще не зарубцевались раны потери самых близких людей, принять незнакомых, в сущности, ребят-актеров, поверить, что в них — продолжение жизни их безвременно ушедших детей…

Мы старались сосредоточиться на том, чтобы сделать фильм максимально подлинным, не допустить даже малейшего искажения событий. Он создавался как документальный…»

На самом деле многие события, описанные Фадеевым в «Молодой гвардии», оказались далекими от правды. Сам Фадеев, создававший свое произведение по горячим следам событий, естественно, этого предугадать не мог. Как правоверный коммунист, он находился в плену царившей в те годы в стране идеологии и отступить от нее не имел права. Да и не для того он садился за этот роман, чтобы на его основе выносить суд истории. В чем же он был не прав? Каждый из критиков предъявлял ему свой счет. К примеру, Сталин, который рукописный вариант романа принял с восторгом, после его экранизации воспылал совсем иными чувствами. Он разглядел страшный изъян — полное отсутствие и в книге, и в фильме руководящей роли партии. Получалось, что молодогвардейцы совершали подвиги исключительно по своей инициативе. Сталина это возмутило. Как гласит одна из легенд, однажды он вызвал к себе на дачу Фадеева. Когда тот вошел в кабинет генсека, Сталин сидел за столом и что-то читал. Наконец он поднял глаза на гостя и, смерив его своим колючим взглядом, неожиданно спросил:

— Вы, товарищ Фадеев, кто?

Фадеев похолодел. Он явственно почувствовал в этом вопросе какой-то подвох, но какой именно, никак не мог сообразить. Между тем пауза затягивалась, и Фадеев понимал, что его молчание только усугубляет ситуацию. Наконец он ответил:

— Я писатель, товарищ Сталин.

Как оказалось, тот ждал именно такого ответа. Потому что он смерил гостя презрительным взглядом и произнес:

— Вы говно, товарищ Фадеев, а не писатель. Писатель — это Чехов Антон Павлович. — И Сталин похлопал ладонью по раскрытой книге, которая лежала перед ним на столе. — Мало того, что вы написали беспомощную книгу, вы написали еще идеологически вредную книгу. Вы изобразили молодогвардейцев чуть ли не махновцами. Но разве могла существовать и эффективно бороться с врагом на оккупированной территории организация без партийного руководства? Судя по вашей книге — могла.

Сталин выдержал паузу, видимо, надеясь, что Фадеев сделает попытку защищаться. Но тот молчал, стиснув зубы и сжав кулаки. И тогда Сталин раздраженно махнул рукой и произнес:

— Идите и думайте, товарищ Фадеев.

После этой аудиенции многочисленные критики как по команде (а такая команда действительно была дана из Кремля) обрушились на роман. Кульминацией этих событий явилась редакционная статья в «Правде» от 3 декабря 1947 года. После этого Фадеев вынужден был сесть за переработку первого издания. Однако не только в отсутствии четкой идеологической линии обвиняли тогда Фадеева. Были и упреки пострашнее. Фадеев писал книгу, основываясь на результатах следствия. Однако оно в своих заключениях пошло по ложному следу: один из бывших полицейских оклеветал члена штаба В. Третьякевича. И хотя Фадеев вывел предателя под фамилией Стахович, но большинство читателей догадались, о ком идет речь (этому помог и сам Фадеев, который, упоминая в романе фамилии восьми членов штаба, не назвал только одно имя — Третьякевича). Была в книге и масса других неточностей и несправедливостей. В 50-е годы их сумел установить и вынести на суд общественности журналист Ким Костенко. Что же он узнал?

Оказывается, комиссаром «Молодой гвардии» был отнюдь не Олег Кошевой, а тот самый Виктор Третьякевич. Однако Фадеев

оказался под влиянием местного отдела КГБ (его консультировал майор-особист), который имел свой взгляд на события недавнего прошлого. В итоге Фадеев был направлен в дом к матери Кошевого, жил у нее и заходил только в те дома, которые указывала ему она. Буквально все родители молодогвардейцев были обижены за это на мать Кошевого.

А семью Третьякевичей после выхода романа в свет просто возненавидели. Брат Виктора капитан Владимир Третьякевич прошел войну, хотел продолжать военную карьеру, но «благодаря» роману лишился всего. Клеймо «брат предателя» на многие годы легло на него. То же самое произошло еще с одним братом Виктора — Михаилом. Во время войны он был комиссаром партизанского отряда, а демобилизовавшись, должен был занять пост секретаря обкома по идеологии. Но назначение не состоялось — Михаила отправили работать на мельницу. К тому времени с памятника-пирамиды на могиле молодогвардейцев уже была сбита фамилия Третьякевича, и его мать только под покровом темноты могла приходить на могилу сына.

Правда в отношении Третьякевича восторжествовала только спустя тринадцать лет после выхода первого издания романа — в 1960 году он был удостоен (посмертно) ордена Отечественной войны 1-й степени как «первый комиссар «Молодой гвардии». После этого значительные правки внес в свой фильм и Сергей Герасимов. В финальных кадрах картины предатель Стахович ползал на коленях перед молодогвардейцами, приговоренными к смерти, и молил простить его за малодушие. В новой редакции Герасимов этот эпизод вырезал. Более того, был переозвучен финал картины — отныне диктор в числе прочих героев-молодогвардейцев называл и Виктора Третьякевича.

Но история с Третьякевичем оказалась не последним открытием Костенко. Ему удалось доказать, что Фадеев, мягко говоря, ошибался и в отношении двух других предателей — Лядской и Выриковой. По версии писателя, эти подружки прислуживали немцам, за 23 марки в месяц работали осведомителями в гестапо. Между тем эти «подружки» в действительности даже не знали друг друга, каждая из них считала, что вторая фамилия в романе — плод писательской фантазии. Эта

фантазия дорого стоила обеим — им пришлось пройти через ГУЛАГ, и только спустя много лет они были реабилитированы.

Несправедливо обошелся Фадеев и с командиром «Молодой гвардии» Иваном Туркеничем — в романе он всего лишь рядовой член организации. Но вина писателя была здесь минимальной — в этом было больше происков КГБ. Дело в том, что Туркенич попал в Краснодон, бежав из плена. А к таким людям в сталинские времена относились с подозрением. Вот и пришлось вывести его в книге как рядового. В 1990 году Туркенич был награжден (посмертно) Золотой Звездой Героя.

Стоит отметить, что настойчивые изыскания Костенко уже в те годы (в конце 50-х) подвергались сильнейшей обструкции. Естественно — он ведь разрушал легенду. Огонь по нему велся из всех орудий. К примеру, актер Владимир Иванов, сыгравший в фильме роль Олега Кошевого, чуть ли не ежедневно бомбардировал ЦК КПСС письмами с требованиями разобраться, «на чью мельницу льет воду журналист Костенко». Однако письма эти не возымели действия — в ЦК знали, что Иванов сильно пьет и в таком состоянии ему всякое мерещится.

В другом случае против Костенко выступил популярный в те годы журнал «Юность». После опубликованного на его страницах материала дотошного журналиста буквально затаскали по кабинетам в ЦК комсомола. Но он выстоял. Даже издал книжку о молодогвардейцах, правда, тираж ее был ограниченным. В 1990 году Ким Костенко погиб в автокатастрофе в Праге.

За последние несколько лет в средствах массовой информации появилось несколько публикаций, которые весьма нетрадиционно трактуют события, описанные в романе Фадеева «Молодая гвардия». Вот одна из них — статья об А. Добровольском, опубликованная в «Комсомольской правде» в октябре 1997 года. В 50-е годы его осудили по политической статье, и в лагере судьба свела его с бывшим бургомистром Краснодона Стаценко. Далее послушаем рассказ журналиста А. Букреева:

«26 декабря штабу «Молодой гвардии» стало известно, что в городе остановились автомашины с новогодними подарками для немецких солдат. Нанести хоть небольшой урон фашистам — было горячим желанием всех юных патриотов. Поэтому большая часть

членов штаба приняла участие в «разгрузке» машин… Посоветовавшись с членами штаба, Мошков решил с помощью подростков продать на базаре часть сигарет из новогодних фашистских подарков». Так описаны подвиги молодогвардейцев в книге «Молодая гвардия». Сборник документов и воспоминаний…»

Не за диверсии и антифашистскую пропаганду, а именно за эту «разгрузку» и расстреляли героев-краснодонцев. Об этом Добровольскому рассказал солагерник, бывший бургомистр Стаценко. Ребят бывший бургомистр знал хорошо, некоторых особенно — по приводам в милицию. Сергей Тюленин был известен в округе как приблатненный паренек, ходивший с золотой фиксой и в кепке, натянутой на брови.

— Увидели пацаны дорогие импортные сигареты, вот глаза и разгорелись, — говорил Стаценко. — На рынке это дело ох как хорошо шло.

Первым, кто допрашивал молодогвардейцев, был именно Стаценко. Ребята, на его взгляд, «поперли в дурь»: мы, мол, не какие-нибудь уголовники, а борцы с оккупантами. Бургомистр, как мог, пытался отмазать пацанов от партизанщины. Но провокаторы напели секретной полиции другие песни. Ребят расстреляли как членов коммунистического подполья. Версия, подчеркиваем, принадлежит бургомистру — но сегодня ясно: для верного понимания того, что творилось в Краснодоне, только романа Фадеева маловато».

Вернемся непосредственно к Фадееву.

Роман «Молодая гвардия» вышел в новой редакции в декабре 1951 года. Сталину он понравился, и Фадеева наградили орденом Ленина (награждение приурочили к 50-летию писателя). По случаю юбилея был устроен пышный вечер в Концертном зале имени П. И. Чайковского. Однако в присутствии напыщенных ораторов, которые один за другим выходили к трибуне, фигура самого Фадеева выглядела отнюдь не праздничной. Нарушая все правила этикета, он провел сеанс садомазохизма: напомнил собравшимся, что он чуть ли не писатель-неудачник. И далее перечислил: написал всего два законченных романа — «Разгром» и «Молодая гвардия» (разрыв между их выходом 20 лет!), эпопею «Последний из удэге» не завершил, собирался написать роман «Провинция», но так и не

написал, задумал повесть о жизни колхозной молодежи — вновь неудача. Короче, хвалиться особенно нечем.

Безусловно, Фадеев был неглупым человеком. В отличие от большинства коллег-писателей, которые давно уже променяли свой талант на прислуживание политической конъюнктуре и совершенно по этому поводу не расстраивались, Фадеев делал пускай безуспешные, но попытки изменить сложившееся положение. Он даже к Сталину стал относиться несколько иначе, чем это было каких-нибудь пять лет назад. Например, теперь он не боялся иногда игнорировать его настойчивые приглашения к себе на дачу. Однажды свидетелем такого фадеевского отказа стал его приятель К. Зелинский. Они сидели на даче у Фадеева в Переделкине, в это время приехал фельдъегерь от Сталина и вручил депешу: «Товарищ Сталин просит Вас быть завтра между 5 и 6 часами на его даче на обеде. Машина будет за Вами послана». Но Фадеев, прочитав текст, послал свою мать сказать фельдъегерю, что завтра приехать он никак не может по причине болезни. Врал, конечно. А когда Зелинский удивился — мол, зачем отказываться от приглашения, ведь не каждый день выпадает возможность отобедать со Сталиным и между делом поговорить о насущных литературных делах, — Фадеев ему ответил: «Я не могу поехать, потому что я уже седой человек и не хочу, чтобы меня цукали, высмеивали. Мне уже трудно выносить иронию над собой. Я не котенок, чтобы меня тыкали мордой в горшок. Я человек. Ты это понимаешь? Там будет этот самый Берия. Ты знаешь, какие у меня с ним отношения. Я знаю, что меня там ждет. Меня ждет иезуитский допрос в присутствии Сталина».

Видимо, чтобы окончательно обрубить себе малейшую возможность оказаться на обеде у Сталина, Фадеев на следующий день ушел в запой. Кстати, он часто так поступал в случаях, когда не желал делать что-либо, противоречившее его желанию. К началу 50-х годов Фадеев был уже сильно больным человеком — запойным алкоголиком. Бывали случаи, когда он, будучи в сильном подпитии, падал прямо на улице и спал на этом месте до утра. К счастью, это происходило не зимой, иначе он бы никогда не проснулся. Чаще всего Фадеев пил вне дома — один или в компании случайных или постоянных собутыльников (например, он очень любил выпивать в доме некоего

электромонтера, проживавшего недалеко от Переделкина — в селе Федосьине).

В те годы его часто видели сиротливо стоящим в очереди в магазине на станции Переделкино. Тот же К. Зелинский вспоминает: «Писатель М. Бубеннов (как он рассказывал мне) приехал на станцию на своем блестящем «ЗИМе». Они с шофером решили зайти в местную «забегаловку». Возле стойки стояла небольшая очередь, среди которой были грузчики со станции, сезонные рабочие, те неопределенного вида мужчины и женщины, всегда плохо одетые, в стоптанных ботинках, которые начинают свой день со стопки и заканчивают его той же стопкой. В этой цепочке людей, дежуривших возле стойки с одним продавцом в фартуке, который наливал в стаканчики по сто граммов, отпускал засохшие бутерброды с заплесневелой колбасой, разливал в кружки пиво, предварительно обмакнув их в ведро с мутной водой, стоял и высокий человек в сером пиджаке, в шляпе, прямо державшийся. Его ярко-серебряная голова выделялась над всеми. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, смиренно дожидаясь своей очереди.

— Я его сразу узнал, — сказал мне М. Бубеннов. — Я подошел и тронул его за рукав: «Александр Александрович! Поедемте ко мне».

Тот обернулся, и я увидел лицо, заросшее седой щетиной, какое-то измятое, в котором глубокая внутренняя печаль сочеталась с мгновенно возникшим выражением наигранной мужественности, веселости и готовности шутить над собой и своей земной долей. А. А. Фадеев замигал глазами:

— А выпить будет что?

— Организуем. Хватит.

М. Бубеннов живет во Внукове на улице Маяковского… Когда они приехали, жена Бубеннова Валя позвала их закусить к столу. Но Фадеев не захотел войти в дом. Им накрыли за маленьким круглым столиком, вкопанным в землю, выкрашенным в тот же ярко-зеленый цвет, что и дача Бубеннова. Это укромный уголок сада. Из него видна только дача Утесова, забор которой граничит с дачей Бубеннова. В этом уголке А. А. Фадеев прожил еще двое суток. Первые сутки они почти не ложились и сидели вместе за столом.

— Александр Александрович разулся, — рассказывала Валя Бубеннова, — и я увидела, что его ноги были все в волдырях, — так он натер их ботинками, беспрерывно блуждая в лесу. Было просто

страшно глядеть на эти сорванные волдыри. Я подала на стол пол-литра водки, хлеб и редиску. Александр Александрович выпил очень немного. Потом он взял редиску и начал ее засовывать в рот прямо с зеленью и жадно заедать хлебом. Видно было, что он очень голоден…»

Нельзя сказать, что Фадеева в периоды его уходов «в пике» не лечили. Однако, видимо, убедившись в том, что сам он отнюдь не горит желанием «завязать», делали это халатно, по-бюрократически. Вот как вспоминает об этом В. Герасимова: «Был раз навсегда заведенный порядок: его где-либо обнаруживали, появлялась санитарная машина с двумя служителями в белых халатах — на случай, если бы «сам не пошел». Саша исчезал. Исчезал в стенах Кремлевской больницы на три, четыре, пять месяцев. Странно, что подобный метод не применялся к иным хроническим алкоголикам. Думается, что была в этом узость мышления тех, кто лечил, и некоторая, может быть, неосознанная мстительность со стороны «правильных», хороших, из тех, кто расправлялся с неправедным (особенно по их законам) человеком. Удивительнее всего, что корили и поучали его даже такие, мягко говоря, «сильно пьющие», как Твардовский и Шолохов…

Иногда в больницу его забирали «слишком рано». Чтобы не подвергаться больничной изоляции, Саша порой просто прятался. Но его находили. Да и нелегко было члену ЦК и генсеку СП исчезать, не оставляя следа».

Между тем в периоды «просветов» Фадеев являл собой вполне нормального представителя достойного семейства. В мае 1950 года он напишет в одном из писем А. Колесниковой: «У нас — дети, которых я так несправедливо и жестоко был лишен и о которых я так мечтал (сын Саша родился в конце 30-х, Миша — в 1945 году). Жена моя — актриса Московского художественного театра Ангелина Осиповна Степанова, актриса очень талантливая, всю свою духовную жизнь отдающая этому любимому делу. В быту она мало похожа на «актрису» в привычном понимании, она — большая семьянинка, страстно любит детей, просто одевается, штопает носки своему мужу и «пилит» его, если он выпьет лишнюю рюмку водки…»

Однако известно, что в последние годы жизни Фадеев был влюблен в другую женщину — некую К. С. О них вовсю судачили в Переделкине, строили различные догадки по поводу дальнейшего

развития этого романа. Однако сам Фадеев в разговоре с К. Зелинским как-то признался: «Я ничего не могу поделать с собой по отношению к жене. Мне ближе всех оказалась теперь К. С. Я даже хотел на ней жениться. Но я не был с ней близок. Я много раз ночевал у нее, но не спал с нею. Она жила с Катаевым, а со мной вот не захотела. А я сейчас считаю, что, если бы она меня по-настоящему приголубила, я бы бросил все и уехал бы с ней куда-нибудь жить далеко или, еще лучше, пошел бы с ней пешком. Я вообще не знаю, как надо устраивать жизнь с женой и где найти место между женщиной и тем главным, чему я служу. А я слуга партии…»

Но вернемся к творчеству и государственной деятельности Фадеева.

В начале 50-х как слуга партии он включился в широкую коммунистическую кампанию и отправился во Вроцлав, на международный форум борцов за мир. На нем он выступил с речью, в которой говорил об «отвратительном зловонии», исходящем от американской культуры, упоминал о «банальных фильмах, реакционных, бессодержательных изданиях, подобных «Тайм», и об американском танце, напоминающем «современный вариант пляски святого Витта…» Упоминая о произведениях писателей Джона Дос Пассоса, Т. С. Элиота, Юджина О'Нила, Андре Мальро, Жана-Поля Сартра, Фадеев сказал: «Если бы гиены могли печатать на машинке, а шакалы пользоваться авторучками, они создавали бы подобные творения…»

Кстати, от Фадеева доставалось «на орехи» не только заграничным писателям, но и советским. Например, свой удар он обрушил на Василия Гроссмана за роман «Правое дело», который имел несчастье не понравиться Сталину. В те же годы, присутствуя в Нью-Йорке на конференции по вопросам культуры (созванной под эгидой компартии США), Фадеев, отвечая на вопрос о судьбах некоторых советских писателей, заявил: «Все они существуют, они живы. Пастернак живет со мной по соседству… О Бабеле и Киршоне я ничего не могу сказать». Фадеев, конечно, врал. Он прекрасно был осведомлен, что оба последних писателя сгинули в застенках ГУЛАГа — один в 40-м году, другой — в 38-м.

Что касается творчества, то и здесь муза Фадеева не спала. В 1951 году он увлекся идеей написать роман о советских металлургах. И

вновь с чужой подачи. Его вызвал член Политбюро Г. Маленков и спросил: «Вы слышали о новом изобретении в металлургии — новом способе варки стали?» И когда Фадеев удивленно пожал плечами, сообщил: «Это грандиозное открытие! Вы окажете большую помощь партии, если опишете это». В последующем выяснится, что это изобретение, обещавшее металлургам выпуск продукции неведомым в истории техники методом, — откровенная «липа». Но тогда об этом еще никто не знал, и изобретению дали «зеленый свет». А надлежащий промоушн ему должен был обеспечить Фадеев.

Поначалу он с радостью ухватился за идею нового романа, перелопатил кучу сопутствующей литературы по металлургии, выезжал в командировки на Урал. Начал было писать, но довольно скоро оказался в положении человека, от которого требуют результата, но не дают времени на его осуществление. Именно об этом Фадеев сообщал в письме своему заместителю в Союзе писателей Алексею Суркову в мае 1953 года. Приведу отрывок из него:

«Я не могу работать ни в Союзе писателей, ни в каком угодно другом органе до того, как мне не дадут закончить мой новый роман «Черная металлургия», роман, который я считаю самым лучшим произведением своей жизни и который, я не имею права здесь скромничать, будет буквально подарком народу, партии, советской литературе. Мне давали на один год «отпуск». Что же это был за «отпуск»? Шесть раз в течение этого года меня посылали за границу. Меня беспощадно вытаскивали из Магнитогорска, Челябинска, Днепропетровска еще недели за две до заграничной поездки, чтобы я участвовал в подготовке документов, которые отлично могли быть подготовлены и без меня, примерно столько же уходило на поездку, потом неделя на то, чтобы отчитаться. Два месяца ушло на работу в Комитете по Сталинским премиям. Я участвовал в проведении Всесоюзной конференции сторонников мира 1951 года. В условиях этого так называемого «отпуска» я имел для своих творческих дел вдвое меньше времени, чем для всего остального…

Сейчас роман мой уже поплыл, как корабль, многое уже вчерне написано, а главное то, что все необходимое уже найдено, — ведь профессиональному литератору главное — это сочинить, а написать он всегда напишет, было бы время, — и это вовсе не только роман о металлургах — они в центре этого романа, но это роман о советском

обществе наших дней, это роман самонужнейший, архисовременный. И вы, мои товарищи по Союзу писателей, просто должны, обязаны сделать все, чтобы этот роман был написан. А для этого я должен быть решительно и категорически освобожден от всей остальной работы. Не дать мне сейчас закончить этот роман — это то же самое, что насильственно задержать роды, воспрепятствовать им. Но я тогда просто погибну как человек и как писатель, как погибла бы при подобных условиях роженица…»

Читая строки этого письма, трудно понять, на что именно рассчитывал Фадеев, призывая своих коллег по писательскому цеху помочь ему «родить» новый шедевр. Как известно, нет ничего разобщеннее и завистливее, чем творческая среда. И ведь Фадеев сам прекрасно это знал, потому что вращался в этой среде без малого тридцать лет. Да почти любому из тех, с кем Фадеев общался в Союзе писателей, было глубоко наплевать на то, что роман, над которым он работает, «лучший в его жизни и архисовременный». Пользуясь терминологией самого Фадеева, правильно было бы сказать, что многие из его коллег с удовольствием согласились бы взять в руки скальпель и лично сделать «аборт» его новому произведению. Вот и в тот раз, прочитав письмо Фадеева, верхушка Союза писателей в лице Алексея Суркова, Константина Симонова и Николая Тихонова тут же отреагировала на него соответствующим образом. Была составлена докладная записка на имя секретаря ЦК Н. Хрущева, в которой сообщалось: «Общая оценка состояния литературы, данная в письме А. А. Фадеева (в своем письме тот имел смелость дать такую оценку. — *Ф. Р.*), является неправильной… Письмо А. А. Фадеева, содержащее неверную паническую оценку состояния литературы и неполадок в руководстве ею, в то же время не содержит никаких конкретных предложений о том, как улучшить состояние литературы и, в частности, — как улучшить работу Союза писателей.

Для нас ясно, что на характер и тон письма не могло не повлиять болезненное состояние, в котором находится в настоящее время А. А. Фадеев…»

Короче, суть претензий Фадеева его коллеги свели к банальному — что с алкоголика возьмешь? В итоге его послание оказалось гласом вопиющего в пустыне.

Между тем подобная позиция трех подписантов письма в ЦК по отношению к Фадееву вполне логична. Все они давно уже «имели зуб» на него. Сурков еще со времен разгона РАПП в начале 30-х, Тихонов и Симонов чуть позже — с 40-х. Особенно сильной была неприязнь к Фадееву у Симонова (впрочем, она была взаимной).

Вспоминает К. Зелинский: «Только об одном человеке он говорил с возмущением, с презрением и почти с ненавистью — о Симонове.

— Нет, ты понимаешь, что было. В прошлом году (разговор происходил в июне 1954-го. — *Ф. Р.*) осенью я вынужден был вот так зайти к нему, как к тебе. Я шел из «шалмана» и, переходя речку, свалился, измок весь и зашел к Симонову, чтобы обсушиться и прийти в себя, прежде чем вернуться домой… Он велел сторожу передать, что «занят срочной работой». А ведь я Фадеев. И симоновский сторож повел меня к себе, раздел, уложил на кровать, помыл меня.

Рассказывая обо всем этом, Фадеев, не стесняясь присутствовавших при этом четырех людей — Бубеннова с женой, Васильева и Смирнова, — плакал, утирая слезы грязным носовым платком, каким вытирал руки, которые мыл в ручье, когда жил в лесу.

— Симонов — однодневка. Это не художник. В конце концов, это карьерист высокого масштаба, хотя я и признаю, что он очень способный человек.

— Так тебе и надо, — говорили Фадееву Бубеннов и Васильев. — Ты сам его породил. Вот теперь и пожинай то, что посеял.

— Да, верно. Так мне и надо. Но я думал, что он человек, и человек идеи. Ничего настоящего, человеческого в нем нет. Человек, который может обращаться со своим сердцем, как с водопроводным краном, который можно отпускать и перекрывать, — это уже не человек…»

Фадеев планировал с января 1954 года начать публиковать первые главы романа «Черная металлургия» в одном из толстых журналов, а к концу года окончательно его завершить. Но его планам не суждено было осуществиться — роман так и не увидел свет, оставшись незавершенным. И тот год Фадееву запомнился совсем другим.

Во-первых, он потерял мать — единственного человека в этом мире, которого он по-настоящему сильно любил. В свое время Фадеев бросил такую фразу: «Я двух людей боюсь — мою мать и Сталина, боюсь и люблю».

Антонина Владимировна умерла 5 марта в возрасте 81 года. На пенсию она ушла только в 72 года, работая в предвоенные и военные годы в таких окраинных районах Москвы, как Черкизово и Дорогомилово. На ее похороны Фадеев приехать не сумел — он тогда в очередной раз лежал в больнице (по другой версии он не приехал потому, что не мог видеть мать мертвой), из близких усопшей там была лишь ее дочь, сестра Фадеева, Татьяна.

Во-вторых, тот год показал, что новая власть относится к Фадееву с недоверием. Уже год, как не было в живых Сталина, который худо-бедно, но благоволил к Фадееву (даже с сочувствием относился к его болезни), а преемники генералиссимуса даже не удосужились хотя бы раз — а он пытался прорваться к ним неоднократно — принять и выслушать писателя. Было видно, что Фадеев им уже неинтересен. Этой ситуацией решили воспользоваться его противники в секретариате СП.

В один из дней 1954 года, когда Фадеева в очередной раз увезли «лечиться», Сурков собрал внеочередное и бесповестное (так он сам выразился) заседание президиума Союза писателей. Присутствовавшая на нем В. Герасимова вспоминает:

«Один за другим стали выступать «клиенты» Суркова из сложившегося блока противников Фадеева. Сурков как бы оставался в тени. И открыл заседание он в своей характерной манере — простенько и смиренно: «Товарищи, собственно, по вашему желанию я собрал вас, чтобы потолковать… Заседание без повестки, без плана, потолкуем по душам». Уверена, что из чувства предосторожности не было стенографистки. И первым выступил не он, а ближайший в те годы его подручный К. Симонов, затем деревянно-тупой, но ловкий в сфере «продвижений» В. Кожевников, затем неглупый, довольно образованный карьерист А. Чаковский и еще нечто подобное… В скорбно-негодующем тоне говорили, что положение в Союзе немыслимо, что с Фадеевым нельзя работать, что его порок недопустим и губит дело и т. д. и т. п. Сурков с трудом сдерживал готовое прорваться удовольствие…

Постепенно в ходе собрания стала догадываться об истинном его значении. Только один или два человека — члены президиума из национальных республик (фамилий не помню) — страстно, но беспомощно выступили в защиту Фадеева… Но их выступления,

конечно, не перевесили приговора спевшейся группы. Приговор «порочному» Фадееву был общий. И пошел в высшие инстанции. Вскоре Фадеев уже был отставлен от должности генсека, а также переведен из членов ЦК партии в кандидаты ЦК…»

Как ни странно, но свою отставку с поста руководителя Союза писателей Фадеев воспринял спокойно. Видимо, с какого-то времени он стал понимать, что она неизбежна, и успел к этому подготовиться. К тому же польза от этого тоже была — времени для творчества у Фадеева появилось достаточно. К тому моменту идея романа «Черная металлургия» благополучно была похерена (по задумке автора, в книге молодое поколение разоблачает вредителей, а оказалось, что «вредители» были правы). Написав лишь восемь глав, Фадеев роман забросил и стал вынашивать планы новой книги. Весной 1954 года несколько десятков страниц появилось из-под пера писателя (первыми слушателями нового произведения были Е. Ф. Книпович и И. Л. Андроников). Однако на этом дело и застопорилось. Больше к этой книге Фадеев не возвращался. Почему? Может быть, из-за проблем со здоровьем, но скорее всего Фадеева затянули в свой водоворот новые события. В 1955 году приоткрылись ворота лагерей ГУЛАГа, и на свободу потихоньку стали возвращаться те, кого Фадеев прекрасно знал, — его коллеги-писатели, друзья еще по Гражданской войне. Некоторые из них не могли простить Фадееву своего ареста и заточения и спрашивали с него по большому счету. Известны несколько случаев, когда Фадееву публично бросали такие обвинения в лицо. К примеру, так поступила Анна Берзинь, которая демонстративно не подала Фадееву руки в клубе Союза писателей. И на всех творческих встречах она потом не переставала повторять: «Нас всех посадил Сашка!»

А вот другой бывший зэк — Иван Макарьев, с которым Фадеев был знаком с юности (Ванятка — так называл его писатель), вернувшись из лагеря, даже не захотел встретиться с бывшим другом. От подобных ударов психика Фадеева страдала больше всего. А в феврале 1956 года грянул XX съезд партии, с которого началось разоблачение сталинских преступлений. На этом съезде «ударили» и по Фадееву. Приведу отрывок из выступления М. Шолохова: «На что мы пошли после смерти Горького? Мы пошли на создание коллективного руководства в Союзе писателей во главе с тов.

Фадеевым, но ничего путевого из этого не вышло. А тем временем постепенно Союз писателей из творческой организации, каким он должен был быть, превращался в организацию административную, и, хотя исправно заседали секретариат, секции прозы, поэзии, драматургии и критики, писались протоколы, с полной нагрузкой работал технический аппарат и разъезжали курьеры, книг все не было. Несколько хороших книг в год для такой страны, как наша, это предельно мало… (Здесь так и просится реплика типа: «Чья бы корова мычала…» Сам докладчик в указанный период — с 1938 по 1956 год — особенной плодовитостью как писатель не отличался. — *Ф. Р.*)

Фадеев оказался достаточно властолюбивым генсеком и не захотел считаться в работе с принципом коллегиальности. Остальным секретарям работать с ним стало невозможно. 15 лет тянулась эта волынка. Общими и дружными усилиями мы похитили у Фадеева 15 лучших творческих лет его жизни, а в результате не имеем ни генсека, ни писателя…»

Любопытен такой факт. В 1944 году, когда Фадеев работал над «Молодой гвардией», секретарь ЦК ВКП(б) Жданов попросил Шолохова временно заменить коллегу на посту генерального секретаря СП. Однако Шолохов отказался. То ли плохо себя представлял в роли чиновника, то ли просто испугался ответственности.

Критика культа личности произвела на всех без исключения граждан страны шоковое впечатление. С пьедестала было низвергнуто божество, которому люди слепо поклонялись без малого тридцать лет. Не стал исключением и Фадеев. Как рассказывал бывший комбриг партизанского отряда Н. Ильюхов, под началом которого Фадеев служил в юности, во время их встречи в 1956 году, когда разговор зашел о Сталине — мол, кому мы верили? — Фадеев заявил: «У меня такое чувство, что ты благоговел перед прекрасной девушкой, а в руках у тебя оказалась старая блядь!»

Те несколько месяцев после съезда, что отпустила Фадееву судьба перед его трагическим уходом, он ведет уединенную жизнь. Писатель вновь занят работой — составляет сборник своих литературно-критических статей «За тридцать лет». Он торопится завершить работу как можно быстрее, потому что врачи неустанно твердят — цирроз печени усиливается, необходима госпитализация. К этой неприятной

новости присоединяются и другие. В Краснодоне нарастает борьба за честь Виктора Третьякевича, которого Фадеев в своем романе, как мы помним, вывел предателем под фамилией Стахович. И еще — ему перестали присылать из Союза писателей толстые журналы для рецензий. Мелочь, но и она больно уколола Фадеева. До рокового шага остаются считаные дни.

Тот день — 13 мая 1956 года — был вполне обычным воскресным днем, и, кажется, ничто не предвещало беды. Фадеев проснулся часов в десять утра и спустился вниз, на кухню (кабинет Фадеева находился на втором этаже). Бывшая там домработница Ландышева пригласила его к завтраку, однако Фадеев отказался. По ее словам, в то утро он выглядел несколько взволнованным. Это же заметила и одна из его секретарш — Е. Книпович. Позднее она объяснит это событиями, произошедшими накануне. 12 мая Фадеев был на своей московской квартире и встречался там с писателями Самуилом Маршаком и Николаем Погодиным. Этот разговор произвел на Фадеева тягостное впечатление, и вечером, приехав с одиннадцатилетним сыном на дачу, он принялся глотать снотворное, но ему ничто не помогало. В таком возбужденном состоянии Фадеев лег спать.

Перед обедом (около часа дня) Фадеев вновь спустился вниз — на этот раз к рабочим, которые готовили землю под клубнику, поговорил с ними. Затем вновь ушел к себе. Примерно через полчаса рабочие услышали сильный удар, как будто упал стул или кресло, однако не придали этому значения. В два часа дня, когда стол был уже накрыт к обеду, вспомнили о Фадееве и послали к нему младшего сына — Мишу. Тот поднялся наверх, вошел в кабинет отца, но уже через секунду скатился вниз со страшным криком. Испуганные его воплями, наверх бросились женщины, бывшие в тот момент на даче: секретарша Фадеева и его свояченица Валерия Осиповна Зарахани, литераторша Е. Книпович. Когда они вбежали в кабинет, перед ними предстала ужасная картина — раздетый до трусов Фадеев находился на кровати в полусидячем положении. Лицо его было искажено невыразимой мукой. Правая рука, в которой он держал револьвер, была откинута на постель. Пуля была пущена в верхнюю аорту сердца с анатомической точностью. Она прошла навылет, и вся кровь теперь стекала по его спине на кровать, смочив весь матрац. Со столика, стоявшего рядом с кроватью, на вошедших сурово взирал портрет Сталина. Раньше этот

портрет лежал у Фадеева в столе, теперь же он поставил его на видное место — видимо, специально. Что он хотел этим сказать, так и осталось тайной, которую он унес вместе с собой в могилу. Рядом с портретом на столе лежало запечатанное письмо, адресованное ЦК КПСС. Открыть его женщины побоялись и тут же бросились звонить по телефону в милицию и в Союз писателей.

Первыми к месту трагедии прибежали проживавшие неподалеку писатели Константин Федин и Всеволод Иванов. Они поднялись в кабинет Фадеева, но пробыли там недолго. Вскоре на дачу заявились начальник одинцовской милиции с подчиненными и сотрудник КГБ. Когда начальник милиции, осматривая место происшествия, увидел письмо и хотел его вскрыть, чекист резким жестом выхватил конверт из его рук и произнес: «Это не для нас».

Вспоминает А. Гидаш: «Я сел за стол, чтобы ответить на письма, полученные во время болезни. Первым положил перед собой письмо из Будапешта от одного венгерского поэта. Он писал о том, что каждое утро, когда встает, часами размышляет о том, стоит ли ему жить или нет? Этому хорошему поэту, а стало быть и умному человеку, мне хотелось написать что-то очень убедительное.

Я выглянул в окно, уставился на синие московские небеса. И мысли, образы зашевелились в голове. Медленно, каллиграфическими буквами — чтоб было время еще подумать — написал я обращение. Потом после нескольких вступительных слов перешел к сути дела: «Что же касается самоубийства…»

И в тот же миг гаркнул на меня телефон, до этого тихонько стоявший на столе. Дребезжащий звон напугал меня, прошел от головы до пят.

— Я слушаю!

— Анатолий? — забился в трубке голос Валерии Осиповны Зарахани. — Немедленно приезжай за мной… Саша застрелился… На даче… Достань хирурга…

— Хирурга? — крикнул я. — Так он жив?

— Не спрашивай ничего… — Трубка была брошена.

Что делать? Агнеш (жена Гидаша. — *Ф. Р.*) ушла. Оставить записку? Перепугается до смерти.

Но вдруг слышу — отворяется дверь в прихожую. Кричу:

— Валя звонила!.. Саша застрелился!..

Рывок к телефону. Агнеш дрожащими пальцами набирает номер. Слышу, хотя трубка прижата к уху:

— Говорю же, не спрашивайте ничего… Приезжайте немедленно.

Мчимся вниз. И о чудо из чудес! На углу нашей улицы Фурманова стоит пустая машина. Видно, ждет «левого» пассажира. Шофер соглашается ехать. Сперва мчим в Газетный, за Валерией Анатольевной (Герасимова — первая жена Фадеева. — *Ф. Р.*), и оттуда в Переделкино.

Машина несется по широкому Минскому шоссе.

— Как ты думаешь, он жив? — уже десятый раз спрашивает Агнеш, так что я даже не отвечаю ей.

Врываемся в сад. Через кухню мчимся в столовую. Там сидят рядышком Федин и Всеволод Иванов. Два-три слова. Несемся вверх по лестнице. В дверях боковой комнатки стоит Книпович и молча указывает на кабинет. Входим. Голый по пояс, высоко, на двух подушках лежит Фадеев. Рот открыт. Правая рука откинута… Рядом «наган».

Больше секунды не выдерживаю. Шатаясь, выхожу из комнаты. Нет, даже не крик, а какой-то звериный лай вырывается из меня.

— Что же это такое? — спрашиваю Книпович, которая стоит оцепеневшая, неподвижная, руки опущены (на египетских картинах встречаются такие женские фигуры).

— В два часа Мишка поднялся к отцу и…

(В два часа я сел писать письмо.)

Переделкино словно взбудораженный улей. Все рвутся в дачу. Валерия Осиповна никого не пускает.

Приехал Сурков. Увидев Фадеева, закричал не своим голосом:

— Это не он, это не он… Сашка! Что ты наделал! Что ты наделал!

Мы с Сурковым уезжаем в Москву. По дороге милиционер останавливает нашу машину, которая несется с недозволенной скоростью. Этот будничный инцидент заставляет Суркова прийти в себя.

Союз писателей. Сурков звонит повсюду. Я звоню Агнеш в Переделкино.

— Только что увезли его, — говорит она. — Когда прощались и я поцеловала его в лоб, он был совсем теплый… И волосы пахли одеколоном…»

В момент самоубийства Фадеева его жена Ангелина Степанова была с театром на гастролях в Югославии. Бытует мнение, что, если бы в те роковые минуты она находилась в Переделкине, рядом с мужем, трагедии не произошло бы.

Рассказывает В. Вульф: «Она играла спектакль и в антракте заметила, что к ней вдруг все стали очень внимательны. Когда спектакль кончился, ее попросили спуститься вниз, там был представитель нашего посольства, он сказал, что ей надо срочно в Москву, этого хочет Александр Александрович. Она ему нужна. Сели тут же в машину — и в Будапешт: тогда прямого самолета не было, а только Будапешт — Киев — Москва. В Будапешт приехали в четыре утра, и она удивилась, что ее ждали — во всех окнах посольства горел свет, никто не ложился спать. Почему? Что случилось? Саша заболел? Или его ждет какое-то новое назначение и он хочет с ней посоветоваться? Можно было задать этот вопрос работникам посольства, но это было не в ее правилах. Такой характер… И только на летном поле в Киеве купила газету, развернула ее — и увидела портрет Фадеева в траурной рамке. И в Москве, по трапу, к руководителям Союза писателей, которые ее встречали, она спустилась с газетой в руках. Дав понять, что все знает. И в Колонный зал к гробу поехала, когда все оттуда ушли, стремясь избежать излишних соболезнований. И уже через два дня играла на сцене…»

Похоронили А. Фадеева на престижном Новодевичьем кладбище.

Официальные власти, прекрасно сознавая, что самоубийство известного писателя вызовет в народе целую волну самых различных версий и предположений, предприняли упреждающие меры. Уже 14 мая (то есть на следующий день после трагедии!) ЦК КПСС опубликовал некролог, в котором объяснил случившееся следующим образом: «В последние годы жизни А. А. Фадеев страдал тяжелой болезнью — алкоголизмом». Об этом же сообщало и медицинское заключение: «13 мая в состоянии депрессии, вызванной очередным приступом недуга, А. А. Фадеев покончил жизнь самоубийством».

Надо сказать, что большинство людей поверили в эту версию. Но были и сомневающиеся, в основном из тех, кто знал о существовании предсмертного письма писателя. Они рассуждали так: «Если ЦК партии радеет за правду, то почему тогда он скрывает от народа

последнее послание Фадеева? Значит, в его добровольном уходе из жизни есть какие-то секреты».

Эту тайну ЦК КПСС хранил более 34 лет. В сентябре 1990 года предсмертное письмо А. Фадеева было наконец обнародовано. Приведу его полностью:

> «Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, — физически истреблены или погибли благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40–50 лет.
>
> Литература — эта святая святых — отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, с самых «высоких» трибун — таких, как Московская конференция или XX партсъезд, — раздался новый лозунг: «Ату ее!» Тот путь, которым собираются «исправить» положение, вызывает возмущение: собрана группа невежд, за исключением немногих честных людей, находящихся в состоянии такой же затравленности и потому не могущих сказать правду, — и выводы, глубоко антиленинские, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозой все той же «дубинки».
>
> С каким чувством свободы и открытости мира входило мое поколение в литературу при Ленине, какие силы необъятные были в душе и какие прекрасные произведения мы создавали и еще могли создать!
>
> Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожали, идеологически пугали и называли это — «партийностью». И теперь, когда все можно было бы исправить, сказалась примитивность, невежественность — при возмутительной дозе самоуверенности — тех, кто должен был бы все это исправить. Литература отдана во

власть людей неталантливых, мелких, злопамятных. Единицы тех, кто сохранил в душе священный огонь, находятся в положении париев и — по возрасту своему — скоро умрут. И нет уже никакого стимула в душе, чтобы творить…

Созданный для большого творчества во имя коммунизма, с шестнадцати лет связанный с партией, с рабочими и крестьянами, наделенный Богом талантом незаурядным, я был полон самых высоких мыслей и чувств, какие только может породить жизнь народа, соединенная с прекрасными идеалами коммунизма.

Но меня превратили в лошадь ломового извоза, всю жизнь я плелся под кладью бездарных, неоправданных, могущих быть выполненными любым человеком, неисчислимых бюрократических дел. И даже сейчас, когда подводишь итог жизни своей, невыносимо вспоминать все то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических порок, которые обрушились на меня, — кем наш чудесный народ вправе был бы гордиться в силу подлинности и скромности внутренней глубоко коммунистического таланта моего. Литература — этот высший плод нового строя — унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти — невежды.

Жизнь моя как писателя теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушиваются подлость, ложь и клевета, ухожу из этой жизни.

Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже 3-х лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять.

Прошу похоронить меня рядом с матерью моей.

А. Фадеев.

13/V. 56».

P.S. Старший сын Фадеева, Александр Фадеев-младший, пошел по стопам матери — он окончил Школу-студию МХАТ, работал в Театре Советской Армии. Однако его актерская карьера не задалась. Уже через несколько месяцев после принятия в штат театра его с треском выгнали оттуда. За что? Во время репетиции спектакля «Большая руда» режиссер Маргарита Микаэлян не смогла уложиться в отведенное время и попросила актеров задержаться на несколько минут. Все согласились, кроме Фадеева-младшего. Он заявил: «А что, у нас нет охраны труда? У меня куча дел в городе, я должен идти». И покинул репетицию, невзирая на то, что в зале сидели художественный руководитель театра Андрей Попов и несколько народных и заслуженных артистов.

В начале 60-х Фадеев-младший был знаменит в богемных кругах прежде всего тем, что был женат поочередно на Людмиле Гурченко и дочери Василия Сталина Надежде Бурдонской. Вот как вспоминает о нем его тогдашний приятель А. Нилин (кстати, тоже сын известного писателя — Павла Нилина): «Фадеев ни в малой степени не интересовался ни литературой, ни искусством. Достоинства, несомненно, ему присущие, лежали совершенно в иной области. Однако самое удивительное, что проявил он себя в полном блеске именно в кругу артистов и прочих деятелей художественного мира.

Ареной ничего не стоящего ему самоутверждения оказался ресторан ВТО, и в 60-е годы, когда автора «Молодой гвардии» уже не было на свете, фамилия Фадеева практически ежедневно звучала, не перекрываемая громкостью других фамилий, находившихся в то время у всех на слуху…

Пока другие дети знаменитостей доказывали, он — заказывал. И не одной выпивкой и закуской ограничивался его заказ — он заказывал как бы музыку жизни, взвихренной вокруг занимаемого им ресторанного столика… Я обожал вместе с ним бывать в ВТО. Никакой соблазн расширения круга престижных знакомств не мог оторвать меня тогда от творимого моим другом застолья, разрушавшего все представления о какой-либо добропорядочности. Для официанток он безоговорочно был клиентом номер один. Ни один человек в мире искусства не умел с такой широтой тратить деньги в ресторане, как Шура. Это вполне искупало его абсолютную неспособность их зарабатывать. Годам к тридцати он остался вовсе без

средств к существованию. И больше в ВТО не ходил: на халяву он не пил никогда…»

В 1983 году про Фадеева-младшего внезапно вспомнил режиссер МХАТа Олег Ефремов и взял его в свою труппу. (Говорят, только в силу своего желания повязать круговой порукой его мать, приму театра, Ангелину Степанову — женщину влиятельную и властную). Однако дебютант это быстро раскусил и уже через пару-тройку лет стал активно выступать против Ефремова. Когда в 1987 году МХАТ разделился на мужской (Ефремова) и женский (Дорониной), Фадеев ушел в последний. Он проработал в нем до самой смерти — в середине 90-х.

Младший сын А. Фадеева, Михаил Фадеев, живет в Москве. У него растет сын, которого в честь деда назвали Александром

«Я умру в крещенские морозы…»
Николай Рубцов

Николай Рубцов родился 3 января 1936 года в городе Емецке Архангельской области в простой семье. Его отец — Михаил Андрианович — работал начальником ОРСа местного леспромхоза. Мать — Александра Михайловна — была домохозяйкой. В семье Рубцовых было пятеро детей: три дочери и два сына. На момент рождения Николай был пятым, самым младшим ребенком в семье (чуть позже родится еще один мальчик — Борис).

Перед самым началом войны семья Рубцовых перебралась в Вологду, где отец будущего поэта получил высокую должность в местном горкоме партии. Проработал он там чуть больше года, после чего в июне 1942 года его призвали на фронт. Дело, в общем, для военного времени обычное, однако незадолго до отправки Рубцова-старшего в его семье случилась беда: умерла жена. Так как оставить четверых детей без взрослой опеки (к тому времени дочери Рая и Надежда умерли после болезни) отец никак не мог, он вызвал к себе свою сестру Софью Андриановну. Та приехала в Вологду, однако взять всех детей отказалась. Поэтому с ней уехала лишь старшая из дочерей — Галина, а младшие были разбросаны кто куда. Альберт был отдан в ФЗУ, а Николай и Борис отправились в Красковский дошкольный детдом.

Что такое детский дом, да еще в голодное военное время, читателю, думаю, объяснять не надо. Пятьдесят граммов хлеба да тарелка бульона — вот и весь тогдашний рацион детдомовцев. Иногда детишки ухитрялись воровать на воле турнепс и пекли его на кострах. И хотя всем обитателям детдома жилось несладко, однако Коле Рубцову особенно. Совсем недавно у него были любящая мать, отец, несколько братьев и сестер, и вдруг — полное одиночество. Особенно оно обострилось после того, как часть детдомовцев, в том числе и его брата Бориса, оставили в Краскове, а Николая вместе с другими отправили в Тотьму. Так оборвалась последняя ниточка, связывавшая мальчика с родными. Единственным лучиком света тогда для 7-летнего Коли была надежда на то, что с фронта вернется отец и заберет его

обратно домой. Но и этой мечте мальчика не суждено было сбыться. Его отец оказался подлецом: он женился во второй раз, и вскоре у него появились новые дети. Про старых он забыл.

Между тем среди детдомовцев Рубцов считался одним из лучших учеников. И хотя учили их намного хуже, чем в средних школах (на четыре предмета был один учитель), однако дети и этому были рады. И третий класс Коля закончил с похвальной грамотой. Тогда же он написал и свое первое стихотворение.

Что касается характера мальчика, то, по воспоминаниям его товарищей по детдому, он был среди них самым ласковым и ранимым. При малейшей обиде он отходил в сторону и горько плакал. И кличку он тогда носил довольно мягкую для пацана — Любимчик.

В июне 1950 года Рубцов закончил семилетку и, едва получив диплом, покинул стены ставшего ему родным детдома. Его путь лежал в Ригу, в мореходное училище, о поступлении в которое он мечтал все последние годы своего пребывания в детском доме. Он преисполнен самых радужных надежд и ожиданий.

К сожалению, его мечте так и не суждено было сбыться. В мореходку брали с 15 лет, а Николаю было четырнадцать с половиной. Поэтому он вернулся обратно в Тотьму и там поступил в лесной техникум.

И все же его мечта о море сбылась в 1952 году. Закончив техникум и получив на руки паспорт, Рубцов отправился в Архангельск, где вскоре устроился помощником кочегара на тральщик «Архангельск» — «старую калошу», которая уже проплавала 34 года. Вся ее команда состояла из прожженных бичей, призвать к порядку которых было не очень просто. В море они работали как черти, однако на берегу только и делали, что шлялись по бабам да кабакам. Николай проработал на судне почти год, после чего подал заявление на уход. Он решил продолжить учебу. Приехал в город Киров и поступил в горный техникум. Но и в нем продержался всего лишь год. В 1954 году бросил его и отправился скитаться. Будучи в Ташкенте, впервые вывел невеселую для себя мысль о том, что находится на «земле, не для всех родной».

В марте 1955 года Рубцов возвращается в родные для него края, в Вологду, и впервые пытается найти своего отца. До этого во всех своих анкетах он неизменно писал: «Отец погиб на фронте». Это

объяснялось не его неведением относительно судьбы родителя, просто не мог ему простить его предательства, что не забрал его из детдома. Но на этот раз Николай пересилил себя и первым попытался установить с ним контакт.

Встреча так и не растопила холода, который возник между отцом и сыном за эти годы. У Михаила Андриановича была молодая жена и маленькие дети. Он занимал солидный пост в местном ОРСе и жил в отдельной квартире. Появление сына, которого он уже успел забыть (ведь бросил его в 6-летнем возрасте), его явно не устраивало. Николай это понял сразу, как только они встретились. Поэтому в доме отца он не задержался и принял предложение своего брата Альберта устроиться работать к нему на полигон в поселок Приютино под Ленинградом.

К тому времени Альберт был уже женат и жил с женой в отдельной комнате в бывшем господском доме. А Николая он устроил в местное общежитие. Именно в Приютине к Николаю впервые пришла любовь. Девушку звали Таисия. Рубцову она очень нравилась, а вот он ей не очень. Однако его ухаживаний она не отвергала, и вечерами они подолгу гуляли по поселку. Но длилось это недолго: в конце 55-го Рубцова призвали в армию. Таисия его как положено проводила, а затем вышла замуж за другого. Обычная, в общем-то, история.

В армии Рубцов служил на Северном флоте: был визирщиком на эскадренном миноносце. Служба давалась ему легко, чему, видимо, немало способствовало детдомовское прошлое. Трудностей он не боялся. Уже через год стал отличником боевой и политической подготовки и даже был удостоен права посещать занятия литературного объединения при газете «На страже Заполярья». Его стихи стали все чаще появляться в этом армейском органе печати. Правда, это были откровенно слабые стихи.

В октябре 1959 года Рубцов демобилизовался и приехал в Ленинград, где устроился рабочим на Кировский завод. Там впервые стал получать хорошую зарплату — 700 рублей. Для неженатого человека это были приличные деньги. Как писал сам поэт в одном из писем той поры: «С получки особенно хорошо: хожу в театры и в кино, жру пирожное и мороженое и шляюсь по городу, отнюдь не качаясь от голода».

Однако чуть ниже: «Живется как-то одиноко, без волнения, без особых радостей, без особого горя. Старею понемножку, так и не решив, для чего же живу».

В 1960 году Рубцов решает продолжить учебу без отрыва от производства и поступает в девятый класс школы рабочей молодежи. Одновременно с этим он активно посещает занятия литературного объединения «Нарвская застава» и литературный кружок при многотиражке «Кировец». Пишет он тогда много. Причем отмечу парадоксальную вещь: многие его серьезные произведения (которые позднее станут знаменитыми) его коллеги по литобъединению решительно бракуют. Зато те, что написаны с юмором, иронией, получают самую высокую оценку. Вот, например, одно из таких стихотворений под названием «Жалобы алкоголика», датированное 1962 годом. Приведу отрывок из него:

Ах, что я делаю, зачем я мучаю
Больной и маленький свой организм?
Ах, по какому же такому случаю?
Ведь люди борются за коммунизм…
Скот размножается, пшеница мелется,
И все на правильном таком пути…
Так замети меня, метель-метелица,
Ох, замети меня, ох, замети!..

Стоит отметить, что тот год был отмечен в судьбе Николая сразу несколькими приятными событиями. Во-первых, тогда вышла его первая книжка под названием «Волны и скалы» (5 тысяч экземпляров). Во-вторых, на одной из вечеринок он познакомился с Генриеттой Меньшиковой, которая в апреле 1963 года родит ему дочь Лену. И, наконец, в-третьих, он успешно сдал экзамены в Литературный институт в Москве. Но не только радости случались в тот год. 29 сентября от рака умер его отец.

В Москве Рубцов поселился в общежитии Литинститута и довольно скоро стал известен в среде молодых столичных поэтов. Написанные им стихи — «Осенняя песня», «Видения на холме», «Добрый Филя» — вскоре были опубликованы в журнале «Октябрь» и стали очень популярны у читателей. Хотя в стенах самого института

отношение к молодому поэту было далеко не однозначным. Одни считали его бездарностью, другие говорили, что он «поэт средних возможностей», и только немногие видели в нем надежду русской поэзии.

Вот что вспоминает о нем его сокурсник Б. Шишаев:

«Когда на душе у него было смутно, он молчал. Иногда ложился на кровать и долго смотрел в потолок… Я не спрашивал его ни о чем. Можно было и без расспросов понять, что жизнь складывается у него нелегко. Меня всегда преследовало впечатление, что приехал Рубцов откуда-то из неуютных мест своего одиночества. И в общежитии Литинститута, где его неотступно окружала толпа, он все равно казался одиноким и бесконечно далеким от стремлений людей, находящихся рядом. Даже его скромная одежда, шарф, перекинутый через плечо, как бы подчеркивали это.

Женщины, как мне кажется, не понимали Николая. Они пели ему дифирамбы, с ласковой жалостью крутились вокруг, но когда он тянулся к ним всей душой, они пугались и отталкивали его. Во всяком случае, те, которых я видел рядом с ним. Николай злился на это непонимание и терял равновесие».

По мнению людей, близко знавших поэта, он был очень мнительным человеком. Рубцов знал очень много всяких рассказов про нечистую силу и порой темными ночами рассказывал их друзьям на сон грядущий. А однажды он решил погадать на свою судьбу необычным способом. Николай принес в общежитие пачку черной копирки и стал вырезать из листов самолетики. Затем он открыл окно и сказал товарищу: «Каждый самолет — судьба. Как полетит, так и сложится. Вот судьба… (и он назвал имя одного из своих приятелей-студентов)». Самолетик вылетел из окна и, плавно пролетев несколько десятков метров, приземлился на снежной аллее под окном. То же самое произошло и с другим самолетиком. «А это — моя судьба», — сказал Николай и пустил в небо третий самолет. И едва он взмыл в воздух, как тут же поднялся порыв ветра, легкую конструкцию подняло вверх, затем резко швырнуло вниз. Увидев это, Рубцов захлопнул окно и больше самолетиков не пускал. Почти целую неделю после этого он ходил подавленный.

Учеба Рубцова в Литинституте продолжалась до декабря 1963 года. После чего его выгнали. 3 декабря он заявился в пьяном виде в

Центральный Дом литераторов и устроил там драку. И уже на следующий день после этого ректор подписал приказ о его отчислении. Почему же с ним поступили так строго, а не стали ставить на вид или лишать стипендии? Все дело в том, что за время своего обучения поэт уже столько раз попадал в различные пьяные истории, что случай в Доме литераторов переполнил чашу терпения руководства института. Вот и не стали с ним церемониться.

Между тем свидетели происшествия в ЦДЛ затем рассказывали, как на самом деле возникла та «драка». В тот вечер на сцене Дома выступал некий оратор, который рассказывал слушателям о советской поэзии. В конце своего выступления он стал перечислять фамилии известных поэтов, но не упомянул Сергея Есенина. Это и возмутило Рубцова. Он стал кричать: «А Есенин где?», за что тут же был схвачен за шиворот рьяным метрдотелем. Николай стал вырываться, что впоследствии и было расценено как «драка».

К счастью, правда об этом происшествии вскоре дошла до ректора Литинститута И. Н. Серегина, и он в конце декабря издал новый приказ, в котором говорилось: «В связи с выявленными на товарищеском суде смягчающими вину обстоятельствами и учитывая раскаяние тов. Рубцова Н. М., восстановить его в числе студентов 2 курса…»

Справедливость была восстановлена. Правда, ненадолго. Уже через полгода после этого — в конце июня 1964 года — Рубцов попал в новую скандальную историю. И опять в ЦДЛ. Ситуация выглядела следующим образом. Наш герой и двое его однокурсников отдыхали в ресторане Дома литераторов. Время уже подходило к закрытию, но друзья не собирались закругляться. Они подозвали к своему столику официантку и заказали еще одну бутылку водки. Однако официантка им отказала, объяснив, что водка кончилась. «Тогда принесите вино», — попросили ее студенты. «И вино тоже кончилось!» — отрезала официантка. И в тот же момент ее окликнули с другого столика и тоже попросили спиртного. И тут друзья-студенты увидели, как изменилась их собеседница. Она вдруг расплылась в подобострастной улыбке и буквально бегом отправилась выполнять заказ клиентов. Вскоре на их столе появился заветный графин с водкой. Судя по всему, именно этот эпизод и вывел из себя подвыпившего Рубцова. Когда официантка вновь подошла к их

столику, чтобы сообщить, что ресторан закрывается, он заявил: «Столик мы вам не оплатим, пока вы не принесете нам водки!» Официантка тут же побежала жаловаться метрдотелю. А тот не нашел ничего лучшего, как вызвать милицию. Всю троицу под руки выпроводили из ресторана. Самое удивительное, до отделения милиции довели только одного Рубцова (по дороге двое его приятелей куда-то «испарились»). В результате он стал «козлом отпущения», и 26 июня появляется приказ о его отчислении из института.

Можно только поражаться тому дьявольскому невезению, которое сопровождало поэта почти в большинстве подобного рода случаев. Будто магнитом он притягивал к себе неприятности и всегда оказывался в них крайним. Вот как пишет об этом Н. Коняев:

«Рубцов все время с какой-то удручающей последовательностью раздражал почти всех, с кем ему доводилось встречаться. Он раздражал одноглазого коменданта, прозванного Циклопом, раздражал официанток и продавцов, преподавателей института и многих своих товарищей. Раздражало в Рубцове несоответствие его простоватой внешности тому сложному духовному миру, который он нес в себе. Раздражение, в общем-то, понятное. Эти люди ничего бы не имели против, если бы Рубцов по-прежнему служил на кораблях Северного флота, вкалывал бы на заводе у станка или работал в колхозе. Это, по их мнению, и было его место. А Рубцов околачивался в стольном граде, учился в довольно-таки престижном институте, захаживал даже, ну посудите сами, разве это не безобразие?! в святая святых — ЦДЛ…»

Как это ни странно, но после отчисления из института Рубцов не впал в уныние и даже, по мнению видевших его тогда людей, выглядел вполне благополучно. Этому было несколько объяснений. Во-первых, его личная жизнь складывалась тогда вполне удачно. Например, летом он прекрасно провел время с женой и дочкой в деревне Никольское Вологодской области, там, где он закончил когда-то начальную школу. Во-вторых, в журналах «Юность» и «Молодая гвардия» появились первые крупные подборки его стихов. А это было не только моральной поддержкой молодому поэту, но и материальной.

К сожалению, относительное благополучие поэта длилось всего месяца три. Осенью деньги, заработанные от публикаций, иссякли, и Рубцову пришлось довольствоваться копеечными гонорарами из

газеты «Ленинское знамя», в которой иногда печатались его стихи. А затем случилась новая неприятность. Так как Рубцов нигде не работал, местное сельское руководство объявило его тунеядцем и вывесило его портрет в сельпо. Отмечу, что именно в этот период были написаны стихи (около пятидесяти), большая часть из которых затем войдет в сокровищницу отечественной поэзии.

В январе 1965 года Рубцов вновь вернулся в Москву и благодаря стараниям своих друзей сумел восстановиться на заочном отделении Литературного института. Однако прописки в столице у него не было, поэтому ему приходилось скитаться по разным углам, вплоть до скамеек на вокзалах. А в апреле 1965 года последовал новый скандал.

17 апреля Николай пришел в общежитие института, надеясь, что его пустят переночевать. Но его не пустили. Тогда Рубцов поймал такси в 17-м проезде Марьиной Рощи и попросил отвезти его на одну из улиц города, где жил его друг. Доехав до пункта назначения, Николай отдал водителю (кстати, это была женщина) три рубля, надеясь получить с них сдачу, так как счетчик набил всего лишь 64 копейки. Однако водитель давать ему сдачу отказалась. И тогда поэт потребовал везти его к первому постовому милиционеру. Видимо, у него он думал найти справедливость. Но все получилось наоборот. Милиционер поверил не ему, а женщине-водителю, забрал его в отделение, и там был составлен соответствующий протокол. Через день он уже лежал на столе у ректора Литературного института. Так поэт в очередной раз лишился студенческого билета.

Тем временем дала трещину и его семейная жизнь. Во многом этому способствовала его теща, которая теперь жила вместе с дочерью и внучкой в селе Никольское. Каждый раз, когда Николай возвращался из Москвы в деревню, теща не давала ему проходу, ругала его за тунеядство, пьянство. Вскоре она перетянула на свою сторону и дочь. Когда жить с ними стало для Рубцова совсем невмоготу, он уехал куда глаза глядят.

В течение последующих двух лет Рубцов побывал во многих местах страны, даже какое-то время жил в Сибири. Осенью 1967 года свет увидела еще одна книга его стихов, «Звезда полей», которая принесла ему большую известность. В следующем году его наконец-то приняли в Союз писателей и даже выделили комнату в рабочем общежитии на улице 9-й Армии в Вологде. В 1969 году он окончил

Литературный институт и получил на руки диплом. В сентябре того же года его зачислили в штат работников газеты «Вологодский комсомолец». И в довершение всего дали ему однокомнатную квартиру в «хрущобе» на улице Александра Яшина. (Отмечу, что переезжал туда Николай, имея на руках всего лишь потрепанный чемодан и томик Тютчева). Казалось, что жизнь у поэта постепенно налаживается и впереди его ждут только радости. Ведь сколько он уже натерпелся. Однако…

В 1969 году рядом с Рубцовым возникла женщина, которой суждено будет сыграть в его судьбе роковую роль. Звали ее Людмила Дербина (она родилась в 1938 году). 2 мая 1962 года они встретились в компании в стенах общежития Литературного института (их познакомила поэтесса Вера Бояринова). Однако тогда это было всего лишь мимолетное знакомство. Рубцов, носивший тогда пыльный берет и старенькое вытертое пальто, произвел на девушку отталкивающее впечатление. Но уже через четыре года после этого, прочитав книгу его стихов «Звезда полей», Дербина внезапно почувствовала к поэту сильное влечение. К тому времени за ее плечами уже был опыт неудачного замужества, рождение дочери. Зная о том, что и Рубцов в личной жизни тоже не устроен, она вдруг решила познакомиться с ним поближе. 23 июня 1969 года она приехала в Вологду, и здесь вскоре начался их роман. Завершился он тем, что в августе того же года Дербина переехала с дочерью в деревню Троица, в двух километрах от Вологды, и устроилась на работу библиотекарем. Позднее она вспоминала:

«Я хотела сделать его жизнь более-менее человеческой… Хотела упорядочить его быт, внести хоть какой-то уют. Он был поэт, а спал как последний босяк. У него не было ни одной подушки, была одна прожженная простыня, прожженное рваное одеяло. У него не было белья, ел он прямо из кастрюли. Почти всю посуду, которую я привезла, он разбил. Купила я ему как-то куртку, замшевую, на «молнии». Через месяц спрашиваю — где? Он так спокойно: «А-а, подарил, понравилась тут одному».

Все восхищались его стихами, а как человек он был никому не нужен. Его собратья по перу относились к нему снисходительно, даже с насмешкой, уж не говоря о том, что равнодушно. От этого мне еще

более было его жаль. Он мне говорил иногда: «Люда, ты знай, что если между нами будет плохо, они все будут рады…»

Отношения Рубцова и Дербиной развивались неровно: они то расходились, то сходились вновь. Их как будто притягивала друг к другу какая-то невидимая сила. В январе 1971 года всем стало понятно, что это была за сила, — темная, злая… «Я умру в крещенские морозы…» — напишет Рубцов в своем стихотворении. Как в воду смотрел…

5 января Дербина после очередной ссоры вновь приехала на квартиру к поэту. Они помирились и даже более того — решили пойти в загс и узаконить свои отношения официально. Там их какое-то время помурыжили (у невесты не было справки о расторжении предыдущего брака), но, в конце концов, своего они добились: регистрацию брака назначили на 19 февраля. 18 января молодые отправились в паспортный стол, чтобы там добиться прописки Дербиной к Рубцову. Однако их ждало разочарование: женщину не прописывали, потому что не хватало площади на ее ребенка. Выйдя из жилконторы, молодые отправились в редакцию газеты «Вологодский комсомолец», однако по пути, возле ресторана «Север», внезапно встретили группу знакомых журналистов, и Николай решил идти вместе с ними в шахматный клуб отмечать какое-то событие, а Дербина отправилась в редакцию одна. Через какое-то время она тоже пришла в шахматный клуб, где веселье было уже в самом разгаре. Вновь прибывшей налили вина, но она практически не пила, предпочитая тихо сидеть на своем месте. И здесь в какой-то момент Рубцов вдруг стал ее ревновать к сидевшему тут же журналисту Задумкину. Однако досадный эпизод удалось обернуть в шутку, и вскоре вся компания отправилась догуливать на квартиру Рубцова на улице Александра Яшина. Но там поэта вновь стала одолевать ревность, он стал буянить, и когда успокоить его не удалось, собутыльники решили уйти подальше от греха. В комнате остались Николай и его невеста.

Л. Дербина вспоминает: «Я замкнулась в себе, гордыня обуяла меня. Я отчужденно, с нарастающим раздражением смотрела на мечущегося Рубцова, слушала его крик, грохот, исходящий от него, и впервые ощущала в себе пустоту. Это была пустота рухнувших надежд.

Какой брак?! С этим пьянчужкой?! Его не может быть!

— Гадина! Что тебе Задумкин?! — кричал Рубцов. — Он всего лишь журналистик, а я поэт! Я поэт! Он уже давно пришел домой, спит со своей женой и о тебе не вспоминает!..

Рубцов допил из стакана остатки вина и швырнул стакан в стену над моей головой. Посыпались осколки на постель и вокруг. Я молча собрала их на совок, встряхнула постель, перевернула подушки…

Рубцова раздражало, что я никак не реагирую на его буйство. Он влепил мне несколько оплеух. Нет, я их ему не простила! Но по-прежнему презрительно молчала. Он все более накалялся. Не зная, как и чем вывести меня из себя, он взял спички и, зажигая их, стал бросать в меня. Я стояла и с ненавистью смотрела на него. Все во мне закипало, в теле поднимался гул, еще немного, и я кинулась бы на него! Но я с трудом выдержала это глумление и опять молча ушла на кухню…

Где-то в четвертом часу я попыталась его уложить спать. Ничего не получилось. Он вырывался, брыкался, пнул меня в грудь… Затем он подбежал ко мне, схватил за руки и потянул к себе в постель. Я вырвалась. Он снова, заламывая мне руки, толкал меня в постель. Я снова вырвалась и стала поспешно надевать чулки, собираясь убегать.

— Я уйду.

— Нет, ты не уйдешь! Ты хочешь меня оставить в унижении, чтобы надо мной все смеялись?! Прежде я раскрою тебе череп!

Он был страшен. Стремительно пробежал к окну, оттуда рванулся в ванную. Я слышала, как он шарит под ванной, ища молоток… Надо бежать! Но я не одета! Однако животный страх кинул меня к двери. Он увидел, мгновенно выпрямился. В одной руке он держал ком белья (взял его из-под ванны). Простыня вдруг развилась и покрыла Рубцова от подбородка до ступней. «Господи, мертвец!» — мелькнуло у меня в сознании.

Одно мгновение, и Рубцов кинулся на меня, с силой толкнул обратно в комнату, роняя на пол белье. Теряя равновесие, я схватилась за него, и мы упали. Та страшная сила, которая долго копилась во мне, вдруг вырвалась, словно лава, ринулась, как обвал… Рубцов тянулся ко мне рукой, я перехватила ее своей и сильно укусила. Другой своей рукой, вернее, двумя пальцами правой руки, большим и указательным, стала теребить его за горло. Он крикнул мне: «Люда, прости! Люда, я люблю тебя!» Вероятно, он испугался меня, вернее, той страшной

силы, которую сам у меня вызвал, и этот крик был попыткой остановить меня. Вдруг неизвестно отчего рухнул стол, на котором стояли иконы, прислоненные к стене. На них мы ни разу не перекрестились, о чем я сейчас горько сожалею. Все иконы рассыпались по полу вокруг нас. Сильным толчком Рубцов откинул меня от себя и перевернулся на живот. Отброшенная, я увидела его посиневшее лицо. Испугавшись, вскочила на ноги и остолбенела на месте. Он упал ничком, уткнувшись лицом в то самое белье, которое рассыпалось по полу при нашем падении. Я стояла над ним, приросшая к полу, пораженная шоком. Все это произошло в считаные секунды. Но я не могла еще подумать, что это конец. Теперь я знаю: мои пальцы парализовали сонные артерии, его толчок был агонией. Уткнувшись лицом в белье и не получая доступа воздуха, он задохнулся…

Тихо прикрыв дверь, я спустилась по лестнице и поплелась в милицию. Отделение было совсем рядом, на Советской улице…».

А вот как описал эти же события в своем «Дневнике» Ю. Нагибин:

«Когда он хрипя лежал на полу, она опомнилась и выбежала на улицу. «Я убила своего мужа!» — сказала она первому встречному милиционеру. «Идите-ка спать, гражданка, — отозвался блюститель порядка. — Вы сильно выпимши». «Я убила своего мужа, поэта Рубцова», — настаивала женщина. «Добром говорю, спать идите. Не то — в вытрезвитель». Неизвестно, чем бы все кончилось, но тут случился лейтенант милиции, слышавший имя Рубцова. Когда они пришли, Рубцов не успел остыть. Минут бы на пять раньше его еще можно было бы спасти…»

В протоколе о гибели Н. Рубцова зафиксированы икона, пластинка песен Вертинского и 18 бутылок из-под вина.

Вологодский городской суд приговорил Л. Дербину к 7 годам лишения свободы за умышленное убийство в ссоре, на почве неприязненных отношений. Стоит отметить, что за несколько месяцев до этого убийства Дербина отдала в набор свой второй (первый — «Сиверко» — вышел в свет в 1969-м) поэтический сборник «Крушина», предисловие к которому написал Н. Рубцов. В этом сборнике было стихотворение, которое просто мистически предрекало будущую беду. Приведу отрывок из него:

О, так тебя я ненавижу!
И так безудержно люблю,
Что очень скоро (я предвижу!)
Забавный номер отколю.
Когда-нибудь в пылу азарта
Взовьюсь я ведьмой из трубы
И перепутаю все карты
Твоей блистательной судьбы…

Л. Дербина отсидела в неволе пять лет и семь месяцев, после чего ее амнистировали в связи с Международным женским днем. После этого она приехала в Ленинград и устроилась на работу в библиотеку Академии наук. В те же годы она стала работать над книгой «Воспоминания». Работая над ней, она отправила несколько писем с отрывками из этой книги известным писателям и поэтам. Приведу лишь два ответа, пришедшие к ней.

В. Боков: «Пишу Вам без промедления. Вчера вечером я, вскрыв бандероль, бросился читать. Уехал на ночь в Переделкино, читал до двух ночи, в семь часов продолжил и вот прочел. Написано потрясающе правдиво, сильно… Никогда и никто так о нем проникновенно не напишет, и дело не в таланте писательском, а в том, что Судьба и еще Судьба встретились и узнали друг о друге все по праву такой горькой, исступленной, трагической, роковой любви…»

Е. Евтушенко: «…Я и не мог подумать, что Вы умышленно убили Колю. Это действительно был нервный взрыв. А разве не убивает каждый из нас своих близких словом, поступками, и порой тоже неумышленными? Я понимаю, как Вы ужаснулись, когда это произошло, и что в Вашей душе сейчас. Злодейка жизнь, а не Вы. Но все-таки Вы совершили грех и должны его отмолить всей своей жизнью».

«Воспоминания» Дербиной увидели свет в 1994 году. И тут же вызвали яростные споры. Одни называли их «кощунственными», писали, что имя Дербиной проклято навеки, другие давали право этой женщине на покаяние. Сама Л. Дербина рассказывает:

«Меня немного отпустило только восемнадцать лет спустя — в 89-м, 3 января, на Колин день рождения. Три года до этого епитимью исполняла, наказание за грехи. Раньше все это угнетало, очень тяжело

было жить. А снял отец Иринарх епитимью — сразу стало легче, что-то я познала такое, такую истину… Мне и Коля приснился, в его день рождения. Будто ведут меня на расстрел за то, что его погубила. Идем, сбоку ров глубокий, а на той стороне группа морячков. Один оборачивается, улыбается, я смотрю — Коля. Вдруг он отделился от этой группы и идет ко мне. У меня сердце замерло. А он перепрыгнул через ров, подошел, приобнял меня. «Вот видишь, говорю, меня из-за тебя расстрелять хотят». А он в ответ с улыбкой: «Знаю…» А в этом «знаю» тут все: и надежда, и утешение, и желание ободрить. Он вернулся к товарищам, а меня ведут дальше, и уже ничего черного, только покой…»

P. S. В 1973 году на могиле Н. Рубцова поставили надгробие — мраморную плиту с барельефом поэта. Внизу выбили надпись: «Россия, Русь! Храни себя, храни!»

В 1996 году, к 60-летию поэта, в Вологде открыли мемориальную доску на «хрущевке», где он жил и погиб.

Холодные воды Байкала
Александр Вампилов

А. Вампилов родился 19 августа 1937 года в райцентре Кутулик Иркутской области в обычной семье. Его отец — Валентин Никитович — работал директором Кутуликской школы (его предками были бурятские ламы), мать — Анастасия Прокопьевна — трудилась там же завучем и учителем математики одновременно (ее предками были православные священники). До рождения Александра в семье уже было трое детей — Володя, Миша и Галя.

Отец поначалу захотел назвать сына Львом, в честь писателя Льва Толстого. Однако затем передумал. В тот год отмечалось 100-летие со дня гибели А. С. Пушкина, поэтому сыну дали имя, соответствующее этой дате, Александр. Причем будущее своего сына Валентин Никитич предсказал уже тогда. В письме жене, находившейся тогда в роддоме, он писал: «Я уверен, что все будет хорошо. И, вероятно, будет разбойник-сын, и боюсь, как бы он не стал писателем, так как во сне я все вижу писателей…»

К сожалению, воспитывать своего сына Валентину Никитовичу так и не довелось. Буквально через несколько месяцев после его рождения один из учителей его же школы написал на него донос в НКВД. Валентина Никитича арестовали и причислили к «панмонголистам» — так энкавэдэшники называли тех, кто якобы ратовал за воссоединение Бурятии, Монголии и двух национальных округов. Обвинение было тяжким и не давало арестованному никаких шансов на выживание. Суд приговорил его к расстрелу, который и был произведен в начале 1938 года под Иркутском. Только через 19 лет Валентина Вампилова реабилитировали.

Объяснять читателю, что такое жить с клеймом родственников «врага народа», думаю, нет необходимости. Семья Вампиловых жила очень трудно, буквально перебиваясь с хлеба на воду. Родственники Валентина Никитовича еще при его жизни недолюбливали его русскую жену, а когда Вампилова-старшего не стало, они и вовсе отвернулись от нее. Анастасия Прокопьевна продолжала работать в школе, и ее зарплаты едва хватало, чтобы содержать себя и четверых

малолетних детей. Свой первый в жизни костюм Саша Вампилов получил только в 1955 году, когда закончил десять классов средней школы.

Саша рос вполне обычным мальчишкой, и никаких особенных талантов в нем его близкие долгое время не различали. Мать позднее признавалась: «Мы, родные, долго не видели в Саше таланта. Он не любил говорить о себе, об успехах и о работе. Да и не так много было у него этих успехов, трудно ему приходилось…»

Между тем первый талант будущего драматурга проявился еще в школе, где Александр самостоятельно выучился играть на гитаре, мандолине и домбре.

Закончив школу, Вампилов поступил на историко-филологический факультет Иркутского университета. Уже на первом курсе он стал пробовать свои силы в писательстве, сочиняя короткие комические рассказы. В 1958 году некоторые из них появляются на страницах местной периодики. Через год Вампилова зачислили в штат иркутской областной газеты «Советская молодежь» и в Творческое объединение молодых (ТОМ) под эгидой газеты и Союза писателей. В 1961 году вышла первая (и единственная при жизни) книга юмористических рассказов Александра. Она называлась «Стечение обстоятельств». Правда, на обложке стояла не его настоящая фамилия, а псевдоним — А. Санин.

В 1962 году редакция «Советской молодежи» решает послать своего талантливого сотрудника Вампилова в Москву на Высшие литературные курсы Центральной комсомольской школы. Проучившись там несколько месяцев, Александр возвращается на родину и тут же поднимается на одну ступеньку выше в своей служебной карьере: его назначают ответственным секретарем газеты. В декабре того же года в Малеевке состоялся творческий семинар, на котором Вампилов представил на суд читателей две свои одноактные комедии: «Воронья роща» и «Сто рублей новыми деньгами».

В 1964 году Вампилов покидает «Советскую молодежь» и целиком посвящает себя писательству. Вскоре в Иркутске выходят два коллективных сборника с его рассказами.

Через год после этого Вампилов вновь отправляется в Москву, в надежде пристроить в один из столичных театров свою новую пьесу «Прощание в июне». Однако эти попытки тогда закончились

безрезультатно. В декабре он поступает на Высшие литературные курсы Литинститута. Здесь зимой 1965 года произошло его неожиданное знакомство с модным в те годы драматургом Алексеем Арбузовым. Случилось это при следующих обстоятельствах.

Александр периодически захаживал на Центральный телеграф за почтой и деньгами. И вот в один из таких приходов он заметил там знаменитого драматурга, славе которого тайно завидовал. Не теряя ни минуты, Вампилов подскочил к знаменитости и буквально прокричал ему в ухо: «Здравствуйте, Алексей Николаевич!»

Арбузов от неожиданности вздрогнул, оглянулся и вдруг попятился назад. То ли он испугался, что этот чернявый провинциал в стареньком драповом пальто начнет клянчить у него деньги, то ли еще чего-то, но выражение его лица не сулило начинающему драматургу ничего хорошего. Однако Вампилов не растерялся. Быстро сунув руку за пазуху, он извлек на свет несколько листов исписанной бумаги и произнес: «Я был на семинаре одноактников, который вы вели. Вы меня не помните?»

«Нет, не помню», — искренне ответил Арбузов и уже повернулся, чтобы уйти.

Однако Александр не дал ему этого сделать. Протянув впереди себя свои листочки, он сказал: «У меня с собой оказалась моя новая пьеса, вы не могли бы ее посмотреть?»

Арбузов какое-то время медлил, видимо, раздумывая, как поступить. Было видно, что ему не очень хочется иметь дело с начинающим писателем, но последний смотрел с такой надеждой, что драматург не выдержал. Он взял из рук Вампилова пьесу и положил ее в свой портфель.

«Хорошо, я прочитаю ваше сочинение, — произнес затем Арбузов. — Только ответ я вам дам не скоро. Позвоните мне, когда закончится чемпионат мира по хоккею».

Пьеса «Прощание в июне», которую Вампилов вручил Арбузову, произвела на маститого драматурга хорошее впечатление. Поэтому, когда Александр позвонил ему через несколько дней домой, тот пригласил его к себе. Их встреча длилась несколько часов и произвела на Вампилова потрясающее впечатление. После нее он несколько дней ходил вдохновленный и рассказывал о ней всем своим друзьям. Правда, пробить эту пьесу в столице ему так и не удалось: первым ее

поставил на своей сцене в 1966 году Клайпедский драмтеатр. По этому поводу в декабре того года Вампилов дал интервью газете «Советская Клайпеда», которое оказалось (по злой иронии судьбы) единственным в жизни талантливого драматурга.

В том же году Вампилов вступил в Союз писателей.

Как и все провинциалы, учившиеся в Литературном институте, Вампилов жил в общежитии. Все свободное время он отдавал двум занятиям: или писал, или пил вместе с однокурсниками на общежитской крыше. В компании он был незаменимым человеком, настоящим заводилой. От его шуток хватались за животы даже самые отпетые острословы. Отмечу, что одним из его собутыльников был и Николай Рубцов, дела которого тогда шли неважно.

«Ты чего грустишь, Николай? — спрашивал его иногда Вампилов. — Опять не печатают? Ну и плюнь! Меня тоже не печатают, но я же не плачу. Пойдем лучше ко мне выпьем!»

И они шли в комнату к Вампилову. Там Александр доставал пачку черного чая, заваривал его покрепче, и они с Рубцовым коротали время за тихой мужской беседой.

Свою первую пьесу Вампилов написал в 1962 году. Это были «Двадцать минут с ангелом». Затем появились «Прощание в июне» (именно ее читал А. Арбузов), «Случай с метранпажем», «Старший сын», «Утиная охота» (обе — 1970), «Прошлым летом в Чулимске» (1972) и другие. У тех, кто их читал, они вызывали самые горячие отклики, однако ставить их не брался ни один театр в Москве или Ленинграде. Только провинция привечала драматурга: к 1970 году сразу в восьми театрах шла его пьеса «Прощание в июне». А вот родной иркутский ТЮЗ, который теперь носит его имя, при жизни Вампилова так и не поставил ни одну из его пьес.

Рассказывает О. Ефремов: «Мы прозрели не сразу. Когда была напечатана «Утиная охота», у критиков не нашлось ни одного слова, чтобы объяснить природу появления такого персонажа, как Зилов. Странный и «безнравственный» персонаж «Утиной охоты», предложенный обществу для осмысления, даже не был принят в расчет. Его, Зилова, психологический опыт казался какой-то чудовищной аномалией…»

К 1972 году отношение столичной театральной общественности к пьесам Вампилова стало меняться. «Прошлым летом в Чулимске» взял

себе для постановки Театр имени Ермоловой, «Прощание…» — Театр имени Станиславского. В марте проходит премьера «Провинциальных анекдотов» в ленинградском БДТ. Даже кино обращает внимание на Вампилова: «Ленфильм» подписывает с ним договор на сценарий «Сосновых родников». Казалось, что удача наконец-то улыбнулась талантливому драматургу. Он молод, полон творческих сил и планов. Благополучно складывается и его личная жизнь с женой Ольгой. И вдруг нелепая гибель.

17 августа 1972 года, за два дня до своего 35-летия, Вампилов вместе со своими друзьями Глебом Пакуловым и Владимиром Жемчужниковым отправился на отдых на озеро Байкал.

Вспоминает В. Шугаев: «В тот день я вернулся в Иркутск из поездки, увидел вечером темные Санины окна и вспомнил, что он собирался на Байкал. Ближе к полуночи громко и длинно зазвонил телефон:

— Старик, это Глеб. Саня утонул. Я из больницы звоню. Лодка перевернулась. Меня вот спасли, а его нет.

Звонил из Листвянки Глеб Пакулов, иркутский литератор, владелец этой проклятой лодки, которую когда-то мы помогали ему перевозить на Байкал…»

Что же произошло в тот день? Вот как описывает случившееся Ю. Нагибин:

«Глебушка (Пакулов) в смерти Вампилова не виноват, просто в нем сильнее оказалась сила жизни. Когда их лодка опрокинулась вблизи берега, Глебушка стал истошно орать, и случившиеся на берегу люди пришли ему на помощь. Гордый Вампилов молчал, и в ледяной воде разорвалось сердце. Спасать надо в первую очередь того, кто молчит…»

По описанию свидетелей происшедшего, лодка, в которой были Вампилов и Пакулов, зацепилась за топляк и перевернулась. Пакулов схватился за днище и стал звать на помощь. А Вампилов решил добраться до берега вплавь. И он до него добрался, коснулся ногами земли, и в этот момент у него не выдержало сердце.

Через несколько дней А. Вампилова хоронили на Радищевском кладбище. Проститься с ним пришли его родные, друзья и люди совершенно незнакомые. И здесь, на кладбище, произошли два странных события, которые многие истолковали как мистические. Во-

первых, его друзья забыли принести с собой веревки, на которых следовало опускать гроб в могилу. Как только это обнаружилось, они бросились к кладбищенскому сторожу, но того на месте не оказалось. Стали искать его по всему кладбищу и в конце концов нашли. Пока тот вернулся в свою сторожку, пока достал веревки, пока их принесли к могиле, прошло, наверное, около часа. И все это время гроб с покойным стоял на краю могилы, дожидаясь, когда же… Вот тогда кто-то в толпе произнес: «Не хочет Саня так рано в могилу уходить…»

Эти слова еще раз вспомнили все присутствующие через несколько минут. Когда гроб, наконец, обвязали веревками и стали опускать в могилу, вдруг выяснилось, что яма маловата…

Не успела остыть земля на могиле Вампилова, как начала набирать обороты его посмертная слава. Стали выходить в свет его книги (при жизни была издана всего лишь одна), театры ставили его пьесы (один только «Старший сын» шел сразу в 44 театрах страны), на студиях режиссеры приступили к съемкам фильмов по его произведениям. В Кутулике был открыт его музей, в Иркутске именем А. Вампилова назван театр ТЮЗ. На месте гибели появился мемориальный камень. Как пишет критик Т. Шах-Азизова: «Такой плотности осмысления, такого потока литературы не знали ни А. Володин, которому А. Вампилов наследовал, ни Э. Радзинский, с которым одновременно он начинал».

Самоубийцы
Л. Соболев. В. Кочетов. Ю. Друнина. В. Кондратьев

В полной драматизма истории отечественной литературы было несколько случаев, когда писатели накладывали на себя руки. Об А. Фадееве я уже упоминал, поэтому назову еще несколько случаев, произошедших значительно позже.

В начале 1971 года покончил с собой 72-летний **Леонид Соболев** — автор популярных книг «Капитальный ремонт», «Морская душа» и других. Однако на самом верху широкую общественность решили не будоражить правдой о самоубийстве писателя и сообщили, что Соболев ушел из жизни в результате тяжелой и продолжительной болезни. Однако скрыть правду от коллег Соболева все равно не удалось — они узнали о самоубийстве чуть ли не в тот же день.

Было известно, что трагедия разыгралась на даче писателя. У Соболева была неизлечимая болезнь — рак желудка, и он мучился страшными болями. Незадолго до смерти он лег в больницу на операцию, и, когда врачи вскрыли брюшную полость, они обнаружили страшные метастазы. Было понятно, что никакое лечение здесь не поможет. Врачи не стали ничего удалять, просто зашили тело и все. На следующий день Соболеву сообщили, что желудок нужно лечить терапией, мол, идет язвенный процесс. Однако писатель, видимо, обо всем догадался. Но виду не подал — как-никак морской офицер. Вспоминает врач, лечившая писателя, П. Мошенцева:

«Недели через две после выписки из больницы писатель пригласил меня к себе на дачу в Переделкино. Меня удивила архитектура дома. На верхнем этаже была построена округлая веранда, похожая на капитанский мостик. Создавалось впечатление, что сам дом похож на корабль. На этой удивительной веранде стоял большой письменный стол, за которым Леонид Сергеевич работал.

Я подумала тогда, что недаром его знаменитая книга называется «Морская душа». Соболев безумно любил море. Как лечащий врач я стала бывать в этом доме-корабле довольно часто. Леонид Сергеевич всегда встречал меня приветливо. О болезни мы почти не

разговаривали. Но однажды, когда я осматривала его в очередной раз, он сказал:

— Прасковья Николаевна! Ну мы ведь с вами хорошо друг друга понимаем. И нечего друг от друга скрывать правду.

Что я могла сказать ему в ответ?..»

Понимая, что дальше ему будет еще хуже, Соболев сам поставил точку в своей жизни — 17 февраля 1971 года снял со стены свое охотничье ружье и застрелился.

Два с половиной года спустя свел счеты с жизнью еще один известный советский литератор — главный редактор журнала «Октябрь» **Всеволод Кочетов**. Слава пришла к нему в 1952 году с выходом романа «Журбины» (два года спустя последовала его экранизация — фильм Иосифа Хейфица «Большая семья»). Затем из-под пера писателя вышли еще несколько романов: «Братья Ершовы» (1958), «Секретарь обкома» (1961), «Угол падения» (1967), «Чего же ты хочешь?» (1969) и др.

Кочетов был ярым сталинистом и антизападником, и наиболее выпукло его взгляды были изложены в романе «Чего же ты хочешь?», опубликованном в журнале «Октябрь» в 1969 году. Во многом благодаря стараниям Кочетова и его сторонников был разгромлен «Новый мир» Твардовского. Однако идеи Кочетова и Ко остались невостребованными: в начале 70-х кремлевское руководство взяло курс на сближение с Западом. Кочетов воспринимал все происходящее болезненно. Как утверждали очевидцы, в последние дни он даже спать ложился, не забывая положить под подушку наградной пистолет. А в преддверии главного революционного праздника — в ноябре 1973 года — нервы 62-летнего писателя, видимо, не выдержали, и он пустил себе пулю в висок. В газетах, естественно, об этом не было ни строчки: в некрологе (опубликован в «Советской культуре» и «Литературной газете» аккурат 7 ноября) написали, что Кочетов умер в результате тяжелой и продолжительной болезни.

Похороны В. Кочетова состоялись в воскресенье, 11 ноября. Гражданская панихида прошла в конференц-зале правления Союза писателей СССР. От правительства не было никого, хотя некролог покойному подписали все члены Политбюро во главе с Брежневым. На траурном митинге выступили коллеги покойного: Сергей Михалков,

Сергей Наровчатов, Анатолий Алексин, Иван Стаднюк, Феликс Чуев и др. Похоронили В. Кочетова на престижном Новодевичьем кладбище.

19 июля 1977 года на могиле В. Кочетова был открыт памятник (скульптор Б. Едунов, архитектор — М. Насекин).

Уже в наши дни покончила с собой 66-летняя **Юлия Друнина**. 21 ноября 1991 года талантливая поэтесса, фронтовичка Друнина закрылась в своем гараже в поселке Советский писатель Подольского района и задохнулась от выхлопных газов собственных «Жигулей». В предсмертной записке покойная просила никого в ее смерти не винить. Как написал через два дня после ее гибели в «Правде» В. Кожемяко: «Она была бескомпромиссной и максимально честной во всем. И беспредельно страдающей от того, какими взаимно озлобленными и жестокими, равнодушными и корыстными начали мы вдруг становиться. Это для нее было особенно невыносимо!»

Слова правдиста подтверждают стихи Друниной, которые она приложила к предсмертной записке. Вот они:

…Ухожу, нету сил.
Лишь издали
(Все ж крещеная!)
Помолюсь. За таких вот,
как вы, —
За избранных
Удержать над обрывом
Русь.
Но боюсь, что и вы
бессильны.
Потому выбираю смерть.
Как летит под откос
Россия,
Не могу, не хочу
смотреть!

Почти два года спустя примеру Друниной последовал еще один писатель-фронтовик — 72-летний **Вячеслав Кондратьев**, известный по таким повестям, как «Сашка», «Бои имели местное значение» и др. Но его случай идентичен случаю Л. Соболева.

Рассказывает брат писателя Ф. Кондратьев: «У Вячеслава был тяжелый гипертонический криз. Врач настоятельно рекомендовал строгий постельный режим, иначе мог развиться паралич. Вячеслав всегда боялся предсмертной беспомощности, больше всего он не хотел быть обузой для близких. Он много раз говорил мне, как важно уловить момент, когда еще сможешь предотвратить ужас беспомощности, но при этом не лишишь себя жизни раньше времени.

В тот день (24 сентября 1993 года. — *Ф. Р.),* встав с постели после ухода врача, он почувствовал слабость в руке и ноге и понял, что роковой момент наступил. У него в кабинете всегда было много оружия, он начал его коллекционировать еще до войны. Сказав жене, что ему необходима какая-то книга, он с трудом дошел из спальни до кабинета, взял револьвер, но поднять его выше пояса уже не мог. Выстрел пришелся в селезенку.

Вернувшись с кладбища после похорон Вячеслава в его квартиру на поминки, я держал в руках этот револьвер и, чтобы не произошло еще какого-нибудь несчастья, сделал выстрел последним патроном в корзину с мусором. Буквально на следующий день в газетах писали о перестрелке на поминках… Так появилась первая спекуляция на смерти Вячеслава, а состряпал ее журналист, сидевший за поминальным столом…»

Трагедия в Козынево
Дмитрий Балашов

Д. Балашов прославился целой серией романов про древнюю Русь: «Господин Великий Новгород», «Марфа-посадница», «Святая Русь», «Государи московские» и др. Как утверждают очевидцы, Балашов был на редкость отчаянным человеком, вечно попадавшим в различные передряги. За его долгую жизнь с ним чего только не приключалось: он и горел, и тонул, и нож ему втыкали в спину, и топором по голове били в драке, и в машине он падал с обрыва в реку. Но каждый раз писателю удавалось обмануть Костлявую. Односельчане ему частенько говорили: «Угомонись, не кликай лиха». Но Балашов мало прислушивался к этим советам. И вот результат…

72-летний Балашов жил в собственном загородном доме в деревне Козынево Новгородского района (в 12 км от Новгорода). Жил один, но тесно общался со своими соседями. Поэтому, когда в течение двух выходных дней в середине июля 2000 года последние не увидели его на своем участке, к ним закралось подозрение. Побоявшись сами заходить в дом к писателю, они дали знать о своих подозрениях председателю Ильменского сельсовета. Тот вошел в избу и обнаружил писателя мертвым. У Балашова была проломлена топором голова. Судя по беспорядку, который царил в избе, убийству предшествовала долгая борьба.

Одним из главных подозреваемых в убийстве с первых же часов расследования стал сын писателя от первого брака 22-летний Арсений Балашов. Было известно, что он несколько лет отсидел за хранение оружия, но, освободившись из-за решетки, на путь исправления не стал. Очевидцы утверждали, что в последние годы его отношения с родителем были крайне напряженными. Было несколько случаев, когда писатель заявлял на своего сына в милицию, обвиняя его в том, что он угрожает ему расправой, требуя денег. Однако после трагедии мнения односельчан разделились: одни обвиняли в происшедшем Балашова-младшего, другие активно его защищали, утверждая, что за все годы, что он жил в деревне, ничего предосудительного за ним замечено не было. 19 июля Арсений сам пришел в прокуратуру и предъявил

следствию железное алиби: в день убийства он находился в Санкт-Петербурге.

В конце концов спустя некоторое время был арестован товарищ Арсения по месту работы в заведении «Русский бильярд» 28-летний Евгений Михайлов, которому и было предъявлено обвинение в убийстве писателя из корыстных побуждений. В 2000 году Михайлов признался в содеянном (мол, убил писателя во время ссоры, защищаясь), после чего дело было закрыто. Как вдруг осенью 2003 года грянула сенсация.

22 сентября в Новгороде начались новые слушания по делу об убийстве Балашова. Обвиняемый Евгений Михайлов внезапно заявил, что этого преступления не совершал. Он сказал: «На предварительном этапе дознания я оговорил себя под давлением следователей. И три года отсидел за преступление, которого не совершал». Представитель обвинения просил ужесточить наказание подсудимому: до 15 лет лишения свободы. Адвокат настаивал на его невиновности. Судья Лидия Львова сделала свои выводы. По ее мнению, областная прокуратура «не смогла предоставить достаточные доказательства вины Михайлова. А показания сына убитого, Арсения Балашова, были названы «противоречивыми и недостаточными». В итоге суд признал Михайлова невиновным и освободил из-под стражи прямо в зале суда. Однако на свободе Михайлов пробыл недолго: в январе 2004 года приговор вновь был пересмотрен и оправдательный приговор ему был отменен.

Новые слушания начались 11 мая и продолжались месяц. На этот раз Михайлов был признан виновным в убийстве Балашова и получил наказание в виде 14 лет и 8 месяцев лишения свободы. Прямо в зале суда Михайлов был взят под стражу.

Трагедии в спорте

В небе под Свердловском
Гибель хоккейной команды ВВС

Хоккейная команда ВВС (Москва) была любимым детищем Василия Сталина и считалась одной из сильнейших в стране. Но особенно большие перспективы появились у команды в самом начале 50-х, когда туда перешел Всеволод Бобров. «Летчикам» стало вполне по плечу бороться за чемпионское звание, однако на их пути к «золотым» медалям встали непредвиденные обстоятельства.

7 января 1950 года команда ВВС на самолете «Дуглас» Си-47 вылетела в Челябинск на очередную календарную игру. Вместе с шестью членами экипажа и двумя сопровождающими на борту самолета было 11 хоккеистов: Харий Меллупс, Николай Исаев, Роберт Шульманис, Евгений Воронин, Борис Бочарников, Юрий Жибуртович, Василий Володин, Александр Моисеев, Зденек Зикмунд, Юрий Тарасов, Иван Новиков (трое последних перешли в ВВС из «Спартака» всей тройкой). Однако самолет до цели так и не долетел. В аэропорту Кольцово под Свердловском из-за плохих погодных условий «Дуглас» никак не мог выйти на второй радиомаяк и шесть раз пытался совершить посадку, но в итоге во время очередного захода у него не хватило тяги, и он рухнул на краю летного поля. Все находившиеся на борту самолета люди погибли.

Стоит отметить, что несколько лучших игроков ВВС только по счастливой случайности остались в Москве. Например, Бобров и Виктор Шувалов. Первый не успел оформить документы о переходе, опоздал к вылету и ехал поездом (по другой версии — кстати, самой распространенной — накануне вылета он просто загулял), второго Сталин посчитал неэтичным выставлять в игре против челябинского «Дзержинца», откуда он недавно перешел в ВВС.

Вот как вспоминают об этой трагедии ее непосредственные свидетели.

Н. Пучков (вратарь): «За мной прислали машину, привезли на «Сокол», там был штаб Василия Сталина. В комнате увидел Шувалова, Чаплинского, Стриганова, Афонькина, еще кого-то, собрали всех, кто оставался в Москве, даже тех, кто кончил или собирался кончить

играть. Нам всем было приказано тут же выехать в Челябинск. Календарные игры чемпионата продолжались. В Свердловске пошли в ангар, где лежали погибшие. Были все: родители, жены. Приехали из Москвы Анатолий Тарасов, Владимир Никаноров, Михаил Орехов — цэсковцы. Земля, все перемешано, тела прошиты металлом. Блеснул новенький погон, майорский, Бориса Бочарникова, звание только-только присвоили…»

В. Шувалов: «Погибших было 19 человек, но останки положили в 20 гробах, наглухо закрытых, потом поставили их на 10 «студебеккеров», захоронили. Теперь там, близ аэродрома Кольцово, обелиск. Когда приходилось бывать в Свердловске, всегда приносили туда цветы. Вспоминаю, какой ужас пережили мои родители. Ведь они думали, что я разбился вместе с командой, не верили телеграммам, которые слал из Москвы. Пока не увидели меня на перроне вокзала в Челябинске, пока не пощупали руками — цел, жив, невредим! — все не верили. И немудрено: никаких официальных сообщений ведь так и не последовало, имена не были названы…»

Официальная комиссия, которая была назначена для выяснения обстоятельств гибели самолета, с порога отмела версию о недостаточной квалификации экипажа. Согласно ее заключению, командир майор Зубов был опытнейшим боевым летчиком, да и все остальные члены экипажа обладали не меньшим опытом, чем он (экипаж входил в дивизию Грачева, которая обслуживала членов правительства). Что же тогда послужило причиной трагедии? Высказывались две версии. Согласно первой, самолет держал курс на два радиомаяка, расположенных один за другим. Однако по роковому стечению обстоятельств экипажу удалось выйти только на первый радиомаяк. С земли им командовали: выходите на ангары. Так продолжалось шесть кругов. На седьмом «Дуглас» попытался выполнить команду с земли, но обороты были уже потеряны. Зубов включил форсаж, но было поздно — не хватило тяги. После этого самолет лег на крыло, перевернулся и врезался в землю.

Вторая версия выглядела иначе. По ней выходило, что, заходя на посадку, экипаж врубил мощные прожекторы. Но пелена метели дала внезапный отблеск, который экипаж принял за пламя. Всем показалось, что самолет загорелся, и люди бросились в хвостовую часть. «Дуглас» потерял управление и рухнул.

Тем временем, несмотря на постигшую команду ВВС трагедию, чемпионат страны по хоккею продолжался. Василий Сталин был слишком честолюбив, чтобы позволить команде даже после такой потери опустить руки, поэтому он уговорил оставшихся в живых игроков продолжать первенство. И команда «летчиков» совершила чудо — заняла 4-е место. А год спустя, вновь набрав силу и мощь, ВВС вернули себе чемпионский титул. Василий был на вершине счастья. Назвав своих игроков «сталинскими соколами», он тут же поручил начальнику команды Дмитрию Теплякову записать все личные просьбы хоккеистов. После этого кто-то получил квартиру, кто-то — очередное воинское звание, кто-то — машину. Бобров к тому времени был уже «упакован» — имел и машину, и роскошную квартиру в «доме ВВС» на Соколе.

Вспоминает В. Тихонов: «Каким человеком был Василий Сталин? Судить не берусь. Рассказываю только о том, что помню, что было тогда. Я был, в сущности, мальчишкой и ни во что особенно не вникал. Безусловно лишь одно. Он был крайне нетерпим к возражениям.

Даже Всеволод Михайлович Бобров, которого Василий Сталин буквально боготворил, не осмеливался ему возражать. Да это было и бессмысленно. Сейчас, задним числом, думаю, что у Василия Сталина не было того, что принято называть чувством меры. Вероятно, бесконтрольность, к которой он привыкал годами, развратила его. Мог подарить, сняв с руки, золотые часы (так он отметил фантастическую игру Всеволода Михайловича в матче против команды города Калинина, когда Бобров забросил шесть шайб), а мог и неожиданно несправедливо и даже грубо обрушить упреки…»

Об этом же слова А. Белаковского: «Василий Сталин был очень импульсивным человеком. Даже Боброву как-то дал по морде. Меня дважды снимал с должности и восстанавливал (в 1950 году Бобров переманил Белаковского в ВВС с Дальнего Востока. — *Ф. Р.*). Часто принимал решение по первому звонку: «Белаковский — сволочь, его надо убрать». — «Уволить!» Потом новая информация: «Да нет, он хороший парень!» — «Да идите вы на три буквы, — вскипал Василий Иосифович, — отменить приказ!»

В 1952 году хоккейная команда ВВС вновь завоевала чемпионский титул и выиграла Кубок СССР. Тройка нападения

«летчиков» — Е. Бабич, В. Шувалов, В. Бобров — вновь стала самой результативной.

Разорванное сердце
Виктор Блинов

Блинов ворвался на хоккейный Олимп в середине 60-х, придя в столичный «Спартак» из омского «Аэрофлота». За короткое время Блинов стал одним из талантливейших и сильнейших защитников в отечественном хоккее. В 1966–1967 годах спартаковская пара защитников Виктор Блинов — Алексей Макаров была одной из сильнейших в стране. В сезоне 1967 года вдвоем они забросили 34 шайбы (по 17 каждый), то есть больше, чем большинство нападающих высшей лиги. Благодаря этому Блинов был приглашен в первую сборную и в 1968 году добился в ее составе своих высших достижений: стал чемпионом Олимпийских игр, мира и Европы. А спустя несколько месяцев после этого триумфа внезапно ушел из жизни.

Между тем смерть приходила к Блинову неоднократно. В первый раз он мог погибнуть в юности. Он тогда был дома, полез на шкаф за сигаретами, но свалился со стула и упал головой прямо на штырь, торчавший из швейной машинки. В больнице ему была сделана сложнейшая операция — трепанация черепа. После этого темя у Блинова осталось мягким, как у ребенка. Поэтому без шлема он никогда не играл, даже на тренировках.

Второй раз Блинов едва не погиб уже в Москве, когда играл за «Спартак». В тот день вечером он возвращался на спартаковскую базу в Серебряном бору, очень спешил и угодил под колеса автомобиля. Спортсмен получил серьезные травмы, однако уже спустя пару дней сбежал из больницы, чтобы выступать в составе любимой команды. Столь пренебрежительное отношение к собственному здоровью не могло не сказываться пагубно на самочувствии Блинова. К тому же в последний год своей жизни он стал сильно пить.

Лето 1968 года стало для Блинова последним. Он тогда отправился в Омск к своим родителям и практически не «просыхал», поскольку выпить со знаменитым земляком стремился чуть ли не каждый омич. Именно там прозвенел первый «звонок» — у Блинова «прихватило» сердце. Однако особого внимания на это спортсмен не

обратил — к врачам обращаться не стал, а всего лишь отлежался. Между тем у него был инфаркт.

Вернувшись в Москву, в «Спартак», Блинов практически сразу включился в тренировочный процесс. Причем и здесь обращаться к врачам не стал — прошел осмотр только у окулиста и стоматолога. Когда об этом узнал тренер команды Николай Карпов, он запретил Блинову появляться в зале: мол, сделаешь кардиограмму — милости просим. Но Блинов и этим указанием пренебрег. И едва тренер отлучился по делам в город, вышел на тренировку в спортзале на улице Воровского. Именно она и стала последней для спортсмена. На календаре было **10 июля 1968 года**.

Сначала Блинов тягал штангу. Затем играл в баскетбол. Во время игры ему в первый раз стало плохо, и он упал. Коллеги над ним посмеялись, не догадываясь, что до роковой развязки остаются считаные минуты.

Вспоминает А. Мартынюк: «Мы атаковали кольцо соперников. С мячом был Виктор. И тут он в совершенно безобидной ситуации отдает мяч не партнеру, а сопернику. «Твою мать!..» — выругался вполголоса Юрий Борисов, открывавшийся слева… Побежали обратно, к своему кольцу, и тут Блинов прямо около круга, из которого бросают штрафные броски, упал. Упал и не поднялся. Мы с Валерой Кузьминым стали слушать сердце, искать пульс. Сердце не билось, пульса тоже не было. Открыли все окна в зале, кто-то вызвал «Скорую». Минут через пятнадцать приехала бригада. Сделали укол в область сердца. Виктор дернулся и тут же снова затих. Навсегда…»

Уже на следующий день вся Москва обсуждала внезапную смерть талантливого 23-летнего хоккеиста. Поскольку пресса по этому поводу стоически молчала (только в «Советском спорте» был опубликован короткий некролог), слухи рождались самые невероятные. Так, например, говорили, что Блинов умер от чрезмерных нагрузок: дескать, тренер сборной Анатолий Тарасов заставил его тягать тяжеленную штангу, и Блинов надорвался. Другие утверждали, что хоккеист умер от большой дозы таблеток, которыми спортсменов пичкали врачи.

Три дня спустя на Ваганьковском кладбище состоялись похороны В. Блинова. Причем одноклубников покойного, хоккеистов московского «Спартака», на них практически не было. Им запретили

там присутствовать, отправив на предсезонные сборы в Алушту. От клуба были только капитан команды Борис Майоров и еще пара-тройка человек из администрации.

Лифт на эшафот
Анатолий Кожемякин

Имя Анатолия Кожемякина сегодня уже почти забыто. Однако в начале 70-х не было в советском футболе человека, кто бы не знал этого молодого и одаренного форварда. Он родился в простой рабочей семье (его отец работал монтером) и первые уроки футбольной науки получил на дворовой площадке. Затем пришел в юношескую секцию и буквально за несколько лет достиг выдающихся результатов. Уже в 16-летнем возрасте, играя за «Локомотив», он показывал чудеса техники, один обыгрывая чуть ли не полкоманды соперников и забивая за матч по 5–6 голов. Этим он вскоре и привлек к себе внимание тренеров столичного «Динамо». Ему едва исполнилось семнадцать лет, когда он впервые вышел на поле в основном составе этого прославленного футбольного клуба.

Стоит отметить, что природа щедро одарила Кожемякина как прекрасным физическим здоровьем, так и характером. Буквально с первых дней своего появления в «Динамо» он стал душой коллектива, его заводилой. Его любили как футболисты, так и тренеры, которые не могли нарадоваться филигранной технике Анатолия и тому, как он буквально на лету схватывал все их установки. Вскоре Кожемякин начал выступать и за сборную СССР, став одним из самых молодых ее нападающих.

Ему было всего 18 лет, а за ним уже толпами ходили футбольные фанаты, девчонки дежурили в подъезде его дома. Он относился к этому внешне спокойно, хотя в душе, конечно же, радовался. Он любил форс и никогда не упускал возможности показать, какой он крутой и знаменитый. Например, во время одной из поездок за границу он купил себе джинсовый костюм, который для большинства молодых жителей Союза был самым желанным и недоступным предметом гардероба. Даже в футбольном клубе «Динамо» не всякий «старичок» имел его. И вот Анатолий, вырядившись в этот костюм, специально пришел на тренировку, чтобы утереть нос ветеранам. И утер. Однако обиды на него за это никто тогда не затаил, поняли: молодой, знаменитый.

В начале 70-х Кожемякин вступил в полосу призывного возраста, и ему домой одна за другой стали приходить повестки из военкомата. Но так как он был то на сборах, то на играх в других республиках или странах, застать его было практически невозможно. А те времена не чета нынешним, когда «косить» от армии можно почти безбоязненно. Поэтому квартиру футболиста поставили на особый контроль и, когда Анатолий на несколько дней объявился в ней, забирать его пришли с нарядом милиции. И трубить бы ему в рядах СА, если бы руководство родного клуба не приложило все силы к тому, чтобы вызволить лучшего своего форварда из стен военкомата. Для этой цели в качестве парламентера был отправлен легендарный Лев Яшин. Конфликт был улажен, и Кожемякин вновь вернулся на зеленое поле.

В 1973 году Кожемякин женился. И, как отмечают очевидцы, сразу заиграл еще ярче. В чемпионате Союза он был признан лучшим центрфорвардом, а на чемпионате Европы среди юниоров стал лучшим бомбардиром, забив семь мячей в ворота соперников. К сожалению, это были последние громкие победы в жизни талантливого футболиста.

В 1974 году Кожемякин играл ниже своих возможностей, поэтому появлялся то в дубле, то на заменах в основном составе. А затем наступил роковой день — 13 октября.

За два дня до него Анатолий отыграл матч за дубль и упросил тренера А. Качалина не ставить его на игру с «Араратом». Он объяснил эту свою просьбу усталостью, хотя на самом деле причина была иной. В воскресенье он должен был идти с друзьями на концерт легендарной группы «Машина времени» в один из научных институтов. Тренер поверил словам Анатолия про усталость и отпустил его с базы домой.

Между тем домой (в новую квартиру, которую он с женой и дочкой получил за неделю до этого) Анатолий не поехал, предпочтя отправиться на гулянку с приятелями. Именно с ними на следующий день он и пошел на концерт.

Продолжался он около трех часов, и, когда все закончилось, на дворе уже стояла глубокая ночь. С трудом добравшись до дома, Анатолий позвонил в дверь, однако жена его не пустила. Сказала: иди туда, откуда пришел. Понять ее, в общем-то, можно: у нее на руках маленький ребенок, а муж, вместо того чтобы помогать, предпочитает

проводить время с приятелями. Анатолий еще какое-то время постоял у дверей, затем махнул рукой и ушел к своему приятелю — Толе Бондаренко. У него он и провел остаток той ночи.

Утром следующего дня, где-то около половины десятого, друзья вышли из дверей квартиры, чтобы спуститься во двор (там в это время всегда собиралась компания мужчин, игравших в «дыр-дыр»). В доме было два лифта, и друзья, как обычно, вызвали оба. Первым пришел левый, и они смело шагнули в кабину. Однако ехали недолго: где-то между четвертым и третьим этажами он внезапно застрял. Друзья стали нажимать кнопку вызова диспетчера, но никто на их призывы не отзывался. Лишь минут через пятнадцать мимо прошел лифтер, но выручать застрявших не торопился — с утра он уже принял «на грудь». Видя, что это может продолжаться бесконечно, Кожемякин и Бондаренко принялись вручную раздвигать двери. Им это удалось. Бондаренко предложил другу прыгать на нижний этаж первым, но тот отказался. Сказал: «На мне джинсы новые — жалко…» И Бондаренко прыгнул первым. Очутившись на лестничной площадке, он крикнул другу, что все нормально, и стал придерживать дверь лифта, чтобы облегчить Кожемякину его спуск. Но тот, вместо того чтобы не мешкая последовать за приятелем, стал приноравливаться, как бы спуститься половчее и при этом не запачкать свои джинсы. Он не знал, что в это время лифтер уже вернулся назад и собрался вновь пустить лифт.

Трагедия произошла в тот момент, когда Анатолий уже зацепился руками за край лифта и ногами достал площадку третьего этажа. Еще бы мгновение, и он бы выбрался наружу. Но в этот момент лифт тронулся. Кожемякин издал жуткий крик и свалился в шахту лифта. Его смерть была практически мгновенной. Так, едва засверкав, закатилась звезда одного из самых талантливых футболистов Советского Союза.

Роковой 1975-й
Виктор Аничкин. Валерий Попенченко. Владимир Куц

По злой иронии судьбы, 1975 год стал самым урожайным по части смертей известных спортсменов. Первым этот список открыл футболист столичного «Динамо» (1959–1972) и сборной СССР (1964–1968) **Виктор Аничкин**.

Аничкин считался одним из лучших центральных защитников советского футбола 60-х — начала 70-х годов. А вот звезда его закатилась со скандалом. В 1970 году в дополнительном матче за золотые медали чемпионата СССР в Ташкенте «Динамо» проиграло ЦСКА со счетом 3:4, ведя 3:1 за 20 минут до конца. Тренер динамовцев Константин Бесков посчитал, что игру специально сдали трое его игроков: Аничкин, Валерий Маслов и Геннадий Еврюжихин. Дескать, они продали игру неким мошенникам, поставившим на тотализатор за ЦСКА более миллиона рублей. И хотя сами игроки утверждали, что это форменный навет, тренер был непреклонен. После этого Аничкина все реже стали выпускать на поле, а в 72-м его и вовсе убрали из команды. И он стал искать успокоения в алкоголе.

После того как от него ушла жена с маленькой дочерью, Аничкин стал жить в квартире своего отца-вдовца на Шереметьевской улице. В 74-м его дела вроде бы пошли на поправку: ему предложили тренерскую работу на стадионе «Авангард», что на шоссе Энтузиастов. Все, кто в те дни видел Аничкина, утверждают, что он выглядел хорошо: повеселевший, стильно одетый. И вдруг 5 января 1975 года Аничкин внезапно умирает. По словам В. Маслова: «До сих пор толком не знаю, что же стало причиной этой неожиданной смерти? По одной из версий, они отмечали день рождения отца — Ивана Васильевича, здорово напились, а на следующий день Витя опохмелился бутылкой пива и умер. По другой — он вроде бы повздорил с отцом, и в момент ссоры случился инфаркт… Честно говоря, спросить, что называется, по горячим следам было не у кого, поскольку на похоронах я не был — улетел в Швецию на чемпионат мира по хоккею с мячом…»

Вспоминает Э. Мудрик: «Вокруг Витиной смерти ходило много разговоров, но я уверен, что он скончался от сердечного приступа. Мы с Игорем Численко ездили в морг после того, как это случилось: лицо у Виктора было синюшным — верный признак того, что причиной смерти стал обширный инфаркт. В тот момент, кстати, сразу вспомнилось, что еще во времена игр за «Динамо» он частенько говорил, что у него побаливает сердце…»

Аничкина похоронили в 40 километрах от Москвы, в Солнечногорском районе, где у его родителей была дача. Свой последний приют футболист нашел на скромном деревенском кладбище, где была похоронена его мама, тоже очень рано ушедшая из жизни.

Спустя месяц после смерти Аничкина из жизни ушел знаменитый боксер **Валерий Попенченко**. Имя этого спортсмена в 60—70-е годы прекрасно знали не только в нашей стране, но и за рубежом. Его карьера в спорте развивалась мощно и стремительно, восхищая и завораживая всех, кто за нею наблюдал.

В. Попенченко родился в 1937 году. Мать, Руфина Васильевна, воспитывала сына одна и всегда мечтала видеть его красивым и сильным мужчиной. Поэтому в 1949 году она привезла его в Ташкент и отдала в Суворовское училище. Там Валерий впервые и познакомился с боксом: в училище приехал капитан Юрий Матулевич и тут же открыл секцию по этому виду спорта. Этому человеку суждено будет стать первым наставником Попенченко на пути к боксерским вершинам.

Тренировки в секции бокса проводились четыре раза в неделю. Посещали их несколько десятков человек, и Валерий первое время среди них не особенно выделялся. Но от месяца к месяцу росли его успехи, и вот он уже числится в числе самых одаренных учеников Матулевича. На городских соревнованиях он завоевывает свои первые боксерские награды.

Стоит отметить, что эти соревнования были очень любимы курсантами-боксерами, так как хоть изредка, но позволяли им покинуть стены училища. Поэтому, как только их выпускали за ворота, они тут же мчались в город и часами слонялись по его улицам. И хотя тогдашний Ташкент не чета нынешнему, но и в нем курсантам-мальчишкам было не скучно. Они ездили на окраину города в Ходру,

где был стадион «Спартак», вдоль и поперек прошерстили улицы Аксалинскую, Навои и Коммунистическую (на последней находился зал «Динамо»), изучили все закоулки парка имени Горького.

В 1955 году Попенченко с отличием окончил Суворовское училище: в аттестате одни пятерки, на руках золотая медаль. Тем же летом его включили в состав юношеской сборной Узбекистана, и в августе он отправился на первенство Союза в Грозный.

Предварительные бои Валерий выиграл у своих противников сравнительно легко и вышел в финал. Там ему противостоял чемпион предыдущего года — боксер из Москвы Ковригин. Их бой поразил многих.

Первый раунд прошел довольно спокойно, соперники как бы приглядывались друг к другу. Во втором Ковригин мощно пошел вперед и уже на первой минуте нанес Попенченко сильный удар в голову. Валерий упал, но тут же сумел подняться. Зал ликует, целиком и полностью поддерживая чемпиона. Вдохновленный этим, Ковригин вновь начинает атаку и наносит противнику новый удар: апперкот в солнечное сплетение. Попенченко вновь оказывается на помосте. Судья начинает отсчет: один, два, три, четыре… И тут звенит гонг. Второй раунд окончен.

Когда начался третий раунд, наверное, ни у кого в зале не было сомнений в том, что Ковригин окончательно забьет «салагу из Ташкента». И действительно, чемпион пошел вперед, нанес целую серию ударов и в какой-то из моментов, видимо, уверовав в свою победу, раскрылся. И Попенченко своего шанса не упустил. Увидев брешь в обороне противника, он нанес свой коронный, отшлифованный в училище, удар под названием «кросс». Ковригин рухнул на помост и продолжать бой дальше не смог. Золотая медаль чемпиона досталась Валерию Попенченко.

Так получилось, что тот бой стал последним поединком тандема Матулевич — Попенченко. В том же году судьба их развела: Матулевич вернулся в Ташкент, а Валерий отправился в Ленинград, где его приняли в Высшее пограничное училище.

На новом месте тоже существовала секция бокса, однако Попенченко ее практически не посещал: ему не понравился тренер секции. Однако осенью того же года тот все-таки уговорил его выступить за училище на соревнованиях, и Попенченко согласился. И

потерпел свое первое поражение. Его нокаутировал москвич Соснин. После этого Валерий сник и больше в секцию не приходил. Тогда ему впервые показалось, что с боксом он расстался навсегда. Но жизнь рассудила по-своему.

Однажды на стадионе «Динамо» он познакомился с тренером Григорием Кусикьянцем, который предложил ему возобновить тренировки. Так началось их содружество.

Первый выход Попенченко на ринг с новым наставником произошел буквально через несколько недель после их знакомства. Кусикьянц еще совершенно не знал способностей своего ученика, но решил выпустить его на ринг, чтобы в деле посмотреть, на что тот способен. Это были соревнования Ленинградской спартакиады. До финала Валерий дошел легко, но в заключительном поединке встретился с опытным противником, чемпионом страны Назаренко, и проиграл ему по очкам. Это было второе поражение в боксерской карьере В. Попенченко.

В течение следующих трех лет спортивное содружество Кусикьянца и Попенченко активно продолжалось. И хотя Валерию много времени приходилось отдавать учебе, о боксе он тоже не забывал. В результате в 1959 году он блестяще выиграл звание чемпиона СССР. После этого встал вопрос о его включении в состав сборной страны, которая должна была отправиться на чемпионат Европы в Швейцарию. Но в отборочных встречах Попенченко потерпел поражение: он уступил олимпийскому чемпиону Геннадию Шаткову. (Отмечу, что Шатков на том чемпионате взял «золото».)

Прошло еще два года, прежде чем боксер попал в состав сборной СССР. За это время он успел дважды стать чемпионом страны, однако большинство специалистов бокса старались его не замечать, считая его победы случайными. Манеру боя Попенченко они называли неуклюжей и корявой. И только на чемпионате Европы в 1963 году, который проходил в Москве, Валерий сумел заставить этих людей заговорить о себе по-другому.

В первом же бою он буквально «размазал» опытного итальянца, во втором переиграл югослава, на счету которого было уже 400 поединков. И, наконец, в финале он нокаутировал румынского боксера Иона Моню. Так Попенченко впервые стал чемпионом Европы.

В последующие несколько лет боксер сумел еще один раз стать чемпионом Европы, четырежды (итого шесть) чемпионом СССР и один раз (в 1964 году в Токио) завоевал олимпийское «золото». В те годы он был одним из самых популярных спортсменов в Советском Союзе, его имя постоянно мелькало на страницах газет, лицо не сходило с экранов телевизоров. Однако вскоре он внезапно принимает решение покинуть ринг, что для многих было полной неожиданностью. Ведь его мастерство достигло высшего расцвета, и сил было хоть отбавляй. Его пытались отговорить, но он остался непреклонен. Ведь помимо спорта Валерий был загружен выше головы: научная работа в Высшем инженерно-техническом училище (он даже защитил там диссертацию), членство в ЦК ВЛКСМ (туда его избрали в 1966 году), наконец, молодая семья. О последней стоит рассказать отдельно.

Избранницей Попенченко стала студентка кораблестроительного института Татьяна Вологдина. Они познакомились совершенно случайно в Эрмитаже. Валерий пришел туда с другом, Татьяна с подругой. Именно благодаря последней и произошло их знакомство. Как оказалось, она знала приятеля, с которым Попенченко пришел в музей, и когда в коридорной сутолоке они столкнулись нос к носу, завязалась беседа. Татьяне показалось знакомым лицо парня, только она никак не могла вспомнить, где же она его видела. Дело в том, что спортивные передачи, транслируемые по телевидению, она смотрела крайне редко, но именно в одной из них она и увидела это лицо, но потом забыла. Ситуация прояснилась только после того, как он сам назвал свое имя и фамилию: Валерий Попенченко.

Их встречи продолжались около трех месяцев, после чего они приняли решение пожениться. Таня была из хорошей семьи, и ее родители с радостью приняли в свои ряды нового человека, к тому же знаменитость. Вскоре у молодых появилось прибавление — сын Максим.

В конце 60-х Попенченко принимает решение переехать с семьей к матери в Москву. Руфина Васильевна проживала в столице одна и откровенно жаловалась сыну на одиночество. «Приезжайте ко мне, — просила она сына и невестку. — Я и за внучком пригляжу». И они переехали.

В Москве Попенченко предлагали работу в разных местах (например, Н. Озеров переманивал его в комментаторы), однако он выбрал преподавательскую: в МВТУ имени Баумана получил должность заведующего кафедрой физвоспитания. В середине 70-х началось строительство новых корпусов этого училища (в том числе и спортивных сооружений), и Валерий частенько захаживал туда, чтобы проверить работу строителей. Обычно он с утра переодевался в морскую робу и брюки и шел на стройку, где, бывало, пропадал и до вечера. Во время одного из таких посещений в феврале 1975 года и случилась трагедия. Нелепая и до сих пор до конца необъяснимая.

Попенченко сбегал по лестнице с низкими перилами и на очередном витке внезапно потерял равновесие и упал вниз, в лестничный пролет. Смерть наступила мгновенно. Следствию так и не удалось объяснить, что случилось со знаменитым спортсменом. Были двое свидетелей этого происшествия, один из которых утверждал, что Попенченко, когда летел вниз, не издал ни одного звука. Это было странно, ведь должен же он был испугаться хотя бы на миг. Но следствие злого умысла в этой трагедии так и не нашло.

Похоронили знаменитого спортсмена на Введенском кладбище.

Через полгода после гибели Попенченко страну потрясла еще одна смерть — знаменитого некогда спортсмена **Владимира Куца**.

Куц родился 7 февраля 1927 года в селе Алексино Тростянецкого района Сумской области. Отец и мать будущего олимпийского чемпиона работали на сахарном заводе. По их словам, Володя рос крепким, сильным и выносливым мальчишкой. Правда, особенной ловкостью тогда не отличался, был эдаким увальнем, за что и получил прозвище Пухтя.

В 1943 году, когда передовые части Красной Армии дошли до Алексина, 16-летний Володя Куц добровольно вступил в ее ряды, приписав себе лишние пару лет. На фронте был связным в штабе полка. Затем его отправили на учебу в артиллерийское училище в Курск. Однако до места назначения юноша так и не доехал: по дороге поезд попал под бомбежку, и Куц потерял все документы. Пришлось ему возвращаться домой в Алексино, где его уже давно считали погибшим.

Осенью 1945 года Куц ушел служить в Балтийский флот: сначала был простым артиллеристом, затем дослужился до командира расчета

12-дюймового орудия. Там же впервые вышел на беговую дорожку во время соревнований в честь Дня Победы. Его победа была настолько впечатляющей, что с этого момента его стали отправлять на все соревнования по бегу, и везде он оказывался победителем. Многие тогда удивлялись его успехам, так как никогда не подозревали в толстяке Куце таких способностей.

Между тем, не имея рядом с собой никакого опытного тренера, Владимир год от года улучшал свои показатели. Например, в беге на 5 тысяч метров он показал результат выше нормы 2-го разряда — 15 минут 44,4 секунды. Лишь весной 1951 года ему посчастливилось встретиться в Сочи с известным тренером по легкой атлетике Леонидом Хоменковым, который специально для Куца составил план тренировок. После этого было участие в ряде соревнований, в большей части из которых Владимир вышел победителем. А зимой 1954 года судьба свела его с тренером Григорием Никифоровым, который взялся за него всерьез. С этого момента Куц стал планомерно тренироваться под его руководством.

Сезон 1953 года был очень успешным для спортсмена, который еще весной пребывал в безвестности: две серебряные медали на IV фестивале молодежи в Бухаресте, две золотые на первенстве страны, всесоюзный рекорд к концу сезона.

В 1954 году спортсмен одержал первую крупную победу, установив мировой рекорд на чемпионате Европы в Берне, после чего стал одним из фаворитов предстоящих в Австралии XVI Олимпийских игр.

Олимпийские игры начались 22 ноября 1956 года. Однако за три дня до их открытия с Куцем случился инцидент, который едва не оставил его за бортом этих соревнований.

Куц был заядлым автолюбителем и незадолго до Олимпиады купил себе «Победу». Но, видимо, вдоволь наездиться на ней не успел, поэтому, едва прибыв в Мельбурн, решил наверстать упущенное на чужой земле. Он уговорил одного австралийца дать ему прокатиться на его машине в пределах олимпийской деревни. Тот согласился. Владимир усадил в нее тренера Никифорова, своего коллегу Климова и сел за руль. А далее произошло неожиданное. Видимо, не рассчитав свои действия (машина была иностранная, руль с правой стороны, а ее двигатель был в два раза мощнее, чем у «Победы»), Куц рванул

автомобиль с места и врезался в столб. В этой аварии он получил дюжину различных ран, которые пришлось залечивать в местном травмпункте. Это событие, естественно, не укрылось от глаз вездесущих репортеров, и уже вечером того же дня газеты трубили о том, что надежда советских спортсменов Владимир Куц тяжело травмирован и выбывает из игры. Чтобы опровергнуть эти слухи, Куцу пришлось лично явиться на танцы в олимпийский концертный зал и на танцевальной площадке продемонстрировать всем, что он абсолютно здоров.

Первое выступление Куца на Олимпиаде (забег на 10 000 метров) состоялось 23 ноября. В этом забеге участвовали четырнадцать спортсменов, но бесспорными фаворитами были двое: Куц и англичанин Гордон Пири. Большинство специалистов отдавали свое предпочтение англичанину, который незадолго до Олимпиады в очном поединке не только обыграл Куца на дистанции 5000 метров, но и отобрал у него мировой рекорд. Но на этот раз все получилось иначе. Как пишет Е. Чен:

«Только сами спортсмены и настоящие специалисты знают, как тяжело во время долгого, изнурительного стайерского бега совершать даже короткие ускорения. А в Мельбурне Куц предложил неотступно следующему за ним Пири целых три таких рывка по 400 метров каждый. Это был действительно бег на грани жизни и смерти. И после третьего рывка, хотя до финиша осталось только около полутора километров, Пири сдался. Еле перебирая ногами от усталости, он безучастно смотрел, как его один за другим обходят соперники в тот момент, когда с привычно поднятой правой рукой Куц победно пересекал линию финиша».

Куц пробежал 10 000 метров за рекордное время — 28 минут 45,6 секунды. А его главный соперник Пири пересек финишную черту только восьмым. Он был сильно измотан, еле дышал, в то время как Куц сумел пробежать еще целый круг почета. Пири тогда заявил: «Он убил меня своей быстротой и сменой темпа. Он слишком хорош для меня. Я бы никогда не смог бежать так быстро. Я никогда не смог бы побить его. Мне не надо было бежать десять тысяч метров».

Завоевав первую золотую медаль, Куц вскоре завоевал и вторую: в беге на 5 000 метров. Причем предшествовали этому весьма драматические события.

Как оказалось, победа на «десятке» стоила Куцу очень дорого: врачи обнаружили у него в моче кровь. Чтобы организм восстановился, требовалось время, а его у спортсмена не было: 28 ноября ему предстояло участвовать в следующем забеге. И тогда Куц решил отказаться от забега. Говорят, команда его поддержала, однако чиновник из Спорткомитета, находившийся там же, заявил: «Володя, ты должен бежать, потому что это нужно не тебе, а нашей Родине!» Кроме того, чиновник пообещал спортсмену в случае победы генеральскую пенсию. Короче говоря, Куц на дистанцию вышел. И, естественно, победил, завоевав вторую золотую медаль (он пробежал дистанцию за 13 минут 39,6 секунды).

Стоит отметить, что на протяжении всего пребывания советской команды в Мельбурне против ее спортсменов, и особенно против Куца, было предпринято несколько провокаций. Например, однажды с Владимиром на улице «случайно» столкнулась эффектная блондинка, которая представилась землячкой спортсмена (якобы тоже с Украины) и пригласила его к себе в гости. Однако Куцу хватило ума и выдержки тактично уклониться от более близкого знакомства.

В другой раз, уже в самом конце игр, во время пресс-конференции, устроенной Куцем, некая дама подскочила к его столу и с возгласом «Красная крыса!» вытряхнула из сумки на стол восемь белых крыс, выкрашенных в красную краску. Куц и на этот раз сдержался.

К сожалению, триумф бегуна на Олимпиаде в Мельбурне оказался последним в его спортивной карьере. После нее его все чаще стало беспокоить здоровье. Спортсмена мучили боли в желудке и в ногах. У него обнаружилась повышенная проницаемость венозных и лимфатических капилляров (это было отголоском событий 1952 года, когда он упал в ледяную воду и сильно отморозил себе ноги). В феврале 1957 года врачи Куцу заявили прямо: «Бросьте бег, если думаете жить». Но он не бросил. В декабре того же года он отправился в бразильский город Сан-Пауло на соревнования «Коррида Сан-Сильвестр». Но итог его выступления там был плачевен: он пришел восьмым. Однако и это поражение не заставило его бросить беговую дорожку. В течение нескольких месяцев он усиленно тренировался и в июле 1958-го, в Таллине, на чемпионате страны, вновь вышел на беговую дорожку. И жестоко проиграл, придя к финишу последним. В

1959 году Куц официально заявил, что прекращает выступления на спортивной арене.

Бросив выступления, Куц целиком переключился на учебу: он поступил в Ленинградский институт физкультуры, надеясь в будущем стать тренером. Окончив его в 1961 году, он стал тренировать бегунов в Центральном спортивном клубе армии. Казалось, что впереди его ждет вполне благополучная судьба. Однако…

Вернувшись вскоре в Москву, Куц стал сильно поддавать. По словам очевидцев, пил он чудовищно, опустошая за три дня 15 бутылок водки. А так как он в то время получал приличную генеральскую пенсию (350 рублей), проблем с питьем и закуской у него никогда не возникало. Эти дикие загулы олимпийского чемпиона не могли остановить ни его друзья, ни близкие. А вскоре на этой почве от него ушла вторая жена. За голову спортсмен взялся только тогда, когда его сразил правосторонний инсульт. Благодаря своему богатырскому здоровью Куцу тогда удалось восстановиться, правда, частично. Но даже после этого окончательно пить он так и не бросил. Всегда выпивал в день по 400 граммов.

В последние годы своей жизни Куц лелеял мечту вырастить себе достойного ученика. И в начале 70-х эта мечта, казалось, начала сбываться: его питомец Владимир Афонин сумел улучшить рекорд СССР, все эти годы принадлежавший Куцу. Молодого спортсмена включили в сборную страны, которая в 1972 году отправилась на Олимпийские игры в Мюнхен. Однако там Афонина ждала неудача. Судя по всему, она окончательно выбила из колеи Владимира.

В один из дней августа 1975 года Куц в очередной раз повздорил со своей бывшей женой. Вернувшись домой, он крепко выпил, а затем проглотил с десяток таблеток люминала и лег спать. Когда утром следующего дня за ним зашел его ученик, чтобы разбудить на тренировку, Куц был уже мертв. Что это было: самоубийство или простая случайность, теперь уже не установить.

В день смерти прославленного спортсмена в Ницце проходили большие международные соревнования. Они были в самом разгаре, когда вдруг диктор сообщил зрителям, что в Москве в возрасте 48 лет скончался олимпийский чемпион Владимир Куц. И весь стадион встал, чтобы почтить память великого мастера.

Панцирная сетка
Александр Белов

А. Белов родился 9 ноября 1951 года. В баскетбол начал играть еще в школьные годы. В конце 60-х попал в основной состав ленинградского «Спартака», с которым вскоре выиграл Кубок обладателей кубков. Мировая слава пришла к нему в 1972 году на Олимпийских играх в Мюнхене. В финальном матче этого турнира сошлись две сборные: СССР и США. Матч складывался очень драматично. Наши постоянно вели в счете, но разрыв был минимальным. За полминуты до конца встречи счет был 49:48 в пользу сборной СССР. Наши пошли в очередную атаку, и капитан команды Паулаускас, дойдя с мячом до зоны соперников, отдал точный пас А. Белову, который был уже под щитом американцев. Все ждали от него завершающего броска, который поставил бы финальную точку в этом поединке. Александр бросил, мяч пролетел несколько метров, отделяющие его от кольца, но попал в дужку. Это было невероятно, но факт. Но затем произошло еще более невероятное. Отскочив от дужки, мяч вновь вернулся в руки А. Белова. Следовало бросить еще раз, и все, кто наблюдал за матчем, были твердо уверены, что А. Белов так и поступит. Но он, видимо, испугавшись нового промаха, поступил иначе: он отбросил мяч в сторону своего напарника по команде Саканделидзе. Тот же этого не ожидал и поймать мяч в руки не сумел. Зато оказавшийся тут как тут американец Коллинз мяч подхватил и бросился к нашей зоне. Чтобы остановить его, Саканделидзе пришлось «сфолить», и судья назначил штрафные. Коллинз блестяще их реализовал и за несколько секунд до конца матча вывел свою команду вперед. Все! Наши проиграли! Американцы бросились обниматься, а на советских баскетболистов было страшно смотреть. Особенно переживал А. Белов, который имел прекрасную возможность вывести нашу команду в победители турнира. В те мгновения ему, наверное, казалось, что жизнь для него остановилась. Он стоял в гордом одиночестве посреди площадки, и никто из товарищей по команде не смотрел в его сторону. И тут внезапно произошло чудо. Судьи фиксируют, что матч до конца не доигран:

осталось три секунды. Но что можно сделать за это время? Разве что поймать мяч в руки. Поэтому практически никто из присутствующих и наблюдавших за ходом матча по телевизору зрителей не верил в то, что результат изменится. Но вот звучит свисток, наш баскетболист Едешко перехватывает мяч и точным броском отдает его дежурившему под щитом американцев А. Белову. Зал замирает. Еще мгновение — и матч закончится. Однако прежде, чем это произошло, Александр точным броском посылает мяч в кольцо противника. И только после этого звучит сирена. Все! Победа сборной СССР, которая приносит им олимпийские медали!

После этого победного броска к Белову пришла фантастическая слава. Даже в Америке, где, казалось бы, его должны были теперь ненавидеть, появились целые группы «фэнов» — почитателей Александра Белова. Одна молодая американка потеряла из-за него голову, приехала в Ленинград и предложила ему жениться на ней и уехать в США. Но он отказался.

Между тем карьера талантливого баскетболиста с каждым годом набирала темп. В 1974 году он был признан лучшим центровым на чемпионате мира, на следующий год стал чемпионом страны, еще через год чемпионом мира, на Олимпийских играх в Монреале в 1976 году взял «бронзу». Вот каким запомнил А. Белова И. Фейн:

«Величайший тактик отечественного и мирового баскетбола, тренер ленинградского «Спартака» Владимир Петрович Кондрашин, может быть, впервые в своей блистательной, длинной-длинной карьере смог воплотить все, что задумывал на площадке. Потому что у него был Белов. Саша бежал, как молодой олень. Он прыгал, как будто у него в ногах была пружина. Я что-то не помню, кто выигрывал у него (и выигрывал ли вообще) вбрасывания, хотя визави превосходили его на 10–15 сантиметров (у Белова было всего 2 метра роста). Это был атлет, больше ничего и говорить не стоит.

Мяч он держал так, что выбить, вырвать его из рук не было никакой возможности. Железная хватка Белова позволяла ему выстоять, сориентироваться в самых острых ситуациях. И при этом, что просто поражало современников, у него, как у блестящего пианиста, была прекрасная рука. Бросал Саша мягко, изящно, подчеркнуто красиво и точно…

Но все же главное его достоинство — интеллект. Такого умного, интеллигентного, все видящего и понимающего центрового спортивный мир еще не знал…»

Несмотря на завидные успехи в спортивной карьере Белова, его личная жизнь поначалу складывалась не так удачно. Одно время он встречался с девушкой, которую любил, и даже собирался на ней жениться. Однако этому не суждено было сбыться. Забеременев от него, девушка решила избавиться от ребенка и сделала аборт, даже не предупредив об этом своего любимого. Когда тот узнал об этом, он принял решение порвать с ней отношения. Для него это было трудное решение, но, видимо, иначе он поступить не мог.

Новая любовь пришла к нему неожиданно весной 1976 года. Произошло это при следующих обстоятельствах.

Еще два года назад он знал о том, что его любит молодая баскетболистка Александра Овчинникова, но отвечать на ее чувства не мог: тогда он еще встречался со своей первой невестой. Но когда они расстались, он вспомнил про свою тезку и первым пошел на сближение.

Рассказывает А. Овчинникова: «На слете олимпийцев, проходившем в Ленинграде, ко мне подошел Сашин друг из Тбилиси, тоже известный баскетболист, Михаил Коркия, и завел разговор о Белове, выясняя, как я к Саше отношусь. Я, ничего не подозревая, честно отвечаю: «Он мне нравится». Не прошло после этого и трех дней, как мне в «Спартаке» вручают письмо без подписи. Даже не письмо, короткую записку. Я ее до сих пор храню: «Саша, нам нужно поговорить. Теперь ты много узнала о моих чувствах к тебе. Не подписываюсь. Думаю, ты догадалась, кто обращается к тебе». Вечером я уже мчалась к нему на свидание…

В тот вечер мы сходили на концерт, потом долго гуляли. Наутро Саша улетел со сборной на 20 дней в США. Так потом бывало часто: не успеем встретиться, как уже надо расставаться. Я ведь тоже выступала за национальную сборную…

Первое время мы с Сашей чаще всего встречались в Подмосковье. Женская сборная СССР проводила сборы обычно в Серебряном бору, а мужская — в Новогорске. Несмотря на строгий контроль тренеров (особенно нашего, женского), мы умудрялись ежедневно бегать на свидания друг к другу…

Его тренер, Кондрашин, мне кажется, был рад и даже как бы ненароком подталкивал его ко мне. Я считалась очень положительной — скромная, выдержанная, и Владимир Петрович надеялся, это мое предположение, что я благотворно повлияю на «взрывного Белова»… Поженились мы в апреле 1977 года…»

Между тем после монреальской Олимпиады у Белова все чаще стало сдавать здоровье. Он постоянно жаловался тренеру на боли в груди, и тот, чтобы облегчить ему страдания, буквально в каждом матче позволял минуту-другую отдохнуть на лавочке. А в конце 1977 года здоровье Александра стало стремительно ухудшаться из-за одного скандального происшествия.

Теперь уже не секрет, что в те годы многие советские спортсмены, выезжавшие за рубеж, вывозили с собой дефицитные для западного покупателя товары (вроде икры, водки) и обменивали их на вещи, дефицитные у нас: аудио— и видеоаппаратуру, одежду, обувь и т. д. Для этих целей в каждой группе отъезжающих спортсменов были специальные люди, которые в своем багаже и провозили контрабанду (их называли «зайцами»). В основном это были игроки-середнячки, потеря которых для команды в случае разоблачения была бы несущественна. Однако в той злополучной поездке ленинградского «Спартака» в Италию, о которой идет речь, игроки почему-то решили доверить контрабанду Александру Белову. Тому бы возмутиться за такое «доверие», отказаться… Но, видимо, на то и был сделан расчет, что Александр при своей природной доброте воспримет это без скандала. Так оно и получилось. Взяв сумку, в которой на этот раз лежали не какие-нибудь водка или икра, а иконы (!), спортсмен ступил на пункт таможенного контроля. И именно его багаж внезапно решили проверить таможенники.

Позднее выяснилось, что произошло это отнюдь не случайно. Один из игроков команды, мечтавший играть в стартовой пятерке и видевший в Белове основное препятствие к этому, решил его убрать чужими руками. Он «стукнул» куда следует о том, что в багаже Белова не предназначенные для провоза вещи, и знаменитого центрового задержали.

Скандал из этого раздули грандиозный. Ряду центральных газет была дана команда подробно осветить это событие, разделав виновника происшествия «под орех». Белова тут же лишили звания

заслуженного мастера спорта, стипендии, вывели из национальной сборной и из состава «Спартака». Даже тренироваться ему запретили. После этого Александр запил, сердце стало болеть еще сильнее.

По одной из версий, эту провокацию специально подстроили чиновники из Спорткомитета, чтобы выбить знаменитого центрового из ленинградского «Спартака» и переманить его в Москву. На эту версию косвенно указывает ряд фактов. Например, такой: сразу после отчисления Белова из команды тот человек, который всучил ему злополучные иконы, настоятельно советовал переходить в ЦСКА, где ему сразу восстановят все звания и возьмут обратно в сборную. Но Александр отказался от этого предложения. Не мог он предать команду, тренера, которые, собственно, и сделали из него настоящего спортсмена.

В августе 1978 года судьба вроде бы снова улыбнулась Белову: его вновь пригласили в национальную сборную, которая в рамках подготовки к чемпионату мира на Филиппинах тренировалась в латышском городе Талсы. По словам очевидцев, когда Белов приехал на сборы, его с восторгом встречала вся команда, даже те из игроков, кого он неизбежно должен был вытеснить из сборной. Казалось, что справедливость восторжествовала и новые победы спортсмена не за горами. Однако…

Буквально через несколько дней после начала тренировок Белов стал жаловаться на недомогание. Врачи обследовали его и определили отравление. Больного отправили в инфекционную больницу, где тамошние эскулапы посадили его на уколы. От них у Белова внезапно заболело сердце. Вскоре его перевезли в Ленинград, в Институт усовершенствования врачей.

Знаменитого спортсмена лечила целая группа именитых профессоров, которая и установила причину его заболевания: панцирная сетка. Болезнь, когда известь, как панцирем, из года в год покрывает сердечную мышцу. В конце концов человек перестает дышать. Болезнь была неизлечимой, и врачи прекрасно это знали. По одной из версий, знал об этом и сам Белов, только виду никогда не подавал. Его тренер В. Кондрашин в свое время даже пытался найти в США врача, который смог бы вылечить его талантливого ученика, но эта попытка не увенчалась успехом.

По горькой иронии судьбы, Белов умирал в том же институте, в котором несколько лет назад ушел из жизни и его отец. Более того, он лежал на той же самой кровати, на которой провел свои последние минуты жизни его родитель.

3 октября 1978 года А. Белов скончался.

P. S. А. Овчинникова после смерти мужа несколько лет жила одна. Затем вновь вышла замуж, родила дочку — Полину. Однако в дальнейшем жизнь молодых разладилась, и они развелись. Мать А. Белова, Мария Дмитриевна, считает Полину своей внучкой и помогает в ее воспитании.

Тайна гибели «Пахтакора»

В первой половине августа 1979 года в комплексе зданий ЦК КПСС на Старой площади в Москве царила привычная для этого времени года пора, именуемая мертвым сезоном. Практически вся политическая верхушка страны во главе с Генеральным секретарем ЦК Леонидом Брежневым находилась вдали от Москвы, догуливая последние дни перед началом нового политического сезона. И только два члена Политбюро, оставшиеся в столице «на хозяйстве», были вынуждены раньше остальных впрягаться в работу: Андрей Кириленко и Юрий Андропов. Особенно много работы было у шефа КГБ, которому приходилось анализировать информацию сразу из двух регионов — Афганистана и Китая, где события приобретали для Советского Союза тревожный оттенок. Как вдруг в субботу, 11 августа, на плечи Андропова свалилась еще одна неожиданная ноша.

В тот субботний день около двух часов дня, когда Андропов находился на своей даче в Подмосковье, ему позвонили по спецсвязи из Москвы. Взволнованным голосом один из помощников Андропова сообщил, что полчаса назад в небе над городом Днепродзержинском произошла авиакатастрофа с многочисленными жертвами. «Столкнулись два самолета, — сообщал помощник. — В одном из них находились футболисты ташкентской команды «Пахтакор», летевшей на очередную встречу в Минск. Проверяются две версии: диверсия и халатность диспетчерских служб, которые вынуждены были работать в авральном режиме». «Почему в авральном?» — спросил Андропов. «Воздушный коридор освободили для «главного борта», и сразу несколько самолетов оказались в одном коридоре». — «Кто был «главным бортом», установили?» — «Да. Один из секретарей ЦК Украины». Выслушав информацию, Андропов распорядился, чтобы его постоянно держали в курсе происходящего, и положил трубку.

За те 12 лет, что Андропов занимал кресло шефа КГБ, на его памяти было более десятка разного рода авиа-ЧП. Среди них было несколько террористических актов, а остальные — стандартные авиакатастрофы. Поэтому с недавних пор подобного рода инциденты перестали быть для Андропова чем-то особенным. Но последнее

происшествие резко выделялось из обычного ряда не только масштабами жертв (по приблизительным подсчетам, в обоих самолетах могло находиться до двухсот человек), но и тем, что могло нести в себе политический подтекст. Ведь команда «Пахтакор» была любимым детищем хозяина Узбекистана Шарафа Рашидова, который всегда слыл страстным футбольным болельщиком. Впрочем, он был не одинок в своем увлечении. Так повелось, что футбол в СССР считался не только одним из самых любимых видов спорта, но и был любимой игрушкой в руках политиков. За всеми грандами первенства страны стояли как реальные хозяева из спортобществ, так и закулисные — высокопоставленные партийные и государственные деятели. Так, ЦСКА «курировал» министр обороны (сначала Гречко, потом Устинов), столичное «Динамо» — Николай Щелоков (вотчиной шефа КГБ Юрия Андропова было хоккейное «Динамо»), киевское «Динамо» — хозяин Украины Владимир Щербицкий, бакинский «Нефтчи» — Гейдар Алиев, тбилисское «Динамо» — Эдуард Шеварднадзе и т. д. Генсек Брежнев болел сразу за два футбольных клуба — столичный ЦСКА и «Днепр» из Днепропетровска, что тоже было немаловажно, — иные победы этим командам присуждались специально, чтобы не огорчить «дорогого Леонида Ильича».

Андропов, который с первых дней знакомства с Рашидовым ничего, кроме антипатии, к нему не питал, страсть Рашидова к футболу уважал и всегда поражался тому, как ему хватает времени и терпения нянчиться с любимой командой. Рашидов заботился о «Пахтакоре» так, как иной отец не станет нянчиться со своим любимым дитятей. И вот теперь это детище у Рашидова отняли. И где: в небе над Днепродзержинском, который был родным городом для Леонида Брежнева. Плюс — в этом же городе начиналась партийная карьера нынешнего хозяина Украины Владимира Щербицкого, который, по злой иронии судьбы, считался одним из давних недоброжелателей Рашидова. Поэтому первое, что могло прийти в голову людям, знавшим об этом, — что гибель «Пахтакора» не случайна. Подумал об этом же и Андропов. «Эта катастрофа — удобный повод расшатать нервы Рашидова, — размышлял шеф КГБ. — И это в тот самый момент, когда нам нужно от Рашидова совсем другое: концентрация воли и характера. Ведь в случае

обострения ситуации в Афганистане именно на плечи его республики выпадет одна из главных миссий — военная».

Уже к вечеру того субботнего дня по Москве поползли слухи о гибели «Пахтакора». Волею случая именно в тот день в столице состоялся финальный матч на Кубок СССР по футболу между динамовцами Москвы и Тбилиси. И уже в процессе игры среди зрителей стала гулять версия о том, что в гибели «Пахтакора» повинен Брежнев. Дескать, он летел из Крыма, где отдыхал, в Москву и стал невольным виновником аврала в небе Украины. Андропову доложили об этих разговорах тем же вечером. И он в очередной раз поразился феномену народной молвы: при абсолютной закрытости советской печати слухи распространялись по стране с поразительной быстротой. Между тем Андропов точно знал, что Брежнев никаким боком к этой трагедии причастен не был, поскольку в тот субботний день, 11 августа, у него было железное алиби — он встречался с лидером монгольских коммунистов Цеденбалом, с которым обсуждал тревожную ситуацию на границе с Китаем.

Но еще сильнее Андропова обеспокоила другая информация, пришедшая вечером 11 августа: о том, что Рашидов по своим каналам, через КГБ Узбекистана, пытается выяснить, чей самолет создал авральную ситуацию в небе над Днепродзержинском. «Зачем ему это надо? Чего он хочет этим добиться? — спрашивал себя Андропов. — Может, он считает, что это была преднамеренная диверсия, направленная против него? Но в любом случае он не имеет права действовать в обход Центра. Людей все равно уже не вернешь, а лишние страсти только усугубят и без того сложную ситуацию в Политбюро».

Ситуация в высшем партийном ареопаге действительно была сложная. Брежнев был уже настолько болен, что некоторые члены Политбюро стали в открытую поговаривать о том, что ему пора бы и на покой. И первым кандидатом на место генсека мог стать Андрей Кириленко, которому Андропов откровенно не симпатизировал. Поэтому шеф КГБ делал все возможное, чтобы вопрос об уходе Брежнева не дискутировался. В этом его поддерживали самые влиятельные члены Политбюро: Громыко, Устинов, Щербицкий. Вот почему возможные нападки Рашидова на последнего в связи с авиакатастрофой были совсем не к месту. А значит, требовали

немедленного вмешательства. «Рашидова надо осадить, и сделать это должен не кто иной, как… Кириленко», — пришел к окончательному выводу Андропов.

Истоки противостояния Щербицкого и Рашидова уходят в начало 60-х. Первый в те годы возглавлял Совет Министров Украины, второй был 1-м секретарем ЦК Компартии Узбекистана. В 1961 году Хрущев ввел их в состав ЦК КПСС и сделал кандидатами в Президиум ЦК (будущее Политбюро). Говорят, нелюбовь Щербицкого к Рашидову имела… литературные корни. Рашидов помимо партийной работы занимался писательством и одно время даже возглавлял Союз писателей Узбекистана. Из-под его пера вышло несколько романов, повествовавших о трудовых буднях узбекских хлопкоробов, которые были переведены на многие языки народов СССР. Однако на Украине эти книги если и издавались, то с большим скрипом, поскольку они не нравились… Щербицкому. И Рашидов, зная об этом, затаил на своего коллегу по Президиуму кровную обиду. Потом, с годами, эта обида переросла в откровенную вражду, которая имела все признаки царедворной: на публике враги старались демонстрировать добрые отношения между собой, а вдали от людских глаз плели друг против друга интриги. Как известно, подобные отношения в политике весьма распространены, а если брать тогдашнее советское руководство, то примеру Рашидова и Щербицкого следовали и другие власть предержащие: например, Андропов и Щелоков люто ненавидели друг друга, но на людях вынуждены были сидеть в одних президиумах, вместе бороться с преступностью и т. д.

Новый виток противостояния Рашидова и Щербицкого выпадает на 1971 год. Тогда произошло сразу два события, которые больно ударили по самолюбию амбициозного хозяина Узбекистана. Первое касалось политики и заключалось в том, что именно тогда Рашидова обошли в борьбе за власть сразу два его главных конкурента: Щербицкий и Кунаев — обоих выбрали в Политбюро. Рашидов, который имел с Щербицким одинаковый кандидатский стаж (с 1961 года), а Кунаева и вовсе обгонял на пять лет (лидер Казахстана стал кандидатом в члены Политбюро в 66-м), был глубоко уязвлен таким поворотом событий. Ведь он все эти годы выказывал Брежневу чуть ли не рабскую преданность и имел все основания полагать, что ему за это воздастся сторицей. Он был согласен стать членом Политбюро вместе

с Щербицким и Кунаевым, но совсем не был готов к тому, что Брежнев вытянет на олимп только двоих, а его опять оставит вечным кандидатом. Хотя суть манипуляций Брежнева была понятна: Щербицкий был его земляком, Кунаев — лучшим другом, а Рашидов — всего лишь коллегой по работе. Именно поэтому вскоре после вхождения в Политбюро — в мае 1972 года — Щербицкий был поставлен руководить главной житницей страны Украиной. Причем в восхождении на столь ответственный пост Щербицкому не помешала даже криминальная история, которая произошла с его сыном. Суть ее была в следующем.

Сын Щербицкого дружил с отпрыском знаменитой цирковой династии дрессировщиков тигров и львов Юрием Шевченко. И вот однажды, в поисках легких денег, Юрий предложил товарищу ограбить кассу родного цирка. Мол, кассиршей там работает его хорошая знакомая, пенсионерка, которая легко откроет им дверь. Так оно и вышло. Кассирша действительно не заподозрила ничего подозрительного и, несмотря на неурочный час, пустила двух молодых оболтусов к себе в кассу. И жестоко за это поплатилась. Юрий выхватил из-под пиджака заранее припрятанный металлический обрубок трубы и обрушил ее на голову несчастной. От полученной травмы та скончалась на месте. А грабители обчистили кассу и были таковы. Однако истратить награбленное они не успели — уже на следующий день их арестовали. Шевченко был осужден на 15 лет, а вот сына Щербицкого от наказания освободили, не найдя в его действиях состава преступления. Ни для кого не было секретом, что избежать наказания сыну Щербицкого помогли высокие связи его родителя.

Но вернемся к Рашидову.

Второе поражение хозяин Узбекистана потерпел на спортивном поприще. Здесь удар по нему нанес его родной «Пахтакор», который в 1971 году бесславно выступил в высшей лиге и, заняв 15-е место, вылетел в низший дивизион, чего с ним не происходило уже семь лет. Для Рашидова это было вдвойне обидно, поскольку киевские динамовцы в том году стали чемпионами, а серебряные медали взял недавний середняк ереванский «Арарат», обогнавший ташкентцев на 11 очков. «Арарат» в том году действительно играл сильно, но Рашидов знал и другое: не приложи к этому успеху свою руку ЦК КП

Армении, кто знает, чем бы обернулся тот чемпионат для ереванцев. Таким образом, получалось, что Рашидов был бит сразу на двух фронтах, чего с ним давно уже не происходило.

Стоит отметить, что помимо «Пахтакора» в том году пострадало и столичное «Динамо», которое тоже стало жертвой судейского произвола — судьи несправедливо отняли у динамовцев семь очков, что лишило их серебряных медалей и позволило занять всего лишь 5-е место. Кураторы «Динамо» из КГБ эту обиду проглотить не смогли и в качестве мишени выбрали столичный «Спартак», представители которого составляли костяк в Федерации футбола СССР. И против красно-белых была проведена операция под кодовым названием «Мохер».

Осенью 71-го «Спартак», как победитель Кубка СССР, был поощрен поездкой во Францию. В Париже футболисты жили в одной гостинице с участниками популярного советского ансамбля, которые, как бы случайно, навели спартаковцев на мохеровую фабрику. Спортсмены не стали скупиться и накупили мохера каждый по нескольку десятков килограммов (во Франции один моток мохера стоил один франк, а в Советском Союзе за тот же моток давали 25 рублей). Однако едва футболисты ступили на родную землю, как их повязали таможенники. Поскольку скандал вышел грандиозный, скрыть его в Федерации футбола не смогли, и «Спартак» понес наказание по полной программе — из команды исключили четырех ведущих игроков. Как итог: в следующем году красно-белые заняли в союзном чемпионате только 11-е место.

Сезон 72-го года вообще стал настоящей сенсацией, поскольку на вершину олимпа вознеслась периферийная команда «Заря» из Ворошиловграда. Для Щербицкого, который вот уже полгода как сидел в кресле хозяины Украины, успех его земляков должен был стать настоящим подарком. Должен был, но не стал, поскольку «Заря» перебежала дорогу его подшефному клубу «Динамо» из Киева, из-за чего киевлянам пришлось довольствоваться только «серебром» чемпионата. Кроме того, «Заря» больно ударила и по политическому имиджу Щербицкого. Руководитель Ворошиловградской области Владимир Шевченко считался человеком Шелеста (это вместо него Брежнев привел к власти Щербицкого) и к новому хозяину Украины относился без подобающего уважения. Поэтому для него перебежать

дорогу своему врагу было делом чести. Щербицкий это знал, как знал и другое — «Зарю» усиленно тянули в чемпионы влиятельные покровители. Одним из них был начальник Управления футбола Спорткомитета СССР Лев Зенченко, который до этого три года работал на посту председателя Ворошиловградского областного комитета по физической культуре и спорту, а в январе 71-го был переведен на работу в Москву. По чьему повелению это произошло, никто не сомневался: Брежнев и его команда, именуемая в народе «днепропетровской мафией», перетягивали в столицу всех своих земляков. Именно при Зенченко Федерация футбола СССР (там костяк составляли бывшие спартаковцы) стала ширмой, а реальным административным руководящим футбольным органом стало Управление футбола. В итоге прыть Зенченко поразила тогда всех: он всего лишь год работал на новом посту, как курируемая им команда стала чемпионом страны. Такого в истории советского футбола еще не было.

Повод взять реванш у Шевченко Щербицкий нашел через год. В 1973 году в Ворошиловградскую область нагрянет инспекция из 33 прокуроров, собранных со всей Украины. Они насобирают столько компромата на Шевченко и его подчиненных, что его вполне хватило бы, чтобы надолго упрятать их всех за решетку. И кого-то из них действительно посадили (например, зампреда исполкома, у которого в сейфе нашли 20 тысяч неучтенных денег, которые он прикарманил под видом помощи футболистам). Шевченко же спасло его высокое положение (он был членом ЦК КПСС) — его сняли с должности персека с формулировкой: «как не имеющий морального права быть первым секретарем».

Между тем Брежнев был прекрасно осведомлен о непростых взаимоотношениях Рашидова и Щербицкого и вел себя с ними как ловкий царедворец, применяя метод кнута и пряника. Например, в канун Нового, 1975 года по его указке Рашидову и Щербицкому были присвоены звания Героев Социалистического Труда, не приуроченные ни к какой юбилейной дате. Таким образом Брежнев хотел показать награждаемым, что для него они оба ценны как руководители своих республик. Правда, заставить двух непримиримых врагов получать награду вместе Брежневу не удалось — Звезды они получали в разные дни.

В 1973 году «Пахтакор» сумел вернуться в высшую лигу, но в том сезоне занял место в хвосте турнирной таблицы — 12-е. Но уже в следующем году команда совершила рывок и поднялась на 8-е место. И пускай до повторения высшего достижения в своей карьере (6-е место в 62-м) «Пахтакор» не добрал всего-то чуть-чуть, однако и этот результат можно было считать большим успехом. Тем более что своим принципиальным соперникам — киевским динамовцам — ташкентцы ни разу не проиграли, сведя обе игры вничью. Однако в 75-м сезон для ташкентцев сложился неудачно: набрав 23 очка, команда заняла предпоследнее место и в очередной раз потеряла право играть в высшей лиге в следующем сезоне. Но вновь, как и раньше, своим заклятым противникам из Киева ташкентцы в том году не только не уступили, но устроили настоящее Ватерлоо: в гостях выиграли 1:0, а в Ташкенте разгромили 5:0. И это сразу после того, как киевляне выиграли Суперкубок.

Вообще по многим показателям «Пахтакор» образца 75-го года был не слабее большинства середняков. Однако к тому времени футбольные чемпионаты СССР превратились из турниров, где побеждали сильнейшие, в турниры, где многое решали закулисные интриги и деньги. Одних договорных матчей, когда команды выручали друг друга и «гоняли» матчи вничью, стало столько, что в 73-м году было принято решение проводить каждый матч до победы одной из команд (посредством послематчевых пенальти). Но поскольку это новшество спутало все карты футбольной мафии, она предприняла все возможное и невозможное, чтобы ситуация вернулась к своему первоначальному состоянию. В итоге в 74-м пенальти стали пробивать только после нулевых ничьих, а через год эти пенальти и вовсе отменили.

Рашидов, который был прекрасно осведомлен о закулисных интригах в отечественном футболе и сам в них участвовал, был по-человечески уязвлен тем, что его команда никогда не станет не только чемпионом, но даже «серебро» и «бронзу» взять не сможет. И дело было вовсе не в футболистах. К началу 70-х в советском футболе созрела такая ситуация, когда связи и деньги могли вознести к чемпионству команды, которые всегда считались середняками. Взять ту же ворошиловградскую «Зарю», которая после своего чемпионства в 72-м году ничем выдающимся больше не прославилась и вновь

вернулась в группу середняков. А «Пахтакор», который считался не только сильнейшим клубом среди азиатских команд, но и не самым бедным по части «черной кассы», о золотых медалях даже не мог помыслить. Почему? Все упиралось… в Рашидова, а именно в то место, которое ему определили в Политбюро, — вечный кандидат. Позволить, чтобы любимая команда «вечного кандидата» стала чемпионом страны и вышла на международную арену, в задумки недругов Рашидова явно не входило. Считалось, что хозяину Узбекистана для удовлетворения его амбиций вполне хватит и Международного кинофестиваля стран Азии и Африки, который проходил в Ташкенте с конца 60-х. Хотя, попади «Пахтакор» в Кубок чемпионов, он наверняка выступил бы не хуже той же «Зари», которая в первом раунде смогла легко пройти периферийных киприотов, а вот во втором «сломалась» на таком же, как и она, середняке — трнавском «Спартаке».

В 1975 году, когда «Пахтакор» вылетел в первую лигу, чемпионат был не менее скандальным, чем и предыдущие. Самый вопиющий и самый характерный случай произошел в Одессе, где местный «Черноморец» принимал московский «Локомотив». Главный судья матча настолько явно подсуживал хозяевам, что это привело к конфликту. Сразу после игры, которая закончилась победой «Черноморца» 1:0, «локомотивец» Уткин подбежал к главному судье и прилюдно сорвал с его футболки эмблему судьи всесоюзной категории. Жест символический: эти эмблемы тогда можно было срывать чуть ли не со всех судей чемпионата — настолько предвзято они судили матчи. И «Пахтакору» пришлось убедиться в этом на личном примере. Ташкентцев угораздило очутиться в одной группе риска с ЦСКА и ленинградским «Зенитом». Позволить, чтобы эти команды покинули высший дивизион (с «Зенитом» это случалось в далеком 44-м, а ЦСКА вообще никогда не вылетал), их высокие покровители не могли, поэтому «черную метку» получили ташкентцы и армейцы из Ростова-на-Дону.

«Пахтакор» имел шанс удержаться в высшей лиге, если бы его патрон, Рашидов, достиг наконец своей цели — вошел в Политбюро. Ведь такие предпосылки у него были. В том году его республика торжественно рапортовала стране, что в Узбекистане собран рекордный за все годы урожай хлопка — свыше 5 миллионов тонн.

Однако сведущие люди прекрасно понимали, что данная цифирь — «липа», и хлопка было собрано меньше объявленного рекорда, а высокий показатель был достигнут благодаря припискам. Впрочем, приписками в те годы занимались все, поскольку это был самый простой способ в борьбе за выполнение пятилетнего плана. Может быть, именно поэтому успех Рашидова не был столь радостно встречен в Кремле. Конечно, публично это не опровергалось: газеты наперебой возвеличивали подвиг хлопкоробов Узбекистана, но вот только вступление Рашидова в члены Политбюро было в очередной раз отложено. В итоге «Пахтакор» отправился в первую лигу.

Между тем в 1976 году участь «Пахтакора» постигла и одного из грандов всесоюзного чемпионата — столичный «Спартак». По уровню игры он тогда скатился к середнякам, однако вылета в низший дивизион явно не заслуживал. Но ему не повезло — против него объединились руководители сразу трех столичных клубов: ЦСКА, «Торпедо» и «Локомотива». Этим командам достаточно было в последнем туре выиграть у своих соперников или даже сыграть вничью, и спартаковцы остались бы в высшей лиге. Но они предпочли отправить земляков в низший дивизион, подарив очки и возможность играть в высшей лиге футболистам «Арарата», «Днепра» и «Зари». Как утверждала народная молва, все три столичных клуба даже денег за эти поражения от соперников не взяли — ими двигала элементарная злоба к народной команде. Чем заслужил «Спартак» такое отношение к себе от своих земляков, история умалчивает.

Вообще футбольный сезон 1977 года был одним из самых скандальных: договорных игр в нем, наверное, было проведено больше, чем за все предыдущие годы. Большинство этих игр были спрятаны под ничьи. Причем тон в этом деле задавали лидеры. Так, чемпион страны киевское «Динамо» имел в своем активе 15 ничейных результатов, серебряные медалисты динамовцы из Тбилиси и бронзовые призеры торпедовцы из Москвы — по 13. Но лидерами по ничьим стали два столичных клуба — ЦСКА и «Динамо», которые сыграли вничью 17 раз каждый. Поскольку почти все эти «договорняки» были видны даже невооруженным глазом, Управлению футбола пришлось принимать решительные меры. Тем более что тема договорных игр стала часто всплывать даже… на заседаниях Политбюро. Поскольку Брежнев был заядлым болельщиком ЦСКА и

смотрел почти все игры своей любимой команды, он не мог не возмутиться невыразительной игрой своих любимцев (только нулевых ничьих у армейцев «набежало» 8 штук). Хотя чему было удивляться: одной из ахиллесовых пят брежневского режима как раз и была повальная коррупция во всех сферах жизнедеятельности общества. Будь то политика или спорт.

Как только до Управления футболом дошли слухи о недовольстве Брежнева, тут же были приняты решительные меры. Сразу после окончания сезона-77 вышло специальное постановление «По поводу некоторых вредных явлений в нашем футболе». В нем отмечалось: «Считать совершенно недопустимым, противоречащим принципам спортивной этики умышленное неведение спортивной борьбы, продолжающее иметь место в играх чемпионата СССР, разлагающе действующее на воспитание футболистов и дискредитирующее советский футбол в глазах широких масс зрителей».

Накануне нового сезона-78 было введено еще одно революционное новшество, которое не имело аналогов в истории мирового футбола и было чистым ноу-хау советских футбольных функционеров: команды высшей лиги получали по очку только за первые восемь ничьих, последующие ничьи объявлялись «бесплатными» — очки за них не начислялись. Кроме того, всех тренеров и футболистов команд мастеров предупредили, что участники договорных игр отныне будут сурово наказываться: результаты таких матчей будут отменяться, а участники — дисквалифицироваться.

Между тем в сезоне-78 в высшую лигу вновь вернулись «Спартак» и «Пахтакор». Однако если москвичи сумели совершить невозможное — заняли 5-е место, то ташкентцы довольствовались только 11-м. Причем скатились они туда не сами, а им явно это помогли сделать. Скандал тогда вышел грандиозный. Все произошло во время матча с «Зарей», которую «Пахтакор» принимал на своем поле. Главный судья матча, по мнению хозяев, судил игру предвзято, в пользу гостей. В итоге ворошиловградцы победили 1:0. Но сразу после матча пахтакоровцы устроили бучу, напав на главного судью. Особым рвением при этом отметились два футболиста — Владимир Федоров и Константин Баканов. Их поведение стало поводом к разбирательству в Спортивно-технической комиссии. Вердикт был ошеломляющий, не

имеющий аналогов в истории советского футбола: Федорова дисквалифицировали на рекордное количество матчей — 10. Судя по всему, сделано это было специально, чтобы ослабить «Пахтакор», где Федоров считался одним из лучших «снайперов» (к тому времени он успел забить 6 голов — больше всех в команде). Недруги «Пахтакора» не зря старались: без Федорова команда заняла всего лишь 11-е место. К слову, игрока после этого случая вывели и из состава сборной Советского Союза.

Но это был не первый подобный случай в истории «Пахтакора». Нечто подобное произошло осенью 1962 года с одним из лучших игроков ташкентской команды за всю ее историю Геннадием Красницким. Это был выдающийся футболист, но страдавший одним серьезным изъяном — имел слишком импульсивный характер. 22 августа 1962 года «Пахтакор» играл в Харькове с местным «Авангардом» и проиграл 1:2. На следующий день Красницкий явился в гостиницу подшофе и устроил пьяный скандал со своими тренерами и рядом игроков, обвинив их чуть ли не в сдаче игры. Наказание последовало незамедлительно. 4 сентября приказом по Спорткомитету Узбекистана Красницкого лишили звания мастера спорта, освободили от обязанностей капитана команды и дисквалифицировали (в третий раз за последние два года) на год — условно. Могли бы наказать и не условно, но в таком случае «Пахтакор» потерял бы своего лучшего игрока в преддверии финальных игр чемпионата СССР, где дела ташкентцев шли очень даже неплохо — они уверенно входили в семерку лучших команд.

Между тем конкурентам «Пахтакора» (тем же киевским динамовцам, ЦСКА, динамовцам столицы) было выгодно ослабить ташкентцев, которые буквально дышали им в затылок. Поэтому шансом убрать из рядов «Пахтакора» его лучшего игрока грех было не воспользоваться. А для этого конфликт в Харькове надо было раздуть до всесоюзных масштабов. Что и было сделано интриганами от футбола. В центральной и одной из самых читаемых газет страны — «Комсомольской правде» — была опубликована статья «Кающаяся звезда», посвященная скандалу в Харькове. Однако первый выстрел оказался холостым — на него никто не прореагировал. Тогда последовал второй, из того же орудия. 30 сентября «Комсомолка» снова возвращается к этой теме, публикуя еще один материал о

скандалисте Красницком. Как итог: 3 октября СТК вынесло решение дисквалифицировать Красницкого на год — без оговорки «условно» — до конца сезона.

Когда в Ташкенте узнали про этот вердикт, там поднялся переполох. Сведущие люди сразу поняли, откуда торчат уши у этой дисквалификации, и предприняли попытку изменить ситуацию. Спорткомитет Узбекистана немедленно организует телеграмму от футболистов «Пахтакора» в Москву, а чтобы она выглядела более весомо, отправляет в столицу и собственное письмо, где просит не наказывать Красницкого столь сурово. Но все было напрасно, и недруги «Пахтакора» вышли победителями из этой схватки. И хотя «Пахтакор» в сезоне-62 занял самое высокое место за всю свою историю (6-е), однако, будь в его рядах Красницкий, ему вполне по силам было подняться еще выше, поскольку разрыв в очках от ближайших конкурентов (киевского «Динамо», ЦСКА) составлял всего 2–3 очка.

Но вернемся в год 78-й.

Несмотря на неудачное выступление в сезоне-78, «Пахтакор» сумел-таки порадовать своего патрона Рашидова игрой против киевского «Динамо» в последнем туре. Поединок был из разряда принципиальных. Если бы киевляне его выиграли, они досрочно взяли бы «серебро» первенства, поскольку стали бы недосягаемыми для двух своих ближайших преследователей — «Шахтера» и московского «Динамо». Но ташкентцы буквально костьми легли и свели матч к ничейному результату — 1:1. Говорят, счастливее Рашидова в те минуты не было человека. Но радость его длилась недолго. Столичные динамовцы не смогли обыграть «Нефтчи», а «Шахтер» и вовсе проиграл ЦСКА. Как итог: «серебро» досталось киевлянам. Как потом будет утверждать народная молва, все это стало возможным благодаря закулисным манипуляциям. Бакинцев попросту купили, а «Шахтер» заставили проиграть, дабы не перебегать дорогу любимому клубу Щербицкого.

Сезон 1979 года «Пахтакор» начал очень даже уверенно. Уже во втором матче ташкентцам пришлось принимать у себя дома прошлогоднего серебряного призера киевское «Динамо». И хозяева победили 1:0. А в финальной стадии первого круга «Пахтакор» умудрился не проиграть подряд пять матчей. Свой последний матч

перед трагедией ташкентцы играли 8 августа, после месячного перерыва (многие игроки команды участвовали в Спартакиаде народов СССР, выступая за сборную Узбекистана). Соперником «Пахтакора» была ворошиловградская «Заря». Стадион в Ташкенте в тот день, как всегда, был забит до отказа. Но, без сомнения, интерес к матчу прежде всего подогревал прошлогодний инцидент, наделавший много шума в футбольных кругах. Весь Узбекистан жаждал реванша, и он его получил.

Хозяева в тот день играли превосходно. Счет открыл Чуркин, после поданного Аном углового. «Пахтакор» повел 1:0. Спустя несколько минут Заваров сравнял счет, однако целеустремленных хозяев этот гол остановить не смог, даже подстегнул. В итоге Федоров (у которого был свой счет к ворошиловградцам) и Корченов довели счет до 3:1. Ташкент ликовал. Впереди у «Пахтакора» была игра в Минске с тамошним «Динамо» (13 августа), но узбекские футболисты были уверены в своей победе: всего лишь месяц назад они победили минчан со счетом 2:0. Никто даже не мог предположить, чем обернется поездка «Пахтакора» в столицу Белоруссии.

Субботним утром 11 августа футболисты «Пахтакора» приехали в аэропорт, чтобы самолетом Аэрофлота Ту-134 с бортовым номером 65 735 вылететь в Минск. На борт поднялись 14 игроков команды: Юрий Загуменных (32 года), Владимир Макаров (32 года), Александр Корченов (30 лет), Сергей Покатилов (28 лет), Виктор Чуркин (27 лет), Михаил Ан (26 лет), Николай Куликов (26 лет), Константин Баканов (25 лет), Алым Аширов (24 года), Владимир Федоров (23 года), Владимир Сабиров (21 год), Равиль Агишев (20 лет), Шухрат Ишбутаев (20 лет), Сирожиддин Базаров (18 лет), а также второй тренер Идгай Тазетдинов (46 лет), врач Владимир Чумаков (46 лет), администратор Мансур Талибджанов (35 лет). Всего в самолете было 44 пассажира, из них 17 «пахтакоровцев». Самым молодым из погибших был вчерашний школьник 18-летний Сирожиддин Базаров, который должен был улететь в Минск накануне, вместе с командой дублеров, но из-за приезда отца опоздал к своему самолету и в виде исключения был взят на борт основного состава.

Похожая история произошла с Михаилом Аном. Он на тренировке получил повреждение и в Минск лететь не должен был. Но он приехал в аэропорт, чтобы проводить своих товарищей. Когда выяснилось, что

к рейсу уже не успеет приехать игрок Анатолий Могильный, игроки стали уговаривать Ана полететь вместо него. И уговорили…

Старший тренер команды Олег Базилевич вылетел в Минск несколько раньше, поскольку поссорился с женой и не мог оставаться дома. Эта ссора спасла ему жизнь. Повезло и председателю Союза спортивных журналистов Узбекистана, который засиделся накануне в компании и опоздал на рейс.

Вспоминает вдова Владимира Макарова Алла: «За неделю-полторы до полета в Минск я и еще несколько жен футболистов с детьми отправились отдыхать в пансионат на озеро Иссык-Куль. Володя хотел второго ребенка и считал, что перед этим я должна хорошенько оздоровиться.

Но… Еще до поездки на Иссык-Куль и мне, и мужу приснились страшные сны. Мне привиделось, что к нам в квартиру идет моя мама, умершая 10 лет назад. Еще во сне я вспомнила, что это нехорошо, — покойник хочет кого-то забрать с собой…

Примерно в тот же день Володя увидел во сне свое отражение в зеркале, будто он лишается волос. Он знал, что это плохой сон.

Утром 11 августа мы с Элиной собрались на прогулку. Дочка бежала по лестнице, зацепилась ногой за ступеньку, и у сандалика оторвался каблук. Я еще пожурила Элинку за неловкость. А теперь мне кажется, что, может, в тот момент Володя думал о нас…».

Вспоминает вдова Сергея Покатилова Ирэна: «В тот жаркий летний день все шло, как обычно. Рутинные домашние дела, хождение в магазин, приготовление каши малышке… Баюкая ее, я хожу по комнате из угла в угол. Неожиданно глазами встречаюсь с Сергеем, глядящим на меня с фотографии, и тут же пронзительная мысль — почему ты смотришь на меня, как неживой? (Потом я узнала, что он «смотрел» на меня именно в те мгновения, когда погибал). Ничего вроде бы не происходит, но подсознательно я словно чего-то жду…».

Были и другие мистические приметы этой трагедии. Так, футболист Виктор Чуркин, который раньше и гвоздя в доме не вбил, накануне поездки в Минск своими руками привел квартиру в полный порядок. А Владимир Федоров расстроился, когда жена положила ему в чемодан черную рубашку. Администратор команды Мансур Талибджанов, по воспоминанию супруги, провел беспокойную ночь: то просил заварить чаю, то порезать арбуз, принести фрукты. До

рассвета рассказывал о детстве, юности, о том, как зарабатывал на свадьбу. Накануне разбился их сосед, летчик, и на похоронах Мансур вдруг сказал, что его смерть тоже придет с небес. Рано утром подъехала машина, и он осторожно закрыл за собой дверь, стараясь не разбудить детей. Однако спустя несколько минут он вернулся, чтобы поцеловать их на прощание. После его гибели жена обнаружила, что Мансур оставил дома полный список своих кредиторов.

Также известно, что за год до трагедии «Пахтакор» летел на встречу с венгерской командой и самолет попал в страшную воздушную яму. Игроки уже прощались с жизнями, когда пилотам удалось спасти машину. Один известный маг позже скажет, что этот случай был предупреждением всей команде: бойтесь самолетов. Но как футбольной команде было обойтись без полетов на самолете? Поездом ведь добираться куда дольше.

Трагедия произошла в небе Украины, недалеко от города Днепродзержинска. В тот день полетами управляли диспетчеры Харьковского районного Центра единой системы управления воздушным движением 30-летний Владимир Сумской (четыре года работал диспетчером) и 20-летний Николай Жуковский (два с половиной месяца). Начальником над ними был Сергей Сергеев, но он от контроля за работой диспетчеров почему-то самоустранился, занимаясь какими-то своими делами. Более того, именно он назначил старшим Жуковского, а не Сумского, хотя последний сам его просил доверить руководство полетами ему. Но Сергеев от него отмахнулся. Был еще контролер диспетчеров Томилов, но и он от своих прямых обязанностей устранился. Короче, в диспетчерской в тот день царил бардак — то ли случайный, то ли закономерный.

По роковой случайности, в тот день один из высокопоставленных руководителей летел то ли с официальным визитом за рубеж, то ли еще куда-то (по одной из версий, это был секретарь ЦК КП Украины, по другой — руководитель монгольских коммунистов Цеденбал, который летел к Брежневу в Крым), и поэтому несколько эшелонов (высот) зоны были перекрыты. Эти высоты были «расчищены», а другие, соответственно, были уплотнены, что значительно повысило риск возможных аварий. Харьковская зона и по сей день считается одной из самых тяжелых, а в те годы она вообще была страшнее некуда. Например, в тот роковой день 11 августа 79-го на связи с диспетчерами

было 12 самолетов, хотя даже для автоматики предел не должен превышать 10 бортов.

Между тем около часа дня в небе на участке Жуковского летели навстречу друг другу два самолета: ташкентский Ту-134 и его близнец с бортовым номером 65816, следовавший по маршруту Челябинск — Кишинев. На борту последнего находился 121 человек. Молодой диспетчер вычисляет расчетный временной интервал, в течение которого каждый из этих двух самолетов может пройти теоретическую точку пересечения их трасс. Она находится в районе Днепродзержинска. Диспетчер высчитывает, что расстояние между самолетами позволяет им занять один эшелон, и в 13 часов 30 минут 46 секунд отдает команду ташкентскому борту занять эшелон полета 8400 метров. Это была роковая команда, поскольку расчеты молодого диспетчера оказались неточными, и самолеты оказались в одном коридоре. Проверить действия Жуковского при царившем в диспетчерской бардаке никто не удосужился. А сам Жуковский тоже не стал заниматься расчетами дважды.

Только за четыре минуты до катастрофы Сумского внезапно пронзает мысль, что дело нечисто. Он кинулся проверять расчеты коллеги, нашел ошибку и тут же взял управление полетами в свои руки. Но ситуация усложнилась тем, что в том же районе появился третий самолет — Ил-62, летевший в эшелоне 9000 метров. Сумской командует ему освободить свой эшелон и направляет туда ташкентскую машину. Но тут в ситуацию вмешались силы природы. Из-за помех в радиоэфире ташкентский борт не смог принять последнюю команду диспетчера. Зато ее принял Ил-62, отнес на свой счет и изменил маршрут в сторону эшелона 8 400. Сумской же посчитал, что ему ответил «ташкентец», и выключил радиосвязь. Это было ошибкой: он должен был убедиться в позывных и потребовать повтора ответа.

Столкновение произошло в 13 часов 35 минут 38 секунд. В те самые минуты, когда по Узбекскому телевидению шел спектакль Театра оперы и балета имени А. Навои «Бессмертие» (!), ташкентский борт столкнулся со своим челябинским «близнецом» лоб в лоб. В катастрофе погибли 178 человек. По одной из версий, столкновение было не лоб в лоб, а иначе: «челябинец» отсек «ташкентцу» хвост и

тот стал плавно снижаться. У него был шанс спастись, но в этот момент в баках вспыхнуло горючее.

Вспоминает Н. Гладкий (в то время он был главным государственным санитарным врачом Днепропетровской области и заместителем председателя Чрезвычайной противо-эпидемиологической комиссии при облисполкоме):

«В субботу, 11 августа 1979 года, на службе остался я один. Около 13.45 позвонил дежурный облисполкома и сообщил, что под Днепродзержинском упал самолет и надо выезжать. Через час я уже был на месте трагедии, где встретил начальника УВД Днепропетровской области генерал-майора Михалькова. Генерал был очень бледный и встревоженный. Увидев меня, передал на хранение свой пистолет, объяснив, что боится не справиться со своим состоянием и расстрелять мародеров, которые тащили с полей останки вещей, чемоданы и авиадетали.

К тому, что предстало перед нашими глазами, никто не был готов. Вспаханное поле в радиусе 30 км было густо пробито воронками глубиной 20–50 см, сами же тела лежали не на дне, а по краям углублений — с такой силой они врезались в землю. Ходили слухи, что несколько человек умерли от разрыва сердца, когда под их ноги стали падать куски тел. Несколько трупов залетело на подворье. Один, пробив крышу, упал в кухне перед хозяйкой. Убирать его милиционер отказался, сказал: «Ваш труп, вы и убирайте, а мы со своими не справляемся»…

«Пахтакоровцы» сидели в переднем салоне, сразу за пилотом. И, по всей видимости, пристегнутыми. Поэтому упали в одно место. Фрагменты тел пристали к горящему алюминию намертво. Из полка гражданской обороны тут же пришлось убрать узбеков и лиц восточных национальностей, так как они прекратили работы, встали кружком и стали молиться, не реагируя на команды. Вместо них Днепродзержинский горисполком прислал человек 20 рабочих с предприятий. Часть их приехала уже пьяными, пили и там…».

Еще одну версию случившегося выскажет много лет спустя председатель суда по этому делу Леонид Чайковский. По его словам, вина за случившееся лежит и на членах экипажа «ташкентца». Якобы те устроили с футболистами «Пахтакора» пьянку и из-за этого не услышали команду диспетчера выйти из своего эшелона. Голоса из

«черного ящика» не оставляли в этом никаких сомнений. Но власти не разрешили озвучить эту версию. Виновными объявят диспетчеров: Сумского и Жуковского посадят на 15 лет (они отсидят по шесть и выйдут по амнистии).

Так получилось, но в тот день, когда погиб «Пахтакор», в Москве, на Центральном стадионе имени Ленина, игрался финальный матч Кубка СССР по футболу. В присутствии 65 тысяч зрителей силами мерились два динамовских клуба — Москвы и Тбилиси. Основное время игры закончилось нулевой ничьей, и все решили одиннадцатиметровые пенальти. Героем стал вратарь тбилисцев Габелия, который взял штрафной, пробитый лучшим игроком матча — нынешним тренером ЦСКА Валерием Газзаевым. В итоге гости выиграли 5:4. Говорят, матч еще шел, а по стадиону уже пошел слух о том, что на Украине случилась трагедия — разбился «Пахтакор». Причем народная молва чуть ли не в первые часы после трагедии «пристегнула» к этой трагедии Брежнева: дескать, он куда-то летел, ему открывали воздушный коридор и в спешке направили два пассажирских самолета не туда, куда нужно. И теперь уже трудно установить, как родился этот слух: то ли случайно, то ли преднамеренно, чтобы лишний раз бросить тень на престарелого генсека.

Вспоминает вдова Владимира Макарова Алла: «12 августа к нам в пансионат неожиданно приехал работник Госкомспорта Узбекистана. Он сообщил, что случилась неприятность: во время обеда вся команда якобы чем-то отравилась и попала в больницу.

Мы все быстро собрали вещи. Но в самолете я почувствовала неладное. В большом лайнере находились только мы! Когда мы прилетели, мне показалось, что сотрудники аэропорта смотрят на нас слишком напряженно. Я подошла к одной женщине и попросила сказать, что случилось. Она взяла меня за руку и тихо сказала: «Они разбились…».

Вспоминает вдова Сергея Покатилова Ирэна: «Утром 12 августа — телефонный звонок. Я кормлю ребенка, трубка говорит: «А разве ты не знаешь?..» Кровь бешеными скачками забилась в голове. Дальше все как в тумане, непослушные ноги и руки, рваные мысли и решения… Ребенка соседке, сама еду в Спорткомитет. Кто-то заслонил солнце гигантским фильтром, в ушах вата — почти нет звуков. Но нет,

скорей, скорей, сейчас все выяснится, сейчас наше футбольное начальство развеет страшную новость… Стоп. Выбрасываю себя из машины. Почему так беспомощно стоят у дверей Толик и Ахмат? Преодолеваю последние метры, пытаюсь поймать их взгляд, шепчу: «Это правда?». Но… Чьи-то руки подхватили сразу ослабевшее, чужое тело… И все, ночь…».

Рашидов узнал о трагедии одним из первых — уже спустя час. Ему сообщил об этом сам руководитель Спорткомитета Узбекистана Мирза Ибрагимов. Сказать, что Рашидов был в шоке, значит, ничего не сказать — он был просто раздавлен. «Пахтакор» был его детищем, родной командой, многих игроков из которой он по-человечески искренне любил. Они ковали славу Узбекистана на спортивных аренах многих континентов и были настоящими любимцами не только Рашидова, но и всей республики. И вдруг всего в одну минуту нацию лишили ее кумиров. И Рашидов никак не мог понять, за что Провидение так поступило с его родиной. Говорят, больше часа Рашидов сидел в своем кабинете в ЦК и никого к себе не впускал — не хотел, чтобы кто-то посторонний видел его состояние.

Узнав о том, что в гибели «Пахтакора» может быть повинен кто-то из секретарей ЦК Украины, Рашидов немедленно связался с председателем КГБ Узбекистана Мелькумовым и попросил его лично выяснить подробности катастрофы. «Узнай всю правду и лично доложи мне об этом», — попросил Рашидов. Однако скрыть эту акцию от Москвы было невозможно. Уже спустя несколько часов информация об этом дошла до Андропова. Что было дальше, мы знаем — он связался с Кириленко и попросил его лично переговорить с Рашидовым. Сам говорить с ним не захотел — не смог перебороть свою природную антипатию к хозяину Узбекистана.

Разговор Кириленко с Рашидовым занял всего несколько минут. Кириленко, что называется, взял с места в карьер: «Шараф Рашидович, вы же знаете, что Днепродзержинск — это родной город Леонида Ильича, а значит, одно упоминание этого факта может больно его ранить. Поэтому не стоит мусолить эту трагедию в печати. Мы все скорбим вместе с вами, Шараф Рашидович, но произошедшего уже не изменить. Вы должны понять, что акцентирование внимания на этой трагедии может породить нежелательные разговоры, как внутри страны, так и за ее пределами. Поэтому мы разрешаем вам воздать все

почести погибшим, но в прессе об этом должно быть сказано короткой строкой. Вы же член Политбюро, Шараф Рашидович…» «Я пока не член Политбюро», — сорвалось с губ Рашидова невольное уточнение. «Значит, вы им будете», — последовал ответ, который и стал финальной точкой в этом разговоре.

Похороны спортсменов команды «Пахтакор» прошли в пятницу, 17 августа, при абсолютном молчании всех советских СМИ. Только «Правда Востока» за три дня до этого поместила небольшой некролог — и все. Жителей Узбекистана это резануло будто по живому. Когда 10 августа на Украине произошла авария на шахте «Молодогвардейская» с человеческими жертвами, все центральные СМИ оперативно откликнулись на эту трагедию. А в случае с «Пахтакором» все будто воды в рот набрали.

Траурный митинг прошел в ташкентском аэропорту, после чего останки 17 «пахтакоровцев» пронесли по улицам столицы Узбекистана в наглухо закрытых гробах. Похороны состоялись на кладбище имени Боткина. Одному из молодых из футболистов, Равилю Агишеву, было 20 лет, самому старшему, Владимиру Макарову, — 31 год. У многих осталось по двое маленьких детей. Любопытно была сформулирована причина гибели членов команды в свидетельстве о смерти, выданном в Днепропетровске: «Несчастный случай вне производства. Грубые нарушения анатомической целостности тела, несовместимые с жизнью. Обугливание тела…» Семьям погибших сразу же выдали по 1000 рублей страховки, детям — ежемесячное пособие в 120 рублей. Правительство Узбекистана назначило семьям погибших персональную пенсию в таком же размере.

Практически в первые же дни после гибели «Пахтакора» Спорткомитет СССР взялся за формирование новой команды. Поскольку игроков уровня погибших в самом Узбекистане найти было невозможно, был брошен клич ко всем футболистам высшей лиги с просьбой согласиться доиграть сезон в «Пахтакоре». Сочли за честь откликнуться на этот призыв многие, из которых выбрали лучших. Это были: Глушаков («Спартак», Москва), Бондарев (ЦСКА), Церетели («Торпедо», Кутаиси), Нечаев («Черноморец», Одесса), Яновский и др.

Свой первый матч обновленный «Пахтакор» сыграл через 12 дней после трагедии — 23 августа в Ереване против «Арарата». 75-тысячный стадион «Раздан» был заполнен до отказа — все пришли

посмотреть на игру нового «Пахтакора». К сожалению, она не удалась, поскольку времени для того, чтобы сыграться, у вновь приглашенных игроков было немного и они вынуждены были играть практически с чистого листа. В итоге хозяева победили со счетом 3:1.

Рашидов воздал должное памяти погибших пахтакоровцев, установив на Боткинском кладбище мемориал в их честь. Однако за свою покладистость в деле замалчивания этой трагедии он не получил то, чего хотел. В 1980 году ему лишь вручили Ленинскую премию, однако членом Политбюро так и не сделали, хотя в 1981 году исполнялось ровно 20 лет его кандидатству в нем. Подобным образом не поступали ни с одним высшим руководителем Советского Союза.

Между тем после гибели «Пахтакора» недруги Рашидова были уверены, что любимой команде Шарафа Рашидовича уже никогда не подняться. И хотя ташкентцам была сделана уступка — в течение трех лет «Пахтакор» был автоматически застрахован от вылета в низшую лигу (какое бы место он ни занял) — однако оптимистов, которые бы верили, что команда заиграет, как прежде, практически не осталось. И первое время так оно и было. Если в роковом 79-м «Пахтакор» занял 9-е место, то в следующем году очутился уже на 16-м, а в 81-м и вовсе на последнем, 18-м месте. Как вдруг в 1982 году случилось невероятное: «Пахтакор», нанеся поражения таким грандам советского футбола, как столичный «Спартак», ЦСКА, тбилисское «Динамо», повторил свое лучшее достижение, датированное далеким 62-м годом, — занял 6-е место. Но длился этот триумф недолго. И вновь невольным могильщиком «Пахтакора» стал Шараф Рашидов.

В 1982 году перед Рашидовым всерьез замаячила реальная возможность стать наконец членом Политбюро. Несмотря на происки врагов, которые боялись этого как огня и даже устроили покушение на Брежнева в марте 82-го на вотчине Рашидова в Ташкенте (тогда на генсека, якобы случайно, обрушилась строительная конструкция, когда он посещал авиационный завод), Брежнев не изменил своего решения ввести хозяина Узбекистана в высший партийный ареопаг. Тогда шеф КГБ Андропов ударил по другому слабому месту Рашидова — отправил в Узбекистан следственную группу с целью разоблачения высокопоставленных взяточников республики, близких к Рашидову. Так на свет родилось знаменитое «узбекское дело», прославившее имена следователей Гдляна и Иванова. В сущности, коррупция в

высших эшелонах власти в те годы существовала во всех без исключения советских республиках. Но для показательной порки выбрали Узбекистан, чтобы дискредитировать Рашидова. Операция КГБ удалась: в Узбекистане были вскрыты массовые случаи коррупции от «низа» до самого «верха», что привело не только к компрометации Рашидова, но и его гибели — в октябре 1983 года он покончил с собой. С его уходом закатилась и звезда ташкентского «Пахтакора», которого сразу после гибели Рашидова — в сезоне 1984 года — преднамеренно выкинули в первую лигу (в сговоре участвовали руководители трех именитых клубов), из которой в высший дивизион советского футбола он в том десятилетии уже не вернулся.

Роковой километр
Валерий Харламов

В 70-е годы при трагических обстоятельствах ушли из жизни несколько известных советских хоккеистов. Первым открыл этот скорбный список прославленный нападающий ЦСКА **Евгений Бабич**, который был одним из тех, кто поднял советскую сборную на пьедестал чемпионов мира и Европы в 1954 году (впервые в истории отечественного спорта). Он покончил с собой в 1971 году. Причем сделал это в свой день рождения. В тот день ему исполнилось 50 лет, и в его доме собрались родные, близкие, друзья. Когда все расселись, Бабич поднялся со своего места и сказал: «Спасибо, что пришли. Я вас всех люблю. И прошу никого не винить. Это решение я принял сам».

Вслед за этим Бабич вышел на балкон и, прежде чем кто-либо сумел что-то сообразить, прыгнул вниз с 9-го этажа. Его смерть была мгновенной.

Что конкретно послужило причиной для рокового шага, так и осталось до конца неизвестным. То ли семейные проблемы, то ли проблемы здоровья (известно, что у Бабича был туберкулез).

В самом конце 1978 года при загадочных обстоятельствах погиб 23-летний нападающий московского «Спартака» **Владислав Найденов** — его нашли мертвым в подъезде собственного дома. Как гласило заключение экспертизы, хоккеиста задушили при помощи удавки. Кто это сделал и за что, так и осталось тайной.

При не менее загадочных обстоятельствах через год после гибели Найденова погиб игрок ленинградского СКА и сборной СССР (он участвовал в серии игр с канадскими профессионалами в 1972 и 1975–1976 годах) 29-летний **Вячеслав Солодухин**. Его нашли в собственном гараже задохнувшимся от выхлопных газов автомобиля. Судя по всему, это было самоубийство. Однако что именно толкнуло хоккеиста на этот шаг, до сих пор точно не известно.

И все же самой невосполнимой потерей для всего советского спорта стала трагическая гибель настоящего хоккейного гения, нападающего ЦСКА и сборной Советского Союза **Валерия Харламова**. Об этой судьбе стоит рассказать отдельно.

В. Харламов родился в ночь с 13 на 14 января 1948 года в Москве в рабочей семье. Его отец — Борис Сергеевич — работал слесарем-испытателем на заводе «Коммунар», мать — Арибе Орбат Хермане, или Бегонита, испанка по национальности, приехавшая в 12-летнем возрасте в СССР в конце 30-х годов, трудилась на том же заводе. Кроме Валеры в семье Харламовых был еще один ребенок: дочка Татьяна.

По иронии судьбы В. Харламов родился в машине: молодую маму везли в роддом, и схватки начались прямо в кабине автомобиля. Борис Харламов оставил жену в роддоме, а сам с узелком в руках, где была ее одежда, отправился пешком в общежитие, где они с молодой супругой тогда проживали (метро к тому времени уже не работало). На одной из улиц одинокого путника с подозрительным узелком заметил милицейский патруль. Его попросили пройти в отделение, с чем он с радостью согласился: мороз был жуткий и топать до дома было уже невмоготу. В отделении Борис Сергеевич отогрелся и угостил милиционеров махоркой.

«Сын у меня сегодня родился, — сообщил он своим собеседникам в очередной раз. — Назвали Валерием, в честь Чкалова».

Б. Харламов вспоминает: «Валерик родился очень слабым. Весил меньше трех килограммов, да и откуда было ждать богатыря при тогдашнем-то карточном питании. Обмывал я, как водится, ножки с ребятами в общежитии. Жили мы в ту пору с женой Бегонитой в четвертушке большой комнаты, отгороженной от других семей фанерной перегородкой…»

В возрасте 7 лет Харламов впервые встал на коньки и вместе с отцом вышел на каток. Хоккей с шайбой к тому времени уже прочно встал на ноги в нашей стране и по популярности не уступал футболу. Многие тогдашние мальчишки мечтали быть похожими на Всеволода Боброва или Ивана Трегубова. Мечтал об этом и Валера. Однако на пути к этой заветной мечте внезапно встало препятствие — проблема со здоровьем. В марте 1961 года Харламов заболел ангиной, которая дала осложнения на другие органы: врачи обнаружили у него порок сердца и практически поставили крест на любой активности ребенка. С этого момента Валере запретили посещать уроки физкультуры в школе, бегать во дворе, поднимать тяжести, плавать и даже посещать пионерский лагерь. В противном случае, говорили врачи, мальчик

может умереть. Однако если мама Валерия смирилась с таким диагнозом, то его отец думал иначе. Поэтому, когда летом 1962 года на Ленинградском проспекте открылся летний каток, он повел сына туда записываться в хоккейную секцию. В том году принимали мальчишек 1949 года, однако Валерий, с его маленьким ростом, выглядел столь юным, что ему не составило особого труда ввести второго тренера ЦСКА Бориса Павловича Кулагина в заблуждение относительно своего возраста. Харламов тогда оказался единственным из нескольких десятков пацанов, кого приняли в секцию. А когда обман все-таки вскрылся, Валерий успел уже настолько понравиться тренеру, что об отчислении его из секции не могло быть и речи.

Вспоминает А. Мальцев: «Валерий как-то в минуты нашей особой душевной близости признался: «Мальчишкой я всерьез плакал только один раз. Это было, когда я начинал играть в детской команде ЦСКА и меня впервые судья удалил на две минуты. Вот тут я зарыдал, горько стало, что ребят оставил в меньшинстве. А когда к борту прижимали, на лед сбивали, терпел как ни в чем не бывало».

За короткое время Харламов превратился в одного из лучших игроков детско-юношеской спортивной школы ЦСКА и стал любимцем Б. Кулагина. А вот главный тренер ЦСКА Анатолий Тарасов одно время относился к юному хоккеисту с некоторым предубеждением. И виноват был в этом… малый рост Харламова. Тарасов в те годы делал ставку на рослых и мощных хоккеистов, не уставал повторять: «Все выдающиеся канадские хоккеисты великаны по сравнению с нашими. Как же мы их победим, если наши нападающие карлики, буквально — метр с кепкой?» В конце концов под тяжелую руку Тарасова попал и Харламов: в 1966 году его отправили во вторую лигу, в армейскую команду Свердловского военного округа чебаркульскую «Звезду». И там произошло чудо. Перворазрядник Харламов «поставил на уши» весь Чебаркуль, сумев за один сезон забросить в ворота соперников 34 шайбы. Тренер команды майор Владимир Альфер тут же сообщил об успехах молодого «варяга» из Москвы Кулагину. Тот сначала, видимо, не поверил. Однако весной 1967 года в Калинине Кулагин сам увидел Харламова в деле и понял, что место его в основном составе ЦСКА. Единственное, что смущало, как отнесется к этому предложению Тарасов.

Говорят, что тот разговор Кулагина с Тарасовым по поводу дальнейшей судьбы талантливого хоккеиста был долгим и тяжелым. Тарасов продолжал сомневаться в возможностях Харламова, считал его взлет в «Звезде» случайным. Но Кулагин продолжал настаивать на переводе 19-летнего хоккеиста в Москву. И Тарасов сдался. Так, летом 1967-го Харламов был вызван на тренировочный сбор ЦСКА на южную базу в Кудепсту.

В первенстве страны 1967–1968 годов команда ЦСКА стала чемпионом. Вместе с нею радость победы по праву разделил и Валерий Харламов. Именно тогда на свет родилась знаменитая армейская тройка Михайлов — Петров — Харламов. В декабре того же года ее включили во вторую сборную СССР, которая заменила команду ЧССР на турнире на приз газеты «Известия» (она не приехала в Москву после августовских событий). В 1969 году 21-летний Харламов стал чемпионом мира, установив тем самым рекорд: до него подобного взлета в столь юном возрасте не знал ни один хоккеист Советского Союза.

Вспоминает В. Третьяк: «Мы начинали с Валерой еще в юношеской команде — он и там был ярче всех. Его талант, как говорят, от Бога. Сколько раз я с восхищением наблюдал за тем, как легко он обводит соперников. Харламову удавалось буквально все: и скоростной маневр, и хитроумный пас, и меткий удар. И все это будто играючи — легко, изящно…

«Люблю сыграть красиво», — часто повторял Валера. Что верно, то верно: хоккей в исполнении Харламова был подлинным искусством, которое приводило в изумление миллионы людей. Когда он появлялся на льду, вратари трепетали, а зрители бурно выражали свой восторг».

К 1972 году Харламов уже безоговорочно считался лучшим хоккеистом не только в Советском Союзе, но и в Европе. Он четырежды становился чемпионом СССР, трижды чемпионом мира и дважды Европы. На чемпионате СССР в 1971 году он стал лучшим бомбардиром, забросив в ворота соперников 40 шайб. В начале 1972 года в составе сборной СССР он завоевал олимпийское «золото», стал лучшим бомбардиром турнира, забросив 9 шайб. А осенью того же года Харламов покорил и Северную Америку.

Знаменитая серия матчей между хоккейными сборными СССР и Канады стартовала 2 сентября 1972 года на льду монреальского

«Форума». Ни один житель североамериканского континента не сомневался тогда в том, что вся серия из восьми игр будет выиграна их соотечественниками с разгромным для советских хоккеистов счетом. Если бы кто-то возразил, его бы назвали сумасшедшим. А что же произошло на самом деле? В первом же матче разгромный счет настиг не нас, а канадцев: 7:3! Для «кленовых листьев» это было шоком. Лучшим игроком в советской команде они безоговорочно признали В. Харламова, забросившего в матче две шайбы. Сразу после игры кто-то из канадских тренеров нашел Валерия и предложил ему миллион долларов за то, чтобы он играл в НХЛ. Харламов тогда отшутился: мол, без Михайлова и Петрова никуда не поеду. Но канадцы не поняли юмора и тут же заявили: мы берем всю вашу тройку. Естественно, никто никуда не перешел, да и не мог перейти. Не те тогда были времена.

Вспоминает А. Мальцев: «По меркам канадского хоккея, Валера был «малышом», и соперники особенно сердились, когда именно Харламов раз за разом обыгрывал их, могучих и огромных, на льду. А после исторической «серии-72» даже профессионалы НХЛ признали, что и такой «малыш», как Харламов, — атлет, весь литой из мускулов, — может быть «звездой» в игре могучих мужчин».

Стоит отметить, что В. Харламов стал единственным европейским хоккеистом, чей портрет украшает стенды Музея хоккейной славы в Торонто.

К 1976 году Харламов был уже шестикратным чемпионом СССР, шестикратным чемпионом мира и двукратным чемпионом Олимпийских игр. Он был, наверное, единственным хоккеистом в стране, которого любили все болельщики без исключения. В те годы автор этих строк был ярым поклонником «Спартака» и собственными глазами видел, какой любовью пользовался Харламов в стане болельщиков этой команды, при том, что остальных армейцев спартаковские «фэны» на дух не переваривали. Харламов был исключением. Хотя порой и у него случались досадные срывы. Редко, но случались.

Один из таких инцидентов произошел 6 февраля 1975 года во время матча в Лужниках, где ЦСКА играл против воскресенского «Химика». Матч был принципиальный, поскольку оба клуба на тот момент входили в четверку призеров чемпионата: армейцы занимали

первую строчку в турнирной таблице, а «Химик» четвертую, отставая от лидера на семь очков, а от своих ближайших соседей на два-три очка. Поэтому исход поединка для обеих команд значил очень много. И матч получился по-настоящему захватывающим. Армейцы уступили со счетом 4:5, чем еще больше обострили интригу чемпионата. Между тем тот матч запомнился не только этим. Тогда случилось ЧП, о котором еще долго потом вспоминали хоккейные фанаты. А в эпицентре его оказался наш герой — Валерий Харламов, который в пылу борьбы нанес удар кулаком по лицу своему сопернику Владимиру Смагину, с которым он некогда тянул одну лямку в чебаркульской «Звезде», а потом и в ЦСКА. Для всех болельщиков без исключения этот поступок Харламова был как гром среди ясного неба. Ведь в записных драчунах этот выдающийся хоккеист никогда не числился, предпочитая доказывать свое мастерство на льду с помощью иных методов. А тут вдруг так ударил соперника, что судья удалил Харламова на пять минут. Редчайший случай! И хотя определенные резоны в поступке Харламова были (практически в каждой игре соперники пытались остановить его филигранные проходы с помощью недозволенных приемов, а это любого может вывести из равновесия), однако случай все равно был расценен как вопиющий. Сам Харламов тоже так посчитал. Иначе не стал бы уже на следующий день разыскивать Смагина, чтобы принести ему свои извинения. Вот как об этом вспоминает приятель Харламова журналист Леонид Трахтенберг:

«Ни Валерий, ни я домашнего адреса Володи Смагина не знали. Знали только, что живет он где-то в Люберцах. В справочном бюро нам тоже ничего не сказали, потому что переехал он туда недавно.

Целый день мы потратили на поиски, и только к вечеру мальчишки на катке подсказали нам улицу и номер дома, где жил Смагин.

— А Володя в Москве, на хоккее, — ответила жена, пригласив войти.

— Спасибо. Но нам некогда, — сказал Валерий, — не успеем в Лужники.

Мы помчались во Дворец спорта, но не успели даже к концу игры.

Поздно вечером Валерий звонил Смагину домой по телефону:

— Ты извини, Володя, погорячился…

— Ничего страшного, — ответил Смагин. — В игре всякое бывает.

Харламов повесил трубку и впервые за этот день улыбнулся…»

«Разбор полетов» вокруг этого инцидента состоялся в спортивно-технической комиссии Федерации хоккея СССР 12 февраля. В качестве «разбираемых» должны были предстать два столичных хоккеиста: спартаковец Сергей Коротков и армеец Валерий Харламов, которые серьезно провинились в последних матчах первенства страны. Однако в силу того, что Коротков был болен и не смог явиться на СТК, пред грозные очи судей предстал один Харламов. В вину ему был поставлен недавний эпизод в матче с «Химиком». Случай, прямо скажем, не красящий любого спортсмена, но суть проблемы заключалась еще и в другом: тогда в отечественном хоккее началась борьба с проявлениями звездной болезни у ряда ведущих хоккеистов (в январе было напечатано открытое письмо динамовцу Александру Мальцеву), и «разбор полетов» с участием Харламова должен был стать очередной публичной выволочкой в назидание другим.

На том заседании Харламов целиком и полностью признал свою вину, сообщил, что лично извинился перед пострадавшим. «Восемь лет я в большом хоккее, но ни разу не вызывался на заседание спортивно-технической комиссии, — признался Харламов. — Я глубоко сожалею о случившемся. Надеюсь, что подобного со мной больше никогда не повторится». Члены СТК оказались вполне удовлетворены раскаянием форварда и ограничились минимальным наказанием: дисквалифицировали его всего лишь на одну игру.

Между тем тот год запомнился Харламову не только с плохой стороны: именно в 75-м в его жизнь вошла девушка, которой вскоре суждено будет стать его женой. Это была 19-летняя Ирина Смирнова. Их знакомство произошло случайно.

Однажды подруга Ирины пригласила ее к себе на день рождения в один из столичных ресторанов. Именинница с гостями расположились в одной части заведения, а в другой гуляла веселая мужская компания. В один из моментов, когда в очередной раз заиграла музыка, молодые люди гурьбой подошли к столу именинницы и стали наперебой приглашать девушек потанцевать. Иру пригласил чернявый невысокий парень в кожаном пиджаке и кепочке. «Таксист, наверное», — подумала про себя Ирина, но приглашение приняла. После этого

молодой человек, который представился Валерием, не отходил от нее весь вечер. Когда же все стали расходиться, он вдруг вызвался подвезти Ирину к ее дому на машине. «Точно, таксист», — пришла к окончательному выводу девушка, когда усаживалась в новенькую «Волгу» под номером 00–17 ММБ.

Придя домой, девушка, как и положено, рассказала маме, Нине Васильевне, что в ресторане познакомилась с молодым человеком, шофером по профессии. «Ты смотри, дочка, неизвестно еще, какой он там шофер…» — посчитала за благо предупредить свою дочь Нина Васильевна. Но дочь пропустила ее замечание мимо ушей.

Встречи Харламова (а этим «шофером» был именно он) с Ириной продолжались в течение нескольких недель. Наконец мать девушки не выдержала и попросила показать ей ее кавалера. «Должна же я знать, с кем встречается моя дочь», — сказала она. «Но он сюда приходить боится», — ответила Ирина. «Тогда покажи мне его издали, на улице», — нашла выход Нина Васильевна.

Этот показ состоялся в сквере у Большого театра. Мать с дочерью спрятались в кустах и стали терпеливо дожидаться, когда к месту свидания подъедет кавалер. Наконец его «Волга» остановилась возле тротуара, и Нина Васильевна впилась глазами в ее хозяина. Она разглядывала его несколько минут, но, видимо, осталась этим не слишком удовлетворена и заявила: «Мне надо подойти к нему и поговорить». И тут ее тихая дочь буквально вскипела: «Если ты это сделаешь, я уйду из дома. Ты же обещала только на него посмотреть». И матери пришлось смириться.

Вскоре после этого случая было окончательно раскрыто инкогнито Валерия. Когда мать Ирины узнала, что кавалером ее дочери является знаменитый хоккеист, ей стало несколько легче: все же не какой-то безвестный шофер. А еще через какое-то время Ирина сообщила, что она беременна. В январе 1976 года на свет появился мальчик, которого назвали Александром.

Самое удивительное, что до этого времени родители Валерия ни разу не видели свою невестку живьем, а мать Ирины не познакомилась очно с будущим зятем. Их знакомство произошло 8 марта. В тот день друзья Валерия заехали к Ирине домой и забрали ее с сыном знакомиться с родителями жениха. А после этого Харламов приехал знакомиться с будущей тещей. Она вспоминает: «Первой вошла Ирина,

и сразу почему-то ко мне: мама, ты только на него не кричи, а то он сильно тебя боится. А я думаю, боже упаси, чего это я кричать должна, хоть бы у них все сложилось. Вошел Валера с детской коляской, здоровается. А я вдруг говорю: «Вот ты какой, дай-ка я за тебя подержусь!» Он рассмеялся и отвечает: «А я думал, меня с восьмого этажа сбросят».

14 мая Валерий и Ирина поженились. Свадьбу, на которую было приглашено более сотни гостей, играли в ресторане «Звездное небо», что в гостинице «Интурист». А спустя две недели — 26 мая — молодожены едва не погибли, попав в автомобильную аварию.

Рассказывает Н. В. Смирнова: «Какое-то время после свадьбы Ира с Валерой жили отдельно от меня. Однажды звонят мне на работу: посидишь ли завтра с маленьким Сашей, они куда-то в гости собрались. Условились, что они еще перезвонят. На другой день я жду звонка, думаю, может, нашли кого в няньки, как вдруг звонит знакомая и говорит, что они на своей «Волге» разбились. Валера больше месяца лечил переломы ног и ребер. А у Иры тоже был перелом ноги, раздробление пятки и сильнейшее сотрясение мозга».

А вот что вспоминает об этом же В. Третьяк: «Возвращаясь ночью домой на автомобиле, Валера не смог справиться с управлением, и… машина разбилась вдребезги, а Валеру и его жену доставили в госпиталь. Плохи были дела у Харламова: переломы лодыжек, ребер, сотрясение мозга. Только женился человек, и вот на тебе — «свадебное путешествие» в армейский госпиталь. Долгое время врачи не были уверены в том, сможет ли Харламов снова играть в хоккей. Два месяца он провел на больничной койке.

Только в августе Харламов встал и сделал первые самостоятельные шаги по палате. Но чтобы выйти на лед — до этого ему было еще ох как далеко…»

И все-таки осенью 1976 года Харламов вернулся на лед. Многие тогда сомневались, что он сможет стать прежним Харламовым, а не его бледной копией. Но Валерий сделал невозможное. Тот матч состоялся 16 ноября во Дворце спорта в Лужниках. ЦСКА играл против своих земляков из «Крыльев Советов».

Вспоминает врач команды ЦСКА Олег Белаковский: «Накануне первой игры Валерия после аварии я поехал в «Крылья Советов» и с разрешения тренера Бориса Кулагина выступил перед ребятами. Я

сказал, что Валера Харламов впервые после аварии выходит на лед, и попросил их отнестись к нему по-человечески. Ребята меня поняли и очень бережно сыграли против него. После игры я позвонил генерал-лейтенанту, замначальника ЦСКА по медицинскому обеспечению, который однажды накричал на меня, когда я его уверял, что Валера будет играть. Я доложил: «Сегодня после тяжелой травмы старший лейтенант Харламов впервые играл и забил шайбу». В трубке прозвучало «Спасибо» и раздались гудки…»

Свою шайбу Харламов забил уже на 4-й минуте игры, чем поверг трибуны в неописуемый восторг — ему аплодировали все, даже болельщики «Крылышек». Отыграв два периода, Харламов в третьем сел на скамейку запасных, поскольку играть весь матч ему еще было тяжело (вместо него вышел Вячеслав Анисин, перешедший в этом сезоне в ЦСКА из… «Крыльев Советов»). В тот день армейцы выиграли 7:3.

В 1977 году в составе ЦСКА Харламов стал семикратным чемпионом СССР. В том же году к руководству этим прославленным клубом пришел новый тренер — Виктор Тихонов. Послушаем его рассказ об этом: «Как и все люди, связанные с хоккеем, я немало слышал, разумеется, о «железном» Тарасове, о его неслыханно твердом характере, о «железной» дисциплине в армейском клубе. Впрочем, не только слышал о Тарасове, но и знаю его уже много лет.

Уверяю читателя, что ничего этого не было в том ЦСКА, в который попал я. Не было не только «железной» дисциплины, но и элементарной с точки зрения требований, принятых в современном спорте…»

Среди главных нарушителей спортивного режима в ЦСКА Тихонов далее называет Александра Гусева, Владимира Петрова, Бориса Александрова. Харламова в его списке нет, однако справедливости ради следует сказать, что и он иногда позволял себе «расслабиться». Его коллега по сборной СССР Валерий Васильев вспоминает: «Вот случай: летим через океан. Тренером сборной был Борис Павлович Кулагин… Ну и прямо в самолете «тяпнули» мы с Валеркой Харламовым. Кулагин поймал с поличным, отнял по сто долларов и на первую игру не поставил. Потом простил… Мы стали его просить: «Вы хоть все деньги отнимите, только дайте сыграть. Мы же не за деньги, за Родину». А деньги, кстати, вернул…

Нас почти всегда прощали. Почему бы и нет? Мы же пили профессионально. Знали, когда и сколько. На игре не отражалось — вот что главное. Вот еще один случай. Вскоре после того, как сборную Тихонов возглавил (с 1977), со мной и Харламовым опять случился конфуз. Выпили, и немало… На следующий день играем с чехами. Счет по ходу — 0:2 не в нашу пользу. Виктор Васильевич весь белый от злости ходит вдоль скамейки и бормочет сквозь зубы: «Враги, враги… Снимаю с игры». Но ребята за нас с Харламовым заступились: «Оставьте, Виктор Васильевич, пусть попробуют реабилитироваться». Тихонов сдался. И что же? Вышли мы с Валеркой, и потом нас назвали главными героями матча. Харламов забросил две шайбы, я сделал передачу… В результате сборная выиграла.

Тихонов потом говорил: «Есть идея: может, разрешить этим двоим пить? В порядке исключения, а?» А тогдашний министр спорта Павлов выступил с еще более интересным предложением. Подошел к нам с Харламовым и говорит: «Послушайте, ребята. Если вам так хочется, возьмите ключи от моей дачи, пейте там. Но на сборах все-таки не стоит. Не хорошо… Другие увидят, тоже начнут…» Мы, правда, поблагодарили, но отказались».

В 1978 и 1979 годах Харламов в составе сборной СССР в очередной раз завоевал золотые медали чемпионатов мира и Европы. В эти же годы ЦСКА дважды становился чемпионом страны. Однако Харламова и других «ветеранов» советского хоккея все сильнее стала теснить талантливая молодежь. Да и силы «ветеранов» были не беспредельны. На Олимпийских играх в Лейк-Плэсиде в 1980 году прославленная тройка Михайлов — Петров — Харламов сыграла ниже своих возможностей. Не уходившая раньше с ледовой площадки, не забив хотя бы одного гола, эта тройка тогда почти все игры провела «всухую». Даже в решающем матче с американцами им ни разу не удалось поразить ворота соперников. На той Олимпиаде наша команда взяла «серебро», что по тем временам считалось трагедией.

В 1981 году Харламов объявил, что этот сезон для него станет последним. Закончить его он хотел достойно, и во многом ему это удалось. В составе ЦСКА он стал в 11-й раз чемпионом СССР и обладателем Кубка европейских чемпионов. На последнем турнире он был назван лучшим нападающим. Теперь, чтобы на высокой ноте завершить свою карьеру в хоккее, ему требовалось выиграть первый

Кубок Канады, который должен был стартовать в конце августа в Виннипеге. И тут произошло неожиданное: Тихонов заявил, что Харламов на этот турнир не едет. Для всех специалистов хоккея и болельщиков эта новость была из разряда невероятных.

Вспоминает В. Фетисов: «Валера тренировался неистово, он был в прекрасной форме, и чувствовалось, что очень ждал турнира такого высокого ранга, понимая, что он станет последним для него. Мы паковали чемоданы, как вдруг Тихонов вызвал к себе Харламова. Через полчаса Валера вышел из тренерской. Ничего не объясняя, он пожал ребятам руки, что-то пролепетал о победе, развернулся и уехал. Как потом выяснилось, Тихонов «отцепил» Харламова за какое-то прошлое нарушение режима…»

А вот как объясняет произошедшее сам В. Тихонов: «Валерия не было в списках кандидатов в сборную команду страны, когда мы проводили тренировочный сбор. Однако он блестяще сыграл финальный матч Кубка европейских чемпионов, и потому мы пригласили Валерия в Скандинавию, зная, естественно, заранее, что эти матчи ни в какое сравнение с тем, что предстоит выдержать в Канаде, не идут.

Харламов в составе сборной не тренировался, он готовился по плану ЦСКА не к началу, но к концу сентября, когда стартует чемпионат страны. Однако по уровню мастерства, по силе своего характера, мужеству своему Харламов всегда достоин выступления в сборной, характера у него, как говорится, на троих. Но вот по функциональной готовности… Валерий не набрал еще формы, и отставание его от партнеров было велико. Не было пока еще той двигательной мощи, благодаря которой этот блестящий форвард успевал действовать повсюду.

Мы с ним обстоятельно поговорили. Валерий в заключение сказал: «Виктор Васильевич, я все понимаю. Я действительно не в форме…»

Потом пришел Владимир Владимирович Юрзинов. Разговор продолжался втроем. Валерий пожаловался, что у него не хватает сил играть. Мы ему рассказали, что нужно делать, предложили программу действий.

Бегать надо по двадцать-тридцать минут каждый день. Тогда в ноябре — декабре ты уже будешь в хорошей форме. Отыграешь на

турнире «Известий» и начнешь готовиться к чемпионату мира…

Харламов ответил: «Я все понимаю, я дал вам слово… Почему вы мне поручаете работу с молодежью, я понимаю… Сделаю все, чтобы они играли…»

Таким образом, по словам Тихонова, Харламов не попал в сборную из-за плохой функциональной подготовки. Честно говоря, слышать об этом удивительно. На тот Кубок Канады в сборную попали несколько игроков, подготовка и уровень игры которых вызывали у специалистов куда больше нареканий, однако они в Канаду поехали. А игрок суперкласса В. Харламов остался в Москве. И как оказалось — на свою погибель.

Как утверждают очевидцы, Харламов несколько раз говорил: «Я трагически погибну». Да и у Ирины был один мистический случай. Ей кто-то нагадал, что она умрет в 25 лет. В начале 81-го она отмечала свое 25-летие и во время торжества, выйдя на кухню, сказала маме: «Ну вот, а мне говорили, что я не доживу…» Как оказалось, смысла предсказания она не поняла.

26 августа Харламов отправился в аэропорт — встречать жену с маленьким сыном, которые возвращались с отдыха на юге. Через несколько часов он привез их на дачу в деревню Покровка под Клином, где тогда жили его теща и 4-летняя дочка Бегонита.

Рассказывает Н. В. Смирнова: «Ира приехала с юга немного простуженной и легла спать пораньше. В это время на даче жила семья моей старшей сестры, так что нам пришлось разместиться в другой комнате всем вместе. Но Валера лег не сразу, еще чего-то с ребятами повозился, а потом пристроился рядом с Сашей на кровати. Я предложила забрать внука к себе на диван, но он не согласился. Спал он плохо, несколько раз вставал, но не пил, не курил. Просто посидит-посидит, да и снова ляжет.

Утром встали рано, позавтракали. Ира с Валерой засобирались в Москву. Ира говорит: «Валера, ты не выспался, давай я поведу машину». Тут я услышала, запротестовала: «Не давай ей руль, она без прав, да и погода вон какая хмурая». Валера меня успокоил: «Не дам, надо торопиться, хочу на тренировку к одиннадцати успеть, так что сам поведу. Да еще Сережу надо домой завезти». С ними поехал Сергей — племянник мой, он уже семейный был, из армии недавно вернулся. Короче, Валера сел за руль, и они уехали.

Я вскоре пошла в магазин за свежим хлебом. Со мной еще была сестра со своим внуком. Идем по улице, как вдруг подъезжает милицейская машина, и у сестры спрашивают, где, мол, теща Харламова живет. Я поняла: что-то случилось».

Трагедия произошла в семь часов утра на 74-м километре Ленинградского шоссе. Сегодня уже трудно установить, почему, едва отъехав от деревни, Харламов вдруг позволил своей жене сесть за руль «Волги», однако факт остается фактом: в роковые минуты за рулем была Ирина. Дорога была мокрой, и женщина, видимо, не справилась с управлением. Автомобиль вынесло на встречную полосу, по которой на огромной скорости мчался грузовик. Все произошло так неожиданно, что его водитель не сумел толком среагировать, только вывернул руль вправо. И «Волга» врезалась ему в бок. Удар был настолько силен, что Валерий и Сергей скончались практически мгновенно. Ирина еще какое-то время была жива, и, когда пришедшие на помощь водители выносили ее из машины и клали на траву, она шевелила губами. Однако через несколько минут и она скончалась. Через десять минут к месту трагедии приехала милиция, которая опознала в мужчине, сидевшем на переднем сиденье «Волги», Валерия Харламова.

Рассказывает сотрудник ГАИ Лев Максимович: «Когда я осмотрелся на месте происшествия, то почти сразу в деталях понял, что произошло. Все застыло, будто на фотографии: Харламов, как живой, сидел на переднем сиденье пассажира, руку протянул в сторону руля. Наверное, в последний момент он пытался помочь жене справиться с управлением. Его жена Ирина лежала в кювете и еще была жива. «Скорая» стояла рядом. Врач суетился с ватными тампонами, пытаясь спасти ей жизнь. Двоюродный брат хоккеиста, сидевший на заднем сиденье, погиб на месте…

Я уверен, что смерть Харламова во многом цепь случайных совпадений. За день до аварии на этом участке меняли асфальт. В месте, где заканчивалось новое покрытие, образовался своеобразный выступ высотой пять сантиметров, который и стал причиной трагедии. Жена Харламова была неопытным водителем и, наскочив на кочку, потеряла управление. Машину закрутило на шоссе, и она столкнулась с «ЗИЛом», который шел навстречу.

Скорее всего, они бы выжили. Но, видимо, судьба — грузовик, как назло, был до отказа набит запчастями. Дополнительный груз усилил и без того мощный удар. Да и асфальт в этом месте, словно нарочно, не оставил шансов на спасение. Новое покрытие, на которое попала «Волга», во время жары было скользким, как лед…»

Вспоминает друг Харламова Борис Полукаров: «Последний раз я видел Харламова с женой накануне трагедии вечером. Мы встретились в центре Солнечногорска, и Валера попросил посмотреть «Волгу», у него барахлил бензонасос, топливо подтекало. Я быстро исправил поломку. Валера угостил меня пивом, но оно было теплым, я его только пригубил. Они уехали к себе на дачу. Утром мы договорились встретиться в полдевятого, но Харламов вовремя не приехал, и я отправился по рабочим делам в Москву. По дороге заехал к Константину Бескову, позвонил знакомым, а те говорят, что Харламов погиб. Звоню в милицию, а мне дежурный говорит: «Да напились». Но это глупость. В восемь утра он водку никогда не пил. Гнать по трассе они тоже не могли. После первой аварии Ирина боялась скорости. Быстрее, чем шестьдесят-восемьдесят километров, они не ездили…»

Уже через час после трагедии весть о ней разнеслась по Москве. А вечером того же дня мировые агентства сообщили: «Как сообщил корреспондент ТАСС, в автокатастрофе под Москвой сегодня утром погиб знаменитый хоккеист Валерий Харламов, тридцати трех лет, и его жена. У них осталось двое маленьких детей — сын и дочь…»

Хоккеисты сборной СССР узнали об этой трагедии в Виннипеге.

Вспоминает В. Фетисов: «Утром включили телевизоры, а там Валеркины портреты. Но тогда никто из нас толком по-английски не понимал. Так и не сообразили, что к чему. Уже потом, когда вышли на улицу и к нам стали подходить незнакомые люди и что-то говорить о Харламове, мы поняли: с Валерой случилась беда. Вечером прилетел наш хоккейный начальник Валентин Сыч и сказал, что Харламов погиб. Мы были в шоке. Все собрались и сначала хотели бросить к черту этот турнир и ехать на похороны. Но потом как-то так получилось, что решили остаться, во что бы то ни стало выиграть Кубок и посвятить победу Харламову. Так в итоге и получилось».

Похороны погибших в автомобильной катастрофе состоялись через несколько дней на Кунцевском кладбище. Проститься с великим хоккеистом пришли тысячи людей. Вскоре после этого ушла из жизни

мама Харламова, не сумевшая перенести смерть любимого сына. Что касается невестки, то к ней отношение было однозначным — ее назвали главной виновницей трагедии. Говорят, еще на поминках мама Ирины почувствовала вокруг себя определенный вакуум. Ее сторонились все: и родственники Харламова, и цэсковские начальники. Да и в поминальных речах ощущалась отчужденность. Единственные, кто поддержал тогда Нину Васильевну, были Иосиф Кобзон и адмирал Шашков. Они и потом ей помогут, когда родственники Харламова захотят отлучить ее от внуков. В заключение этой темы добавлю, что в течение некоторого времени какие-то вандалы целенаправленно оскверняли могилу Ирины.

Уже несколько позже люди, знавшие Харламова, стали вспоминать некоторые эпизоды, когда он предчувствовал собственную смерть именно подобным образом. Например, своему отцу он однажды сказал: «Странно, что еще никто из наших хоккеистов не бывал в автокатастрофах». А в июне 1979 года, когда хоронили прославленного спортсмена В. Боброва, Валерий, стоя у его могилы, вдруг произнес: «Как хорошо здесь, на кладбище, тихо, ни забот, ни тревог». И ровно через два года после этого произошла трагедия.

Спустя десять лет после гибели хоккеиста — 26 августа 1991 года — на месте трагедии появился памятный знак — огромная шайба с надписью: «На этом месте закатилась звезда русского хоккея». Этот памятник установили солнечногорские друзья Харламова. Так вышло, но памятник обошелся бесплатно: ни в гранитной мастерской, ни в строительном управлении, где выделяли автокран, денег за работу не взяли. Сказали: «Что ж мы, не люди? Или хоккей не смотрели?» Правда, сначала с установкой вышла промашка — его поставили на противоположной стороне дороги. Но один из гаишников, кто был на месте происшествия, — Виктор Останин — заметил это и попросил переставить. Было холодно, на дворе стоял ноябрь, но справились с этим быстро: первые же водители, которых остановили для помощи, узнав, кому ставится памятник, немедленно согласились помочь. Первое время водители, проезжая мимо этого места, обязательно сигналили. Говорят, теперь это делать перестали.

P. S. Дети В. Харламова пошли по его стопам — стали спортсменами. Александр играл в хоккейном клубе ЦСКА под отцовским номером «17». Затем уехал в США. Наездами бывал на

родине. В один из таких приездов он познакомился со студенткой финансового института Викой. Причем произошло это знакомство почти так же, как и знакомство его родителей, на чьем-то дне рождения. 16 августа 1997 года Александр и Вика поженились.

Бегонита занималась художественной гимнастикой, стала мастером спорта.

Взлетевшие в небо
Леонард Адамов. Валерий Березин. Михаил Булгаков. Геннадий Красницкий. Елена Мирошина. Евгений Белошейкин

В череде трагических случаев, произошедших в советском спорте, есть несколько похожих — несколько спортсменов покончили с собой.

Леонард Адамов в начале 60-х был широко известным спортсменом. Он выступал за столичный «Спартак» (1959–1962), после чего перешел в минское «Динамо». Там провел семь сезонов. Причем неплохих сезонов: в 65-м он стал финалистом Кубка СССР, сыграл один матч за национальную сборную страны. В 1974 году Адамов стал тренером минского «Динамо». Тренировал бы и дальше, если бы не нелады в семейной жизни. Его жена, бывшая некогда красавицей-блондинкой, в последние годы их совместной жизни подсела на «зеленого змия», из-за чего ее уволили с работы — из престижного КБ, куда муж ее с большим трудом устроил еще в пору своей футбольной играющей славы. Но это было бы полбеды, если бы жена не втягивала в свои попойки и 18-летнюю дочь. Как пишет А. Ткаченко: «Адамчик понимал, что с женой уже не справиться, и больше всего боялся за дочь. Каждый раз, когда он возвращался домой, он осторожно открывал дверь своим ключом и видел с ужасом то компанию жены в диком подпитии, то компанию дочки — покуривающих надменных юношей, не обращающих на него внимания. Адамчик разгонял всех, ставил на рога дом, отвязывался на дочку, на жену, укладывал их спать кое-как, сам на кухне в тоске раздавливал пузырек на ночь и засыпал на кухонном диванчике. Утром он пытался собрать всю семью и вместе провести целый день. Но у всех были уже свои интересы. Он видел, что все уходит из его рук; чем лучше сыграла его команда, тем хуже становились дела семейные. Это было выше его сил, и он срывался сам…»

В день трагедии, совпавшей с 60-летием Октябрьской революции — 7 ноября 1977 года, Адамов приехал домой поздно — был по делам в другом городе. Едва подъехал к дому, сразу понял, что там

неладно, — окна во всех комнатах горели, гремела музыка. Адамов в несколько прыжков добежал до своей квартиры. Распахнул дверь и обмер: жена копошилась в кровати с двумя голыми мужиками. В соседней комнате то же самое делала и дочь. Причем, увидев отца, она даже бровью не повела и продолжила свое дело. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения футболиста. Уйдя в большую комнату, где на столе стояли остатки трапезы, он влил в себя целый стакан водки, после чего ударом ноги распахнул окно и, разбежавшись от дальней стены, выпрыгнул с 9-го этажа. Было Адамову 36 лет.

По причине семейных неурядиц в конце 1983 года покончил с собой еще один известный футболист — **Валерий Березин**. Он играл на позиции центрального нападающего в команде СКА из Ростова-на-Дону и в 1981 году в ее составе стал обладателем Кубка СССР. Потом он играл в «Ростсельмаше», а когда ему стукнуло 30 лет, решил повесить бутсы на гвоздь. Однако жизнь на гражданке не задалась. В конце 1983 года от Березина ушла его жена, и этот разрыв выбил бывшего футболиста из равновесия. Не сумев справиться с депрессией, он покончил с собой: закрылся в своем гараже на берегу Дона, включил зажигание и задохнулся от выхлопных газов собственного автомобиля. Спустя четыре года — 9 июля 1987 года — при трагических обстоятельствах закончится и жизнь родителей Березина: пожилых людей убьют грабители, забравшиеся в их квартиру, чтобы поживиться.

Практически в этом же возрасте свел счеты с жизнью и другой футболист — 33-летний **Михаил Булгаков**. В конце 60-х он играл в курских «Трудовых резервах» (1968–1969), после чего перешел в столичный «Спартак» (1970–1979). Так же, как и Адамов, он призывался и в ряды национальной сборной, причем неоднократно. Однако в начале 80-х дела у Булгакова не заладились, и из «Спартака» он вынужден был уйти. А 3 августа 1985 года наступила трагическая развязка.

Рассказывает Е. Ловчев: «Однажды я вышел на хоккейную коробку потренироваться, а мне Боря Кох говорит: «Женя, слышал, что Мишка-то натворил. Говорят, вчера из окна выбросился». Я, как был, сразу к Мишкиному дому кинулся. Хожу вокруг, смотрю. Мужик какой-то подошел и сказал, что накануне кто-то с криком: «Простите меня, дочки» — с 11-го этажа прыгнул.

Я был одним из главных организаторов на похоронах, поэтому знал, что накануне Миша пришел в семью (они уж вместе не жили тогда) и стал проситься снова вместе жить. Но Галка не согласилась. У Мишки в ту пору что-то с психикой было. Он все же ночевал дома. Утром сводил младшую дочку на фигурное катание, потом позвонил матери, за что-то тоже прощения попросил и…

Черт знает почему, но у нас в «Спартаке» это не первый случай. Еще раньше Николай Солдатов, был такой классный защитник, руки на себя наложил. Потом вратарь Володя Лисицын покончил с собой.

…Похоронили мы Мишку на Митинском кладбище. Там позже рядом с ним легли пожарные-чернобыльцы. Собирались мы за могилой следить, да как-то забылось. А ведь присмотреть некому. Галка-то вскоре замуж за бизнесмена какого-то вышла и за границу с детьми уехала…»

В 1988 году советский футбольный мир потрясет еще одна трагедия — покончит с собой легендарный игрок ташкентского «Пахтакора» 48-летний **Геннадий Красницкий**. Свою карьеру в футболе этот игрок начал в 1954 году, выступая за ташкентский «Пищевик». Четыре года спустя талантливого 18-летнего парня заметят тренеры «Пахтакора» и пригласят в основной состав. Буквально с первых же матчей Красницкий покажет себя во всей красе: благодаря высокой скорости, мощи и сильнейшему удару он станет лучшим форвардом-тараном в составе команды. Про удары Красницкого ходили легенды. Самый феноменальный случай произошел в 1963 году, когда он в составе сборной клубов «Динамо» выступал в Лиме против клуба «Спортинг Кристалл» и так мощно пробил с правой ноги по воротам соперников, что мяч… пробил сетку и улетел на трибуну. В газетах на следующий день написали, что если бы на пути мяча встал вратарь, то он наверняка стал бы инвалидом. В чемпионатах СССР Красницкий провел 247 матчей и забил 102 гола. Играл он и в сборной Советского Союза (1961, 1965–1966), за которую провел 3 матча и забил (единственный из «пахтакоровцев»-сборников) 1 гол.

В 1971 году Красницкий ушел из большого футбола и стал тренером родного «Пахтакора». Потом он тренировал и другие узбекские команды, а в 1986 году был назначен начальником отдела футбола республиканского ДФСО профсоюзов. Несмотря на свое

название, должность была малооплачиваемая — всего 135 рублей. Когда Красницкий потребовал пересмотреть свою ставку, его и вовсе понизили — назначили судьей-инспектором чемпионата Узбекистана. Видимо, это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения некогда знаменитого футболиста.

О том, чтобы уйти из жизни, Красницкий стал задумываться за несколько дней до трагедии. Его близкие потом будут вспоминать, что, когда в июне 1988-го ему предстояло отправиться в Курган-Тюбе, где он должен был инспектировать очередной матч, он захотел, чтобы в аэропорт его проводила вся семья: мама, жена и дочка. Он произнес многозначительную фразу: «Проводите меня в последний раз». Однако жена, не догадываясь об истинном значении слов мужа, не захотела ехать ни сама, ни дочку не отпустила, мотивируя это тем, что на улице стояла жуткая жара. И Красницкого поехала провожать его мама. В аэропорту Геннадий было направился к самолету, на посадку, но затем вернулся и отдал ей свою спортивную сумку. А на недоуменный взгляд матери ответил: «Мне, мама, она теперь не нужна…»

Трагедия произошла 12 июня 1988 года. Вот как об этом вспоминает В. Гулямхайдаров:

«Я встречал Геннадия Александровича в аэропорту, и весь этот вечер он был на моих глазах. Трезв он был как стеклышко. Но выглядел грустным, подавленным. Расстроился Красницкий после матча и тем, что арбитр из Ташкента повел себя необъективно, «сломал» нам, что называется, игру. Геннадий Александрович как инспектор встречи оценил его судейство на двойку. Передал по телефону информацию об игре в Ташкент и пошел в отведенный ему номер в гостинице вместе со мной и М. Тунисом.

В номере он продолжал нервничать. Он то и дело снимал свой перстень с пальца, надевал его вновь. Курил одну сигарету за другой. От нескольких наших предложений пойти поужинать отказался.

В номере было две комнаты. Мы находились в гостиной. Вдруг Красницкий порывисто поднялся со своего места, сказал нам: «Ну ладно, прощайте!» — и быстрыми шагами направился в спальню.

Мы опешили поначалу, но тут же спохватились: «Что-то не то»… Поспешили за ним, но уже увидели в проеме окна лишь ноги скользнувшего, выбросившегося вниз Красницкого.

Смерть его была мгновенной. Он все рассчитал точно, головой целясь в бетонную дорожку, окаймлявшую дом…»

Между тем чиновники от спорта даже мертвого не оставили Красницкого в покое, попытавшись наскоро провести его похороны. Однако бывшие товарищи покойного по «Пахтакору» наплевали на запреты: подняли гроб на руки и пронесли его вокруг того самого поля стадиона «Пахтакор», на котором Красницкий когда-то забил столько красивых голов.

Двадцатилетняя прыгунья в воду **Елена Мирошина** принадлежала к другому поколению наших спортсменов, более молодому. Однако ее судьба сложилась не менее трагично.

Мирошина стала «звездой» в 13 лет. К двадцати годам она уже была неоднократной чемпионкой Европы, серебряным призером мирового первенства и серебряным призером Олимпийских игр в Барселоне в 1992 году.

По словам друзей, Мирошина практически одна тянула свою семью — очень небогатую, далеко не благополучную, трудную. Все деньги, заработанные ею, уходили на поддержание семьи. Однако в 1995 году Мирошина решила выступления прекратить, слишком тяжело физически давался ей в последнее время спорт. Она решила посвятить себя ребенку, которого собиралась родить в мае 1996-го. Однако этим планам так и не суждено было сбыться. 2 января бездыханное тело Мирошиной нашли прохожие под окнами ее девятого этажа. Что произошло? Следствие выдвинуло версию, что она выбросилась из окна. Но почему тогда и окна, и балкон квартиры были тщательно заперты изнутри? Ответа на этот вопрос до сих пор нет.

Три года спустя спортивный мир России потрясла новая трагедия: из жизни ушел хоккейный вратарь **Евгений Белошейкин**.

Слава обрушилась на Белошейкина в 1985 году, когда 19-летний парень стал вратарем ЦСКА (до этого он играл в ленинградском СКА). Несмотря на то, что эта команда всегда отличалась железной дисциплиной, стрессы в ней спортсмены снимали привычными способами — с помощью алкоголя. Не стал исключением и Белошейкин. Однако если многие его коллеги сумели-таки укротить «зеленого змия» и не сломаться, то Белошейкин не смог. Просто так сложилась судьба. Ленинградский парень, не имевший в Москве ни семьи (оба его брака распались), ни настоящих друзей, не смог

противостоять жестоким ударам судьбы. По словам его матери: «Я чувствовала — что-то не так. Но на все мои беспокойства и Тихонов, и Михайлов отвечали одно и то же: «Это армия!» Хороша армия, из которой человек выходит сломанный духом, с «дырками» на животе от анаболиков, с бычьими связками на коленях, возникшими после трех операций. Как-то раз Женя даже бросался в прорубь на Москве-реке. Слава богу, спасли…»

Рассказывает В. Тихонов: «Хороший был хоккеист — Женя Белошейкин! Однако пил он много, запоями. С дружками, а часто и в одиночку. Что мы только не делали — уговаривали, ругали, лечили в клинике. Однажды заставили вшить «торпеду». А он через несколько дней вырезал ее и опять напился. Тогда я вывел Белошейкина из основного состава команды, объявив: не перестанет пить — выгоню вообще. Хоккей он очень любил, и я думал, что, отлученный от него, наконец-то образумится. Не образумился…»

В 1990 году, отыграв шесть лет за ЦСКА и собрав целую коллекцию золотых медалей (чемпион СССР 85—87-го, чемпион мира 86-го, чемпион Европы 86—87-го, чемпион Олимпийских игр 88-го), Белошейкин вернулся домой — в Питер. Пытался играть за команду «Ижорец» (Колпино), но из этого ничего не получилось — нарушения режима следовали один за другим. Уехал было за океан, в фарм-клуб «Эдмонтона», но и там продержался всего полгода. Больше ни в одну команду его не брали. К тому же очередным ударом судьбы стало для Евгения убийство его отца в одном из кафе города. Убийц так и не нашли. Белошейкин устроился охранником в ЧОП, но и там не задержался. Мать пыталась ему подыскать работу через Спорткомитет, но тамошние чиновники к ее просьбе отнеслись равнодушно. А Белошейкин продолжал пить. В промежутках между запоями неустанно повторял матери, что устал жить. Мать в отчаянии обратилась к друзьям сына. Те определили его в больницу, пытались лечить гипнозом — ничего не помогало.

Между тем однажды, поссорившись с матерью, Евгений ушел из дома. Познакомился с 40-летней женщиной — матерью двух дочерей, и стал жить у нее. Девочки стали называть его папой. Чтобы не прослыть иждивенцем, Белошейкин стал подрабатывать «извозом» на своих стареньких, купленных еще на «олимпийские» деньги «Жигулях». Судьба снова предоставила Евгению шанс начать жизнь с

чистого листа. Но он опять его упустил — в очередной раз сорвался, и семья распалась.

Рассказывает Д. Иванов: «18 ноября 1999 года в одной из тех квартир, где порой пропадал Евгений (это была комната в общежитии. — *Ф. Р.*), его нашли мертвым с петлей на шее. Так закончилась жизнь талантливого вратаря Евгения Белошейкина.

Уже после похорон в квартире Белошейкиных раздался звонок. В трубке прозвучал голос:

— Вы знаете, я был в тот момент, когда все это случилось.

На вопрос Раисы Павловны, сильно ли пьян был ее сын, голос ответил:

— Да я бы не сказал…

Мама Жени полагает, что, возможно, в разгар пьянки кто-то мог ненароком вспомнить о прославленном прошлом ее сына и сравнить с его нынешним положением. Вполне возможно, что это и подтолкнуло хоккеиста к страшному шагу.

…Его могила утопала в цветах. На похороны пришли все настоящие друзья. Все, кто знал и помнил его, а не те, кто составлял ему компанию в застольях. Женю похоронили на Богословском кладбище, там же, где лежат и другие родственники семьи Белошейкиных…»

«Железный конь» несется к смерти
Виталий Дараселия. Михаил Еремин. Сергей Перхун. Иван Ярыгин

За последние два десятилетия в результате автомобильных аварий из жизни ушли несколько известных спортсменов. Открывает этот список бывший футболист тбилисского «Динамо» и сборной СССР **Виталий Дараселия**. Трагедия произошла в декабре 1982 года. Незадолго до этого Дараселия купил себе новый автомобиль и решил его обкатать. Вместе с ним на горную трассу выехал и опытный инструктор. Они ехали через перевал, и на одном из участков «серпантина» Дараселия не справился с управлением. Автомобиль рухнул с обрыва в горную реку. Инструктора нашли сразу, а вот тело Дараселии унесла река. Глава Зестафонского района Мамука Асланишвили бросил на поиски футболиста сотни людей, хотя на дворе был конец года и людям надо было выполнять план. Спустя 13 дней тело Дараселии было найдено. Хоронили его в Грузии как национального героя.

Девять лет спустя погиб вратарь футбольного ЦСКА (1987–1991) **Михаил Еремин**. Он погиб на взлете своей спортивной карьеры. За неделю до гибели ему исполнилось 23 года, он стал чемпионом России-91, обладателем Кубка России по футболу. Впереди маячил долгожданный отпуск, который он собирался провести с молодой женой и маленьким сыном на юге. Но не сложилось.

В тот роковой день, 30 июня 1991 года, Михаил вместе со своим старшим братом Игорем и приятелем отправились на машине за город. За руль автомобиля, принадлежавшего Михаилу, сел приятель. Трагедия произошла неподалеку от местечка с совсем не романтическим названием Черная Грязь, на шоссе Москва — Ленинград. На изгибе трассы у ереминского автомобиля внезапно лопнула шина. И его вынесло на встречную полосу. О последствиях лобового столкновения рассказывали потом сотрудники ГАИ: пришлось разрезать эту искореженную груду металла, чтобы извлечь оттуда людей. Находившийся за рулем приятель Еремина погиб

мгновенно, сам Михаил еще неделю боролся за жизнь в реанимации одной из столичных клиник. Увы, медицина оказалась бессильной.

Еремина наградили золотой медалью чемпионата России посмертно. Получать поехал брат Игорь. Та церемония награждения переросла в вечер памяти Михаила. Игроки ЦСКА того состава поклялись ежегодно навещать могилу своего товарища.

Между тем над вратарями футбольного ЦСКА витает какой-то рок. Спустя десять лет после гибели М. Еремина при трагических обстоятельствах ушел из жизни еще один армейский вратарь — **Сергей Перхун**. В игровом столкновении в матче «Анжи» — ЦСКА он получил страшный удар в голову и спустя несколько дней умер в реанимации.

Осенью 1997 года смерть от «железного коня» принял еще один российский спортсмен — двукратный олимпийский чемпион (1972, 1976) по вольной борьбе 48-летний **Иван Ярыгин**. Вот как описывает случившееся журналист газеты «Сегодня» А. Ветров:

«Трагедия произошла примерно в 22.30 на 122-м километре автодороги Затеречный — Южносухумск (Ставропольский край). Иван Ярыгин в этот день находился в Махачкале на международном турнире по вольной борьбе памяти чемпиона мира Али Алиева в качестве почетного гостя. 9 октября после окончания первого полуфинала он поехал за женой, отдыхающей в Кисловодске. В путь известный спортсмен отправился на автомашине «БМВ-735», принадлежащей его давнему приятелю г-ну Кадырову, директору Базы олимпийского резерва в Кисловодске. Кроме них, в иномарке находились двое сыновей г-на Кадырова — Расул и Матсуд, последний как раз и сидел за рулем автомашины (парню было чуть больше двадцати). На одном из поворотов водитель не справился с управлением, и автомобиль вынесло на встречную полосу — под колеса грузовика «ЗИЛ-4331».

Ярыгин, сидевший рядом с водителем, ударился головой о правую переднюю стойку машины. Через несколько часов от полученной тяжелой черепно-мозговой травмы он, не приходя в сознание, скончался в больнице. Погиб также один из сидевших сзади пассажиров. Водитель и еще один пассажир в тяжелом состоянии были доставлены в больницу.

Рассказывает вдова спортсмена Наталья Ярыгина: «Вообще над Ярыгиными будто рок какой-то висел. А семья ведь у Ивана огромная

была. Десять детей. Все здоровые, счастливые. И вдруг — будто сглазил кто… Сначала погиб отец — валил лес в тайге, и на него обрушилась громадная сосна. Потом Иван потерял двух братьев. Сначала старшего, Геннадия. Ему всего 24 года было. Он тогда лес на плотах сплавлял, и вдруг катер перевернулся, а Гена выбраться не смог — ногу зажало между какими-то досками… Потом ушел Василий. Красавец, мастер спорта, боксер. Ему было 32. Ехал на тракторе вдоль Енисея, и вдруг дорога стала проседать — видно, ее водой размыло. Трактор перевернулся и упал прямо в Енисей. Представляете: у Васи, как и у брата, ногу чем-то зажало, и он тоже выбраться не смог… Мистика. А за два месяца до гибели Ивана наш сын Сергей попал в жуткую аварию. Поначалу вообще ходить не мог. И только начал поправляться, а мы едва отошли от всего этого кошмара — как случилась трагедия с Иваном…».

Трагедии последних лет
Валерий Марков. Кира Иванова. Виктор Якушев. Юрий Тишков

За последнее десятилетие сразу несколько некогда известных спортсменов ушли из жизни не по собственной воле. Первым в этом списке стоит хоккеист **Валерий Марков**. Он играл в столичных командах «Динамо» (1965–1970) и «Спартак» (1971–1977), затем работал тренером в сборной «Звезды России» и ДЮСШ «Спартак».

В роковой день 13 апреля 1999 года 53-летний Марков приехал к своим друзьям, живущим в доме № 9 на Звенигородском шоссе. В 14.40 он вышел из дома и направился к своей «Волге», стоявшей на стоянке. Провожая его, друзья вышли на балкон и что-то весело кричали Маркову вслед. А спустя минуту перед их глазами разыгралась трагедия.

Рассказывает С. Тополь: «Свидетелями трагедии, которая разыгралась буквально через несколько минут, стали не только они и многочисленные прохожие, но и сотрудники газеты «Вечерняя Москва»: окна редакции выходят на стоянку.

Когда Марков выезжал со стоянки, его «Волгу» задели красные «Жигули». Оба водителя выскочили из машин и начали выяснять отношения. Ссора закончилась дракой. Пока друзья Маркова бежали к нему на помощь (никто из прохожих не вмешался), водитель «Жигулей» успел несколько раз ударить его монтировкой по голове и скрылся.

Истекающего кровью Маркова друзья посадили в салон «Волги» и вызвали «Скорую». Когда минут через десять-пятнадцать на место происшествия приехали врачи, тренер уже был мертв. Поиски автомобиля, на котором уехал убийца, результатов не дали. Никто не запомнил его номерной знак…

«Валера был очень мягким и добрым человеком, — сказал его партнер по «Спартаку» Юрий Ляпкин. — Он отдавался игре без остатка, себя не щадил. И еще он очень любил детей».

Еще одной жертвой убийства стала бронзовая призерка Олимпиады-84 по фигурному катанию 39-летняя **Кира Иванова**,

которая погибла 19 декабря 2001 года при странных обстоятельствах.

Иванова ушла из большого спорта в середине 90-х. Устроилась работать тренером в спортобществе «Динамо». Однако с конца 90-х стала сильно выпивать (говорят, это у нее наследственное). Только в 2001 году она несколько раз лечилась от пагубного пристрастия — то в НИИ имени Склифосовского, то в наркодиспансере 17-й больницы. В сентябре того же года ее уволили с тренерской работы.

В доме на улице Декабристов в Москве Иванова жила одна: старшая сестра, спортсменка, погибла лет семь назад, еще раньше умер отец, муж ушел к другой. Первыми тревогу забили соседи, которые почувствовали специфический запах на площадке. Вызвали из Митина отчима Киры. Тот приехал и обнаружил, что входная дверь падчерицы не заперта. Он вошел внутрь и… Вот как описывал увиденное «Московский комсомолец»:

«Как рассказали «МК» сотрудники милиции, побывавшие на месте преступления, беспорядок в квартире Ивановой был вполне естественным явлением. Хозяйка была, мягко говоря, равнодушна к комфорту. На всех вещах — слой пыли, на кухне — немытая тарелка с засохшей рисовой кашей, многочисленные пустые бутылки… Ценных вещей почти нет, даже кубки и призы куда-то подевались. Исчезла и бронзовая медаль за Олимпиаду-84, сохранился лишь значок за участие в Олимпийских играх в Лейк-Плэсиде. Куда пропало остальное? Украли? Но друзья говорят, что давно не видели спортивных трофеев хозяйки.

Кира лежала на своей кровати обнаженная. Кругом — кровь, на шее и груди зияют страшные раны… Сыщики пытаются смоделировать примерную схему того, что происходило. Сначала — попойка, потом — любовные утехи (на это указывает предварительное расследование), затем — страшный финал: садист издевался над жертвой, отрезал ножницами локоны, потом начал наносить удары…

Детективы уверены, что жертва сама впустила палача. Вероятно, это случилось в ночь на среду: вечером 18-го Кира беседовала по телефону с отчимом и говорила, что у нее все в порядке. Кто потом наведался в квартиру отставной спортсменки? Сексуальный маньяк? Грабитель? Очередной случайный знакомый? Сыщики отдают предпочтение последней версии. Убийство явно не похоже на дело рук секс-маньяка, а брать из квартиры было просто нечего. А вот незваных

гостей в доме на Декабристов в последнее время перебывало множество…

Друзья Ивановой теперь винят спортивное руководство. Не помогли, не уберегли, не наставили на путь истинный… Похоже, таков удел многих наших великих спортсменов. Пока они «на коне», им преклоняются, их боготворят, превозносят до небес, а потом предпочитают не замечать. Так было в XX веке, так продолжается в XXI…»

Летом 2001 года неизвестные подонки убили прославленного советского хоккеиста, игрока московского «Локомотива» (1955–1977), сборной СССР (1959–1967), чемпиона мира (1963–1967), чемпиона Европы (1959–1960, 1963–1967), чемпиона Олимпийских игр (1964) **Виктора Якушева**.

27 июня 2001 года 64-летний Якушев присутствовал на торжественном чествовании своего друга — олимпийского чемпиона по футболу Анатолия Ильина. Домой в Новокосино возвращался за полночь. О том, что произошло дальше, существует несколько версий. По одной из них, на Якушева напали какие-то отморозки. Когда до родного подъезда оставалось пройти каких-нибудь несколько десятков метров, они напали на спортсмена и стали его избивать. Продолжалось это в течение нескольких минут. Когда подонки убежали, Якушев из последних сил дошел до подъезда и упал, так и не сумев открыть дверь. Его тело нашли в 5 часов утра на следующий день сотрудники патрульной милиции. Якушев был без сознания. Милиционеры по домофону сообщили жене Якушева о случившемся… и уехали, даже не вызвав «Скорую помощь».

По другой версии, нападавшими были… сами милиционеры. Как писал в «Московском комсомольце» Борис Левин: «Версия о бандитском нападении отпала. Якушева привезли во двор в пять утра сотрудники патрульной службы милиции, вызвали по домофону жену и, не дождавшись, скрылись. Виктор был без сознания. На руках — следы зеленки, йода и наручников. Застиранная рубашка, а все тело — в ссадинах, кровоподтеках, синяках. При нем был только один документ — пенсионное удостоверение.

На поминках присутствовал подполковник ФСБ. Он рассудил так: «Молодчики из патрульной службы «обработали» Виктора, но, узнав по документу, кто он, зеленкой и застиранной рубашкой пытались

скрыть преступление. А иначе почему не отвезли, как положено, в больницу, где по правилам документально оформили бы поступление больного? Почему не дождались жены?..»

Почти три дня жена спортсмена не могла госпитализировать мужа. Она обращалась за помощью в клуб «Локомотив», которому Якушев отдал более 30 лет. Но, как на грех, главного тренера футбольного клуба Юрия Семина, который, безусловно, решил бы проблему госпитализации в ведомственную больницу МПС, на месте не оказалось… Помог один из друзей, поместивший Якушева в 15-ю горбольницу. У великого спортсмена были переломаны ребра, кроме того, из легкого пришлось откачать полтора литра крови. Эти травмы и привели к смерти спортсмена.

В январе 2003 года был убит бывший футболист столичных команд «Торпедо» (1987–1992) и «Динамо» (1993–1997), а впоследствии футбольный агент 33-летний **Юрий Тишков**. Его убили возле его дома, расположенного на Дмитровском шоссе в Москве. В тот вечер Юрий был в ресторане, где отмечал с друзьями какое-то событие. Домой возвращался на своей «Дэу-Нексии». В 23.30 он поставил ее на платную автостоянку, после чего направился к подъезду. Здесь на него и напали. Неизвестный (или неизвестные) нанес Тишкову несколько ударов заточкой в грудь, от которых бывший футболист скончался на месте.

У следствия были две доминирующие версии: бытовая и профессиональная. Согласно первой, Тишкова убили обычные отморозки. Но у этой версии есть серьезный изъян — ничто из личных вещей Тишкова с места преступления не пропало. Вторая версия выглядит куда более правдоподобной. Став за полгода до гибели профессиональным футбольным агентом, Тишков мог стать угрозой для нечистоплотных деятелей. Как заявил заместитель руководителя студии спортивных программ телеканала «Россия» (там Тишков работал комментатором) Д. Анисимов: «Я уверен, что Юра погиб из-за своей коммерческой футбольной деятельности. На продаже игроков крутятся огромные деньги. Например, Юра был агентом игрока сборной России Кержакова, которого оценили в 5 миллионов долларов. Он хотел построить этот бизнес цивилизованно. Но там столько бандитов!..»

Совсем иной точки зрения придерживается друг Тишкова футболист Игорь Чугайнов. Вот его слова: «Скорее всего, Юру встретили у подъезда какие-то отморозки. Соседи говорят, что там сидела пьяная компания. Ему нанесли заточкой множество ножевых ранений. Наемные киллеры так себя не ведут. И не надо делать из Юры футбольного бизнесмена. Больших денег он не нажил…»

«Инфант террибль» советского хоккея
Борис Александров

Б. Александров родился 13 ноября 1955 года в Усть-Каменогорске в рабочей семье. В хоккей начал играть еще в раннем детстве в дворовой команде. Играл с таким азартом и энтузиазмом, что однажды попался на глаза тренеру детской спортивной школы «Торпедо» (благо «коробка» стояла прямо напротив Дворца спорта). Так с 11 лет Александров попал в большой хоккей. Спустя пять лет он уже играл в команде мастеров того же усть-каменогорского «Торпедо».

Александров играл на позиции левого крайнего нападающего и в команде был одним из лучших в этом амплуа. Его коньком были прекрасный дриблинг, хорошая скорость и феноменальное чутье на голевые моменты. Александров никогда не боялся обострять игру, смело шел в борьбу на любом участке поля — будь то бортик в углу площадки или «пятачок» перед воротами. Не обладая богатырским телосложением и высоким ростом (174 см), Александров в то же время отличался настоящей спортивной дерзостью и никогда не боялся вступать в силовые единоборства с более рослыми соперниками. Все перечисленные качества и делали его настоящей звездой в составе родной команды.

В 1973 году слава об Александрове достигла пределов Москвы — о нем узнал тренер ЦСКА Анатолий Владимирович Тарасов. И немедленно пригласил талантливого 17-летнего юношу в свой прославленный коллектив. Отказаться от такого предложения мог только сумасшедший. Редчайший случай: чтобы забрать Александрова в Москву, за ним приехал помощник Тарасова Константин Локтев. Однако когда в июле того же года Александров появился на первой тренировке армейцев, практически все игроки не смогли сдержать своих улыбок: уж больно низковат был рост у нового приобретения. Даже присутствовавший на тренировке журналист Леонид Трахтенберг это отметил, подумав: ну, сейчас богатыри-защитники просто размажут новичка, как соплю, по борту. Каково же было удивление всех присутствующих, когда Александров, подхватив шайбу

чуть ли не в своей зоне, виртуозно разделался сразу с двумя защитниками и забил красивейший гол.

В первом своем сезоне в ЦСКА (1973–1974) Александров выходил не на все игры, однако, когда появлялся на льду, в грязь лицом не ударял — 8 шайб соперникам все-таки вколотил (на 1-м месте в ЦСКА был гениальный Валерий Харламов с 20 шайбами, а в чемпионате лучшим бомбардиром стал не менее гениальный спартаковец Александр Якушев, забросивший 26 шайб). В итоге в конце 73-го года Алксандров был приглашен в молодежную сборную СССР, которой предстояло принять участие в первом неофициальном чемпионате мира среди юниоров, проходившем в Ленинграде 27 декабря 1973-го — 6 января 1974 года. И вот там Александров раскрылся во всей красе: забил шесть голов и сделал одну результативную передачу. Не умаляя заслуг остальных игроков сборной, стоит все же отметить, что во многом именно игра Александрова позволила нашей сборной взять золотые медали чемпионата (самый результативный игрок нашей сборной В. Хатулев забил 3 шайбы и сделал 6 голевых передач). Правда, на счету Александрова был и один антирекорд: он заработал больше всех в команде штрафных минут — 22. В дальнейшем в спортивной судьбе нашего героя так будет всегда: он будет много забивать, но еще больше будет зарабатывать штрафных минут. Эта несдержанность в последующем сыграет с Александровым злую шутку. Но не будем забегать вперед.

Спустя несколько месяцев (в марте 74-го) Александров принял участие в чемпионате Европы среди юниоров в Швейцарии, и хотя там советская сборная стала всего лишь второй (после шведов), Александров вновь был на коне: забил 8 шайб и сделал 7 результативных передач. Его признали лучшим бомбардиром чемпионата (вместе со шведом К. Нильссоном). Затем последовал спад. В декабре 74-го Александров в составе молодежной сборной отправился на чемпионат мира, и, хотя наша команда стала чемпионом, Александров в число лучших бомбардиров не вошел — на его счету были всего лишь две заброшенные шайбы. Но Александров наверстал свое в регулярном чемпионате страны. Он закончился в мае 1975 года, и ЦСКА в очередной раз праздновал победу. Для Александрова это была первая золотая медаль внутреннего

чемпионата. Он забросил 20 шайб, заняв по результативности третье место в команде, пропустив вперед себя таких мастеров, как Борис Михайлов (40 голов) и Владимир Петров (27).

Естественно, столь результативная игра молодого форварда не могла остаться без внимания со стороны тренеров первой сборной страны Бориса Кулагина и Константина Локтева. В ноябре 1975 года они пригласили талантливого 19-летнего форварда на тренировочный сбор, включив его в число кандидатов на поездку на Олимпийские игры в Инсбрук. Свой первый официальный матч за первую сборную Александров сыграл 11 ноября. Игра проходила в Праге, где нашей сборной в товарищеском матче противостояла команда Чехословакии. Александров играл в своей привычной армейской тройке, где его партнерами были Владимир Викулов и Виктор Жлуктов. Однако ни один из них ни голами, ни результативными передачами не отметился. Хотя общий итог матча оказался в нашу пользу — 5:3. Именно невнятная игра этой тройки подвигла тренерский штаб советской сборной испробовать другой вариант. И два дня спустя в следующей игре против чехословаков Александров и Викулов сидели на скамейке запасных, а Жлуктов играл вместе с Хельмутом Балдерисом и Александром Голиковым. В итоге эта тройка отметилась двумя голами (забили Жлуктов и Голиков).

Неудачное выступление в Праге стало поводом к тому, чтобы не включить Александрова в состав нашей сборной, которая в декабре выступила на традиционном турнире на приз «Известий» (наши стали победителями). Однако в составе ЦСКА Александров в конце того же декабря отправился в Канаду и США, где армейцам предстояло скрестить клюшки с лучшими клубами НХЛ. Первая игра состоялась 28 декабря в Нью-Йорке с «Рейнджерсом» (в их составе выступал легендарный Фил Эспозито). Александров показал себя во всем блеске своего таланта: забил гол и смело участвовал во всех силовых единоборствах с рослыми «рейнджерсами», что было для последних большим открытием — они привыкли к тому, что советские хоккеисты всегда стараются избегать прямых силовых единоборств, а этот 11-й номер армейцев, из-за своего роста выглядевший на поле как подросток, буквально сам искал столкновений.

Не подкачал Александров и в главном матче Суперсерии — с «Монреаль канадиенс», который состоялся 31 декабря 1975 года. При

счете 2:3 в пользу «Канадиенс» именно Александров на 45-й минуте сравнял счет и не позволил канадцам вырвать победу. Короче, именно в той серии игр звезда Бориса Александрова засияла в ЦСКА в полную мощь. Вот почему накануне отлета первой сборной на Олимпиаду в Инсбрук (проходила 6—14 февраля 1976 года) Кулагин и Локтев снова включили его в состав команды. И, в общем, не ошиблись. Пусть Александров ничего фантастического не показал, но две шайбы все-таки забил (хоть и слабой команде Польши, которую наша сборная раскатала под орех со счетом 16:1). Хотя невыразительной игре Александрова было свое объяснение: у него не было постоянной тройки. Его ставили то рядом с Петровым и Харламовым, то со Жлуктовым и Капустиным (или Мальцевым). Между тем наша сборная в Инсбруке стала сильнейшей, и очередная золотая медаль оказалась в копилке Александрова (четвертая по счету, учитывая и всесоюзный чемпионат).

После победы на Олимпиаде Александров имел все шансы два месяца спустя отправиться на чемпионат мира в Катовице. Тем более что и в регулярном чемпионате страны наш герой тоже блистал. И пускай золотые медали чемпионата-76 достались столичному «Спартаку», а вечно первые армейцы на этот раз довольствовались «серебром», уступив чемпиону всего два очка, однако Александров вновь был в числе лучших: он забил 22 шайбы (третье место в команде), но с учетом результативных передач (16) набрал 38 очков, что позволило ему занять 9-е место в чемпионате и 2-е в ЦСКА (вместе с Борисом Михайловым). (Стоит отметить, что в том году горькую пилюлю ЦСКА подсластило участие в Кубке европейских чемпионов, где они стали сильнейшими.)

Как ни странно, но вхождение в число лучших игроков первенства не стало поводом к тому, чтобы взять Александрова на чемпионат мира в Катовице. Говорят, этому воспротивился Борис Павлович Кулагин, который не любил Александрова за его дерзкий и своенравный характер. И в последних играх чемпионата СССР этот характер проявился во всей красе — Александров буквально не вылезал со скамейки штрафников. Впрочем, эта беда приключилась тогда не только с ним одним, а со многими армейцами. Они вернулись после Суперсерии на родину и стали чуть ли не самой грубой командой регулярного чемпионата страны. Самый вопиющий случай произошел

во Дворце спорта в Лужниках 13 марта 1976 года, когда ЦСКА играл против воскресенского «Химика». В том матче безобразно вели себя многие армейцы. Так, ветеран команды Владимир Викулов совершенно распоясался и дважды был удален на 5 минут за грубость. Но от ветерана не отставала и молодежь. Во втором периоде на скамейке штрафников оказались сразу все (!) нападающие второй «тройки» ЦСКА в лице Бориса Александрова, Виктора Жлуктова и того же Викулова. А чуть позже к ним присоединился и Владимир Петров, «награжденный» двумя двухминутными штрафами. Короче, это была не игра, а бой гладиаторов на льду.

Помнится, когда ЦСКА играл в Суперсерии, я с восторгом наблюдал за тем, как Борис Александров, у которого рост был метр с кепкой, смело вступал в драки с рослыми канадцами, и тех эта смелость буквально ошеломляла. В советском хоккее такая игра была не принята, вот почему Александров так стремительно стал популярен даже у болельщиков противоположных команд (я, к примеру, всю жизнь болел за «Спартак»). Но в той игре с «Химиком» он, а также ряд его партнеров выглядели просто отвратительно. Вот почему, когда спустя несколько дней тренеры национальной сборной протрубят сбор команды, Александрова в нее не включат. Тренер Борис Кулагин тогда заявит: «Когда игрока сборной подводят нервы, у него пропадают такие важные качества, как выдержка и умение владеть собой в сложных игровых ситуациях. Александрову необходимо дать время подумать над тем, как избавиться от такого недуга в дальнейшем…»

Между тем по поводу своего «пролета» со сборной Александров горевал недолго, поскольку чемпионат мира-76 сложился для нашей национальной команды неудачно — она заняла 2-е место, уступив «золото» своим вечным конкурентам чехословакам (причем отставание выразилось в 6 очках, чего ранее никогда не было).

Возвращение Александрова в первую сборную состоялось в августе 76-го, когда у руля команды встал Виктор Тихонов. Правда, это было его временное пребывание на этом посту, вызванное тем, что Кулагину и Локтеву дали отдохнуть, а на Кубок Канады решено было послать экспериментальную сборную. Именно ее и доверили Тихонову. Он включил в нее сплошь одну молодежь, оставив из ветеранов всего лишь нескольких человек (Третьяка, Гусева, Лутченко, Васильева, Мальцева, Викулова). С Александровым Тихонов близко

познакомился, когда тренировал вторую сборную страны, но их отношения там нельзя было назвать хорошими. После первой же игры Тихонов устроил Александрову форменный разнос: мол, и до шайбы жаден, и в пас не играешь, и в центр зря лезешь — твое дело играть по краям. Александров в ответ ему нагрубил, поскольку в ЦСКА привык играть именно так (этому его еще Тарасов научил, который придерживался другой тактики: самый короткий путь к воротам — через центр). Однако, несмотря на натянутые отношения с молодым игроком, Тихонов на Кубок Канады его взял, поскольку, поступи он иначе, его бы никто не понял — ветеранов не было, а из молодых игроков Александров был одним из лучших.

Перед Кубком, в августе, наша экспериментальная сборная сыграла три товарищеские встречи: две со шведами и одну с американцами. Александров играл во всех трех в тройке со Жлуктовым и Балдерисом (и Викуловым), но голов не забил, отметившись только голевыми передачами.

Кубок Канады наша сборная начала 3 сентября с игры против чехословаков. И уступила им 3:5. Александров играл весь матч в привычной связке с Викуловым и Жлуктовым, однако ни голами, ни голевыми передачи никто из них не отметился. Во втором матче два дня спустя, против шведов, Александров играл в связке с Балдерисом и Жлуктовым, опять ничего не забил, зато голом отметился Балдерис. Наши «скатали» вничью 3:3.

Третью игру, с финнами, наши выиграли с крупным счетом 11:3, но на долю Александрова ни одна из забитых шайб опять не перепала. Зато сразу четыре гола забил его партнер Жлуктов, и два — с подачи Александрова.

Распечатать ворота соперников на Кубке Канады Александрову довелось только в четвертой игре — против США. Наши победили 5:0, и на долю нашего героя выпало поучаствовать в забивании всех пяти голов: Александров сам забил две шайбы и сделал три голевые передачи (Викулову, Жлуктову и Репневу).

Решающий матч наша команда играла 11 сентября в Торонто против хозяев турнира — сборной Канады. Наши уступили 1:3, причем единственную у нас шайбу забил партнер Александрова Владимир Викулов. По итогам турнира экспериментальная сборная СССР заняла 3-е место (на 1-м были канадцы, на 2-м — чехословаки).

Несмотря на провал экспериментальной сборной в Канаде, несколько молодых игроков из ее состава были включены в первую сборную страны, которая в ноябре приступила к подготовке к турниру на приз «Известий». Среди этих игроков был и Александров. 13 ноября он вышел на лед пражского Дворца спорта в товарищеской игре против сборной ЧССР. Вышел в привычной связке с Викуловым и Жлуктовым. Наши выиграли 6:3, но ни Александров, ни его партнеры по тройке голами не отметились.

Приз «Известий» проходил с 16 по 21 декабря 1976 года. Александров играл во всех четырех матчах, но отличился только в одном — против канадской команды из ВХА «Виннипег Джетс», которой он забил один гол и сделал одну голевую передачу (мы победили 6:4). Однако, даже несмотря на столь низкую результативность форварда, тренеры сборной не сбрасывали его со счетов, когда прикидывали в уме состав сборной, которой весной предстояло ехать в Вену на очередной чемпионат мира. Но в итоге Александрова в Австрию не взяли. И виноват в случившемся был только он сам.

Из-за своего характера достойно пройти сквозь «медные трубы» Александров не сумел. В 17-летнем возрасте попав в лучший клуб страны, к двадцати годам он уже чувствовал себя чуть ли не гением. С рядовыми игроками команды, с теми, кто в отличие от него звезд с неба не хватал, разговаривал через губу, а с иными ветеранами — грубо и пренебрежительно. Как ни странно, но руководство команды относилось к этому снисходительно. Александрову вне очереди предоставили отдельную квартиру, помогли купить автомобиль, который в те годы относился к атрибутам роскошной жизни. И женат он был не на простой девушке, а на дочери самого Николая Крючкова Элле (их знакомству способствовал коллега Александрова по ЦСКА Виктор Жлуктов, который некоторое время предоставлял молодым людям свою квартиру для встреч, поскольку своей у Александрова тогда еще не было). Короче, на почве «звездной» болезни у парня, как говорили раньше, закружилась голова, а сегодня выражаются куда резче — снесло крышу.

Как я уже отмечал, характер у Александрова был не сахар: взрывной, импульсивный. Привыкший везде и всюду только побеждать, он не умел с достоинством проигрывать и, когда это

происходило, чаще всего превращался на хоккейной площадке в драчуна и хулигана. Именно поэтому по части штрафных минут Александров лидировал не только в ЦСКА, но и в регулярном чемпионате страны. А поскольку дисциплина в тогдашнем ЦСКА находилась не на самом высоком уровне, урезонить молодого хоккеиста было некому. Вот он и превратился в этакого «инфант террибль» отечественного хоккея. В итоге все это привело к печальным последствиям.

7 февраля 1977 года во Дворце спорта в Лужниках состоялся очередной матч чемпионата СССР по хоккею. Играли два принципиальных соперника — «Спартак» и ЦСКА. Несмотря на то что эти команды в турнирной таблице разделяла пропасть — ЦСКА лидировал, а «Спартак» плелся в хвосте, однако ажиотаж вокруг матча все равно был огромный — лишние билетики спрашивали еще у выхода из метро «Спортивная». Хорошо помню эту игру по нескольким причинам: во-первых, в тот день мне стукнуло 15 лет; во-вторых, в ходе нее произошел инцидент, который наделал много шуму в спортивных кругах. Однако расскажем обо всем по порядку.

Игра началась с яростных атак «Спартака». Давно болельщики народной команды не видели своих кумиров такими нацеленными на ворота соперников, как в те несколько минут в начале игры: в течение трех смен спартаковцы не выпускали армейцев из их зоны. Если бы Третьяк тогда пропустил, дальнейший ход игры мог сложиться совсем иначе. Но голкипер № 1 мирового хоккея выстоял, передав свою уверенность и партнерам по команде. В итоге армейцы оправились от первого шока и пошли в наступление. И уже на 11-й минуте Харламов зажег красный свет за воротами Зингера. Однако спустя две минуты Брагин восстановил равновесие. Все началось сначала.

Роковой для спартаковцев стала 19-я минута игры, когда в их ворота с интервалом в несколько секунд залетели сразу две шайбы: отличились Михайлов и Викулов. Потом во втором периоде на 22-й минуте Жлуктов увеличил разрыв — 4:1. Казалось, что после этого судьба матча уже решена. Но тут спартаковцы совершили невозможное: Куликов (30-я) и Пачкалин (35-я) сократили разрыв до минимума. На трибунах началась настоящая свистопляска: речевки спартаковских болельщиков одна за другой стали сотрясать своды Дворца спорта. Вдохновленные поддержкой трибун, хоккеисты в

красно-белых свитерах бросились на штурм ворот Третьяка… и прозевали атаку на свои ворота. На 38-й минуте Петров вновь увеличил разрыв до двух шайб. А потом произошло то, что навсегда выбило спартаковцев из колеи.

До конца второй двадцатиминутки оставалось меньше минуты. Шайбой в спартаковской зоне владел армеец Борис Александров, когда спартаковец Валентин Гуреев ловким финтом отнял у него резиновый кружок. Разобидившись на соперника, Александров ударил его кулаком в спину, но Гуреев, не обращая внимания на тычок, устремился в зону соперника. Александров бросился следом. Погоня длилась недолго: когда Гуреев находился в углу армейской зоны и собирался отдать пас кому-то из своих партнеров, ему в спину на полной скорости врезался Александров. Гуреев со всей силы ударился головой о борт и потерял сознание. Судья немедленно дал свисток. Так как нарушение было очевидным, да еще явно грубым, Александров был отправлен на скамейку штрафников на 5 минут. А Гуреева унесли с площадки на носилках, после чего на «Скорой помощи» отправили в больницу — он получил сильнейшее сотрясение мозга. Стоит отметить, что в 1964–1966 годах, когда Александров был еще подростком и только собирался прийти в усть-каменогорское «Торпедо», Гуреев два года играл в нем на позиции центрального нападающего.

Этот инцидент видели миллионы зрителей: и те, кто сидел во Дворце спорта, и те, кто наблюдал за встречей по телевизору. Среди моих друзей были болельщики ЦСКА, так вот, когда на следующий день мы обсуждали этот эпизод, даже они дружно осудили поступок Александрова. Как я уже говорил, этот хоккеист, обладая небольшим ростом и весом, отличался весьма драчливым характером. Не скрою, когда ЦСКА играл против канадских профессионалов, многим болельщикам (и мне в том числе) очень импонировала смелость Александрова: наконец-то, говорили мы, в нашем хоккее появился парень, который не дает себя в обиду. Но когда эти же качества Александров стал применять на родных просторах, от былого восторга не осталось и следа. А все потому, что практически все эпизоды силовой борьбы с участием этого хоккеиста перерастали в обыкновенную драку. Устрой Александров нечто подобное на улице, его бы сразу упекли на 15 суток в кутузку. А на хоккейной площадке

ему все сходило с рук. Как писал по следам этого инцидента журналист «Советского спорта» Д. Рыжков: «Мне не раз приходилось слышать этакое снисходительное: «Ну что вы (то есть мы, журналисты) придираетесь к Борису. Он еще мальчишка. Повзрослеет — поумнеет».

Взрослеть Александров действительно взрослеет. Но умнеть?! Этот «мальчик» даже не подъехал к лежащему на льду Гурееву, а в раздевалку шел с этакой ухмылкой на лице… Вальяжной походкой, вразвалочку шествовал Александров по коридорам Дворца спорта. Шуба, пробор — все как полагается. А мне вспомнились первые послевоенные годы: эдакие молодцы в кепках-малокозырочках с челкой, свисающей на низкий лоб, и их наглое: «А ты шо-о?!» Тогда в темных переулках можно было столкнуться со шпаной, желающей покуражиться.

Эти типы давно ушли в прошлое. И вот на тебе: на ледяной арене, залитой светом прожекторов, перед тысячами зрителей хоккейный шлем вдруг обернулся той самой кепкой-малокозырочкой…»

Говорят, зрителем того матча был сам Леонид Брежнев, который тоже возмутился инцидентом с участием Александрова. «Что этот мальчишка себе позволяет?» — якобы молвил генсек и приказал разобраться, хотя сам болел за ЦСКА. К делу подключили Главное политуправление Советской армии. Уже на следующий день после игры в команде ЦСКА было собрано открытое комсомольское собрание, которое посетил помощник начальника Главпура по комсомольской работе В. Сидорик. Выступившие на собрании капитан команды Борис Михайлов, комсорг Владислав Третьяк, игроки Николай Адонин, Виктор Жлуктов и другие резко осудили неспортивный поступок Александрова. Один из тренеров команды, обращаясь к Александрову, сказал:

«Александров, еще выступая за команду Усть-Каменогорска, страдал зазнайством, хотя действительно был сильным игроком. С ним приходится много работать в нашей команде. После серьезных разговоров он мог на некоторое время сдерживаться, но потом снова возникали рецидивы. Ни один советский спортсмен не может так поступать, как поступил Александров. Стыдно здесь сидеть всему руководству клуба и краснеть за твои действия, Борис».

Итогом собрания стало объявление провинившемуся строгого выговора. В тот же день по этому поводу собралась и спортивно-техническая комиссия Федерации хоккея, которая тоже вынесла свой вердикт: Александров был дисквалифицирован на 2 игры. Однако, едва про это решение стало известно в Спорткомитете СССР, там посчитали его слишком мягким и пообещали вынести Александрову более суровое. Сказано — сделано: СТК наложил на хоккеиста условную дисквалификацию до конца сезона. В случае повторного нарушения хоккеисту грозило немедленное запрещение выступать за хоккейные команды мастеров.

Итогом всего этого скандала стало невключение Александрова в состав сборной команды страны, которая в апреле должна была отправиться на чемпионат мира в Вену. Не помогло даже то, что ЦСКА в том году стал чемпионом страны, а Борис Александров вновь вошел в число сильнейших хоккеистов Советского Союза, забросив 24 шайбы и сделав 17 голевых передач (41 очко, 3-е место в клубе и 9-е по стране). Но это было еще не все.

Настоящим шоком для всех болельщиков страны, а в особенности для армейских, стало то, что чуть ли не на следующий день после того, как ЦСКА завоевал золотые медали, было объявлено, что тренер команды Константин Локтев отправлен в отставку. Говорят, сам Локтев узнал об этом на праздничном банкете по случаю завоевания «золота» первенства. С ним был шок, он доехал до дома чуть ли не в невменяемом состоянии. Однако для сведущих людей такой поворот событий не был неожиданным. Поводом к этой отставке послужил инцидент 7 февраля, когда Александров тяжело травмировал спартаковца Гуреева. ЦСКА и до этого вызывал массу нареканий своей грубой игрой, но власти закрывали на это глаза, учитывая, что команда является флагманом советского хоккея и на ее основе комплектуется первая сборная страны. Но случай с Гуреевым переполнил чашу терпения. Позволять, чтобы наш хоккей превратился в аналог канадского с его хамством и грубостью, никто не собирался. И ЦК КПСС, по инициативе самого Брежнева, отдал команду Спорткомитету произвести замену тренера в ЦСКА, с тем чтобы новый наставник навел там железную дисциплину. Так у руля армейского коллектива встал Виктор Тихонов. А когда наша первая сборная с треском провалилась на чемпионате мира в Вене (апрель-май), заняв там 3-е

место, Тихонов был назначен и старшим тренером национальной сборной.

Первое, что сделал Тихонов, встав у руля ЦСКА, — взялся за наведение порядка в прославленном коллективе. Далось ему это нелегко, поскольку авторитет у него на тот момент был не ахти какой (всего лишь бывший тренер рижского «Динамо»), а в армейском коллективе был собран целый сонм звезд советского хоккея. Как вспоминает сам Тихонов: «Как и все люди, связанные с хоккеем, я немало слышал, разумеется, о «железном» Тарасове, о его неслыханно твердом характере, о «железной» дисциплине в армейском клубе. Впрочем, не только слышал о Тарасове, но и знал его уже много лет.

Уверяю читателя, что ничего этого не было в том ЦСКА, в который попал я. Не было не только «железной» дисциплины, но и элементарной — с точки зрения требований, принятых в современном спорте…

Некоторые мастера могли справиться с любыми заданиями тренера, но не хотели тренироваться с полной отдачей сил и потому порой увиливали от работы. Тон здесь задавал Владимир Петров. Едва начались серьезные тренировки, как он обратился к врачу. Я слышал, что Володя и раньше не проходил полностью подготовительный период. Как только начинался базовый цикл подготовки, он тотчас же жаловался на недомогание… Владимир говорил мне: «Я знаю лучше всех, сколько мне надо тренироваться». Или: «Я могу нарушать спортивный режим, на мне это не отражается». И выдвигал главный, с его точки зрения, аргумент: «У меня свои взгляды на хоккей, на тренировку». Короче, Петров вел себя в коллективе как отдельный коллектив. Работать с ним оказалось непросто…

Когда один из руководителей поверил, что требования тренера не причуды, что и вправду хорошо бы навести в команде порядок, он с изумлением спросил меня:

— Что же, вы и с Петровым воевать собираетесь? Зряшное это дело и неперспективное. С ним сражались и Тарасов, и Кулагин, и Локтев, все впустую… Так что если вы действительно хотите решительных мер, то вам надо именно Петрова в первую очередь гнать… Тогда и остальные, менее знаменитые, задумаются…

Но я так поступать не хотел…»

А вот как вспоминает о тех же днях Вячеслав Фетисов, которому в ту пору было 19 лет:

«Виктор Васильевич пришел в команду поджарым, подтянутым, кроссы бегал с нами, и бегал прилично. Он привел в ЦСКА Балдериса и Капустина. А меня вместе с Сергеем Бабиновым (его как раз привезли из Челябинска) решили перевести из первой «пятерки» в звено Жлуктова. Идея Тихонова заключалась в том, что он начал строить команду по «пятеркам». Я пришел к Виктору Васильевичу: «Почему вы меня убираете из звена Петрова?» Он мне объясняет: Петрову, Михайлову, Харламову пора заканчивать, надо создавать новое первое звено: «И я рассчитываю на то, что вы с Сережей Бабиновым составите в нем пару защитников». Я лезу в бутылку: «Не хочу в другом звене играть, а хочу с людьми, которым я многим обязан. Если вы считаете, что я справлюсь со своими задачами, то оставьте меня с ними». Весь мой запал выглядел по-юношески наивно, и Тихонов быстро прекратил разговор: «Вообще, я не собираюсь с тобой дискутировать. Будешь играть там, где тебе сказали». А я майку первого звена не стал переодевать, и меня выгнали с тренировки. Потом провели собрание, созвали на него всех армейских тренеров, и меня убедили, что так лучше для команды. И я начал играть в паре с Сережей Бабиновым и с тройкой Жлуктова…»

Придя в команду, Тихонов убрал из команды трех хоккеистов: Александра Гусева, Виктора Кузнецова и Владимира Палилова. Самым именитым среди них был Гусев, который играл в ЦСКА с 1967 года, семь раз в его составе становился чемпионом страны и трижды завоевывал Кубок СССР. Он также был игроком первой сборной и дважды в ее составе брал «золото» чемпионатов мира и Европы. Но все эти регалии не помогли Гусеву остаться в тихоновском ЦСКА. По словам самого тренера: «Конечно, Гусев был первоклассный по своему времени защитник… Но это не означает, что у Александра было право на поблажки.

Не знаю, как и почему все это началось. Знаю, что немало усилий в борьбе с ним за него самого приложили и Тарасов, и Кулагин, и Локтев. Знаю, что и наказывали они его, и на матчи не ставили, и из сборной выводили. И все впустую. Не смог ничего сделать и я.

Думаю, что парня упустили в молодости, если не в юности…»

Что касается нашего героя, Бориса Александрова, то он тоже имел все шансы распроститься с ЦСКА. Эти шансы были даже гораздо выше, чем у Гусева, поскольку Александров… совершил уголовное преступление. Причем аккурат в те самые дни, когда к руководству командой пришел Тихонов, — в июне 1977 года.

Все произошло теплым летним вечером, когда Александров возвращался из гостей, будучи в изрядном подпитии. Поскольку на общественном транспорте добираться он не привык — звезда как-никак! — хоккеист отправился прямиком на остановку такси. А там уже выстроилась очередь из страждущих. Когда Александров понял, что ему придется куковать в очереди неизвестно сколько времени, в нем взыграло самолюбие. Короче, едва к стоянке подъехало такси, хоккеист шагнул к нему первым. Что вызвало законное возмущение очереди, в частности 55-летней женщины, которая стояла перед Александровым. Дама схватила наглеца, уже успевшего опуститься на сиденье автомобиля, за руку и стала вытягивать его обратно из машины. Александрова это, естественно, возмутило до глубины души, и он ударил женщину кулаком в лицо. Однако умчаться вдаль ему так и не пришлось: возмущенные очередники набросились на хоккеиста и стали шпынять его со всех сторон. Александров вяло отбивался. И неизвестно, чем бы закончилась эта потасовка, если бы к месту происшествия не подоспела милиция. Виновника происшествия задержали и завели на него уголовное дело по статье 112 ч. 1 УК РСФСР. Хоккеисту грозило тюремное заключение сроком до трех лет, однако благодаря руководству ЦСКА, которое вовремя вступилось за талантливого форварда, дело удалось замять. Говорят, пострадавшей дали «отступных», после чего она забрала свое заявление из прокуратуры. С Александрова было взято очередное клятвенное обещание исправиться.

32-й чемпионат СССР начался 1 октября 1977 года. Александров вошел в него в хорошей форме и практически в каждом матче отмечался либо голами, либо голевыми передачами. Это позволило пригласить его в первую сборную страны, которая в декабре выступала на турнире на приз газеты «Известия». Александров сыграл во всех трех матчах, однако ни голами, ни передачами не отличился. Это было последнее появление Александрова на льду в форме игрока

национальной сборной. А спустя месяц закончилось пребывание Александрова и в ЦСКА.

В субботу, 28 января 1978 года, он сыграл свой последний матч в столице в составе прославленного армейского клуба против «Спартака». Дворец спорта в Лужниках в тот день был забит до отказа — пришло 12 тысяч зрителей. Интрига у матча выдалась на редкость интересной. Уже к 10-й минуте игры счет был 4:1 в пользу армейцев. Когда на 11-й минуте Борис Александров увеличил разрыв до 5:1, практически ни у кого из зрителей, наблюдавших за игрой как во Дворце спорта, так и по телевизору, не осталось сомнений в том, что игра сделана. Как вдруг спартаковцы встрепенулись. В течение нескольких минут они забили подряд три шайбы, тем самым сократив разрыв до минимума. Казалось, что еще чуть-чуть, и им удастся и вовсе обыграть армейцев. Но этим надеждам не суждено было сбыться. На 40-й минуте Владимир Петров забил в ворота «Спартака» шестую шайбу, и игра завершилась победой ЦСКА 6:4.

Несмотря на то что Александров неплохо сыграл тот матч, да и в целом в чемпионате выступал отменно, забив за четыре месяца 24 шайбы, из состава ЦСКА его исключили. Поводом к этому послужил очередной конфликт с Тихоновым. Это случилось в Ленинграде, куда ЦСКА приехал, чтобы сыграть парные игры с местным СКА. После первой встречи Александров вышел из гостиницы, чтобы подышать свежим воздухом, и встретился у входа со своей старой знакомой — фигуристкой Мариной Леонидовой. Молодые люди мирно беседовали, когда на них натолкнулся Тихонов, возвращавшийся в гостиницу. Тренер повел себя не лучшим образом: стал грубо отчитывать Александрова. А в конце своего монолога бросил оскорбительную фразу: мол, завтра игра, а ты тут с проститутками стоишь. Александров не стал себя сдерживать и ответил тренеру адекватно: послал его куда подальше. Как итог: по возвращении в Москву Тихонов отправил его в ссылку — в липецкий СКА МВО, игравший в первой лиге.

В своей книге Тихонов про ленинградский скандал не упоминает, но достаточно места отводит своим отношениям с Александровым. Цитирую: «Начав работать с командой, вплотную познакомившись с хоккеистами, я увидел, что Борис — парень, безусловно, одаренный,

талантливый, но уж очень избалованный и не то что капризный, скорее, просто вздорный. Боюсь, что уже таким он попал в ЦСКА.

Я поразился, услышав, как плохо отзывались о нем хоккеисты. Иногда ложно понимаемое товарищество побуждает спортсменов защищать своего провинившегося партнера, но здесь все, к сожалению, было проще: команда не пожалела Бориса и рассталась с ним без особых, прямо скажем, огорчений. Знаю, что хоккеисты без подсказок тренеров пытались что-то объяснить Александрову, спорили, ругались с ним, причем воевали с ним игроки с разными взглядами и темпераментами, разного возраста. Предлагали отчислить Бориса из команды и Анатолий Фирсов, и Геннадий Цыганков…

В лучшие годы Александрову были свойственны необычная обводка, смелость, игровая сметка. Его напористость и удачливость бросались в глаза. Впрочем, в глаза бросались и его грубость, хамство, откровенная неприязнь к соперникам… Дисциплины для Бориса не существовало. Я наказывал его уже не раз и по-разному: снимал с игры, выводил из состава команды до конца сезона. Он каялся, просил простить его в последний раз. Прощали, но все опять начиналось сначала…»

Отправляя Александрова в Липецк, Тихонов обещал ему, что в случае примерного поведения там его обязательно вернут обратно в ЦСКА. Но тренер лукавил. За все время пребывания Александрова в Липецке ни один из действующих тренеров ЦСКА туда не приезжал и его житьем-бытьем там не интересовался. Приезжал только один Анатолий Тарасов, который искренне переживал за талантливого хоккеиста, но посодействовать ему в деле возвращения в ЦСКА не мог — с мнением великого тренера в армейском клубе уже не считались.

Тем временем многомиллионная армия фанатов хоккея не забыла об Александрове. Поскольку СКА МВО играл в первой лиге, имя его перестало мелькать в прессе. Как итог: во многие газеты посыпались письма, где звучал один-единственный вопрос: где Александров? Когда об этом стало известно в Спорткомитете, была дана команда сообщить поклонникам форварда, что Александров как хоккеист кончился. 28 декабря 1978 года в «Комсомольской правде» была опубликована статья С. Шачина «Форвард за бортом». В заметке рассказывалась вся подноготная конфликта Александрова с ЦСКА, который до этого от большинства болельщиков скрывался.

Упоминались его грубость на льду, плохие отношения с товарищами по команде, сообщалось даже об уголовном деле, которое было заведено на Александрова по факту уличного хулиганства. Короче, читатель узнал шокирующие подробности из жизни своего кумира. Были даже приведены слова А. Тарасова, который до этого был чуть ли не единственным человеком, кто поддерживал Александрова. Цитирую:

«У тебя, Борис, постоянно проявлялись черты эгоизма — и житейского, и игрового, ибо и то и другое всегда перекликается. Ты думал прожить жизнь один, не хотел делить славу с другими. Ты не замечал большой дружбы, которая многие годы связывает Петрова, Михайлова и Харламова, помогает им с честью выходить из самых суровых испытаний. Ты не смог оценить дружбы Анатолия Фирсова, который рекомендовал тебя в ЦСКА, и дружбы твоего замечательного партнера по тройке Владимира Викулова, который от всей души хотел помочь тебе стать выдающимся хоккеистом. И поэтому в трудную минуту у тебя не оказалось настоящего друга… Ты не научился уважать старших — и поэтому устроил драку на стоянке такси и едва не докатился до суда… Поэтому ты стал неприятен даже тем ветеранам ЦСКА, которые на редкость доброжелательно относятся к людям…»

Свою заметку автор заканчивал следующими словами: «Спортсмен оказался эгоистом. И эгоизм погубил в нем спортсмена».

По всем законам того времени статья подобного содержания должна была поставить крест на спортивной судьбе героя публикации. Но этого не произошло. Целый год Александров провел в ссылке в Липецке, мечтая вернуться в высшую лигу. Однако ЦСКА назад его не брал, а едва он заводил речь об увольнении из армии, ему и в этом отказывали. Но мир не без добрых людей. Весной 1979 года Борис Кулагин, который пришел к руководству «Спартаком», уговорил Министерство обороны уволить Александрова, с тем чтобы он перешел в их клуб. И уже в июле бывший армеец был в стане своих некогда принципиальных соперников, а с сентября снова заиграл в высшей лиге. Такая вот гримаса истории: два года назад Александров едва не сделал инвалидом игрока красно-белых Валентина Гуреева, а теперь именно «Спартак» предоставил ему шанс вновь заиграть в

высшем дивизионе. Кстати, Гуреев на тот момент в «Спартаке» уже не играл.

Видимо, соскучившись по настоящему хоккею, Александров бился в том чемпионате как зверь: и себя не жалел, и соперников не щадил. И звено, в котором он играл, — Шалимов — Рудаков — Александров — стало настоящей бедой для всех без исключения команд высшей лиги, забивая в каждом матче по несколько голов. В итоге на долю этого звена из 195 спартаковских шайб выпало 73 (Шалимов — 34, Александров — 22, Рудаков — 17). По системе гол+пас Александров набрал 45 очков и занял 10-е место в списке лучших бомбардиров чемпионата. Правда, числился за Александровым и антирекорд — в «Спартаке» он был самым заядлым штрафником, насобирав за сезон 52 минуты штрафного времени (вторым был Александр Кожевников, у которого набралось на четыре минуты меньше). Во многом именно из-за своей несдержанности Александров отрубил себе все пути возвращения в первую сборную страны. Хотя вряд ли могло быть иначе, поскольку у руля сборной стоял все тот же Виктор Тихонов, который к Александрову относился более чем плохо. Впрочем, в 1980 году из «Спартака», который в том чемпионате занял 3-е место, в национальную сборную не был приглашен не только Александров, но вообще никто.

Следующий сезон в «Спартаке» (1980–1981) сложился для Александрова гораздо хуже, чем предыдущий. Виной всему серьезная травма, которую он получил в разгар сезона, — перелом ноги. Два месяца Александров проходил в гипсе, а когда его сняли, сыграть в полную силу уже не смог и большую часть времени провел на скамейке запасных. В итоге, несмотря на то, что красно-белые заняли 2-е место, Александров в десятку лучших бомбардиров уже не вошел, забив всего 7 шайб. На этом его карьера в «Спартаке» закончилась. Александров имел все шансы остаться в высшей лиге — его с удовольствием брали к себе и саратовский «Кристалл», и «Ижсталь», но он предпочел уехать к себе на родину в «Торпедо». Оно хоть и выступало в первом дивизионе, но роднее клуба для Александрова тогда не было (к тому же клуб возглавил бывший партнер Александрова по команде Виктор Семыкин).

В Усть-Каменогорск Александров вернулся не один. В 1980 году он женился во второй раз — на этот раз его женой стала девушка не из

звездной семьи, а вполне обычная. Звали ее Жанна. У них родился сын Алан, которому на момент возвращения в Усть-Каменогорск было два года.

В родном «Торпедо» Александров отыграл семь сезонов. И на протяжении всех этих лет был там лучшим бомбардиром. Так, в сезоне 1983–1984 годов он забил 50 шайб, отстав от лучшего бомбардира лиги С. Столбуна из СКА имени Урицкого всего на 6 шайб. Наш герой мог бы и вовсе стать лучшим забивалой, сумей он обуздать свою природную вспыльчивость и не просиди на скамейке штрафников аж 50 минут штрафного времени (второй показатель в «Торпедо» после В. Локотко, который набрал 57 минут штрафов). В сезоне 1985–1986 годов Александров улучшил свой результат, забив уже 52 шайбы и сделав 30 результативных передач.

Во многом благодаря Александрову усть-каменогорское «Торпедо» в сезоне 1986–1987 годов заняло 1-е место в первой лиге (наш герой забил 20 шайб и сделал 25 голевых передач) и завоевало путевку в высшую лигу. Так состоялось третье возвращение Александрова в высший дивизон советского хоккея. Правда, по времени оно оказалось самым коротким — всего лишь восемь месяцев. Участвуя в двухкруговом турнире, «Торпедо» не сумело пробиться в десятку сильнейших (набрало всего 13 очков, потерпев 18 поражений и одержав лишь 5 побед) и вернулось в первую лигу. Александров в этих играх забил 21 гол и сделал 12 голевых передач. По итогам сезона он был удостоен приза «Три и более» за наибольшое число хет-триков. Правда, и штрафных минут у Александрова опять было более чем много — 52 минуты.

В переходном турнире Александров забил 29 шайб, но это не спасло его команду от вылета в первый дивизион. Больше в высшую лигу Александров не вернулся. К 1988 году на счету нашего героя было 157 шайб, заброшенных в играх за разные команды высшей лиги (78-е место, на 1-м был бывший коллега Александрова по ЦСКА Борис Михайлов с 427 голами).

Сезон 1988–1989 гг. Александров собирался продолжать в «Торпедо». Но не сложилось. Когда его имя не появилось в заявке на предсезонные сборы, по Усть-Каменогорску поползли слухи один страшнее другого: мол, он или в тюрьму загремел, или в ЛТП лечится. Как горько сетовал в «Комсомольской правде» сам хоккеист: «Нигде я

не сидел и в ЛТП не лечился. Я, между прочим, вот уже три года фужер с шампанским поднимаю только по великим праздникам. Почему обо мне помнят как об Александрове-хулигане? Ведь я и чемпион мира (в играх за молодежную сборную. — *Ф. Р.*), и Олимпийских игр, в матчах с теми же канадцами не последним был… А болельщики запомнили только все худшее, что со мной было связано. Когда-то мудрая народная поговорка «береги честь смолоду» для меня была пустым звуком. Довелось ее на себе проверить. Но опыта своего повторять никому не советую…»

Один сезон Александров провел в Италии — тренировал там команду «Сайма-Милан». Затем вернулся в Москву и занялся бизнесом — стал владельцем автостоянки. Играть в хоккей уже не было ни сил, ни желания. А семью, где подрастали уже двое сыновей (второго сына звали Виктором, он родился сразу за Аланом), кормить было необходимо. Однако, всю жизнь посвятив хоккею, долго прожить без него Александров не смог. И в середине 90-х вернулся на родину, поскольку ему поступило неожиданное предложение — возглавить сборную Казахстана, которая сумела пробиться в мировой турнир класса «Б». Весной 1997 года подопечные Александрова завоевали путевку на чемпионат мира 1998 года в группе «А», а также получили допуск и на Олимпиаду в Нагано. И пусть на обоих турнирах казахские хоккеисты больших лавров не снискали, это все равно было большим прорывом на фоне того, что до этого представлял собой хоккей в Казахстане.

На посту главного тренера сборной Казахстана и команды «Казцинк-Торпедо» (так теперь называлось усть-каменогорское «Торпедо») Александров проработал почти пять лет. И ушел со скандалом. Хозяева «Торпедо» обвинили его в финансовых махинациях и вынудили покинуть тренерское поприще. Отныне Александров стал всего лишь консультантом. Но пробыл он на этом посту недолго — до своей гибели в автокатастрофе 31 июля 2002 года.

Вспоминает Ж. Александрова: «Никогда не забуду, как после отставки Боря неожиданно приехал с предсезонного сбора домой. Грустный-грустный. Я пыталась успокоить его, как могла: «Ты чего так переживаешь, у тебя ведь есть приглашения в другие клубы, в том числе и московские?» А ему, оказывается, команду было жалко, поскольку не сомневался, что ребята без него разбегутся. Потом выдал

фразу, которая сейчас, после его гибели, кажется мистической: «У меня такое предчувствие, что после этого падения в моей жизни обязательно будет взлет…»

Обида в нем засела крепко. Он так ее и не пережил. С ней уехал в ту свою последнюю поездку в Уфу. Я отчетливо вижу, как он ехал и жал на газ. До сих пор не могу простить себя за то, что не поехала тогда с ним. Я бы не позволила ему так гнать. А он, между прочим, поначалу предлагал мне поехать с ним. Но когда я согласилась, вдруг передумал: лучше останься, говорит, собери вещи. Вернусь, быстро уволюсь, и уедем в Москву…»

В Уфу Александров поехал не случайно: там проходил хоккейный турнир с участием московского «Спартака», в составе которого играл младший сын Александрова Виктор. И Александров хотел успеть на первую игру. Он собирался приехать в город за пару часов до начала игры, устроиться в гостинице, принять душ. Жене обещал не гнать, поскольку времени было достаточно. Однако в ситуацию вмешались побочные факторы. В тот день на дворе стояла жара, и солнце буквально растопило дорожный битум. И вот, когда до Уфы оставалось примерно 280 километров, у поселка Усть-Катава Александров пошел на обгон. Но его «БМВ» внезапно развернуло на 180 градусов и вынесло на встречную полосу. И «БМВ» лоб в лоб столкнулась с «Волгой». Александров погиб мгновенно после удара о руль. Сразу погиб и водитель «Волги». А вот шурину Александрова повезло — он получил множественные травмы, очутился в реанимации, но в итоге выжил. Похоронили Б. Александрова в Москве, на Митинском кладбище.

Спустя несколько месяцев после этой трагедии на месте аварии был воздвигнут памятник: хоккейная шайба с фотографией Бориса Александрова. А в ноябре 2002 года сессия усть-каменогорского городского маслихата приняла решение присвоить местному Дворцу спорта имя Бориса Александрова.

Между тем 6 апреля 2004 года погиб старший сын Александрова Алан, хоккеист команды «Казцинк-Торпедо». Как и отец, он тоже погиб в автомобильной катастрофе. Причем в этом случае без мистики не обошлось. Говорят, после гибели отца Алан психологически сломался. Он часто рассказывал матери, что ему снится отец. Дескать, тот ругает его за уныние, заставляет не вешать носа и продолжать

тренироваться. А буквально за неделю до трагедии Алану приснился пророческий сон. Якобы ему снова приснился отец, который решительно взял его за руку и сказал: «Хватит валять дурака, пошли со мной!..»

В машине, в которой ехал Алан, находилось шесть человек. Однако из них погиб только один — Алан Александров.

Трагедии на стадионах

В Советском Союзе спорт считался одним из самых популярных развлечений. Особенно популярными видами были хоккей, футбол, фигурное катание. Чтобы посмотреть на своих кумиров, на стадионы приходили десятки тысяч людей, еще больше их собиралось у голубых экранов. Однако мало кто знает, что в 70—80-е годы прошлого века случилась целая серия трагедий на советских стадионах, когда в результате давки погибло в общей сложности более сотни человек.

Первая трагедия случилась в **марте 1975 года**. Причем косвенным виновником ее стала… жевательная резинка. Нынешнее молодое поколение даже представить себе не может, что каких-нибудь 25 лет назад такой продукт, как жевательная резинка, был в Советском Союзе в жутком дефиците и ценился чуть ли не на вес золота. Пластинка «чун-гама» на черном рынке стоила от 70 копеек до 1 рубля в зависимости от страны-производителя и фирмы. Например, польская жвачка «Болек и Лелек» стоила дешевле, чем капиталистическая «Wrigleys» или «Brooklen». Жвачка была одним из элементов красивой жизни советского человека, и любой обладатель ее стоял на ступеньку, а то и две, выше того, у кого ее не было. Из-за этого куска пахучей резинки иной раз разгорались такие страсти, что не снились никакому Шекспиру. А один раз из-за нее в Москве погибли более двух десятков ни в чем не повинных людей.

Трагедия случилась в начале марта 1975 года. Тогда в Москву приехала юниорская (17–18 лет) любительская команда по хоккею с шайбой «Бэрри коап» из провинции Онтарио. Они должны были провести серию из пяти игр со своими советскими сверстниками: со сборной СССР (две игры), «Спартаком» (две игры) и «Крыльями Советов» (одна игра). Спонсором этой поездки выступила известная фирма по производству жевательной резинки «Wrigleys». Зная, что в Советском Союзе этот продукт считается страшным дефицитом, гости привезли с собой несколько десятков коробок с этим продуктом, даже не подозревая, какая беда из-за этого произойдет.

Приезд канадской команды вызвал небывалый ажиотаж среди столичных болельщиков, особенно среди подростков, в памяти

которых еще были свежи игры Суперсерии-74 между советскими и канадскими сборными. Ваш покорный слуга волею случая тоже оказался в числе зрителей, видевших одну из этих игр с участием «Бэрри коап»: в час дня 8 марта я пришел на матч канадского клуба со сборной СССР вместе со своим средним братом Романом и другом. Во время матча, который закончился победой наших со счетом 5:1, мы видели, как канадские болельщики, а также игроки сборной «кленового листа» периодически бросали на трибуны различные сувениры: жвачку, цветные наклейки. Подростки, которым эти вещи были в диковинку, бросались на них, как голуби на хлеб, а довольные канадцы в это время щелкали фотоаппаратами. У себя на родине они собирались демонстрировать эти фотографии как лишнее доказательство того, в какой нищей стране растут советские дети.

10 марта должен был состояться последний матч в ДС «Сокольники». Несмотря на то что игра началась в семь часов вечера, весь дворец был забит под завязку. Во-первых, это была последняя игра канадцев с нашей сборной; во-вторых, после первых двух игр по городу уже успели распространиться слухи о том, что канадцы раздаривают всем сувениры. Как итог — на матч пришло 4,5 тысячи зрителей.

Вспоминает А. Назаров (ему в ту пору было 15 лет): «Мне повезло. Вместе с одноклассниками Андрюшей Королевым и Вовой Лазуткиным мы уселись на третьем ряду в первом ярусе. Как раз за скамейкой запасных сборной Канады. Всю игру канадцы оборачивались в нашу сторону и бросали нам жвачку, какие-то красивые наклейки. Было очень обидно, что они до нас не долетали. Позади канадцев сидели солдаты, и они не позволяли нам подбирать все это. Они гоняли многих ребят. Много иностранцев сидело в девятом секторе, но пробиться к ним тоже не позволяли солдаты и милиционеры. Поэтому, когда матч закончился (табло зафиксировало ничью 3:3. — *Ф. Р.*), мы заторопились к выходу, чтоб успеть к посадке иностранцев в автобусы — там еще можно было ухватить кое-что. Если б мы знали тогда, что из-за этой жвачки Вовка погибнет!..»

Согласно выводам следствия, которое было произведено после случившегося, трагедии предшествовали следующие обстоятельства. Электрик Дворца спорта «Сокольники» незадолго до матча выпил 200 граммов водки, после чего пришел на работу. Когда матч закончился,

электрик решил вырубить лишний свет, но по причине алкогольного опьянения перепутал рубильники и выключил во дворце весь свет. А большая часть зрителей в это время еще не успела покинуть стадион и сгрудилась на лестнице у выхода № 5. Стоит отметить, что во Дворце спорта имелись еще два выхода, но их незадолго до конца игры специально закрыли, чтобы пустить через них только иностранных туристов. Сделано это было неспроста, по приказу свыше: там были озабочены тем, чтобы иностранные туристы первыми покинули пределы Дворца спорта и не успели устроить новый разброс сувениров и фотографирование подростков-попрошаек.

Поскольку лестничные проемы в ДС «Сокольники» были узкими, на лестнице № 5 началась настоящая «Ходынка». Вот как об этом вспоминает очевидец — Л. Биченкова: «После матча мы с мужем пошли к выходу. Когда до конца лестницы осталось ступенек 20, я увидела, как какой-то мужчина поднял мальчика и кричал: «Остановитесь!» Но народ все напирал. А началось все, как потом сказали, с группы молодых парней, которые торопились к автобусу с отъезжающими туристами. Мне удалось удачно пройти мимо упавших. Выйдя на асфальт, я начала искать мужа. Рядом пластами лежали люди, и милиция пыталась хоть кого-нибудь вытащить из завала. Сверху же продолжали давить. Я увидела, что мужа вытащили из кучи и делали ему искусственное дыхание. Затем я вместе с ним села в автобус и поехала в Остроумовскую больницу, где муж и скончался…»

Сами «дарители сувениров» тоже пребывали в шоке от происходящего, поскольку никак не рассчитывали на такой поворот событий. В канадскую делегацию входили не только спонсоры и спортсмены, но и родители последних. Когда они услышали душераздирающие крики со стадиона, они заметались в панике, не зная, что делать. Потом, когда на асфальт рядом со стадионом стали складывать тела погибших, некоторые из канадцев тоже бросились помогать милиционерам и сотрудникам «Сокольников».

Итог этой трагедии был ужасен: 21 человек погиб (из них 13 жертвам не исполнилось и 16 лет) и 25 человек получили увечья. Следуя законам того безгласного времени, никакой огласки в прессе эта трагедия не получила. Когда 12 марта «Комсомолка» поместила заметку о клубе «Бэрри коап», в ней ни слова не было сказано о случившемся два дня назад несчастье. Более того, канадцам разрешили

продолжить турне и сыграть оставшиеся два матча с «Крыльями Советов» (14 марта) и «Спартаком» (16 марта).

Забегая вперед, сообщу, что спустя два месяца состоится суд над виновниками трагедии. На скамью подсудимых сядут четыре человека: директор Дворца спорта (на момент случившегося он был на районном партактиве), его заместитель (он ушел домой с половины матча), начальник 70-го отделения милиции (он по ходу матча почувствовал себя плохо и тоже ушел домой), начальник отдела Сокольнического РУВД. Все четверо получат по три года колонии общего режима, однако уже в декабре этого же года трое из четверых будут отпущены на свободу по амнистии.

Власти все-таки сделали выводы из этой трагедии. В Совете министров СССР был поставлен вопрос о производстве собственной жевательной резинки. Первыми в этом деле подсуетились эстонцы: таллинская кондитерская фабрика «Калев» выпустила в начале 1977 года жвачку с одноименным названием. Несмотря на то, что качеством она значительно уступала многим зарубежным аналогам, ажиотаж в Эстонии, да и во всей стране (ее поставляли в половину республик) был огромный. Особенно за «Калевом» охотились школьники — они даже с уроков сбегали, чтобы занять очередь в магазине.

Что касается российских производителей «чун-гама», то они порадовали своих соотечественников только в самом конце десятилетия, хотя линия по производству жвачки на фабрике «Рот-Фронт» была установлена в том же 77-м. Но два года ушло на раскачку. В июне 1979 года первые 30 килограммов жевательной резинки трех сортов (клубника, апельсин и мятная) сошли с конвейера. Читатели более старшего поколения наверняка помнят это событие: чуть ли не полстраны стояло в очередях за этим продуктом.

20 октября 1982 года жуткая трагедия произошла во время международного матча по футболу между московским «Спартаком» и голландским «Хаарлемом» в Лужниках. Часть зрителей на трибуне «С» за несколько минут до финального свистка устремилась к выходу. Однако милиция перегородила один из двух выходов, и огромная толпа людей оказалась в узком пространстве. Тут, на беду, «Спартак» забил гол, и часть толпы ринулась обратно. Кто-то из людей упал внизу лестницы, а сверху напирали: образовалась пробка, и произошел эффект насоса. Сжатие толпы продолжалось минуты полторы — и все

было кончено. В этой давке погибло 66 человек, 61 человек был покалечен. Причем у трупов не было переломов, все погибли от сдавления грудных клеток и животов. Большую часть погибших составляли подростки.

Расследовать это дело было поручено следователю столичной прокуратуры Александру Шпееру. Он вспоминает: «О трагедии я узнал, явившись утром 21 октября на работу в прокуратуру. Это был всеобщий шок. Всех угнетало количество погибших, да еще, по сути, в центре Москвы. Я тут же поехал в Лужники и осмотрел место: заледеневшие трибуны, лестницу с разогнутыми перилами. Помню, кое-где еще валялась чья-то обувь, другая мелочь…

Мне сразу дали огромную бригаду, человек 15 следователей, и начались бесконечные допросы. Было решено опросить максимум милиционеров и солдат, поэтому их привозили к нам чуть ли не повзводно. Вообще в те дни прокуратура ходуном ходила. Коридоры были забиты плачущими матерями погибших детей, нам приходилось заниматься тем, что не входило в наши обязанности: договаривались с кладбищами, звонили в морги, просили для кого-то помощи в Моссовете. Когда в прокуратуру приехали жены арестованных вскоре директора Большой спортивной арены Виктора Кокрышева и коменданта БСА Юрия Панчихина, мы, слава богу, догадались увести их на другой этаж. А то не миновать бы беды. Такая была атмосфера…»

Во время следствия была выявлена масса нарушений. Например, контролерами на злополучном выходе работали пожилые люди, пенсионеры, которые получали за это небольшую прибавку к пенсии — 10 рублей. Естественно, в нормальных условиях они еще могли работать, но к экстремальной ситуации были абсолютно не готовы. Эти же контролеры напропускали на матч детей младше 16 лет, хотя это было запрещено. Правда, здесь во многом были виноваты сами болельщики, которые проводили детей под видом своих родственников.

Виновными были признаны руководители БСА Кокрышев и Панчихин, получившие по три года заключения каждый. Однако первому сидеть после суда не пришлось, поскольку он попал под амнистию. А второй отсидел половину из назначенного срока. А вот командира роты полка патрульно-постовой службы Карягина к суду

привлекать не стали, поскольку он сильно пострадал во время давки и получил инвалидность. По словам А. Шпеера: «Да, в ту пору говорили, что следователи занимались поиском «рыжих» и посадили не тех. Но что мне было делать — выйти в эфир и на всю страну заявить: уважаемые соотечественники, произошла жуткая трагедия, но, поверьте, это стечение несчастных обстоятельств и никто конкретно не виноват? Представляете, что бы было?!.»

Спустя ровно месяц после трагедии в Лужниках грянула новая: **20 ноября 1982 года** в Хабаровске в результате давки на стадионе погибли 18 человек. Трагедия случилась во время матча по хоккею с мячом на стадионе имени Ленина. Играли хабаровский СКА и красногорский «Зоркий». Поскольку это был первый матч сезона, стадион был заполнен до отказа — пришло 20 тысяч человек. Когда матч закончился, толпа ринулась к выходу. И тут неправильно повела себя милиция. Мало того, что она закрыла несколько ворот и оставила только два узких выхода, она принялась на очень узком выходе из северных ворот выдергивать из спускавшейся по ступенькам толпы нетрезвых болельщиков. В результате началась потасовка, из-за чего толпа потеряла равновесие. Люди стали падать, а встать уже не могли — толпа их просто затаптывала.

Согласно официальной версии, в этой давке погибло 18 человек. Но в народе ходили слухи, что погибших было значительно больше. Однако в те годы узнать правду было нельзя — вся подобная информация была засекречена. Даже в местных газетах этой трагедии было уделено всего лишь несколько строк. Говорят, некоторых людей можно было бы спасти, если бы «Скорая помощь» приехала вовремя, но ее прождали больше 20 минут. Первую помощь пострадавшим бросились оказывать врачи обеих команд, но их усилий было явно недостаточно.

Главную вину за случившееся понес начальник милиции, которого разжаловали из подполковников и сняли с должности. А мемориальная доска на стадионе имени Ленина появилась спустя год после трагедии.

Трагедии в советском кино

Актеры

Смертельный трюк в Каракумах
Евгений Урбанский

Е. Урбанский родился 27 февраля 1932 года в Москве. Его отец — Яков Самойлович Урбанский — был видным партийным работником, которого в середине 30-х направили в Узбекистан на должность второго секретаря ЦК ВКП(б). Однако на этом посту тот проработал недолго: в 1937 году его арестовали как «врага народа» и отправили в лагерь под Воркутой. Его жену — Полину Филипповну — с детьми выслали в Алма-Ату. Там Евгений пошел в школу, в которой проучился до 9-го класса. В 1946 году его отцу снизили срок и определили рабочим на шахту в Инте. После этого семья в полном составе переехала к нему.

Десятый класс Урбанский заканчивал в средней школе города Инта. Учился хорошо. Помимо учебы увлекался акробатикой и показывал неплохие результаты в этом виде спорта. Кроме этого, наш герой прекрасно читал стихи и часто выступал с ними на различных торжественных мероприятиях. Особенно удавались ему стихи В. Маяковского. Однако большого желания посвятить себя драматическому искусству у Урбанского тогда не было. Именно поэтому в 1950 году он сначала поступил в Московский дорожный институт, затем оттуда перевелся в горный. Именно в последнем творческие устремления Урбанского внезапно нашли себе достойное применение — он стал активным участником художественной самодеятельности, впервые задумался об актерской карьере. В конце концов эти мысли привели его в Школу-студию МХАТ на прослушивание. Несмотря на волнение, которое Урбанский тогда испытывал, был он настолько убедителен и азартен, что педагоги, слушавшие его, оказались им очарованы. «Вам обязательно надо поступать на актерский!» — посоветовали ему тогда. Он так и сделал. В 1952 году он явился на экзамены в ту же Школу-студию, прекрасно прочитал несколько стихотворений В. Маяковского (его любимым

произведением было «Во весь голос») и был принят на курс народного артиста СССР В. О. Топоркова.

По словам очевидцев, первые два года учебы в студии талант Урбанского был почти не заметен. Лишь на третьем курсе он «ожил», стал намного смелее и ярче. По словам его однокурсника О. Табакова: «Он был похож на шахтера, каким его тогда изображали на плакатах, в кино, в театре: здоровый, кудрявый, белозубый». (Отмечу, что почти год Урбанский ходил в студию в горняцком кителе, который он получил, еще будучи студентом горного института.)

Со своей первой женой Урбанский познакомился, еще когда учился в автодорожном институте. Девушку звали Оля, она была студенткой педагогического института. Вот ее собственный рассказ об этом:

«В то утро ни свет ни заря меня разбудил звонок в дверь. Набросив на ходу халатик, я пошла открывать. Ранним визитером оказался соседский парнишка Володька, он почему-то решил, что сейчас самое время вернуть мне учебник по психологии. Не пытаясь скрыть недовольства и «поблагодарив» соседа, я тотчас захлопнула перед его носом дверь, успев, однако, заметить за Вовкиной спиной какого-то ушастого мальчишку. До лекций в институте оставалась еще уйма времени, и я бухнулась в постель досматривать сны. А когда наконец вышла из подъезда, навстречу со скамейки поднялся тот самый ушастый парень со словами, что ждет меня уже полдня. Всю дорогу он шел следом, тараторя, что учится в Автодорожном институте, что никогда не встречал такой красивой девчонки, как я, и что зовут его Женя. После чего немедленно приступил к чтению стихов. И я, каким-то волшебным образом позабыв о времени, променяла занятия в институте на поход в кино и явилась домой только в два часа ночи. Так что знакомство с Женей запомнилось мне еще и первым скандалом с родителями.

Любопытно, что мы попали на фильм «Мальва», где главную роль играла Дзидра Риттенберг. Но тогда Женя и подумать не мог, что эта красивейшая актриса впоследствии станет его второй женой. Позже он мне рассказывал, что абсолютно не запомнил, о чем фильм, все время думал об одном — взять меня за руку или не взять.

На следующее утро, когда я вышла умыться (удобства находились на улице), перед глазами предстала такая картина: мой вчерашний

кавалер стоял, прислонившись к забору, в совершенно невероятном наряде, собранном, как выяснилось впоследствии, частями по всему общежитию. Завершал ансамбль белоснежный шарф — Женя почему-то решил, что это очень аристократично.

С первого дня мы не могли расстаться ни на минуту. Каждый вечер, проводив меня, он опаздывал на последнюю электричку и шел до дома семь километров пешком. Часто, пропуская занятия в своем институте, сидел со мной на лекциях в Педагогическом, приводя в недоумение преподавателей. С некоторыми из них Женя даже познакомился при весьма интересных обстоятельствах. «Разрешите, я сдам зачет за Ольгу, — умолял он молоденькую преподавательницу физкультуры, — это я виноват, что она пропускала занятия». И ходил на руках вокруг стадиона до тех пор, пока физрук со смехом не ставила мне зачет…»

На момент знакомства с Ольгой Урбанский был немного неотесанным провинциальным юношей. Подруги Ольги даже удивлялись: «У тебя столько интересных кавалеров, а ты выбрала самого невзрачного». Но спустя какое-то время подруги взяли свои слова назад. Поступив в Школу-студию МХАТ, Урбанский мгновенно преобразился в статного и уверенного в себя молодого человека. Он и родителей Ольги тоже очаровал: матери читал своего любимого Маяковского, у отца брал уроки игры на рояле.

Можно смело сказать, что свою творческую карьеру Урбанский сделал себе сам. В отличие от многих своих коллег по актерскому ремеслу, которые по разным причинам (кто по протекции, кто по воле случая) оказались на вершине славы, Урбанский своей главной роли добился самостоятельно. Узнав в 1956 году, что на «Мосфильме» режиссер Юлий Райзман приступил к съемкам фильма «Коммунист», он явился на киностудию и предложил себя на главную роль. В тот же день сделали его фотопробы, которые не всем понравились. Однако режиссер, успевший к тому времени просмотреть многих актеров, решил рискнуть с никому не известным студентом. Так Урбанский получил роль коммуниста Василия Губанова.

Натурные съемки картины проводились в городе Переславль-Залесский. Урбанскому они запомнились не с самой лучшей стороны. Вот что он рассказывал позднее:

«Съемки — это какая-то мука, знал бы, не пошел. Я буквально подыхал на съемочной площадке от ужаса, что ничего не выходит. Моя неповоротливость, неумелость угнетали меня почти физически. А Райзман был доволен. Я считал, что половину придется переснимать, а он был доволен и после просмотра материала ходил радостный. Только увидев фильм смонтированным, я понял: все мое — самую мою неумелость — использовал режиссер для Губанова. Так ведь это он — молодец!»

Действительно, в самом начале работы у Урбанского практически ничего не получалось. На площадке он был чрезмерно скован, неповоротлив и стеснялся своих партнеров до неприличия. Даже главный его партнер актриса Софья Павлова (она тоже была дебютантом и играла его любимую девушку) была им очень недовольна. Из-за своей чрезмерной стеснительности Урбанский казался ей чуть ли не мальчиком, и его зажатость в любовных сценах порой выводила актрису из себя. Да и другие участники съемочного процесса также были недовольны молодым актером и настойчиво уговаривали Райзмана «заменить его, пока не поздно». Но режиссер остался при своем мнении. И оказался прав.

Между тем после двух лет встреч Урбанский решился наконец сделать Ольге предложение руки и сердца. Но родители девушки выступили категорически против: мол, дочь должна сначала закончить институт. Однако Ольга решила все сама. Утром, перед лекциями, они встретились с Урбанским и отправились в ЗАГС. А вечером невеста уже благополучно забыла, что несколько часов назад вышла замуж. И отправилась на вечеринку к однокурсникам. Урбанский заехал к ней домой и обнаружил, что она там не объявлялась. Он бросился ее искать и под проливным дождем облазил чуть ли не полгорода. А когда нашел, закатил такой скандал, что девушке мало не показалось. Именно тогда она впервые поняла, каким ревнивцем является ее новоиспеченный супруг.

В течение месяца молодожены тщательно скрывали от родителей Ольги свой новый статус. Правда обнаружилась случайно, когда мать девушки заглянула к ней в паспорт. Однако скандала не последовало: родители поняли, что менять что-то уже поздно.

Тем временем в 1957 году на экраны страны вышел фильм «Коммунист», и на Урбанского свалилась всесоюзная слава. Фильм

посмотрели 22,3 млн. зрителей, на фестивалях в Венеции (1958) и Киеве картина получила главные призы. Кроме того, в 1959 году «Коммунист» был назван в числе трех лучших фильмов года по опросу читателей журнала «Советский экран». Но к обрушившейся на него славе Урбанский отнесся с иронией. Однажды они зашли с Ольгой в магазин «Армения» на Пушкинской, и Урбанский предложил жене… воровать конфеты из экзотических ваз. Ольга буквально застыла от ужаса. А Урбанский как ни в чем не бывало принялся набивать сладостями карманы.

В год, когда фильм «Коммунист» вышел на широкий экран, Урбанский закончил Школу-студию МХАТ. Его мечтой всегда была прославленная сцена Художественного театра, однако туда его не взяли. Наш герой стоял на распутье, когда актер Театра имени Станиславского Евгений Шутов, с которым он познакомился на съемках «Коммуниста», предложил: «Давай поступай к нам в театр!» Дважды уговаривать себя Урбанский не дал.

Е. Бабаева вспоминает: «Женя Шутов и я стоим в зрительском буфете театра, разговариваем. Мимо нас прошел яркий, бросающийся в глаза молодой человек со светлой шевелюрой. Высокий, мощный. Я сразу подумала: актер. «Кто он и откуда?» — спросила я. «Это актер Женя Урбанский. Я привел его в наш театр, — сказал Женя и прибавил с гордостью: — Хорош, правда?»

Первой ролью Урбанского на сцене Театра имени Станиславского был Ричард в пьесе Б. Шоу «Ученик дьявола». И так уж вышло, что в день премьеры «Коммуниста» Урбанский играл свой первый спектакль на театральной сцене.

Первый брак Урбанского нельзя было назвать идиллическим. Виной всему — неуступчивость обоих супругов. И еще они жутко ревновали друг друга. Урбанский непрерывно ревновал жену к ее однокурсникам, а Ольга ревновала мужа к его поклонницам.

Вспоминает О. Урбанская: «Женя страшно боялся: вдруг мне кто-нибудь понравится. Он постоянно твердил: «Запомни, Ольга, я всегда нахожусь рядом и целую тебя. Так что губы твои все время заняты». Из-за ревности происходили самые острые и комичные конфликты. Например, как-то после лекций я поехала в баню. Женя, не застав меня дома, догнал на площади около Ярославского вокзала и устроил сцену ревности. Поводом послужило то, что я отправилась в баню в том же

платье, в котором была в институте. (С чего он решил, что я отправилась на свидание на шестом месяце беременности?..) Сцена на вокзальной площади разыгралась очень живописная. Женя кричал, размахивал руками, хватал меня за локоть и куда-то волок, привлекая внимание постового милиционера. Молодой блюститель порядка пытался оттащить хулигана от беременной женщины, но, с трудом разобравшись, в чем дело, отпустил нас на все четыре стороны и долго смеялся вслед…

А однажды к Урбанскому приехал с Севера лучший друг Дима, с которым я флиртовала еще задолго до нашей женитьбы. Друзья, как полагается, выпили, душевно побеседовали и легли спать. Но Жене не спалось. Позднее он мне признался, что смотрел на спящего Димку и думал: «Как резанул бы его сейчас ножиком по горлу за то, что он с тобой заигрывал…»

Женя сам страдал от своей жуткой ревности, порой даже не понимая, что с ним происходит. К сожалению, в браке с ним я была еще большей собственницей: не позволяла Жене опаздывать с репетиции или лекции даже на десять минут. Если он не приходил домой в назначенный срок, его чемодан уже стоял на лестнице. Когда он возвращался, мама заносила чемодан на кухню, там же ставила раскладушку…»

Когда у молодых родилась дочь, Урбанский взял ее воспитание в свои руки. Вот как об этом вспоминает О. Урбанская:

«Когда Аленку только привезли из роддома, он никому не разрешал к ней подойти: сам первый раз искупал ее и перепеленал. Мама, глядя на это, очень беспокоилась, но Женя все сделал как профессиональная няня и очень собой гордился.

А незадолго до этого (я только родила Аленку и лежала в роддоме) муж залез на третий этаж по водосточной трубе и проник через окно в палату, чтобы меня поздравить и поцеловать.

Пока Аленка была маленькая, он не спал ночами, стирал пеленки, ездил каждый день за 10 километров за грудным молоком. Если уезжал надолго в экспедицию, писал письма: «Олечка, все мои мысли с тобой и Аленочкой. Она у нас такое золотко. Я здесь долго не смогу, скучаю, целую, твой Женя».

С успехом фильма «Коммунист» к молодому актеру пришла всесоюзная слава. Люди стали узнавать его на улице, просить

автографы. Многие режиссеры бросились предлагать ему роли в своих новых картинах. Однако Урбанский не торопился принимать их предложения. Видимо, помня свои муки на съемках «Коммуниста», он боялся пережить их вновь. Ведь не каждый режиссер смог бы, как это делал Ю. Райзман, лепить из молодого актера звезду. Поэтому в течение двух лет Урбанский набирался актерского опыта на театральной сцене, играя в месяц по 22–25 спектаклей. И только в середине 1958 года он наконец вспомнил о кино.

В фильме Григория Чухрая «Баллада о солдате» ему досталась роль безымянного инвалида, которого герой фильма Алеша Скворцов (актер В. Ивашов) случайно встречает на вокзале (эпизод снимался в Ярославле). Как писала позднее критика: «Это отличная работа Урбанского, лаконичная и строгая».

Между тем брак Урбанского и Ольги продлился всего два года. Но, даже расставшись с женой, Урбанский продолжал ее дико ревновать. У него тогда уже был роман с другой женщиной — с Татьяной Лавровой, но он продолжал ходить к своей бывшей жене и дочери Леночке и проверял: не завелся ли у них другой мужчина. А когда Ольга все-таки встретила такого человека, Урбанский был страшно взбешен. К счастью, до рукоприкладства дело не дошло.

С Лавровой Урбанский прожил где-то около полугода. Об их взаимоотношениях вспоминает Алла Константинова, которая в те годы не только работала вместе с Урбанским в одном театре — имени Станиславского, но и жила с ним в одном общежитии:

«В ту пору Урбанский был влюблен в актрису Татьяну Лаврову, ради нее ушел из семьи. Танечка — красавица, прима МХАТа, умница. В ней была загадка, чувствовался колоссальный внутренний огонь, который сводил с ума мужиков. Женька шел встречать ее после спектакля, выпив перед этим для храбрости. Она, увидев его в этом состоянии, гнала от себя. Тогда он напивался на полную катушку.

Однажды Женя пришел к нам и торжественно объявил: «Сегодня решающий день в моей жизни. Таня назначила мне свидание в кафе «Артистик». Если все будет хорошо — я вернусь и мы это отметим. Если плохо — запью». И вот сидим мы, ждем Женю. Бутылочку приготовили. Двенадцать, час ночи, а Женьки все нет. Кафе уже закрылось. Мы распили бутылочку и разошлись. А наутро узнаем, что Татьяна предложила ему жить вместе. И Женька на радостях забыл про

нас. Начал это дело отмечать утром, потом отправился в гости к режиссеру Саше Аронову, который много лет трепетно собирал маленькие подарочные бутылочки с алкоголем. Друзья выпили все эти бутылочки тоже. Женька был на вершине счастья, и мы радовались вместе с ним. Они с Таней сняли квартиру, немного пожили и… разругались. Таким сильным личностям было очень сложно ужиться. Потом Женька поехал на фестиваль, зная, что там будет Таня, хотел еще раз поговорить. Вернулся совершенно убитый. «Представляешь, — поделился он со мной, — она сказала, что никогда меня не любила. Как ты думаешь, врет? Ну не может такого быть…»

Между тем именно на том самом кинофестивале 1960 года Урбанский встретил свою последнюю жену — прибалтийскую киноактрису Дзидру Риттенберг. В ту пору ей было 30 лет, она была уроженкой латышского города Лиепая и уже год как была известна широкому кругу знатоков кино. Слава пришла к ней в 1957 году, после того как она сыграла роль горьковской Мальвы в фильме с одноименным названием. На фестивале в Венеции за эту роль ей был присужден кубок Вольпи. Стоит отметить, что соперниками Риттенберг в борьбе за этот почетный трофей были такие звезды западного кино, как Марина Влади, Мария Шелл, Ясудзу Ямада.

На кинофестиваль Дзидра приехала из Риги вместе с подругой — актрисой Вией Артмане. Вечером они сидели в теплой киношной компании, как вдруг отворилась дверь, и в комнату вошел шикарно одетый мужчина. Это был Урбанский. Чуть позже он первым подошел к Дзидре и сказал: «А я вас знаю». Та ответила: «И я вас тоже». Так состоялось их знакомство.

Буквально через три недели после их первой встречи Риттенберг легла в больницу — ей должны были сделать операцию на сердце. И Урбанский чуть ли не ежедневно навещал ее. А как только Дзидру выписали, он немедленно повел ее в загс. Почему он так спешил? Он боялся, что, если не сделает этого, Дзидра уедет к себе в Ригу и их роман завершится.

Первоначально молодожены жили в 6-метровой комнатке общежития Театра имени Станиславского. И лишь позже благодаря хлопотам М. Яншина им удалось получить отдельную 16-метровую квартиру возле метро «Сокол».

Однако вернемся к творчеству Е. Урбанского. Чуть раньше съемок в фильме «Баллада о солдате» он начал работу над своей второй крупной ролью в кино. Это была картина Михаила Калатозова «Неотправленное письмо», в которой он должен был сыграть роль таежного проводника Сергея. Сюжет фильма был незамысловат: пожар в тайге отрезал четверых геологов от лодок с продовольствием и снаряжением, и им пришлось спасать друг друга от разбушевавшейся стихии. Однако настоящей удачей для Урбанского эта роль так и не стала. Как писал критик И. Лищинский: «Героя Урбанского в «Неотправленном письме» мы запомнили плохо. Произошло это, думается, не только оттого, что в этом на редкость богатом талантами фильме нет верной соразмерности художественных средств, а поразительная фотография Урусевского заслонила актеров. Важнее то, что сам образ Сергея не обладает художественной самостоятельностью. Движение образа преднамеренно, его построение нарочито. Неотесанный, диковатый таежник и его тонкая, фатальная любовь к городской девчонке, которая больше всего любит Москву, бабушку и мороженое (в этой роли снялась Т. Самойлова. — *Ф. Р.*); нарочитый контраст мощи Сергея и угловатой беспомощности его соперника в любви — молодого геолога, щуплого и узкогрудого (первая роль в кино Василия Ливанова. — Ф. Р.).

Внешний облик Сергея Урбанский передал точно и убедительно: властная повадка, свободные и вместе с тем рассчитанные движения охотника, тяжелая хозяйская походка. Но внутренний мир Сергея скрыт от нас. Урбанскому — столь внимательному к духовной жизни своего персонажа — здесь как будто не за что было ухватиться».

Эта неудача заметно отразилась на творческой карьере Урбанского — в течение последующих полутора лет он отвергал все другие предложения сниматься в кино. И лишь в 1960 году согласился сняться у режиссера, которого искренне уважал, — у Г. Чухрая.

В отличие от «Баллады о солдате», где у Урбанского был короткий эпизод, в новом фильме Чухрая «Чистое небо» ему досталась главная роль — Героя Советского Союза летчика Алексея Астахова. По своей драматургии эта работа была одной из самых сложных в творческой биографии актера. По сюжету картины его герою пришлось пережить самые разные жизненные коллизии: успех на службе, внезапную любовь, вражеский плен, изгнание из партии, неверие в людей и,

наконец, медленное обретение веры в себя, в любимого человека. Все ли удалось Урбанскому в этой роли? Все тот же И. Лищинский писал:

«Полной удачей роль Алексея Астахова не назовешь. Во многих эпизодах Урбанский не преодолел (да и мог ли?) декларативность и прямолинейность драматургии. Видно, и политический фильм требует неповторимых психологических решений, внутренней подлинности мыслей и поступков. Этой подлинности актер добивается не всегда».

Между тем широкому зрителю фильм понравился. Свидетельством этого было то, что в прокате 1961 года он занял 2-е место, собрав на своих сеансах 41,3 млн. зрителей. В том же году он собрал целый урожай призов на фестивалях в Москве, Мехико и Сан-Франциско. По опросу журнала «Советский экран» он был признан лучшим фильмом года.

Не менее интересно складывалась и театральная судьба Урбанского. За восемь лет своего пребывания в Театре имени Станиславского он сыграл на его сцене 14 ролей. Он играл Мышлаевского в «Днях Турбиных» М. Булгакова, Джона Проктора в «Сейлемских ведьмах» А. Миллера, чекиста Лациса в «Шестом июля» М. Шатрова, Пичема в «Трехгрошовой опере» Б. Брехта.

И все же, несмотря на то что к середине 60-х годов Урбанский был одним из ведущих актеров Театра имени Станиславского, ни одну из сыгранных им ролей в театре он не считал до конца удавшейся.

В повседневной жизни Урбанский был довольно общительным и взрывным человеком. Он прекрасно играл на гитаре, пел, о чем есть немало свидетельств людей, близко знавших его в то время. Например, его пению завидовал сам Владимир Высоцкий, который в те годы делал свои первые шаги в песенном творчестве.

Ю. Никулин вспоминал: «Урбанский был незаменимым человеком в компании. Как он пел — никто не мог. Я любил петь под гитару, старался, но никогда не мог, как он, вот эту, знаменитую: «Эх, кабы знала бы, да не гуляла бы темным вечером, да на бану. Эх, кабы знала бы, да не давала бы чернобровому, да уркану», и потом: «Вышла я, да ножкой топнула, а у милого терпенье лопнуло». Когда он это пел, мороз шел по коже, все готовы были кричать от восторга…»

Различные творческие вечера, в которых ему приходилось участвовать, Урбанский не любил. Причем в этом не было ни грамма пренебрежения к зрителям, которые пришли на встречу с любимым

кумиром. Просто актер не считал себя кем-то выдающимся, откровенно стеснялся своей славы и, чтобы скрыть это свое состояние, порой дерзил со сцены наиболее ретивым зрителям.

Совершенно другим человеком Урбанский был в семейной жизни. По словам его жены Д. Риттенберг, он был добрым и хорошим мужем, называл ее ласковым именем Джуника.

В театре одним из близких его друзей был тезка — Евгений Леонов. Вот что он вспоминал позднее о Е. Урбанском:

«Мы дружили очень с Женей… Он любил приходить к нам на Вторую Фрунзенскую, но мы с ним часто ссорились…

Я его вводил в «Ученика дьявола», и однажды он мне сказал: «Ты актер трюковых приемов, трюкач, нам, героям, сложнее…» И меня это так обидело… Конечно, он это сказал в запале, он был отходчивый и потом все время ко мне приставал: «Чего ты сердишься, за что ты сердишься?» А я не объяснял…»

В 1962 году в жизни Урбанского произошло два важных события. Во-первых, он был удостоен звания заслуженного артиста РСФСР. Во-вторых, его приняли в ряды КПСС. Это было вполне естественно, если учитывать те роли, что он сыграл в кино, — Василия Губанова и Алексея Астахова.

В 1963 году он впервые выехал за границу — в Мексику.

В том же году он принял очередное предложение сняться в кино. Это был фильм режиссера Василия Ордынского «Большая руда», в котором актеру досталась главная роль — Пронякина. Однако, когда актер увидел смонтированный материал, он расстроился. Урбанский вдруг понял, что роль ему не удалась, да и сам фильм его огорчил. В эти минуты он, видимо, вспомнил о том, что в том же году у него сорвалась роль, которая могла принести ему совсем другие чувства. Речь идет о фильме «Председатель». Вот что вспоминает об этом М. Ульянов:

«На роль Егора Трубникова пробовали и Евгения Урбанского… Он был актером резким, могучим, с настоящим сильным темпераментом и очень выразительной, прямо скульптурной внешностью. Казалось, и сомнения быть не могло, что Урбанский более подходит к образу Егора Трубникова, к его темпераменту, напору, его силе. Но режиссеры Алексей Салтыков и Николай Москаленко мне потом объяснили: Урбанский действительно подходит

к роли, но может сыграть чересчур героически, очень сильно, и исчезнет Егорова мужиковатость, заземленность».

В результате на роль утвердили М. Ульянова.

К сожалению, малоудачная роль в фильме «Большая руда» оказалась последней крупной ролью в творческой судьбе талантливого актера Е. Урбанского. Вскоре нелепая случайность оборвала его жизнь. Произошло это при следующих обстоятельствах.

Режиссер А. Салтыков (тот самый, который не утвердил Урбанского на роль Егора Трубникова) в очередном своем фильме — «Директор» — предложил ему главную роль. На этот раз актеру предстояло перевоплотиться в директора автомобильного завода Зворыкина, прообразом которого был основатель ЗИЛа Иван Лихачев. Съемки картины должны были проходить как в Москве, так и в пустыне Каракумы под Бухарой (там снимались кадры автопробега).

Е. Бабаева вспоминает: «Все говорят — из театра уходит Урбанский. Да нет же! Собирается на съемки фильма «Директор», дал согласие. Многие не советуют, говорят, сложный фильм, другие советуют, он дал согласие, т. к. в театре работы не было. В общем, уезжает. Две недели назад выдавала зарплату и премию за Баку и Сочи. Урбанский получил четыреста рублей. Расписался и говорит: «А вы говорите — не уходите, разве это зарплата?» «Женя, — говорю я, — с вас удержали налоги, алименты» (от первого брака у него была дочь Алена. — *Ф. Р.*). Вдруг он достает из внутреннего кармана целую пачку двадцатипятирублевых кредиток и, раскрыв их веером, говорит: «Это первая часть, две с половиной тысячи, еще три такие части получать — это за кино…»

Между тем натурные съемки в столице закончились в конце октября 1965 года, и в начале ноября все участники группы вылетели в Узбекистан. 4 ноября Урбанский и его партнер по фильму актер Иван Лапиков отправились на встречу со зрителями в Бухарский гарнизон. Встреча прошла удачно, и вполне удовлетворенные ее итогами актеры за полночь вернулись в гостиницу. Утром должны были начаться съемки. Стоит отметить, что все рискованные трюки в картине Урбанский исполнял сам, хотя у него и был постоянный дублер — спортсмен Юрий Каменцев. Далее послушаем рассказ спортсмена Ю. Маркова, который в тот роковой момент находился в одной машине с Урбанским:

«На съемочную площадку, в сорока километрах от Бухары, мы выехали рано утром… Снимали проезд автоколонны по пескам. Согласно сценарию машина Зворыкина должна промчаться прямо через барханы, обогнать колонну и возглавить ее. Наиболее сложный кадр в этой сцене — прыжок машины с одного из барханов. Опасного в этом не было ничего, но мы все же предложили, чтобы снимался дублер. Женя подошел к кинокамере, посмотрел в глазок и сказал, что получится отличный крупный план и он его ни за что не уступит. Первый дубль прошел нормально. Но второй режиссер, который вел в этот день съемку, предложил сделать еще один дубль…

Машина легко рванулась с места, промчалась по настилу, на миг повисла в воздухе и вдруг накренилась и стукнулась передними колесами о песок. В следующее мгновение меня оглушила тупая боль… Чьи-то руки тащили меня по песку. Когда я открыл глаза, увидел перевернутый «газик», а под ним — Женю…»

Е. Бабаева вспоминает: «Получили радиограмму: погиб Женя Урбанский. Прошло всего две недели, как он получил зарплату… У нашего директора Рафика Герегиновича Экимова собрались работники театра, все плачут, не укладывается, что Жени нет. Вспоминалось все: особенно Сочи, здоровый Женя, идущий на пляж своей чудесной, крепкой, вразвалочку походкой… Усталые, измученные душой, наплаканные, вернулись с кладбища. Актеры готовились играть, мы — принимать публику…»

Гибель Урбанского породила массу всевозможных сплетен и пересудов. Одни судачили о том, что актер захотел заработать лишние 70 рублей и согласился исполнить опасный трюк самостоятельно, другие — что он и вовсе был пьян. Но было ли это правдой? Послушаем коллег погибшего артиста.

Ю. Никулин: «Об артистах много врут. Вот я прочитал в газете: актер Урбанский погиб на съемках потому, что в его машине заклинило дверцу. Дескать, по сюжету его машина летела с обрыва, а он должен был в последнее мгновение из нее выпрыгнуть. А дверцу заклинило.

Я сидел в Союзе кинематографистов у Кулиджанова, только разлили коньяк — звонок. Кулиджанов поднял трубку и вскрикнул: «Как?! Как это произошло?» — пришло сообщение о смерти Урбанского. Мы очень любили его…

Погиб он по-другому. Машина должна была подпрыгнуть на ходу. Урбанский снимался без дублера, потому что за трюковую съемку платят вдвойне. Сделали один дубль, оператор сказал: прыжок не очень смотрится, надо, чтобы машина подпрыгнула выше. Подложили кирпичей под песок. Машина никак не могла перевернуться. Потом проверяли: такой исход был вероятен в одном из тысячи случаев. Надо было, чтобы определенным образом совпали скорость движения, сила ветра, угол наклона горки, угол поворота, вес машины — и все это вдруг совпало. И машина перевернулась. Урбанский сидел рядом с водителем. Если бы он нагнул голову — остался жив. А он откинулся назад — и перебило позвонки, в больницу привезли мертвым…»

А. Баталов: «Когда про Урбанского сказали, что он погиб, потому что был пьяный, ничего обиднее представить себе нельзя. Я один раз чуть не поругался с залом, чего никогда не делаю, потому что сплетня про Урбанского чудовищно несправедлива. Я-то знаю, что он был наидобросовестнейшим актером, что если он полез в эту машину, которая стала его могилой, то только для того, чтобы эти самые зрители поверили в его героя…»

Между тем на момент смерти Урбанскому было всего 33 года. Он так и не смог увидеть дочь, которая родилась через несколько месяцев после его гибели (в честь отца ее назвали Евгенией). Вспыхнув яркой звездой, он так и остался в памяти современников молодым и красивым мужчиной, принявшим достойную его экранных героев смерть. В 1968 году на экраны страны вышел документальный фильм режиссера Е. Сташевской-Народицкой «Евгений Урбанский».

P. S. Гибель Урбанского поставила крест на съемках картины «Директор». Приказом председателя Госкино они были тут же запрещены, группа распущена. Режиссера А. Салтыкова отлучили от режиссуры на полтора года. Только в 1967 году он вновь вернулся на съемочную площадку и снял фильм «Бабье царство». В 1969 году добился разрешения вновь ставить «Директора». В роли Зворыкина снялся Николай Губенко.

Как погибла Фрося Бурлакова

Екатерина Савинова

Екатерина Савинова родилась 26 декабря 1926 года в алтайском селе Ельцовка. В 1945 году она отправилась покорять Москву, чтобы поступить учиться на землемера. На станцию она ехала на телеге, запряженной двумя лошадьми. А когда увидела поезд — впервые в жизни! — от страха чуть не закричала — таким страшным он ей показался. Но потом, заставив себя пересилить страх, она села в этот поезд и приехала на нем в Москву. Там с первой же попытки поступила в Землеустроительный институт, что на улице Казакова (рядом с Курским вокзалом). Однако землемером Савинова так и не стала. Проучившись в институте всего полгода, она вдруг поняла, что это не ее профессия, и бросила учебу. А летом 46-го поступила во ВГИК на курс, которым руководили Борис Бибиков и Ольга Пыжова. По словам К. Лучко: «Катя потрясла всю приемную комиссию, когда читала стихи, басни, отрывки из прозы, танцевала и пела. Голос у нее был замечательный. Он был необычайно широкого диапазона: от сопрано до контральто. Конечно, ее приняли. Она получила стипендию, жила в общежитии, ходила в одном и том же стареньком черном платье и несуразном пальто…»

Савинова окончила ВГИК в 1950 году. Для кино это было сложное время, так называемое малокартинье, когда в год на всех киностудиях страны снималось не больше… десяти картин. Но Савиновой повезло. В год окончания института она получила приглашение от мэтра советского кинематографа Ивана Пырьева. Он предложил ей роль казачки Любочки в комедии «Кубанские казаки». Знай Савинова, чем обернется для нее это приглашение, наверняка бы сто раз подумала наперед, прежде чем соглашаться.

Вспоминает К. Лучко (в том же фильме она играла Дашу Шелест): «В экспедиции на Кубани мы с Катей жили в одной гостинице, в одном номере. Номер был очень маленький и походил на купе поезда. Катя меня все время поражала. Она никогда не видела арбузов, никогда их не ела и попробовала только на съемке. Когда мы ели арбузы, она выгрызала корку до самого основания, а когда увидела, что на моем куске остается немного мякоти, вдруг заплакала: «Ну как ты можешь?! Ведь есть люди, которые никогда не видели и никогда не ели это чудо!» Потом она призналась мне, что никогда не видела ванны, не видела гибкого душа, не видела телефона. Живя в Москве, набирала номер 100 и узнавала время: своих часов у нее не было. Как только

раздавался гудок, она говорила: «Скажите, пожалуйста, который час?» — и, услышав ответ, вежливо благодарила. Была страшно удивлена, узнав, что отвечает автоматическая запись, а не живой человек. Она много молилась, ей очень хотелось, чтобы о ней сделали фильм, где она в черном платье, в мальчишеских ботинках на босу ногу, с фибровым чемоданом, перевязанным веревкой, приезжает в Москву поступать в консерваторию и учится жить в большом городе…».

Во время съемок в «Кубанских казаках» у Савиновой случился инцидент с Пырьевым. В киношной среде тот слыл большим любителем слабого пола и никогда не упускал возможности приударить за молоденькими актрисами. Большинство из них боялись его как огня и, опасаясь монаршего гнева, никогда не придавали огласке эти приставания. Савинова оказалась совсем другим человеком. Чистая и наивная сибирячка, она и мысли не могла допустить, чтобы кто-то из мужчин мог покуситься на ее честь, не будучи ее возлюбленным. Даже если таким покусителем был сам мэтр Пырьев. Как гласит легенда, когда режиссер, оставшись с молоденькой актрисой наедине, попытался добиться благосклонности, та влепила ему пощечину. Будь Пырьев настоящим мужчиной, то поступил бы соответственно: проглотил бы обиду и навсегда забыл бы дорогу к сердцу Савиновой. Но он был другим человеком: злопамятным и мстительным. В итоге, используя свое высокое служебное положение, он перекрыл молодой актрисе кислород — запретил снимать ее в главных ролях. И с тех пор Савинова если и снималась, то в ролях второго плана либо в малюсеньких эпизодах. В 1955 году произошел и вовсе вопиющий случай. Георгий Чухрай собрался было снимать Савинову в главной роли в фильме «Сорок первый», но едва об этом узнал Пырьев, как своим волевым решением запретил это делать. В итоге за целое десятилетие такая незаурядная актриса, какой была Савинова, снялась всего в девяти фильмах, да и то в эпизодах (и это при том, что с 1953 года период малокартинья в СССР закончился). Полный список фильмов с ее участием выглядит следующим образом: «Сельский врач» (1951), «Таинственная находка», «Дети партизана», «Большая семья» (все — 1954), «В один прекрасный день», «Тень у пирса» (1955), «Медовый месяц» (1956), «Человек с планеты Земля» (1958), «Косолапый друг» (1959), «Колыбельная» (1960). Стоит отметить, что Пырьев сломал карьеру не только Савиновой. Такая же

участь постигла его жену Марину Ладынину (они развелись в середине 50-х, и Пырьев запретил ее снимать) и Людмилу Марченко (эта молодая актриса на свою беду стала любовницей Пырьева, но потом нашла смелость прогнать его, за что он ей немедленно отплатил — закрыл дорогу к большим ролям). Но вернемся к Савиновой.

Понимая, что ей абсолютно ничего не светит в профессии, пока Пырьев занимает высокое положение в киношной иерархии (он был председателем Союза кинематографистов СССР и директором «Мосфильма»), Савинова решает попытать счастья на другом поприще — певческом. Благо голос у нее был, что называется, от Бога — его диапазон равнялся трем с половиной октавам. И она поступает в Гнесинский институт.

Что касается личной жизни Савиновой, то еще во время учебы во ВГИКе она вышла замуж за своего однокурсника Евгения Ташкова (впоследствии он станет режиссером и снимет для телевидения такие блокбастеры, как «Майор Вихрь» и «Адъютант его превосходительства»). 30 июля 1957 года у молодых случилось пополнение семейства — родился сын Андрей (впоследствии тоже ставший актером). Жила молодая семья в одной из комнат 3-комнатной квартиры, которую им предоставил Театр-студия киноактера (в другой комнате жили Клара Лучко и ее супруг Сергей Лукьянов, в третьей еще одна актерская семья).

Именно своему мужу Савинова обязана самой значительной ролью в своей нелегкой кинематографической карьере — алтайской девушки Фроси Бурлаковой, которая приехала в Москву и с первого захода поступила в консерваторию на класс вокала. В первоначальном варианте фильм назывался «Не от мира сего», потом его переименовали во «Фросю», а в прокат он уже вышел под другим названием — «Приходите завтра».

Между тем попадание Савиновой в картину собственного мужа тоже было нелегким. Несмотря на то что картина снималась на Одесской киностудии, худсовет, зная о нелюбви Пырьева к этой актрисе, запретил ее снимать. И назначил на роль другую исполнительницу, недавно сыгравшую главную роль в фильме про любовь. Стараниями мужа-оператора эта актриса смотрелась на крупных планах свежее и ярче, чем Савинова (той к тому моменту уже было 35 лет, а играть она должна была недавнюю выпускницу школы).

Однако Ташков отказался работать с другой актрисой и после нескольких месяцев упорной борьбы сумел отстоять свое мнение. Главным аргументом в его устах было то, что роль писалась «на Савинову и только на нее». И многие биографические моменты судьбы Фроси Бурлаковой списаны именно с Савиновой (алтайское происхождение, уникальный голос и т. д.). В итоге с прежним оператором Ташков расстался, взяв вместо него другого — Радомира Василевского, дебютировавшего в кино прекрасной лентой «Весна на Заречной улице» (1956).

Кое-что Ташков привнес в картину и из своего личного опыта. По его словам: «В моей школе был учитель физкультуры — совсем молодой человек, на войне получил ранение. И он написал рекомендательное письмо в Москву своей тетке, чтобы она меня приютила, когда я приехал в Москву поступать во ВГИК. Причем эта тетка видела его только один раз, когда крестила. У нее были две дочки, которые уже учились в институте. Они меня спрашивают: «Ну, куда ж ты хочешь поступать?» — «На актера!» И они стали иронизировать, расспрашивали, знаю ли я, кто такие Станиславский и Немирович-Данченко.

Однажды, когда я уже жил в комнате в коммуналке, часов в 6 утра слышу — кто-то стучит в дверь со страшной силой. Открываю дверь, а на пороге с баулами стоит двоюродная сестра из Волгограда: «Ну, к вам не достучишься!» — «Так звонок же есть!» — «А я не знала, не видала!» Этот эпизод тоже вошел в картину.

В Киеве поехали в мастерскую к скульптору. Там я увидел неоконченную скульптуру льва. «Что это такое?» — «Это мысли художника». Эту реплику я тоже внес в сценарий…»

Фильм начали снимать летом 1961 года. Снимали понемногу, но потом, что называется, «раскочегарились» — в одном сентябре у группы была 31 съемочная смена. Савинова снималась с огромным желанием, с воодушевлением. Причем никто, даже муж, не догадывался, что она снималась, будучи больной — у нее каждый день была температура 37,4. И так было на протяжении трех месяцев! Когда Ташков случайно об этом узнал, ему чуть самому плохо не стало. И он принял волевое решение — законсервировал картину. Савинову положили в больницу, однако пробыла она там недолго — каких-то три дня. Врачи отказались ее лечить, мотивируя это тем, что она не их

пациентка. Тогда за лечение актрисы взялся один психиатр, который объявил, что все психические заболевания Савиновой происходят от попадания в организм какой-то инфекции. «Скорее всего это бруцеллез!» — заявил врач. Потом выяснилось, что Савинова могла подхватить эту болезнь во время съемок в Крыму, когда купила на рынке молочные продукты и от них подхватила эту страшную болезнь. В результате у нее произошло поражение центральной нервной системы (судя по всему, это случилось в сентябре 61-го, когда нагрузка на съемках стала особенно большой). Врач прописал актрисе психотропные препараты, которые Савинова глотала десятками.

В 1962 году, когда Савиновой стало чуть лучше, съемки фильма были продолжены. И вновь, как и год назад, работа велась весьма активно. Как вспоминает Юрий Горобец (он играл роль жениха Фроси): «Иногда работать приходилось по 24 часа. Техники, артисты могли меняться, а режиссер этого себе позволить не мог. Когда Ташков смертельно уставал, то заходил в комнату, там стелил себе и отключался. А через 20 минут вставал как огурец и работал дальше. Все остальные так не могли и поэтому падали с ног. Но ощущение оптимизма, которое царило на съемочной площадке, думаю, в картине чувствуется и сейчас…»

Озвучание фильма проходило на Одесской киностудии. Два актера туда приехать не смогли из-за занятости — Анатолий Папанов и Юрий Горобец, поэтому их роли озвучили другие люди: за Папанова говорит Евгений Ташков, за второго — Юрий Саранцев. А вот Савинова озвучила две роли: Фросю Бурлакову и домработницу.

Вспоминает Е. Ташков: «Фильм едва не попал на полку благодаря стараниям секретаря ЦК КПСС по идеологии Ильичева. Он обвинил картину в том, что она выступает против соцреализма — из-за того, что скульптор разбивает статуи, сделанные именно в этом стиле. Меня ругали за то, что оказалась разбитой и маска Карла Маркса. На самом деле это Герцен. Но кому какая была разница? Наконец мне «пришили», что я выступил против считавшегося тогда «официальным» скульптора Томского. Оказалось, что его звали так же, как и героя Папанова, — Николай Васильевич. В общем, картину положили на полку. А когда все-таки выпустили, было уже лето — пляжный сезон. Она прошла в прокате тихо, незаметно…»

Роль Фроси Бурлаковой так и осталась единственной главной ролью Савиновой в кино. После нее она снялась еще в нескольких фильмах, и везде это были роли второго плана или эпизоды. Речь идет о фильмах: «Женитьба Бальзаминова», «Ко мне, Мухтар!», «Дорога к морю» (все — 1965), «Зигзаг удачи» (1968), «Жажда над ручьем» (1969), «Расплата» (1971). А потом… Савинова покончила с собой. Но прежде из жизни ушел ее давний недоброжелатель — Иван Пырьев. Он умер в начале февраля 1968 года. Как гласит легенда, незадолго до смерти он стал обзванивать многих своих коллег из кинематографического мира, которых когда-то обидел, и просил у них прощения. Позвонил ли он Савиновой, не известно.

Савинова погибла весной 1970 года. Судя по тому, как она себя вела накануне смерти, все было продумано ею заранее. Вот как вспоминает об этом К. Лучко:

«Как-то Катя позвонила мне и сказала: «Внутренний голос мне говорит, чтобы я попросила у тебя прощения, если я что-нибудь плохое тебе сделала». Я засмеялась: «Катя, ну что ты мне можешь сделать плохое?! Ведь ты даже мухи не обидишь». Она действительно помогала всем, чем могла. Вообще ей было не знакомо чувство зависти, суетности. Она жила в своем, придуманном ею мире. Через некоторое время она снова позвонила мне и сказала, что едет в Сибирь к своей сестре. Катя там давно не была и очень соскучилась. И что внутренний голос ей сказал, чтобы она попрощалась со мной и чтобы я простила ее. Голос у нее был какой-то хриплый и тревожный. Это был последний наш разговор…»

Савинова уехала в Новосибирск, где жила ее сестра Маша, в конце апреля. Никто не заподозрил ничего дурного в ее отъезде, а она между тем еще в Москве решила добровольно уйти из жизни. Уложила в чемодан красивое платье, новые туфли. Простилась с мужем и сыном Андрюшей.

По словам Маши, она давно не видела Катю такой радостной и счастливой, как в тот приезд. Катя прожила у нее в доме несколько дней. А 25 апреля, накануне светлого праздника Пасхи, она накрасила яйца, напекла куличей, затем принялась за уборку в квартире. Она вымыла дочиста полы, перевернула стулья ножками вверх и поставила их на стол. Потом надела старенькую шубку, туфли и сказала родным,

что идет на вокзал встречать подружку из Москвы. Однако она соврала — никакая подруга к ней не приезжала.

Приехав на вокзал, Савинова долго ходила по перрону, ожидая прибытия поезда. Кому-то это показалось подозрительным, и ее спросили: «Что вы здесь делаете?» — «Жду поезда», — спокойно ответила Савинова. Больше ее никто не трогал. А едва вдали показался поезд, она спустилась на рельсы и легла на них, причем так, чтобы не изуродовать лицо. Видимо, она все продумала заранее и прекрасно отдавала себе отчет в том, что делала.

Сыну Савиновой Андрею на тот момент было 13 лет. О смерти матери он узнал от отца. По его словам: «Мы отдыхали во Фрунзенском, и однажды отец мне говорит: «Я хочу тебе сказать…» Я напрягся: ну, думаю, опять что-то сделал не так. А отец говорит: «Мамы больше нет». Естественно, я поначалу не понял. Но он объяснил, что ее уже нет на этом свете, что она умерла. Первое, что подумал: «Слава богу, не ко мне претензии высказывает». Потом мы ехали на катере вдоль берега, и он все ждал моей реакции, чтобы начать меня успокаивать. Реакция произошла позже. Спустя полгода меня стало трясти в конвульсиях. Я спрашиваю: «Папа, что это со мной? Так бывает?» — «Да, бывает», — сказал отец. И я успокоился. Может быть, сработала какая-то защита в организме…».

Трагедии последних лет
Игорь Нефедов. Майя Булгакова. Леонид Дьячков. Ян Пузыревский. Сулев Луйк. Елена Майорова. Евгений Дворжецкий. Марина Левтова. Анатолий Ромашин. Андрей Ростоцкий. Сергей Бодров. Владимир Гарин. Владислав Галкин

В постсоветские годы отечественное искусство потеряло из-за различных трагедий несколько десятков своих представителей. Первым открыл этот скорбный список актер театра и кино **Игорь Нефедов** (снялся в фильмах: «Пять вечеров», 1979; «Охота на лис», 1980; «Наследница по прямой», 1982; «Криминальный талант», 1988; «Авария» — дочь мента», 1989 и др.). Нефедов повесился 2 декабря 1993 года на 34-м году жизни. Причем это была его не первая попытка

суицида — чуть ли не третья. Однако в тот трагический день казалось, что ничто не предвещает трагедии.

Ночью 1 декабря 1993 года Игорь пришел к своей жене Елене мириться. Пришел не один, а с другом, которого тоже накануне помирил с женой. Разговор был долгий, но в итоге примирение состоялось. Чтобы «обмыть» его, Нефедов предложил сходить за водкой. Отправился за ней сам. Спустя какое-то время друг внезапно засобирался домой, хотя Елена уговаривала его подождать Игоря. Но друг все равно ушел. А спустя полминуты из коридора раздался его дикий вопль. Елена тогда еще подумала: «Еще не хватало на весь дом отношения выяснять, всех перебудят…» Она открыла дверь, чтобы позвать их в квартиру, и услышала: «Вызывай «Скорую». Игорь повесился».

Как выяснилось позднее, Нефедов спустился на площадку между вторым и третьим этажом, вбил в потолок крюк, подобрал с пола чей-то шарф, завязал петлю и… Чем был мотивирован этот поступок, так до конца и не выяснено. То ли минутным помутнением рассудка, то ли еще чем-то.

Актриса **Майя Булгакова** погибла в автомобильной катастрофе 7 октября 1994 года на 65-м году жизни. Рассказывает очевидец трагедии — актриса Любовь Соколова:

«В тот день мы с Майечкой Булгаковой и еще двумя мальчиками — студентами университета культуры ехали в столичный кинотеатр «Ханой» для участия в благотворительном концерте. Поймали попутку — «Жигули». Втроем сели на заднее сиденье: Майя за водителем, я — посередке и один из мальчиков — справа. И вдруг водитель куда-то загляделся и на полном ходу врезался в железный столб рекламного щита. Я только успела вскрикнуть: «Что же ты делаешь!» Увы, было слишком поздно: удар и… Когда очнулась, увидела жуткую картину. На мертвом шофере лежала Майя. В истерике я начала кричать: «Вытащите нас скорее!» Я видела, что вся в крови, потому что спинки обоих передних сидений лежали на мне. А вокруг стояли люди и тоже кричали кому-то: «Не курите, не курите, бензин потек, все взорвется!» Потом, когда нас стали вынимать из машины, я потеряла сознание.

На короткое время пришла в себя в «Скорой» и снова отключилась… Уже через несколько дней, в больнице, мне рассказали, что водитель разбился насмерть; через шесть дней, не приходя в

сознание, отошла Майя. Мальчики отделались небольшими травмами и сотрясением мозга. А за меня врачам тоже пришлось побороться. Хирург, который лечил меня, — Александр Александрович Рудковский — признался, что надежд на то, что я выживу, было мало. У меня и голова была серьезно повреждена, и руки, и ноги, и туловище. Да еще возраст за 70… Двадцать три дня провела я в этой 36-й больнице…»

В конце 90-х наше общество переживало не лучшие дни: экономический спад, инфляция, потеря всяких нравственных ориентиров. Как итог — очень много фиксировалось самоубийств. Среди покончивших с собой оказался и популярный актер театра и кино **Леонид Дьячков**. Он принадлежал к актерам старой школы, сделавшим себе имя еще в советские времена. Дьячков окончил Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии в 1961 году и сразу после этого попал в труппу Театра имени Ленсовета. В кино начал сниматься с 1962 года — фильм «Принимаю бой». После этого дебюта молодой актер стал буквально нарасхват: его снимали Л. Шепитько («Крылья», 1966), Г. Панфилов («В огне брода нет», 1967), С. Микаэлян («Премия», 1976) и другие известные режиссеры.

В 1980 году Дьячкову было присвоено звание народного артиста РСФСР. А затем напасти одна за другой стали сыпаться на его голову. Развод с первой женой был очень сложным и болезненным. В 1988 году он со скандалом ушел из театра, бросив на прощание недвусмысленную фразу: «Я актер голливудского масштаба, а тут у вас…» На работу в другой театр он тогда так и не устроился, да и в кино его снимать перестали. А вскоре на Дьячкова свалилось еще более тяжкое горе: в автомобильной аварии погиб его единственный сын — умница, красавец, выпускник театрального института. Едва актер оправился от этого, как новая беда не заставила себя долго ждать: от рака умерла его жена Инна Варшавская.

В 90-е годы Дьячков женился в третий раз — на актрисе Т. Томашевской. Она вспоминает: «Несколько лет назад, на концерте в Октябрьском, Леню за кулисами балкой по голове ударило. Было легкое сотрясение, потом вроде прошло. А там оказалась опухоль в мозгу. Весной 95-го лег он в больницу, вышел успокоенный, все молился. Вообще, был глубоко верующим человеком, он еще до того, как церкви в моду вошли, веровал. Был талантлив во всем… В ночь перед самоубийством мы долго разговаривали, он все повторял:

«Гореть мне в геене огненной». В один из самых тяжелых дней все стоял, смотрел на Троицкий собор из окна. Я ему говорю: сходи, помолись, побудь один с Богом. Он вернулся из собора и говорит, что нам надо обвенчаться. Так и не успели…»

В последние дни октября 1995-го по Центральному телевидению прокрутили несколько старых фильмов с участием Л. Дьячкова. Посмотрев их, он почему-то сник, видимо, сравнил свою нынешнюю жизнь с той, которая была у него каких-то 20 лет назад. Вечером 24 октября он посмотрел фильм «Ты и Я» (1972), в котором его герой стоял на балконе перед выбором, жить или не жить. А утром следующего дня шагнул вниз со своего балкона в доме № 7 по Измайловскому проспекту в Санкт-Петербурге.

На панихиде по актеру было много совершенно посторонних людей и очень мало коллег покойного — артистов. Как это ни странно, но в день похорон Л. Дьячкова руководство Александринского театра, в котором он играл, не отменило репетицию, и актеры не смогли прийти на кладбище.

В отличие от Дьячкова 24-летний **Ян Пузыревский** принадлежал к более молодому актерскому поколению. Он довольно рано стал актером: уже в 10-летнем возрасте играл в Театре Спесивцева и одновременно снимался в кино. К 20 годам он уже успел сняться в 15 картинах («Осенний подарок фей», «Адвокат», «Тайна Снежной королевы» и др.). Многие его партнеры по съемкам из числа звезд прочили ему блестящую карьеру. И какое-то время это действительно было так. Он с первого же захода был принят на актерский факультет Щукинского училища, а после его окончания вместе с курсом зачислен в Театр на Таганке. Впереди его ждали новые прекрасные роли. Однако карьера молодого актера завершилась, едва начавшись.

Утром 3 апреля 1996 года Ян позвонил своей жене (она собиралась с ним разводиться и пока вместе с полуторагодовалым сыном жила у его мамы) и сказал, что приедет к ней повидаться с ребенком. Когда он приехал, жена оставила его наедине с сыном, а сама поднялась на этаж выше к золовке. Через какое-то время у них в квартире зазвонил телефон, и, подняв трубку, молодая женщина услышала голос своего мужа: «Я хочу тебе сказать, что мой сын никому не достанется. Выходи сейчас на балкон, и ты увидишь зрелище…» Женщина тут же бросилась на балкон, а мать Яна

побежала вниз, к сыну. К ее удивлению, дверь была закрыта на цепочку. Женщина дернула дверь и тут же услышала грубый возглас сына: «Кто там?» — «Это я, сынок», — ответила мать. — «Мама, сейчас!» — ответил Ян. Женщина продолжала терпеливо ждать, но сын к ней так и не вышел. Между тем он уже встал на подоконник 12-го этажа, держа в руках маленького сына. Постояв так несколько секунд, Ян вдруг крикнул во весь голос: «Прости, сын» — и шагнул в бездну.

По счастливому стечению обстоятельств ребенок, падая, зацепился за ветви деревьев, и это смягчило его падение на землю. Он только сломал руку и ногу, получил легкую черепно-мозговую травму. А его отец разбился насмерть. Похоронили самоубийцу на Ваганьковском кладбище.

После трагедии многие коллеги погибшего отметили некие мистические моменты в творческой судьбе Пузыревского. Например, несколько его героев погибли в молодом возрасте: мальчишка Ваня в спектакле Театра Спесивцева «Прощание с Матерой» трагически погибал, в первом кинофильме еще один герой Пузыревского кончал жизнь самоубийством, а в спектакле Таганки «Дом на набережной» Антон Овсянников, которого играл Ян, и вовсе выбрасывался из окна!

Эстонский актер **Сулев Луйк** снялся в полутора десятках фильмов, самыми известными из которых были «Отель «У погибшего альпиниста» (1979), «Лесные фиалки» (1980). Из жизни он ушел 43-летним 28 июня 1997 года при обстоятельствах трагических.

Н. Хрусталев в газете «Культура» пишет: «Весть о трагической гибели актера Театра драмы С. Луйка повергла эстонское общество в шок. Из бесстрастного полицейского протокола следовало, что «тело актера было обнаружено в таллинском парке Кадриорг» неподалеку от дома на улице Мяэкалда, где он жил. На груди и шее погибшего было несколько колотых ран. Труп уже начал разлагаться, и предполагается, что с момента убийства прошла приблизительно неделя. Документов при погибшем не оказалось, что затруднило опознание. На следующий день супруга актера опознала погибшего.

В роковой вечер 28 июня актер после спектакля «Три мушкетера», где он играл Ришелье, вернулся или собирался вернуться домой. В тот момент в доме никого не было: жена с детьми отдыхали в деревне. Вернуться домой, кажется, все же успел, потому что был найден в

домашней одежде, а в квартире работали включенный телевизор и видеомагнитофон. Видимо, Сулев покинул дом, услышав, что на улице что-то происходит. Впрочем, полиция разрабатывает и версию разбойного нападения с целью ограбления…

На церемонии прощания министр культуры Эстонии Яак Аллик с горечью говорил, что ему стыдно быть членом правительства, которое не может защитить своих граждан…»

Но сильнее всех общество потрясла трагическая гибель 39-летней актрисы **Елены Майоровой**. Она родилась в Южно-Сахалинске в рабочей семье. С третьего класса стала посещать театральную студию при городском Дворце пионеров. После окончания школы приехала покорять Москву, но неудачно — ни в одно театральное училище ее не приняли. И она подала документы в строительное ПТУ № 67. Однако с мечтой о театре она не рассталась. Через год вновь сделала попытку поступить в ГИТИС и победила, ее приняли. Однако ПТУ не хотело отпускать ее, требуя положенной трехлетней отработки. Пришлось Майоровой выплачивать штраф в 112 рублей (их ей дал О. Табаков), и только после этого ее отпустили.

После окончания ГИТИСа ее творческая карьера складывалась очень удачно. Еще будучи студенткой, она начала сниматься в кино и за 17 лет успела сняться в 24 фильмах («Вам и не снилось», 1980; «34-й, скорый», 1982; «Парад планет», «Один и без оружия», оба — 1984; «Зина-Зинуля» (1985), «Бездна, круг седьмой» (1994) и др.). То же самое и в театре: закончив ГИТИС, она попала в одну из лучших столичных трупп — во МХАТ.

Благополучно сложилась и ее личная жизнь. В 1984 году она познакомилась с известным художником Сергеем Шерстюком и вышла за него замуж. В общем, внешне у Е. Майоровой все выглядело хорошо, и ужасного финала никто из близко знавших ее не предполагал. Но трагедия все-таки случилась. На календаре было 23 августа 1997 года.

Д. Братский (газета «Сегодня»): «Гибель известной актрисы театра и кино Елены Майоровой, предпринявшей акт самосожжения на лестничной площадке своего дома в столице (дом находится рядом с МХАТом), милиционеры склонны считать самоубийством, несмотря на то, что никакой предсмертной записки погибшая не оставила.

Однако официально обстоятельства смерти одной из ведущих актрис МХАТа имени Чехова все еще расследуются.

Как удалось выяснить, трагедия разыгралась на шестом этаже дома № 27, стр. 1, по Тверской улице в начале пятого вечера. Со слов жильцов, примерно в 16.20, случайно выглянув на лестничную клетку, они увидели охваченную пламенем соседку. Кто-то из людей тут же бросился звонить в «Скорую», кто-то, пытаясь помочь женщине, принялся тушить горящую на ней одежду. А через несколько минут информация о случившемся поступила на пульт пожарной охраны. Когда же пожарные прибыли по указанному адресу, соседи уже потушили «живой факел». Сильно обгоревшая Елена лежала на носилках медиков. В Институте имени Склифосовского, куда была отправлена потерпевшая, специалисты установили, что актриса получила ожоги 2—3-й степени, обожженными оказались 85 % кожных покровов тела. Поэтому около 19.00 Елена Майорова скончалась, так и не придя в сознание».

А. Суховерхов (газета «Московский комсомолец»): «Закончившаяся летальным исходом попытка самосожжения, по сведениям милиции, была для Майоровой не первой. Несколько лет назад (по некоторым данным, в 1986 году. — *Ф. Р.*) она уже предпринимала аналогичную попытку в том же самом дворе, но, уже облитая керосином, была замечена и остановлена оказавшимися поблизости стражами порядка. Есть в произошедшем и по-своему мистическая сторона. За несколько дней до гибели Елена Майорова закончила на «Мосфильме» съемки в картине «Ниша», где она играла роль… Смерти».

М. Шевченко, Е. Степанова (газета «Собеседник»): «Родные Лены отрицают факт самоубийства. Ее муж художник Сергей Шерстюк до сих пор не может оправиться от жуткого потрясения, он не может поверить, что Лены больше нет. Последние деньки лета они собирались провести за городом, лелеяли мечты о счастливой жизни вдвоем. На дачу Лену не отпустили неотложные дела. На злополучную субботу у нее была назначена встреча с режиссером Театра Моссовета Борисом Мильграмом. Сергей уехал один. В течение двух дней на пейджер не приходило никаких сообщений: видимо, связь барахлила. Рано утром в понедельник его разбудил странный звук: пищала мышь, попавшая в лапы кошке. С мышиным писком сливались сигналы

пейджера. На экране высветилось сообщение: «Куда ты пропал? С Леной беда».

Сергей вспоминает, что в доме и в самом деле был керосин: «Когда Лена простужалась, то предпочитала пользоваться старинным народным методом — полоскать горло керосином. Кроме того, Лена много курила. Она и незадолго до смерти простудилась. В день смерти на ней было шикарное платье из легкой ткани. Когда-то мы купили его на Медисон-авеню в Нью-Йорке. Оно было без пуговиц, надевалось через голову и было настолько облегающим, что снимать его без посторонней помощи было крайне затруднительно. Может быть, это ее погубило». Платье действительно могло загореться от пролитой на него жидкости и случайно оброненной сигареты.

Может быть, Лена пролила керосин, пытаясь залить его в старинную лампу. Некогда супруги привезли ее из Голландии, и с тех пор она без пользы пылилась в квартире. Зачем вдруг Лене понадобилась керосиновая лампа, Сергей теряется в догадках».

Е. Латаш, следователь 5-го отделения милиции («Экспресс-газета»): «Это самоубийство. Выпивала Лена в тот день или нет, мы, конечно, установили, но говорить об этом я не имею права. Родственники, если захотят, все расскажут сами. Почему она побежала в театр? Горящий человек не может стоять. Он бежит, даже не всегда осознавая, куда. Устанавливать мотивы самоубийства не входит в нашу компетенцию, хотя мы предполагаем, почему она это сделала. Это не связано с материальным положением, а связано с ней самой. Когда в Склифе Лена пришла в себя, она сказала, что подожгла себя добровольно. Однажды она уже пыталась покончить жизнь самоубийством. Тогда она вышла во двор и тоже облила себя керосином. Ее вовремя остановили. Этот факт зарегистрирован в милиции».

Похоронили Е. Майорову на Троекуровском кладбище.

С момента гибели Майоровой прошло чуть больше двух лет, как российское искусство понесло новую утрату. Погиб актер **Евгений Дворжецкий**, которому на момент смерти тоже было 39 лет. Причем еще за два месяца до своего трагического ухода в одном из интервью Евгений обронил фразу: «Мой брат Владислав умер, когда ему было 39. Мне сейчас столько же…» Эта фраза стала роковой.

В ту среду, 1 декабря 1999 года, Дворжецкий должен был сделать массу дел: заехать на киностудию, в Останкино, посетить врача. В те декабрьские дни Евгения мучил кашель, и он испугался, что это астма. Но врач его успокоил: мол, ложная тревога. Уезжая от него, Дворжецкий радостно делился этим диагнозом со своим коллегой по Российскому академическому молодежному театру Константином Карасиком: дескать, раз у него нет астмы, значит, не будет ее и у его детей. А буквально спустя пару минут после этого разговора Дворжецкий погиб.

На пересечении Проектируемого проезда и улицы Москворечье Дворжецкий не обратил внимания на знак «Уступи дорогу» и, не снижая скорости, выехал на перекресток. На беду в это же время здесь оказался большегрузый грузовик. Он врезался в «девятку», аккурат в то самое место, где сидел водитель — Дворжецкий. Удар был настолько сильным, что Евгений погиб мгновенно. А его пассажир был госпитализирован с сотрясением мозга. Но уже вечером того же дня он из больницы ушел, заявив, что будет долечиваться дома. Скорее всего, это объяснялось состоянием шока. В шоке были и сотрудники ГАИ, когда, найдя в машине документы, узнали, кто именно погиб в этой страшной аварии. У Дворжецкого остались жена и двое детей: 10-летняя дочь Аня и сын Миша, которому на момент гибели отца было всего 7 месяцев.

Спустя месяц после гибели Дворжецкого наступил новый, 2000 год, который в первые же месяцы принес отечественному кинематографу сразу две потери. И вновь из жизни ушли почти ровесники — актеры, ставшие известными в конце 70-х. Речь идет о 48-летнем **Александре Соловьеве** и 41-летней **Марине Левтовой**. Первый погиб при невыясненных обстоятельствах накануне Нового года (подробно об этом рассказывается в главе «Трагедии на почве алкоголизма»), вторая — разбилась на снегокате спустя два месяца.

Левтова погибла в последние дни февраля 2000 года. На выходные она с дочерью Дарьей отправилась на дачу своего хорошего знакомого Семена Радюка в подмосковную Барвиху. Вечером в субботу, 26 февраля, все трое, а также звездная пара Дмитрий Певцов и Ольга Дроздова решили покататься на снегоходах. Говорят, Левтова с самого начала была против этих гонок, но ее уговорили — то ли дочь, то ли друзья. Левтова, Дарья и Радюк сели в один снегоход, Певцов и

Дроздова — в другой. При этом Дарья хотела сидеть сзади, но Левтова пересадила дочь на более безопасное место — в середину, а сзади устроилась сама. Ее материнское сердце как чувствовало, что может случиться что-то страшное. Гонки проходили у поселка Раздоры Одинцовского района Подмосковья. Далее послушаем рассказы журналистов, описывавших эту трагедию на страницах своих изданий.

М. Панюков («Экспресс-газета»): «Говорят, многие предчувствуют свой уход из этого мира. Однако вряд ли то же можно сказать о Марине Левтовой. Буквально за несколько часов до катастрофы она пришла в Школу-студию МХАТ, где первокурсники играли Достоевского для педагогов и родителей. Среди них была и Дарья Мороз, 16-летняя дочь актрисы. По свидетельству очевидцев, Левтова выглядела просто потрясающе, она была необычайно приветлива даже с людьми, совершенно ей незнакомыми, и улыбка не сходила с ее лица. Актриса не просто сидела в зале, а старательно снимала на камеру выступление «молодняка».

Даша, говорят, на сцене смотрелась достойно, может, именно присутствие мамы вдохновляло ее. Кто мог предположить, что жизнь красивой и талантливой женщины оборвется так скоро и так нелепо… (За день до этого в Доме кино мама и дочь присутствовали на премьере комедии Георгия Данелии «Фортуна», где состоялся дебют Даши Мороз — она сыграла главную женскую роль. — *Ф. Р.*). Поздней ночью на даче у друга их семьи собралась веселая компания: Дмитрий Певцов, его супруга — актриса Ольга Дроздова, а также Марина и Дарья. Идея прокатиться на снегоходах «Ямаха» возникла примерно в половине первого ночи. Как говорят, Марина без энтузиазма восприняла это предложение. Волновалась за Дашку: куда, мол, так поздно? И села третьей на снегокат, только чтобы не отпускать дочку одну. Кто знает, может быть, тем самым она спасла ей жизнь…»

Рассказывает очевидец событий Дмитрий Харатьян: «Даже самый последний снимок Марины судьбе было угодно, чтобы сделал я. За 10 минут до ее гибели. Мать с дочерью уже были одеты, на улице их ждал железный агрегат-смертник. На дворе была ночь, темень, и я очень просил Марину не ездить, не рисковать. Сам я к тому времени катался на снегоходах и знал, что они своенравны, что на них и днем-то, когда все видно, ездить рискованно. Не скажу, что было какое-то нехорошее предчувствие, нет, не в этом дело. Но очень уж не хотелось, чтобы

Марина с дочерью отправилась в путешествие со скоростью 100 километров в час. В темени почти ничего не видно, фара светит вперед метров на 10, не больше.

Обидно еще и то, что Марину уговорили «покататься» друзья. Когда же я пытался угомонить ее пыл, она говорила: «Да брось, ну ладно уж, чего там…» И отправилась в свое последнее путешествие по этому свету, а я выехал с территории дачного поселка и помчался в Москву. Включил приемник, а по радио в миллионный, наверное, раз, но в тот вечер как будто впервые неслись слова трагической песни Владимира Высоцкого: «Мы успели, в гости к богу не бывает опозданий…» А утром, узнав по телефону от Юры Мороза о страшной беде, я будто бы снова прошептал губами: «В гости к богу не бывает опозданий…» — словно специально для меня в ту минуту звучало страшное заклинание…»

И снова вернемся к словам журналистов.

Е. Скворцова-Ардабацкая, С. Скобло («Московский комсомолец»): «Незадолго до полуночи снегоходы делали очередной вираж по раздорскому лесу. Певцов в беседе со стражами порядка пояснил: они благополучно вписались в поворот и думали, что вторая машина также обогнула препятствие. Но потом, оглянувшись, наездники увидели картину, от которой стало жутко. Снегоход хозяина валялся на склоне оврага, уткнувшись в кусты, — руль изуродован, левая лыжа сломана… А чуть поодаль неподвижно лежали Марина, ее дочь и Семен. Когда «Ямаха» врезалась в кустарник, их вышвырнуло из седла и отбросило на несколько метров вперед. Левтова ударилась головой о дерево. Она была без сознания, и, хотя друзья пытались привести актрису в чувство, все усилия были тщетны.

Ближайший населенный пункт находился довольно далеко. Певцову пришлось бежать в сторону сельской шоссейной дороги. По чистой случайности он встретил милицейский патруль. На этой машине Марину и отвезли в Одинцовскую райбольницу. Увы, слишком поздно. Вопреки первоначальной информации врачи клиники уверяют, что Левтову доставили уже мертвой. «Тяжелая черепно-мозговая травма, размозжение мозга… При таких повреждениях обычно не выживают», — говорят они.

Если бы не злосчастный ствол дерева, актриса, возможно, отделалась бы переломами. Как и Семен Радюк. В тяжелом состоянии

его госпитализировали в больницу имени Боткина. Сначала пациента поместили в элитный дипломатический корпус, но потом перевели в реанимацию. Радюку пришлось удалить селезенку… Значительно лучше чувствует себя Даша. При крушении девочка сломала ногу и тоже была госпитализирована…»

Рассказывает муж М. Левтовой режиссер Юрий Мороз: «Я верю в предчувствия, в знаки-предупреждения об опасности. Я не могу не верить, потому что так и было. За полмесяца до случившегося я пришел домой, а у Марины горят свечи. Свечки-свечки-свечки. «Маш, ты что?» — «Да так, злых духов изгоняю». А 27 февраля, когда все случилось, они были с Дашей в Школе-студии МХАТ, у Дашки был экзамен по речи, я был дома, кого-то из бардов слушал, и что-то меня так… Не то что не по себе стало, а такая тоска, какое-то странное ощущение. А у нас иконка есть, от бабушки еще моей осталась, я подошел к этой иконке, и у меня было обращение к ней…

Маша летом была с Дашкой на съемках фильма «Фортуна» и там снялась в роли монашенки. Стечение обстоятельств или что это такое? Монашенки — они же божьи невесты. Веришь не веришь, вот так было…»

Спустя полгода после гибели М. Левтовой нелепая трагедия унесла из жизни еще одного известного актера — **Анатолия Ромашина**. Он погиб на собственном дачном участке в Пушкине (улица Маяковского, 8). Ромашин получил его в 1995 году, сразу построил на нем дом. И жил там вместе с семьей: молодой женой Юлией (она моложе мужа на 41 год) и малолетним сыном Димой (родился в 1996 году). По словам жены, Ромашин, несмотря на возраст (на момент гибели ему шел 70-й год), был мужчиной работящим и постоянно что-то мастерил на своем дачном участке. Вот и в тот роковой день он решил спилить многолетнее дерево — 15-метровую усохшую сосну, которая мешала передвижению по двору. Дождавшись, пока спадет жара (в 5 часов вечера), Ромашин взял электропилу «Парма-М» и вместе с напарником направился к дереву. Возились они долго (дерево было огромным — 80 см в диаметре на месте среза). Работали следующим образом: Ромашин пилил, а напарник взялся за веревку, которую привязали к верхушке, чтобы направить падающую сосну в нужном направлении. Наконец, пропилив положенную глубину, Ромашин отошел, чтобы прикинуть угол падения. Не успел он

поднять головы, как зеленая махина стремительно обрушилась на него. Перед этим напарник крикнул ему «Уходи!», но Ромашин почему-то бросился именно туда, куда заваливалась сосна. В итоге ствол упал ему прямо на спину. Напарник и домработница Светлана бросились к месту трагедии, но их помощь оказалась ненужной — Ромашин умер мгновенно. После того, как приехавшие сотрудники областной прокуратуры засвидетельствовали несчастный случай и отсутствие криминала, тело с трудом было извлечено из-под дерева и вывезено в Москву.

В результате трагической случайности два года спустя погиб еще один представитель российского кинематографа — 45-летний **Андрей Ростоцкий**. Это случилось в Сочи 5 мая 2002 года.

Ростоцкий снимал свою очередную картину — 12-серийный телефильм «Моя граница». В тот роковой воскресный день, 5 мая 2002 года, съемки не предвиделись, но Ростоцкий решил отправиться к месту будущих съемок, чтобы провести раскадровку непосредственно на натуре. Вместе с ним к месту съемок в районе высокогорного поселка Красная Поляна, у водопада Девичьи слезы, отправились еще несколько человек: двоюродный брат Феликс Ростоцкий, работающий в группе Андрея художником-постановщиком, жена Феликса Нонна и актер Всеволод Хабаров. Оглядели место и собрались обратно. Ростоцкий зачем-то задержался наверху водопада. Хабаров стал спускаться вниз. Феликс и Нонна направились к старику-пчеловоду, продававшему на обочине мед. В тот момент, когда они расплачивались, за их спиной раздался глухой удар. Это упал со скалы Ростоцкий.

Вот как описывает происшедшее журналист газеты «Труд» И. Чернов:

«Все, кто хоть раз ездил в Красную Поляну, наверняка помнят этот водопад: у него часто останавливаются, чтобы сделать несколько снимков на память. В этом месте узкое, не более пяти метров шириной, шоссе делает поворот на 90 градусов. С одной стороны отвесная скала высотой примерно 30 метров, с которой и стекают «девичьи слезы», с другой — обрыв. Скала сложена из известняка, камни образуют как бы лесенку. Вот по этой «лесенке» Андрей взобрался наверх метров на пятнадцать. Никакого альпинистского снаряжения у него не было, никаких канатов, тросов, веревок, никто

его не подстраховывал. В сообщениях СМИ говорилось, что он готовил трюк. Нет, режиссер просто искал эффектный ракурс.

— Ну вот такой он был, — говорит продюсер Александр Крылов. — Такое у него было правило: накануне съемок все прощупать собственными руками, прочувствовать, как сцена будет выглядеть…

Наверное, ни сам Андрей, ни другие члены съемочной группы не отдавали себе отчета в том, насколько опасным был этот подъем. Иначе бы он туда не полез, иначе бы его остановили… Но что случилось, то случилось. Уже спускаясь вниз, Ростоцкий поскользнулся и не смог удержаться на сырых камнях, поросших мхом. Он несколько раз ударился о выступы скалы и упал на обочину дороги. Произошло это в начале третьего часа дня. Вызов на станцию «Скорой помощи» Красной Поляны поступил в 14.30, в 14.34 бригада выехала. С момента падения и до своей смерти Андрей не приходил в сознание. В 15.55 его привезли в больницу Хостинского района Сочи. У него были выявлены множественные переломы костей черепа, ребер, конечностей, тяжелые повреждения головного мозга, разрыв легкого. В Хосту срочно приехали лучшие хирурги Сочи. Андрею сделали операцию. Не нейрохирургическую, как сообщалось, а полостную: врачи решили, что прежде всего необходимо восстановить легкие. Но все усилия спасти его оказались тщетными. В 22 часа 30 минут Андрея Ростоцкого не стало…».

Рассказывает М. Ростоцкая: «Некоторые газеты писали, что Андрей на скале потянулся за цветком. Не было этого. Андрей всегда был крайне осторожен и не любил бравады. За всю жизнь при исполнении трюков у него не было ни одной травмы.

Это был абсолютно безопасный подъем. Он вроде уже прошел этот водопад — непонятно, как он снова там оказался… Ребята говорят, что он очень профессионально падал. Летел, распахнув руки и ноги, в надежде за что-то зацепиться. Это была предельная мобильность духа… Специалисты школы выживания сказали мне, что там есть живые камни, которые выглядят абсолютно устойчиво, но держатся они над пустотой. Если на них наступаешь, они падают. Поэтому водопад и называется Девичьи слезы. Автор «Энциклопедии выживания» сказал мне, что давно добивается, чтобы там поставили указатель: «Место, опасное для жизни». Может, Андрей своим уходом

предотвратил другие трагические случаи, потому что теперь все знают: там можно погибнуть, если погиб Андрей Ростоцкий — опытный каскадер…»

Четыре месяца спустя после гибели А. Ростоцкого страну потрясла новая трагедия: в Кармадонском ущелье погиб **Сергей Бодров-младший**. В Северную Осетию он отправился для съемок нового фильма «Связной», где Бодров был не только режиссером, но и исполнителем главной роли — он играл своего ровесника Алексея, влюбленного в девушку-наркокурьера Катю. 19 сентября съемочная группа работала в женской колонии во Владикавказе, а на следующий день отправилась на съемки в Кармадонское ущелье. В группе было 38 человек.

Около восьми утра киношники добрались до назначенного пункта. Они приехали на четырех машинах: джипе, «Ниве» и двух «Газелях». Причем из-за крутого подъема машины пришлось толкать вручную. Когда добрались, больше двух часов устанавливали камеру, прожекторы. К 10 часам на «КамАЗе» привезли трех лошадей, заказанных в конном театре «Нард». Затем из ближайшего села согнали отару овец. Бодров скомандовал: «Будем снимать до последнего, пока не стемнеет». Работа началась в начале одиннадцатого. Около трех решили прерваться на обед. Затем работа продолжилась. Около пяти на небе показались тучи. «Давайте еще попробуем», — не унимался Бодров. Он хотел раз и навсегда покончить с этим эпизодом (возвращение главного героя — артист Хажби Галазов — из армии в родной аул).

Наконец около шести вечера работа была прервана из-за надвигающейся темноты. Было решено прийти сюда завтра, чтобы докончить съемки. «Завтра подъем в 5 утра, — предупредил коллег Бодров. — В 6 надо быть на месте. Говорят, здесь рассвет необыкновенной красоты».

Поскольку весь рабочий инвентарь решено было оставить, охранять его выделили четырех омоновцев и одного киношника. Остальные стали спускаться вниз, к машинам. Никто из них не знал, что несколько часов назад с Кармадонского ледника сошла лавина. Она накрыла съемочную группу Бодрова на самом подъезде к туннелю и в считаные секунды поглотила их всех.

Утром 21 сентября все российские СМИ оповестили о том, что накануне вечером в Северной Осетии произошел сход ледника. Было также сказано, что среди пропавших без вести числятся и члены съемочной группы Сергея Бодрова-младшего. Однако надежда на то, что все они спаслись, еще оставалась. Поисковые работы велись ежедневно с 8 утра до 5 вечера. За это время удалось спасти 27 человек и вытащить из-под завалов восемь тел (семь мужчин и одну женщину). Однако никого из членов съемочной группы Бодрова-младшего (38 человек) так и не нашли — ни живых, ни мертвых. Когда минули третьи сутки поисков, даже самые рьяные оптимисты поняли — в живых никого не осталось. 25 сентября «Московский комсомолец» опубликовал слова заместителя начальника южного регионального центра МЧС России Владимира Хомухи, который сказал: «Искать больше не имеет смысла. Я свой вердикт вынес. Никого в живых там не осталось. Тела искать также бесполезно. Лед толщиной в 100 метров будет таять 8—10 лет. Возможно, грязь вынесет какие-то тела в течение месяца».

Летом 2003 года трагически оборвалась жизнь начинающего актера **Владимира Гарина**. Ему было всего 16 лет, и он снялся в одном-единственном фильме, но зато каком — «Возвращение» Александра Звягинцева было удостоено Главного приза на Венецианском кинофестивале. Гарин не дожил до этого триумфа двух месяцев.

Рассказывает мама Володи, Татьяна Гарина: «В те дни, 22–25 июня, Володя должен был быть во Франции с хором студии «Зазеркалье». Но я опоздала с оформлением загранпаспорта, и Володя — первый солист хора — не поехал. 22 июня он отправился на дачу, а следующей ночью по электронной почте пришло письмо-приглашение на закрытый просмотр фильма 25 июня в Москве. Но я не заглянула в почтовый ящик — некогда было. Иначе 24-го мы бы сели с ним в поезд…

В тот день, 25 июня, я дома была одна (старшая дочь давно живет отдельно), Володя был на даче у моей подруги, под Петербургом. Я очень долго читала вечерние молитвы. Помню, посмотрела на часы — было девять вечера. Именно в девять, как оказалось, Володя пошел к Осиновецкому озеру… Зачем на ночь глядя он сел в лодку, не знаю… Потом нырнул. Рыбаки, сидевшие на берегу, видели, что он вынырнул,

схватился за борт. Но не хватило нескольких секунд, чтобы забраться. На озере очень холодные ключи бьют на дне, скорее всего у Володи начался спазм. Его искали 20 часов. Когда нашли, было такое ощущение, что он спит — спокойное лицо, рот приоткрыт.

Говорят, нехорошо, когда человек уходит из этого мира без отпущения грехов. Володя был на исповеди и у причастия незадолго до гибели. Словно кто-то готовил его к уходу.

Тем летом он должен был экстерном закончить школу и поступать в театральный институт… 29 июня в два часа дня — точно в день и час его похорон — у Володи была назначена встреча с режиссером театра «Зазеркалье»…»

Осенью 2007 года в автокатастрофе погиб киноактер **Александр Дедюшко** (отметим, что в постсоветской России на автодорогах ежегодно погибает более 30 тысяч человек). Дедюшко угодил в этот список вместе со всей своей семьей. Причем трагедия была запрограммирована. После трагедии во многих СМИ прошла информация, что Дедюшко до этого дважды засыпал за рулем, его машину заносило в кювет (в первый раз это случилось, когда Дедюшко еще служил в морфлоте). Актер получал ушибы, чудом оставался жив, но все равно продолжал испытывать судьбу. Режиссер фильма «Псевдоним Албанец» Ю. Павлов рассказывает следующее:

«Говорят, что Дедюшко был отчаянным, рисковым человеком. Да, он стремился обходиться без каскадеров. Однажды даже попытался спрыгнуть с крыши мчащейся машины, но у него не получилось. Все равно пришлось звать дублера. А иногда Саша себя очень берег: например, отказался тащить на закорках партнера, сославшись на больную спину. Зато, садясь за руль, Дедюшко забывал обо всем. Автомобили он любил до страсти, причем водил машину так, что его партнеры просто боялись с ним ездить. Однажды мы ехали со съемок сложной гоночной сцены, так даже по дороге домой, когда, по идее, можно было никуда не торопиться и спокойно вести машину, Дедюшко умудрялся входить в такие виражи, что мы чуть не перевернулись и не улетели в канаву…».

Последние дни своей жизни Дедюшко прожил в бешеном ритме, что вполне могло стать причиной трагедии (он элементарно не высыпался, был измотан). До 26 октября он находился в Москве, где снимался в телепередаче «Улица твоей судьбы» (был там ведущим).

Затем уехал в Выборг, где работал над продолжением сериала «Псевдоним Албанец» (съемки должны были закончиться в декабре). Причем там он едва не погиб в эпизоде, связанном с автомобилем. По сюжету, его героя сбивала машина, но не насмерть. Дедюшко снимался в этом эпизоде вместе с дублером, и роли распределялись следующим образом: сначала в кадре был актер, который потом отбегал в строну, и наезд совершался уже на дублера. Однако водитель автомобиля не рассчитал скорость, поэтому Дедюшко чудом успел отскочить, а вот дублеру не повезло — он получил черепно-мозговую травму.

30 октября Дедюшко прервал съемки и улетел в Москву, чтобы сыграть антрепризный спектакль. А в начале ноября актер решил взять паузу, отдохнуть, и вместе с семьей (жена и сын) отправился к друзьям во Владимирскую область. Далее послушаем рассказ журналистов «Московского комсомольца» И. Блинник и К. Афанасиевской:

«…С Владимирской областью у Александра вообще многое связано. Здесь он играл в местном театре драмы, познакомился с будущей женой Светланой Чернышковой, сюда постоянно ездил, пока супруга не перебралась в Москву. У последней поездки была своя подоплека. В последнее время ходили активные слухи о близкой дружбе Александра с партнершей по «Танцам со звездами» Лианой Шакуровой, чем, естественно, была недовольна супруга. Визит на родину был своего рода «примирительным». Александр, Света и 8-летний сын Дима гостили у друзей. Домой отправились в субботу (3 ноября) под вечер. Дедюшко был абсолютно трезв.

Трагедия случилась в 22.00, на 109-м километре трассы Москва — Уфа, в Петушкинском районе. Этот участок трассы не освещен. «Тойота-Пикник» шла со скоростью 120 км/ч — любимая скорость Александра.

Из последнего интервью Александра Дедюшко «МК»:

— Без необходимости я не буду превышать скорости. Но, когда куда-то опаздываю, жму на газ. У нас действуют скоростные правила еще советского времени, которые рассчитаны на дороги, которые были тогда. Почему нужно ехать со скоростью 90 км/ч, когда можно хотя бы 120–130?!

Автомобиль под управлением Дедюшко внезапно вылетел на встречную полосу и угодил под колеса ехавшей по полосе дальнобойной фуры «Скания». Этот грузовик зарегистрирован в

Нижнем Новгороде. Машины столкнулись лоб в лоб, но основной удар пришелся на правые стороны — там, где расположены места для пассажиров. Ударившись о тяжеловес, иномарка семьи Дедюшко вылетела в кювет. Александр и Дима погибли на месте (по другой версии, мальчик, сидевший на заднем сиденье, прожил еще сорок минут после аварии. — *Ф. Р.*)… После того как стражи порядка вытащили из салона тела погибших, машина воспламенилась и сгорела.

Почему произошла катастрофа? Версии бытуют разные. По одной информации, актер ехал на приличной скорости и попросту не справился с управлением при обгоне. К тому же на машине была «летняя резина», что увеличивает риск заноса. По другим данным, в этот момент ему стало плохо с сердцем. Хотя это маловероятно, поскольку родственники отзываются о Дедюшко как о человеке с отменным здоровьем. По другой версии, актер мог просто задремать. Непосредственный свидетель и участник аварии — водитель грузовика — получил незначительные ушибы. Мужчина, который пока еще до конца не оправился от шока, лишь пожимает плечами: мол, ехал себе спокойно, а тут внезапно под колеса — легковушка…».

Прощание с А. Дедюшко и его семьей состоялось 7 ноября. Вот как это событие описывали СМИ.

«Комсомольская правда» (номер от 8 ноября, автор — Е. Шереметова):

«…Три гроба на сцене Белого зала Дома кино в окружении почетного караула. Первой в зал провели маму Александра — Клавдию Степановну. Она держалась из последних сил, не отрывая взгляда от сцены. Следом прошли родители Светланы, дочка Дедюшко от первого брака Оксана. Почерневшие от горя родные не прятали слез и поддерживали друг друга, пытаясь хоть немного облегчить боль.

…Один за другим к сцене подходили друзья семьи, коллеги, поклонники Дедюшко. Кто-то говорил слова, кто-то молча клал цветы и крестился.

Анатолий Журавлев, Ольга Кабо, Николай Чиндяйкин, Михаил Пореченков, бойцы отряда специального назначения «Русь» (консультанты Александра в фильмах) — проводить Дедюшко и его родных пришли те, с кем он снимался, с кем дружил, для кого был дорог. Плакали члены съемочной группы последнего для Александра,

не отснятого еще до конца фильма «Псевдоним Албанец-2». У Ларисы Гузеевой, которая все эти дни была рядом с родными погибших, рыдать, казалось, уже не было сил, но слезы все равно катились по ее щекам…».

«Экспресс газета» (номер от 9 ноября, автор — М. Панюков):

«…Один за другим на сцену поднимаются представители казачества, силовых структур, «афганцев»… Они его (А. Дедюшко. — *Ф. Р.*) считали своим, несмотря на то что в реальной жизни он не воевал с террористами и не стрелял из пулемета по душманам. Хотя, в отличие от многих своих коллег-актеров, создающих на экране геройские образы, в армии Александр служил — целых три года на Балтийском флоте.

— Мои бойцы равнялись на тебя, Саша! — совершенно серьезно заявил один из руководителей спецназа в траурной речи…

Многие отмечали, что 54-летний Дедюшко ушел на пике своей карьеры. Но и его семья — 30-летняя жена Светлана и 8-летний сын Дима — были тоже очень востребованы в последнее время как актеры. Светлана вместе с Александром сыграла в сериале «Платина», а Дима вместе с родителями — в фильме «Вечерняя сказка». Многим Дедюшко-младший до сих пор памятен по трогательной рекламе, где малыш в костюме помидора забыл стихи и печально говорит: «А я томат…»…

Справа от меня в зале сидели четыре девочки лет по 14. У них были заплаканные лица.

— Вы пришли вместе с родителями? — тихо поинтересовался я у соседки.

— Почему, мы сами! — сказала она, шмыгнув носом. — Дедюшко — наш любимый актер. Раньше-то я в Ди Каприо была влюблена… (Тут девочка слегка смутилась). Ну, это несерьезно все, конечно. Я бы хотела, чтобы больше на земле было таких мужчин, как Дедюшко, — добрых и смелых.

Траурная церемония длилась два часа, но далеко не все успели сказать Александру и его семье последние заветные слова. Когда люди, выстроившись в цепочку, медленно тронулись мимо гробов к выходу, где стояли автобусы, кто-то положил на охапку цветов маленького плюшевого тигра. Это последняя игрушка, которую получил в подарок маленький Дима…».

«Комсомольская правда»: «…Из Дома кино траурная процессия отправилась на Троекуровское кладбище, где погибших отпели в местном храме. И снова прощание — уже у могил…

…Они стояли у могил своих детей и внука. Две осиротевшие матери.

— Сынок, прости, это ведь не я вас, а вы меня должны были бы хоронить, — рыдала Клавдия Степановна.

Мама Светланы Людмила Георгиевна упала на гроб зятя:

— Сашенька, прости, если что было не так. Береги там мою дочь. И Димочку».

Летом 2009 года при трагических обстоятельствах закончил свой жизненный путь популярный киноактер **Владислав Галкин**. Отметим, что в последние несколько лет все в жизни актера складывалось как нельзя лучше. Он ежегодно снимался в двух-трех фильмах, причем в главных ролях, был удостоен звания заслуженного артиста России (6 февраля 2009 года). Однако, принимая это звание, ни сам Галкин, никто из его близких и поклонников даже не мог себе представить, что впереди актера ждет черная полоса в жизни, за которой маячит скорая смерть.

Все закрутилось в ночь на 24 июля 2009 года. Накануне Галкин отснялся в последних сценах сериала «Котовский», в котором играл главную роль — Григория Котовского, и, судя по всему, так и не вышел из роли. Его герой, ставший в послереволюционные годы героем Гражданской войны на стороне большевиков, до революции слыл удачливым налетчиком, грабившим богатых россиян. Котовского отличала бесшабашная удаль и смелость. Скажем прямо, Галкин сыграл это в кино достаточно правдоподобно, однако после съемок так и не сумел быстро об этом забыть. В итоге на другой день после окончания съемок он пришел в нетрезвом виде в кафе «Тики-бар» в центре Москвы и, недовольный качеством обслуживания, устроил форменный дебош. Сначала ударил стулом по барной стойке, а затем и вовсе совершил нечто запредельное: извлек на свет травматический пистолет и стал стрелять по бутылкам, стоявшим на полке за спиной бармена. Когда в кафе прибыл наряд милиции из Пресненского УВД, вызванный администрацией заведения, Галкин и тогда не успокоился, а продолжил свои художества — ударил по лицу местного участкового. За это стражи порядка его скрутили и доставили в ближайшее

отделение милиции. Там Галкин просидел до утра, после чего был выпущен под честное слово его отчима, актера Бориса Галкина, но с обещанием со стороны милиционеров обязательно довести это дело до суда.

Этот инцидент широко освещали российские СМИ, которые задавались недоуменным вопросом: с чего бы это один из самых добропорядочных российских актеров, исполнявший в кино роли исключительно положительных героев (в том числе и милиционеров), вдруг ни с того и ни с сего устроил такой разнузданный дебош. На ум приходили разные ответы: что дало себя знать давнее пристрастие Галкина к спиртному, что у актера из-за бешеного ритма съемок в «Котовском» (съемки шли с конца мая по конец июля) просто сдали нервы.

Между тем этот скандал существенно подорвал реноме Галкина. Его вывели из Общественного совета МВД, куда он входил в течение нескольких лет как талантливый актер, популяризирующий в кино работу правоохранительных органов, у него распалась семья (от Галкина ушла жена, актриса Дарья Михайлова, с которой они прожили 11 лет). И хотя внешне актер старался не подавать виду, как ему тяжело на душе (даже завел себе новую любовь, о чем немедленно сообщили те же СМИ), однако, судя по дальнейшим событиям, этот скандал стал отправной точкой скоропостижной смерти актера.

23 декабря (за два дня до 38-летия Галкина) в Пресненском суде состоялось слушание дела по факту его дебоша в кафе. Поскольку на нем актер полностью раскаялся в содеянном, плюс противная сторона проявила к нему снисхождение (свои иски отозвали и бармен заведения, и участковый милиционер, которого актер ударил), суд вынес мягкий приговор — 1 год 2 месяца условного тюремного срока с испытательным сроком полтора года. Казалось, что на этом история благополучно завершилась, тем более что два дня спустя Галкин отправился отмечать день рождения в Санкт-Петербург, да не один, а с некой женщиной-продюсером. Тогда многим показалось, что постепенно все в жизни Галкина наладится и он вновь обретет душевный покой. Но этого не случилось.

Уже сразу после новогодних каникул, в январе 2010 года, СМИ сообщили, что Галкин угодил в больницу. Писали, что из-за чрезмерных возлияний у него обострилась давняя болезнь —

панкреатит, что и привело его на больничную койку. Это событие стало первым звонком к последующей трагедии. Оказалось, что душевное состояние Галкина по-прежнему в раздрае и никакие новые «романы» ему не помогают. Тем более, как выяснится потом, в любовных отношениях ему в последнее время особенно не везло.

Так, за год до смерти он познакомился в Киеве с женщиной, с которой у него завязались отношения. Все шло к разводу Галкина с женой (тем более что в последнее время они уже не жили вместе) и попытке создания новой семьи. Но не сложилось. Галкин колебался в своем окончательном выборе, и эти колебания не понравились противной стороне. Женщина решила сделать паузу в их отношениях. То ли чтобы Галкин наконец определился, то ли потому, что устала от этой связи (по ее же словам: «У меня было предчувствие, что у нас не получится. Наверное, не судьба…»). В итоге с декабря женщина прервала с актером даже телефонную связь (завела себе второй мобильный, а первый отключила), что, естественно, стало еще одним ударом для актера.

Пробыв в больнице около десяти дней, Галкин выписался домой. Его душевное состояние продолжало оставаться тяжелым. Как вспоминает его приятель — десантник Андрей:

«Я общался с Владом за неделю до смерти. Он был не в лучшем состоянии. Подавлен и удручен. Сказал, что разочаровался в жизни, что никому не нужен. И ему просто незачем жить. Говорил, что закрадывалась даже мысль руки на себя наложить, но вспомнил о родителях — нельзя же быть эгоистом! Я был в командировке, не в Москве, и просто не мог приехать и поддержать товарища. Но попытался успокоить, дескать, скоро твой фильм про Котовского выйдет, будешь смотреть себя по телику. А он вздохнул: «Если доживу».

Сегодня эти его слова я вспоминаю с содроганием. Он сказал, что на душе его так тоскливо и мрачно. Так ему хреново, что белый свет не мил. Личная драма у него была какая-то. То ли девушка любимая его бросила… Я в эти дела его не лез. Да и всех событий со стрельбой в баре и судом, что широко обсуждалось, он не мог забыть. Сильно переживал! Говорил, что разочарован в людях. Дескать, сколько в мире злобы и непонимания. А ему очень плохо. Друзья его пасли, чтоб он не пил. Но он все равно напивался, улучив момент. А пить ему

категорически было нельзя с его нездоровым сердцем. Тем более после сильного медикаментозного лечения в больнице! Мне казалось, что он что-то предчувствовал.

Кто-то сказал, что его затравили журналисты. Да глупости! Если человек хочет жить, он сделает все, чтобы жить, и пить бросит, если жизнь дорога. А Галкин сильно сдал. Он был раздавлен и потерян. Было ощущение, что он не видит для себя будущего…».

Галкин жил в съемной квартире (в собственной проходил ремонт) по адресу: Садово-Спасская улица, дом 12/23, квартира 19. Жил абсолютно один, лишь изредка принимая у себя каких-то знакомых (соседи по подъезду потом утверждали, что в квартире Галкина иной раз слышались голоса и громко играла музыка). Однако подобные визиты были не часты, и все остальное время Галкин предпочитал коротать время в одиночку, причем единственным занятием его при этом было… глушить одиночество спиртным. Это было давнее пристрастие актера, которое в итоге и сыграло в его судьбе роковую роль.

По злой иронии судьбы его родители в те дни не смогли быть рядом с сыном: отчим должен был сниматься в очередном фильме («Отставник-2») в Санкт-Петербурге и уехал туда вместе с женой, матерью Галкина. Однако присматривать за сыном Борис Галкин попросил своего друга Игоря Костенко, работника МВД. И тот раз в день приезжал к Владиславу. В последний раз он навестил его в четверг, 25 февраля. Состояние Галкина удручило визитера: актер был нетрезв, на лице был синяк от ушиба. Поскольку большого толка от такого разговора не было, гость решил перенести его на завтра. Однако на следующий день дверь ему никто не открыл. Не среагировал Галкин и на звонки по сотовому. Решив, что актер попросту спит, Игорь решил повторить свой визит на следующий день, в субботу.

На другое утро все повторилось: Игорь позвонил, но никто не ответил. Вот тогда он и заподозрил неладное и немедленно вызвал МЧС и милицию. Дверь вскрыли и обнаружили Галкина мертвым в его постели. Судя по всему, смерть наступила пару дней назад от внезапной остановки сердца после отека внутренних органов, в частности поджелудочной железы (то есть после острого приступа перитонита). Чуть позже в СМИ («Московский комсомолец», номер от 1 марта 2010 года) будет опубликовано интервью с сотрудником

милиции, который присутствовал при вскрытии квартиры Галкина. Приведу его полностью:

«Влад лежал лицом вниз на кровати в спальне. На нем были легкие камуфляжные брюки и черная футболка. В комнате, где нашли актера, обстановка была спартанская. Телевизор, шкаф, две тумбочки… В другой комнате — гладильная доска, гантели и множество коробок, обклеенных скотчем с надписью «деликатная перевозка». Еще мы обратили внимание на обилие пустых бутылок. На кухне — бутылка армянского коньяка емкостью 0,7 литра, почти пустая. Рядом — пепельница, наполненная окурками, и полупустой стакан с томатным соком. В коридоре на полу мы нашли несколько растертых пятен крови. Странные пятна были и на диване на кухне. Впрочем, возможно, это и не кровь…

На прикроватной тумбочке лежал зеленый листок с телефоном некоего Ильи, строителя, и припиской — «перезвонить». И мобильник с темным экраном — видимо, разрядился…

Думаю, Влад умер, потому что никого не оказалось рядом. Близкого человека, любимой женщины, которая могла бы его поддержать. И вытащить с того дна, где он находился в последнее время…».

На следующий день в СМИ были опубликованы результаты вскрытия актера. Цитирую по газете «Твой день»:

«Источник, близкий к следствию, рассказал следующее: «У Владислава обнаружили все признаки злоупотребления спиртным. У него увеличена селезенка, жировой гепатоз печени (когда клетки печени заменяются жировыми из-за частого употребления спритного). Кроме того, у артиста было крайне изношенное сердце. На медицинском языке это звучит как «гипертрофия миокарда левого желудочка с дилатацией левого предсердия». Говоря попросту, сердце актера не выдержало нагрузок: переживания, нерегулярный сон, опять же злоупотребление спиртным.

При вскрытии явственно ощущался запах алкоголя. Официально причина смерти еще устанавливается, результаты взятых анализов будут готовы через месяц. Тогда же станет известно, сколько алкоголя содержалось в крови Галкина. Пока же предварительная причина смерти такова: кардиомиопатия (внезапная остановка сердца) предположительно вследствие алкогольного отравления…».

Естественно, что смерть молодого и талантливого актера вызвала определенный шок в обществе. Многие не могли понять, как обаятельный и здоровый с виду актер мог скончаться в 38 лет, да еще накануне премьеры фильма, где он играл главную роль (сериал «Котовский» должен был стартовать на канале «Россия-1» 1 марта). И все же назвать эту смерть событием, выходящим из ряда вон, было трудно — уж слишком много похожих смертей произошло за последнее время. Можно даже сказать, что в российском бомонде наступил настоящий мор людей, которого ранее никогда не было. И это, судя по всему, не случайно. Во внешне благополучной стране (подчеркиваю — «во внешне») подспудно идут гибельные процессы, о чем и свидетельствуют те же смерти известных людей в сравнительно молодом возрасте. Люди просто не выдерживают этого «дикого капитализма по-русски».

Чтобы не быть голословным, приведу список известных людей, сравнительно молодого возраста (40–55 лет), которые ушли из жизни в течение одного года (с февраля 2009-го до февраля 2010-го):

Дмитрий Дьяконов — сериальный актер, скончался 27 февраля 2009 года на 30-м году жизни; **Валерий Брошин** — бывший футболист команд «Зенит» (Ленинград) и ЦСКА (Москва), скончался 5 марта на 47-м году жизни; **Игорь Стельнов** — бывший хоккеист ЦСКА (Москва), скончался 24 марта на 47-м году жизни; **Марк Алисов** — сериальный актер, скончался 1 мая на 39-м году жизни; **Андрей Иванов** — бывший футболист «Спартак» (Москва), скончался 19 мая на 43-м году жизни; **Жан Сагдеев** — рок-музыкант, покончил с собой 3 июня, **Олег Вакуловский** — тележурналист, скончался 16 июня на 49-м году жизни, **Павел Смеян** — музыкант, скончался 12 июля на 53-м году жизни, **Мадлена Вишневская** — киноактриса, скончалась 11 августа на 26-м году жизни, **Алексей Чирков** — боксер, скончался 21 сентября на 30-м году жизни, **Михаил Калатозишвили** — кинорежиссер, скончался 12 октября на 51-м году жизни, **Василий Лыкшин** — сериальный актер, скончался 18 октября на 23-м году жизни, **Владимир Тишенков (Шкет)** — телеведущий, скончался 24 октября на 50-м году жизни, **Игорь Вязьмикин** — бывший хоккеист, скончался 30 октября на 44-м году жизни, **Алена Бондарчук** — киноактриса, скончалась 7 ноября на 48-м году жизни, **Роман Трахтенберг** — радиоведущий, скончался 22 ноября на 42-м году

жизни, **Владимир Турчинский** — бодибилдер, актер и телеведущий, скончался 16 декабря на 47-м году жизни, **Дмитрий Персин** — сериальный актер, скончался 29 декабря на 47-м году жизни, **Алексей Полуян** — киноактер, скончался 15 января на 45-м году жизни, **Анна Самохина** — актриса, скончалась 8 февраля на 48-м году жизни.

Как видим, список достаточно внушительный. Еще раз повторюсь, такого мора известных людей относительно молодого возраста страна не знала с 90-х. Но те годы не зря называли «лихими». А как назвать нынешние?

Прощание с В. Галкиным состоялось 2 марта (в разгар показа по ТВ сериала «Котовский»). Вот как это событие описывали центральные СМИ.

«Московский комсомолец» (номер от 3 марта 2010 года, автор — Н. Карцев):

«…Вообще это красиво — Большая Никитская, омытая дождем от снега, когда весь центр еще не заперт в автомобильной пробке. Именно здесь, в храме у Никитских ворот, вчера отпевали актера.

Вдоль ограды, через каждые десять метров, стоят милиционеры… У центрального входа, рядом с расписанием литургий на март, — крупными буквами объявление: «Запрещается аудио-, фото— и видеозапись». Об этом попросили родственники Влада.

По их же воле в храм пускают только ближайших друзей покойного. У калитки стоит его отец, Борис Сергеевич, и лично говорит, кого следует пустить. Среди первых, прошедших внутрь, — четвертая жена Влада, Дарья Михайлова, и та женщина, которую не раз видели с Владом в последнее время, — Анастасия Шипулина. Проходят Владимир Гостюхин, Вилле Хаапасало, Аркадий Инин, Егор Бероев с женой, Сергей Маковецкий, Валерий Николаев, Яна Поплавская, Сергей Гармаш, Андрей Соколов… Друзья Влада вскоре полностью заполняют небольшой храм.

В это время простые люди, пришедшие проститься с актером, мокнут под снегом с дождем и обсуждают обстоятельства смерти Галкина… Останавливаются автомобили, водители открывают окна, спрашивают: «Что случилось?». Вдоль улицы слышны протяжные автомобильные гудки. Водители тоже хотят проститься…

Наконец калитка открывается. Любовь Толкалина выходит, кажется, не замечая людей вокруг, и что-то говорит по телефону.

Алексей Серебряков отошел на проезжую часть, закуривает. Руки у него дрожат, сигарету он приканчивает за считаные секунды…

Следующий кадр — церемониальный зал Троекуровского кладбища № 1. С черного входа подъезжают катафалк и ритуальный автобус с родственниками. Борис Галкин смотрит за тем, как в зал вносят деревянный крест и венки. Самые первые — от мамы и папы, а также от друга Бориса Сергеевича, Игоря Костенко, который как раз и присматривал за Владом в последнее время по просьбе его родителей…».

«Твой день» (номер от 3 марта, авторы — Е. Крудова, А. Ананьина):

«…Гражданская панихида, во время которой с «дальнобойщиком» попрощались около 200 человек, прошла в церемониальном зале Троекуровского кладбища.

— Это самое страшное, когда дети умирают раньше своих родителей, — говорил на панихиде актер Алексей Серебряков. — Но для всех нас он должен продолжать жить в своих ролях. Влад был великолепным, добрым человеком. Пусть земля ему будет пухом.

— Он был для меня братом! Сколько километров дорог мы исколесили в одной кабине! — едва сдерживая слезы, вспоминал Владимир Гостюхин, партнер Галкина по «Дальнобойщикам». — Я могу сказать тебе, Влад, что я пошел бы с тобой в разведку, да и ты не раз говорил мне то же самое… Я буду помнить тебя всегда.

…Последним взял слово отец, Борис Галкин:

— Батюшка сказал мне, что нельзя плакать, потому что это плачет его метафизическое тело. И мы будем держаться, — тихо произнес Борис Сергеевич. — Я никогда не был человеком злопамятным, но за сына я отомщу! Те, кто виновен в его смерти, получат свое. Это будет дело моей жизни, всех тех дней, что отвел мне Господь.

К месту, где Галкин обрел последний покой, траурная процессия прошла в сопровождении военного оркестра, играющего похоронный марш.

Уже у самой могилы последний раз открыли крышку гроба, чтобы родные простились с Владом. В этот момент впервые за все время к семье актера подошла супруга Влада Дарья Михайлова, чтобы выразить соболезнования родителям Галкина. Но Борис Сергеевич отвернулся от невестки…

Гроб с телом Галкина опустили в могилу под звуки российского гимна. Свое последнее пристанище Влад нашел рядом с могилами семьи актера Александра Дедюшко и актрисы Любови Полищук».

Режиссеры. Сценаристы

Рижская развязка
Борис Барнет

Кинорежиссер Борис Барнет родился 18 июня 1902 года. Еще будучи школьником, он увлекся живописью и достиг хороших результатов. Однако в дальнейшем верх взяла любовь к театру, и Барнет после окончания школы поступил в Первую студию Художественного театра. Однако на время Гражданской войны о театре пришлось забыть: Барнет ушел на фронт санитаром.

Вернувшись с войны, Барнет внезапно увлекся боксом. Он поступил в Главную военную школу физического образования трудящихся и одновременно с этим выступал на ринге. Причем выступал довольно неплохо. Вполне вероятно, он мог бы стать прекрасным спортсменом, если бы в начале 20-х на ринге его случайно не заметил известный кинорежиссер Лев Кулешов. Тот в те годы отдавал предпочтение динамичному американскому кино и именно в красавце Барнете увидел задатки будущего актера-героя. Короче, Кулешов уговорил его стать актером, и Барнет поступил в кинотехникум, в мастерскую все того же Кулешова. Именно в его картине Барнет впоследствии и сыграл свою первую роль в кино. Это была комедия «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков», выпущенная в 1924 году. Как и положено, первая роль Барнета во всем соответствовала его облику — он сыграл роль акробата и боксера ковбоя Джедди.

В 1925 году он снялся еще в одной картине — сыграл роль репортера в приключенческом фильме «Мисс Менд». Однако в этой же картине Барнет выступил и как соавтор сценария и сорежиссер (режиссером фильма был Ф. Оцеп). Именно после этой картины Барнет стал совмещать две профессии — актера и режиссера. (Как актер он в дальнейшем снялся еще в пяти картинах.)

Первой самостоятельной режиссерской картиной Барнета стал фильм «Девушка с коробкой», выпущенный в 1927 году. Дебют оказался настолько удачным, что о молодом режиссере заговорили как

о новой яркой личности в советском кинематографе. После этого последовали новые удачи: «Дом на Трубной» (1928), «Окраина» (1933), которая стала вершиной в творчестве Барнета, «У самого синего моря» (1936).

Между тем личная жизнь Барнета протекала столь же бурно, как и творческая. Его второй женой (с первой он развелся в конце 20-х) была актриса Елена Кузьмина. Свою первую роль в кино она сыграла в 1928 году, когда училась на последнем курсе ФЭКСа, — это был фильм «Новый Вавилон». Ей тогда было всего 19 лет. Тогда ее и увидел Барнет. Их знакомство вскоре закончилось свадьбой и рождением дочери Наташи. В «Окраине» Кузьмина уже играла главную роль — Маньку. В фильме «У самого синего моря» она вновь была ведущей актрисой — сыграла рыбачку Машу.

В 1935 году Барнету присвоили звание заслуженного артиста РСФСР, и он уже по праву считался одним из талантливых молодых режиссеров советского кино. Ему прочили блестящее будущее, и он был вполне удовлетворен своим личным и творческим благосостоянием. И вдруг в 1936 году его семейная жизнь расстроилась. И виной всему оказался не менее известный режиссер кино Михаил Ромм, который пригласил Кузьмину на главную роль в свой фильм «Тринадцать». Съемки проходили вдалеке от Москвы — в пустыне под Ашхабадом. Именно там между актрисой и режиссером и вспыхнул внезапный роман. Свидетелем этого была вся съемочная группа, и кто-то из доброжелателей тут же дал знать об этом Барнету в Москву.

Когда весть достигла адресата, Барнет буквально взорвался. Как мы помним, в прошлом он был прекрасным боксером и проигрывать не умел. Поэтому он решил во что бы то ни стало поговорить с Роммом по-мужски и отправился в пустыню, к месту съемок. Как рассказывает В. Вульф, перед этой важной встречей Барнет так разволновался, что решил для храбрости поддать. Однако он не учел одного обстоятельства: после того как на съемках фильма произошел скандал с актером Николаем Крючковым (он систематически пьянствовал), было принято решение все спиртное в съемочной группе уничтожить. Столкнувшись с этой проблемой, Барнет в конце концов не нашел ничего лучшего, как влить в себя флакон одеколона «Сирень». И только после этого отправился к Ромму.

Между тем с Роммом, который, в отличие от Барнета, не был ни боксером, ни вообще активным физкультурником, происходили не менее сильные переживания. Он знал, что на съемки приехал разъяренный муж Кузьминой и что встречи с ним ему не миновать. Поэтому он тоже решил залить свои переживания спиртным. Естественно, ничего не нашел и выпил полфлакона одеколона, но другой марки.

Однако встреча двух знаменитых режиссеров, как это ни странно, прошла вполне мирно. Как ни старались завистники, но никакого скандала не произошло. Барнет внезапно простил своего обидчика и отпустил жену на все четыре стороны. Дочь Наташа ушла вместе с матерью. Как гласит одна из легенд, однажды Барнет пришел в дом своего обидчика, чтобы навестить свою дочь. А та внезапно сказала: «А моего папы нет дома». Оскорбленный Барнет пулей выбежал из дома и с тех пор предпочитал встречаться с дочерью вне стен этой квартиры.

После развода с Кузьминой наш герой был женат еще два раза, причем оба раза на актрисах. Его третьей женой стала театральная артистка Валентина N (в дальнейшем она стала женой режиссера Г. Козинцева). Послушаем ее рассказ о Б. Барнете:

«Борис Васильевич знал меня с детства, поэтому относился ко мне и как к жене, и как к ребенку. Он говорил: «Как удобно стало ходить с тобой под руку, а не водить тебя за ручку». В Москве мы жили в крохотной комнатушке, но там собирался весь цвет литературы. И Катаев, и Светлов, и Олеша — все крутились в этой комнате. У нас была необыкновенная дружба, но как муж он был невыносим. Его любили все — женщины, мужчины, дети, собаки, кошки, птицы — все. И он любил всех…»

Четвертой женой Барнета была актриса Театра имени Вахтангова Алла Казарновская. С нею он познакомился в 1945 году, когда готовился к экранизации пьесы А. Островского «Волки и овцы». Казарновская должна была играть роль Купавиной.

Почти все 40-е годы Барнет находился в творческом кризисе, снимая фильмы, которые не соответствовали уровню его таланта. Во многом кризис был вызван тем, что в 1940 году Барнету не дали выпустить на экран одну из лучших его работ — комедию «Старый наездник». (Фильм появится на экранах страны только в 1959 году.)

После этого интерес к творчеству у Барнета пропал, он стал всеми силами стремиться на фронт. Чтобы его мечта осуществилась, он в 1943 году вступил в ряды ВКП(б). Однако это не помогло — у него обнаружили тяжелую хроническую болезнь, несовместимую с пребыванием в армии.

Во время войны Барнет снял два сюжета для «Боевых киносборников»: «Мужество» и «Бесценная голова». В 1944 году свет увидела его новая картина «Однажды ночью», которая не принесла ее создателю ни творческого, ни зрительского успеха.

Судьба могла улыбнуться режиссеру через год, когда вместе с Яковом Протазановым он задумал экранизировать пьесу А. Островского «Волки и овцы». Уже были проведены актерские пробы к фильму, создана съемочная группа, когда внезапно все остановилось. Почему? В августе 1945 года Я. Протазанов скончался, а снимать одному Барнету запретили. Казалось, что удача навсегда отвернулась от режиссера. И тут внезапно на горизонте возник сценарий М. Блеймана, К. Исаева и М. Маклярского «Подвиг разведчика». В его основе был рассказ о том, как советский разведчик Федотов в оккупированной Виннице выкрал секретную переписку фашистского генерала. Фильмов с подобным сюжетом в советском кинематографе еще не было, и Барнет загорелся идеей снять такую картину.

Работа над фильмом началась в Киеве в декабре 1946 года и продолжалась до июля 1947 года. Одну из центральных ролей в этой картине — генерала Кюна — сыграл сам Барнет. В том же году картина была выпущена в прокат и мгновенно стала его лидером (1-е место, 22,73 млн. зрителей). Это был триумф режиссера, равный которому он не переживал со времен «Окраины». К сожалению, больше таких побед ему пережить не удалось.

С конца 40-х Барнету пришлось снимать кино, которое в большинстве своем не отвечало его дарованию и мастерству. Например, сразу после «Подвига разведчика» он (в содружестве с А. Мачеретом) снял довольно слабый фильм «Страницы жизни». Как вспоминает А. Казарновская:

«Что было со «Страницами жизни»… Обычное заблуждение творческого человека, надеющегося, что если он приступит к работе, увлечется, то сможет что-то сделать… Я стояла насмерть, умоляла:

«Откажись! Зачем тебе это?!» Я и тогда думала, что лучше довольно скромно прожить (хотя мы никогда не жили особенно благополучно), чем браться за что попало… Не понимала этой обязанности — как члену партии помогать киностудии получать зарплату, этой изматывающей борьбы с самим собой. Но Борис Васильевич считал это своим долгом. Как, впрочем, и необходимость снимать фильмы на современную тему… Я помню, как он, В. Ежов, ставший сегодня маститым сценаристом, а тогда еще очень молодой человек, и Л. Корняну — втроем с утра до ночи писали сценарий «Ляны». Спорили, выдумывали там, где не из чего было выдумывать, в чем существа на три копейки…» (Суть фильма была в следующем: в Кишинев на смотр художественной самодеятельности прибывает группа артистов, среди которых одна из лучших звеньевых-виноградарей Ляна. — *Ф. Р.*)

Сам Барнет в ноябре 1954 года со съемок «Ляны» в одном из писем жене писал: «У меня на душе тревожно. Работа идет трудно.

Мои титанические усилия привели к тому, что даже в этом пьяном и хулиганском городе, каким является Кишинев, особенно от 11 часов вечера до 2–3 часов ночи, группа не пьет. Во всяком случае, никто не «напивается». Под моими окнами в гостинице шумит и клокочет ресторан.

Ночные драки, вопли и крики, битье посуды довели меня до того, что я обратился к самому высокому начальству с просьбой унять «клиентов»…»

Отмечу, что в фильме «Ляна» из ныне известных актеров снялись: Муза Крепкогорская, Раднэр Муратов, Леонид Гайдай (он же был на этом фильме и ассистентом режиссера).

В 50-е годы на счету Барнета были фильмы: «Щедрое лето» (1951), «Концерт мастеров украинского искусства» (1952), «Ляна» (1955), «Поэт», «Борец и клоун» (оба — 1957).

Последний фильм режиссер снимал чуть ли не из-под палки. Первоначально режиссером картины был Константин Юдин (это он снял такие кинохиты, как «Сердца четырех», «Близнецы», «Смелые люди»). Однако в разгар работы (в марте 1957) Юдин внезапно скончался и встал вопрос о том, кому доверить работу по завершению картины. Выбор руководства пал на Барнета. Отказаться тот не мог по целому ряду причин. Фильм он доснял, и, кстати, получился он не

самым плохим из того, что было сделано режиссером до этого. И все же ради этой картины Барнету пришлось наступить на горло собственной песне. Его давней мечтой был фильм о народовольцах, к постановке которого он готовился много лет, часами просиживая в библиотеке, копаясь в архивах. Но едва он заводил речь о подобном фильме в высоких кабинетах, как ему отвечали жестко и коротко — нет. В итоге Барнету приходилось снимать кино, к которому он в глубине души относился в лучшем случае — со скукой, в худшем — с презрением. Но иного выхода у него не было — надо было думать, как прокормить жену и грудного ребенка (в начале 50-х у режиссера родилась дочь Оля).

В 1958 году Барнет приступил к съемкам очередного фильма — «Аннушка». В одном из писем жене он писал: «В группе у меня, кроме полных балбесов и лунатиков вроде второго режиссера Натансона и ассистента Полоки, есть и радости. Это художник Бергер, без которого я пропал бы!.. Теперь об артистах. В Москве Скобцева понравилась. Я материала еще не видел. Кажется, что мне удалось (без особых усилий) выбить из нее жантильность, и, о чудеса кино, она стала почти совсем простой бабой — Аннушкой. Таланту невеликого, но очень неглупа и (тоже чудеса кино) симпатичный работяга-человек. Вчера, уже отснявшись в одной сцене, уехал Бабочкин в Москву. Мы расстались с ним очень дружно, что, как говорят люди, в последнее время редко ему (Бабочкину) удается. К великому своему удивлению, я обнаружил, что он на редкость человек непрофессиональный. У него нет ни мастерства, ни школы, ни техники. С ним, как с малым ребенком, нельзя ничего зафиксировать на репетиции. Приходится снимать по методу «пронеси, господи, хоть один дублик».

Оказалось, что бог есть и мне все же удалось сделать по одному хорошему дублю из каждой сцены…»

Как и у каждого творчески одаренного человека, у Барнета периодически происходили стычки с чиновниками от искусства. Причем, в отличие от большинства своих коллег по искусству, Барнет порой не умел приспосабливаться к текущей обстановке и иногда путал жизнь с боксерским рингом. Поэтому в среде чиновников за ним прочно закрепилось мнение как о человеке неуправляемом. Приведу лишь два примера на этот счет.

На одном из съездов кинематографистов Барнет прямо с трибуны назвал министра кинематографии СССР Большакова «человеком, не имеющим собственного мнения». В другом же случае он едва не причинил травму заместителю министра в его же кабинете. Дело было так.

В то время, когда Барнет находился в Киеве на съемках очередного фильма, замминистра приказал его жене и маленькой дочери в течение 10 дней освободить их московскую квартиру. Когда режиссер узнал об этом, он тут же примчался в Москву и отправился на прием к министру. Буквально с первых же минут их разговор перерос в откровенную перебранку, которая завершилась весьма неожиданно — Барнет схватил со стола массивную чернильницу и метнул ее в своего обидчика. К счастью, у того оказалась отменная реакция: в последнюю секунду он успел увернуться от «снаряда» и спас свою голову от травмы. Однако чистый, отутюженный костюм чиновника все-таки пострадал — он оказался забрызган чернилами. Все эти и масса других подобных поступков, естественно, сказывались на творческой судьбе талантливого режиссера.

С 1959 по 1965 год Барнет снял всего две картины: «Аленка» (1961), отнесенную критикой к удачам режиссера, и «Полустанок» (1963). Как оказалось, это были последние работы режиссера.

В 1964 году Барнет загорелся снять фильм о В. Ленине, но директор «Мосфильма» внезапно возразил: «Барнету снимать о Ленине? Никогда!» В том же году сценарист М. Маклярский (это он был одним из авторов «Подвига разведчика») принес ему сценарий будущего фильма «Заговор послов». Жене Барнета он не понравился, и она посоветовала мужу не браться за него. Но тот проигнорировал мнение супруги, мотивируя это огромным желанием работать (вот уже два года Барнет был в творческом простое). Это обстоятельство и предопределило исход дела — в августе 1964 года Барнет уехал в Ригу для съемок картины. Однако уже вскоре пожалел об этом. Ни одного артиста из тех, кого он хотел бы снимать, к нему на съемки не отпустили. Сценарий его тоже не удовлетворял, он пытался его переделать, но до конца это дело довести так и не удалось. Как вспоминает А. Казарновская:

«Я в это время уже вернулась в Москву. Вскоре он позвонил мне. Говорил, что даже если удастся исправить сценарий, то все равно

работать не с кем… Нужные артисты все заняты…

— Не могу так…

Я орала в телефонную трубку, чувствовала, что что-то происходит:

— Приезжай, брось все! Возвращайся!

Он сказал, что приедет…

Это был наш последний разговор…»

Решение уйти из жизни пришло к Барнету в декабре того же года. Об этом можно судить по его письму дочери, начатому 23 декабря и дописываемому в последующие дни. Вот его текст:

> «Олюшка, прости меня, родная моя, любимая!
>
> Лучше так, как я сделал, чем «коптить» и прозябать на старости лет.
>
> Я потерял веру в себя, но верю, что ты, моя умная, моя хорошая, найдешь в себе мужество и не осудишь меня.
>
> Аллонька, эти мои слова к Оле — обращены и к тебе.
>
> Прости! Я виноват во всем. Я виноват перед тобою, но, вместо того чтобы отвечать и нести ответственность перед тобой, я — «убежал». Было бы сил побольше, было бы веры в себя побольше — не убежал бы.
>
> Как я хочу, чтобы у тебя впереди были светлые, счастливые дни.
>
> Борис.
>
> Мне назначена республиканская пенсия (так мне сказали в Комитете — в Москве). Вспомни об этом, когда понадобится устраивать материальные дела Оли.
>
> Алла, Олюшка, дорогие, милые. Не упрекайте меня. Что же делать?
>
> Сознание причиняемого вам горя, неожиданного удара усложняет всю эту мою последнюю «процедуру». Страх причиняемого вам горя сильнее всех остальных страхов, но положение, как говорится, «ни туды — ни сюды».
>
> Алла, поговори в Комитете: мне назначена республиканская пенсия — это очень важно для Оли, для пенсии для нее. Не думайте, пожалуйста, что я свожу счеты с

этой штукой, именуемой жизнь, таким «несчастненьким» и жалким. Ведь мне уже седьмой десяток. Пора.

P.S. Еле-еле дотянул до 8 января».

8 января 1965 года на 63-м году жизни Б. Барнет покончил жизнь самоубийством.

Фильм «Заговор послов» доснял режиссер Николай Розанцев. Он вышел на экраны страны в 1966 году и занял в прокате скромное 23-е место (17, 9 млн. зрителей).

Мертвая петля
Геннадий Шпаликов

Девять лет спустя после самоубийства Барнета наложил на себя руки еще один известный советский кинематографист — сценарист Геннадий Шпаликов. На момент смерти он был почти вдвое моложе Барнета — ему шел 38-й год.

Шпаликов родился 6 сентября 1937 года. С 1959 по 1964 год учился на сценарном факультете ВГИКа. Его первой серьезной работой в кино стал фильм «Застава Ильича», постановку которого на студии имени Горького осуществил режиссер Марлен Хуциев. Фильм вышел в 1962 году, однако тут же был снят с проката как «идеологически вредный». Картина не понравилась лично Н. С. Хрущеву. Когда 7–8 марта 1963 года в Кремле проходила встреча руководителей страны с деятелями советского искусства, именно этот фильм был подвергнут самой разнузданной критике. О том, как все происходило, стоит рассказать подробно.

Когда все критические выпады в адрес картины были сделаны, присутствующие потребовали выйти на трибуну главных виновников случившегося: Марлена Хуциева и Геннадия Шпаликова. Первым вышел режиссер. Он говорил о том, что снимал свою картину от чистого сердца, что даже в мыслях не держал никакой антипартийности. Иначе говоря, вместо того чтобы покаяться, режиссер горячо отстаивал свое произведение, признавал отдельные ошибки и обещал сделать правильные выводы. Зал встретил это выступление гулом неодобрения.

Между тем, не успел сойти с трибуны М. Хуциев, как на нее уже лихо вбежал 25-летний Шпаликов. То, что он затем сказал, привело аппаратчиков в еще больший гнев. Он заявил, что настанет время, когда кинематографисты будут пользоваться в стране такой же славой, как и герои-космонавты, что он убежден в своем праве на ошибку и просит присутствующих не судить их картину слишком строго. Много чего за долгие годы повидал кремлевский зал заседаний, но чтобы безусый юнец учил сановных руководителей жизни — такого здесь еще не бывало. Поэтому последние слова молодого оратора буквально утонули в диком реве и гвалте чиновной братии. Казалось, еще мгновение, и вся эта толпа обезумевших от гнева номенклатурщиков сорвется со своих мест и растопчет, растерзает юношу. Видимо, это почувствовал Хуциев, который сорвался со своего места, вбежал на трибуну и, пытаясь перекричать зал, произнес: «Мой коллега очень взволнован, три часа назад у него случилось радостное событие, у него родилась дочка. Не будем к нему строги…» Однако все это было гласом вопиющего в пустыне. Зал продолжал кричать, топать ногами, и казалось, что этому не будет конца.

Фильм «Застава Ильича» в итоге был нещадно порезан цензорами. Три года из него делали «идейно здоровое произведение», убирали все, что не ложилось в прокрустово ложе партийных решений и указаний, даже название сменили на более нейтральное — «Мне двадцать лет». Наконец в 1965 году фильм вышел на экран, но, так как копий было отпечатано минимальное количество, посмотреть его сумело не так много зрителей — всего около 9 миллионов.

Как видно из приведенного выше рассказа, Шпаликов отличался завидной смелостью и дерзостью поступков. Согласитесь, не каждому человеку хватит решимости бросить вызов руководству страны прямо в лицо, с трибуны кремлевского зала. Но, может быть, у Шпаликова это был минутный порыв, единичный случай? Многие люди, близко знавшие Шпаликова, утверждают, что подобных поступков в его биографии было предостаточно. Например, он имел смелость публично смеяться… над КГБ. В сентябре 1962 года фильм «Иваново детство» (режиссер А. Тарковский) завоевал Гран-при на Венецианском фестивале, и группа создателей картины решила отметить это дело в ресторане «Арагви». Вот рассказ об этом В. Богомолова:

«Часов в девять вечера Тарковский вышел позвонить. Вернувшись, спросил: «Вы не возражаете, если приедут Хуциев и Шпаликов? Они только что закончили картину». Конечно, мы не возражали, и где-то через час приехали Марлен Хуциев и Геннадий Шпаликов, с которым я встретился впервые. Мы пили за только что законченный их фильм «Застава Ильича», о котором Андрей сказал: «Эта картина сильнее нашего фильма». И вдруг Шпаликов, обращаясь ко мне и Андрею, говорит: «Ребята, закажите мне макароны!» Я, не заметив хитрой ухмылки Андрея (который хорошо знал способности Шпаликова разыгрывать присутствующих), воскликнул: «Гена, ты что!» Но тот настоятельно просил. В это время в кабинет, где мы сидели, зашел официант. Я попросил его принести макароны. Официант почти испуганно произнес: «У нас нет макарон. Не бывает». — «Как это, ресторан высшего разряда, и нельзя заказать простые макароны?» — спросил я. Официант, волнуясь, стал сбивчиво отвечать: «Но вы первые, кто попросил макароны, у нас никто никогда макароны не заказывал…» Тогда я вышел к метрдотелю, дал ему «за культурное обслуживание», не помню, по-моему, рублей 25 и сказал: «Здесь за углом в магазине прекрасный бакалейный отдел, там наверняка есть макароны. Пошлите кого-нибудь, пусть купят и сварят…» Минут через 30 нам приносят макароны… А наш кабинет, где мы сидели, имел вентиляционные прорези, забранные бронзовыми решетками из вертикальных планок. И как только официант, подавший блюдо из макарон, вышел из кабинета, Шпаликов встал и сосредоточенно стал заталкивать макароны между прутиками решеток. Я ничего не понимал. Мое лицо выражало недоумение, а выражение лица Р. Н. Юренева (очень серьезного, интеллигентного человека) описать невозможно. «Что вы делаете?» — обратился я к Шпаликову. Андрей смеялся.

Шпаликов, продолжая заправлять макароны между прутиками, невозмутимо ответил: «Знаете, техника зачастую отказывает (намекая на подслушивающее устройство), и туда сажают живых сотрудников, а о них тоже надо думать!»

Такие шутки с всемогущим КГБ практиковал в те годы Геннадий.

Между тем, видимо, наученный горьким опытом работы над фильмом «Застава Ильича», Шпаликов в 1962 году написал сценарий лирической комедии. Ставить картину взялся режиссер Георгий

Данелия. Так в 1964 году на экраны страны вышел один из лучших фильмов отечественного кинематографа «Я шагаю по Москве». Песня с одноименным названием, звучавшая в нем, тоже принадлежала перу Шпаликова.

После этого им было написано еще несколько сценариев, которые легли в основу фильмов «Я родом из детства» (1966), «Ты и Я» (1972), «Пой песню, поэт» (1973). Кроме этого в 1967 году вышла единственная режиссерская работа Шпаликова — фильм «Долгая счастливая жизнь». В ряде картин звучали и песни, написанные сценаристом. Одним словом, по мнению многих, Шпаликов был в те годы одним из самых многообещающих и талантливых молодых кинематографистов. Ему прочили прекрасное будущее, а он взял и покончил с собой.

На вопрос «почему?» каждый из знавших Шпаликова отвечает по-разному. Одни говорят о том, что его погубил диктат чиновников от кино, борьба которых со свободомыслием в начале 70-х приобрела просто маниакальные формы. Другие упирают на разгульные нравы богемной тусовки, на то, что не хватило характера, чтобы сопротивляться ее порокам. Наверное, в каждом из этих утверждений есть своя доля правды. Когда в конце 60-х П. Леонидов случайно встретил Шпаликова возле Третьяковской галереи, он услышал от него такой монолог: «Вот я — алкоголик профессиональный, Витя Некрасов тоже, есть еще люди, а остальные писатели профессиональные, а главный среди них — Евтуженька. В СССР нет выбора вне выбора. Или ты пьешь, или ты подличаешь, или тебя не печатают. Четвертого не дано».

В начале 60-х у Шпаликова была прекрасная семья: жена — талантливая молодая актриса Инна Гулая (это она сыграла Наташу в фильме «Когда деревья были большими»), ребенок. Однако к началу следующего десятилетия он все это потерял. Дома он не жил, скитался по друзьям. Говорят, с похмелья любил читать расклеенные по стендам газеты. Причем читал все подряд, от корки до корки. Видимо, это чтение отвлекало его от мрачных мыслей, а может быть, и вдохновляло. Ведь он продолжал писать стихи, сценарии. Писал их где попадется, чаще всего на почте, где всегда в избытке были и чернила, и перья, и бумага — телеграфные бланки. Друзья первое время помогали

ему как могли, затем постепенно помогать перестали. Ссуживать его «трешками» на опохмелку желающих становилось все меньше.

В 1974 году Шпаликов с выпивкой внезапно «завязал» и засел за новый сценарий, который назвал «Девочка Надя, чего тебе надо?». Сценарий был изначально непроходной. Судите сами. Речь в нем шла о передовице производства, токаре одного из волжских заводов Наде, которая волею судьбы становится депутатом Верховного Совета СССР. Все в ее жизни до определенного момента развивается хорошо, но затем удача поворачивается к ней спиной. В конце концов девушка доходит до крайнего предела: она идет на городскую свалку и там публично сжигает себя на костре.

Поставив жирную точку в финале этой сцены, Шпаликов запечатал сценарий в конверт и в тот же день отослал его в Госкино. Ответа на него он так и не дождался, потому что через несколько дней после этого покончил с собой. Известный кинокритик А. Зоркий сумел восстановить последний день жизни Шпаликова — 1 ноября 1974 года.

Утром Геннадий отправился к знакомому художнику и попросил у него в долг несколько рублей. Но тот ему отказал. Зато некий режиссер чуть позже пошел ему навстречу и деньги вручил. После этого Шпаликов отправился на Новодевичье кладбище, где в тот день открывалась мемориальная доска на могиле режиссера М. Ромма. Здесь он попытался выступить с речью, но кто-то из высоких начальников к трибуне его не пустил. После траурного митинга Шпаликов ушел с кладбища с известным ныне писателем Григорием Гориным. Тот внял просьбе Шпаликова и дал ему денег на дешевое вино. Вместе они отправились в Переделкино. Позднее Горин пожалеет о том, что дал Шпаликову денег именно на вино, а не на водку. Если бы произошло наоборот, то Шпаликову вряд ли хватило бы сил после бутылки водки покончить с собой. А так он выпил дешевого вина и быстро захмелел, так как до этого момента был в завязке. Приехав в Переделкино, он поднялся на второй этаж одной из дач и там повесился, соорудив петлю из собственного шарфа. Было ему всего 37 лет.

Тело Шпаликова первым обнаружил все тот же Григорий Горин. К сожалению, пришел он слишком поздно, когда помощь была уже не нужна. Горин вызвал милицию и успел до ее приезда спрятать бумаги

Шпаликова, которые, останься они на столе, наверняка бы потом пропали.

Похоронили Шпаликова на Ваганьковском кладбище. Спустя 26 лет здесь же найдет свой последний приют и Григорий Горин. Его могилу от могилы Шпаликова отделяют всего лишь двести метров.

P. S. Через шестнадцать лет после гибели Шпаликова ушла из жизни Инна Гулая. Причем обстоятельства ее смерти тоже не выяснены до конца. По одной из версий, она умерла от передозировки снотворного.

Их со Шпаликовым дочь окончила ВГИК (курс С. Бондарчука), однако с кинематографом свою жизнь так и не связала. Говорили, что она собиралась уйти в монастырь.

Смерть на колесах
Никита Курихин. Шакен Айманов. Леонид Быков. Лариса Шепитько

Только за одно десятилетие (с конца 60-х до конца 70-х) советская кинорежиссура потеряла сразу нескольких своих представителей, чья жизнь завершилась трагически. Причем все они ушли из жизни в результате дорожно-транспортных происшествий.

Скорбный список открыл 45-летний кинорежиссер **Никита Курихин**. Он дебютировал в большом кинематографе в 1959 году, причем дебютировал блестяще: снял в соавторстве с Теодором Вульфовичем фильм «Последний дюйм», который стал гимном молодого поколения начала 60-х. Песню из этой картины «Тяжелым басом гудит фугас…» знал каждый советский школьник.

До конца следующего десятилетия Курихин снял еще несколько фильмов, однако ни один из них так и не смог сравниться по степени популярности с «Дюймом». Речь идет о фильмах «Мост перейти нельзя» (1960), «Барьер неизвестности» (1962), «Жаворонок» (1965), «Не забудь… станция Луговая» (1967). Последней картиной Курихина стала художественно-документальная лента «Страницы автобиографии», посвященная 50-летию «Ленфильма». Сдав картину руководству студии, Курихин отправился в отпуск, из которого живым уже не вернулся.

По словам очевидцев, Курихин никогда не был страстным автолюбителем и, несмотря на то, что был уже достаточно известным кинорежиссером, в личном автопарке имел не самый крутой автомобиль — «Запорожец». Да и тот купил благодаря помощи актера Георгия Юматова, который везде имел нужных людей. Знай актер, к чему это приведет, наверняка зарекся бы помогать.

В начале июля 1968 года Курихин с женой решили отправиться в отпуск. Ехать они решили на юг, причем не поездом или самолетом, а на колесах — на своем «горбатом». Но их отпуск длился всего лишь сутки. Они выехали из Ленинграда 5 июля, а утром следующего дня попали в аварию. За рулем был Курихин, который, видимо, заснул и на несколько секунд потерял управление автомобилем. Этих секунд вполне хватило, чтобы «Запорожец» выскочил на обочину и на огромной скорости врезался в дерево. Оба супруга погибли.

Следующим в скорбном списке стал казахский режиссер **Шакен Айманов**. Он начал свою карьеру в кинематографе как актер («Песни Абая», 1946; «Джамбул», 1953, и др.), а с 1953 года ушел в режиссуру. Он стал одним из зачинателей казахского художественного кино. Именно с его фильма «Поэма о любви» (1954, с К. Гаккелем) в Казахстане начался регулярный выпуск художественных фильмов. После этого Айманов снял еще несколько картин: «Дочь степей» (1955, с К. Гаккелем), «Мы здесь живем» (1957, с М. Володарским), «Наш милый доктор» (1958), «В одном районе» (1961), «Перекресток» (1963).

В 1963 году Айманов был избран Первым секретарем Союза кинематографистов Казахстана. Однако высокая руководящая должность не отвадила его от режиссуры и фильмы он продолжал снимать с такой же регулярностью, что и раньше. Среди них: «Безродный обманщик» (1965), «Земля отцов» (1967), «Ангел в тюбетейке» (1969). Последним фильмом Айманова стал истерн «Конец атамана». Завершив работу над ним в самом конце 1970 года, Айманов трагически погиб.

Все вышло до нелепого случайно. 56-летний режиссер переходил улицу в Алма-Ате и попал под колеса внезапно выскочившего из-за поворота автомобиля. Трагедия произошла 23 декабря 1970 года. Спустя несколько месяцев на экраны страны вышел последний фильм

Айманова, который имел большой успех у зрителей. К сожалению, автор картины до этого триумфа не дожил.

Спустя почти девять лет автомобильная катастрофа унесла жизни сразу двух советских кинорежиссеров — **Леонида Быкова** и **Ларисы Шепитько**.

Две последние режиссерские работы Быкова в кино («В бой идут одни «старики», 1974; «Аты-баты, шли солдаты…», 1977) были посвящены Великой Отечественной войне, и обе принесли ему закономерный успех. Однако в 1979 году Быков решил отойти от военной тематики и задумал снять фильм на философскую тему под названием «Пришелец». Однако работа над этой картиной длилась всего лишь несколько недель.

10 апреля на киностудии имени Довженко состоялось обсуждение худсоветом кинопроб к «Пришельцу». Все они были приняты практически без замечаний. Быкова утвердили на обе роли: механизатора Тишкина и пришельца из космоса Глоуза. В этот же день Быков собирался отправиться на дачу в Страхолесье. Его дочь Марина тоже захотела поехать с отцом, но он почему-то резко воспротивился этому. Когда она самовольно заняла место в автомобиле, он чуть ли не силком вытащил ее оттуда и уехал один. Как выяснится вскоре, тем самым он спас дочери жизнь.

Быков пробыл на даче почти сутки и днем 11 апреля отправился в обратный путь. В Киеве его дожидалась корреспондентка журнала «Советский экран» Юлия Павленок (дочь зампреда Госкино Бориса Павленка), чтобы взять у него интервью. Но до места назначения Быкову добраться было не суждено. Он ехал на своей «Волге» ГАЗ-24 со скоростью 100 километров в час. На часах было 16.30, когда он достиг 47-го километра шоссе Минск — Киев. Как назло, на подъеме к поселку Дымер дорогу оккупировал трактор с культиватором. В течение нескольких минут Быков ехал за продвигающимся черепашьим ходом культиватором, после чего решил его обогнать. Он ударил по газам и на большой скорости выскочил на встречную полосу. А там ему навстречу шел грузовик ГАЗ-53, доверху груженный стеклотарой. Быков буквально вдавил ногу в педаль тормоза и практически не отпускал ее вплоть до столкновения (а это 22 метра!). У Быкова было несколько способов избежать столкновения. Во-первых, он мог резко повернуть руль вправо и врезаться в задницу

культиватора. Тот ведь двигался медленнее, и сила удара оказалась бы значительно слабее. В худшем случае Быков повредил бы решетку или сорвал бы с подушек двигатель. Сам актер наверняка бы не пострадал, поскольку, как дисциплинированный автолюбитель, был пристегнут ремнями безопасности. Второй вариант: «Волга» могла бы продолжать движение под углом к дороге, миновала бы 4 метра проезжей части и могла свернуть на обочину — на ровное травяное поле. В таком случае вообще бы никто не пострадал. Но Быков выбрал иной вариант.

Грузовик врезался бампером в правую дверцу «Волги» и протащил ее 18 метров. Удар был настолько сильным, что Быков умер практически мгновенно. Как установят затем эксперты, печень, легкие, другие внутренние органы Быкова — все имело механические повреждения. Ребра в том месте, где они уперлись в ремень безопасности, оказались переломанными, как по линейке. Лишь сердце оказалось нетронутым. Экспертиза также установила, что Быков был абсолютно трезвым. Как рассказывают очевидцы, первым к «Волге» подбежал водитель грузовика — 22-летний молодой человек из Чернобыльского района. Он ножом перерезал ремень безопасности и вытащил тело Быкова из салона. А когда признал в нем популярного актера, схватился за голову: «Ну все, сидеть мне теперь долго-долго». Однако суд, который состоится в том же году, признает его невиновным и выпустит из-под стражи.

С момента гибели Быкова пройдет каких-нибудь два с половиной месяца, как киношный мир потрясет еще одна трагедия — в автокатастрофе погибнут Лариса Шепитько и несколько человек из ее съемочной группы.

Л. Шепитько родилась 6 января 1938 года в городе Артемовске на Украине. Ее отец (он был персом по национальности) служил офицером, мать работала в школе учительницей. Их брак продержался недолго, и вскоре они развелись. Пришлось матери одной поднимать на ноги троих детей (в семье было две девочки и мальчик). Лариса не простила отцу этого развода и никогда больше с ним не встречалась. Среднюю школу она окончила во Львове, после чего решила ехать в Москву, поступать во ВГИК.

На режиссерский факультет ВГИКа она поступила с первого же захода летом 1955 года. Так как она была иногородней, ей выделили место в общежитии. Причем не в простом, в районе Лосиного острова,

а в элитном, принадлежавшем Высшей партийной школе. После этого среди студентов ВГИКа упорно ходили слухи, что Лариса состоит в родстве с кем-то из высоких персон. Но с кем именно, так никто и не узнал.

Между тем, по рассказам людей, близко знавших Ларису, выглядела она тогда очень скромно и вела себя как обычная провинциалка. Во ВГИКе она считалась одной из самых красивых студенток, и за ней пытались ухаживать многие мужчины, как из числа студентов, так и преподавателей. Но Шепитько на эти ухаживания не отвечала.

Л. Гуревич рассказывает: «Она сдавала коллоквиум, первое собеседование, а я верно ждал у окна вестибюля на третьем этаже. Выскочила она из дверей как ошпаренная, с горящими щеками, и я даже перепугался: неужто провалилась!

«Пойдем!» Она побежала вниз по лестнице и, когда мы остановились в безлюдном месте, выпалила: «Подлец! Он так смотрел, как будто раздевал меня. Вот гад!»

«Гадом» был известный в институте ассистент кафедры режиссуры, о доблестях которого молва была нелестной… Ну что тут сказать? Разве повторить: глаз от той «львовяночки» (так она себя называла) отвести было невозможно…»

Первой самостоятельной режиссерской работой Шепитько стал фильм «Зной» по повести Ч. Айтматова «Верблюжий глаз». Его она снимала в степях Киргизии весной 1962 года. По словам все того же Л. Гуревича:

«Лариса была невероятно худа и желтолица. От той «хохлушки» в теле, пусть и с осиной талией, остались разве что все те же горящие глаза. В безводье, жаре и пыли, на чудовищных экспедиционных харчах, они с напарницей Ирой Поволоцкой (она написала сценарий фильма) окончательно подорвали здоровье. Закончив съемки, Лариса собиралась ложиться в больницу в Москве…»

Кстати, именно во время работы над этой картиной Шепитько близко познакомилась со своим будущим мужем — студентом режиссерского факультета ВГИКа 28-летним Элемом Климовым. По его словам, за Ларисой он пытался ухаживать еще в конце 50-х, когда только поступил в институт, а она его заканчивала. Но Лариса довольно жестко его «отбрила», и потом какое-то время они не

виделись. Но во время работы над фильмом «Зной» Шепитько заболела, и помочь ей закончить фильм вызвался Климов. Тогда и произошло их сближение.

Фильм «Зной» стал удачным дебютом молодого режиссера Шепитько и в 1964 году получил призы на Всесоюзном кинофестивале в Ленинграде и Карловых Варах. Шепитько затем даже называли «матерью киргизского кино».

Зимой 1963 года Климов сделал Ларисе официальное предложение руки и сердца. Произошло это во время их прогулки возле Лужников. Прежде чем дать свое согласие, Лариса тогда спросила: «А ты не будешь на меня давить? Ведь мы же с тобой оба режиссеры?» Климов твердо пообещал: «Не буду».

Следующей режиссерской работой Шепитько стал фильм «Крылья». Его съемки начались в 1965 году. О чем была эта картина? Она повествовала о трех днях жизни 40-летней Надежды Петрухиной, которая во время войны была летчицей, а в мирное время стала директором ремесленного училища. Прямолинейность и субъективная честность этого человека заводят ее в тупик во взаимоотношениях с собственной дочерью, учениками, друзьями.

Стоит отметить, что работа над этим фильмом тормозилась цензорами от кино еще на стадии его сценарной разработки. На сценарной коллегии, например, звучали такие упреки: «Многое просто раздражает. У авторов противоречивое представление о женщинах, принимавших участие в войне. Недоумение вызывает авторское воплощение сегодняшней жизни героини. Совершенно невозможны для этого характера те элементы душевной грубости, неделикатности в отношении молодости, которыми так щедро одаряют ее авторы…»

Сегодня странно слышать подобное в адрес сценария, послужившего основой для этого фильма. Потому что «Крылья» по праву входят в число лучших картин отечественного кинематографа. И роль Петрухиной, которую исполнила Майя Булгакова, стала главной ролью в биографии этой замечательной актрисы.

Премьера «Крыльев» состоялась в Москве 6 ноября 1966 года. К тому времени Шепитько была уже увлечена новой работой — она снимала в калмыцких степях фильм «Родина электричества» по А. Платонову. Этот фильм должен был войти в киноальманах «Начало неведомого века», приуроченный к 50-летию Великого Октября.

Однако никуда он не вошел, так как цензура усмотрела в нем явную крамолу. Вот как отозвался об этой работе студийный редактор: «На экране изображена такая страшная, в полном смысле, безнадежно выжженная земля, что о возрождении ее просто немыслимо думать. По этой мертвой, в общем, земле ходят существа, более похожие на живых мертвецов, чем на реальных деревенских стариков и старух…» И подобное кино должны были показать к светлому празднику? Да ни за что! Фильм приказали немедленно смыть, что и было сделано. К счастью, одна копия кем-то была сохранена, и благодаря ей в 1987 году картину удалось восстановить и выпустить на экран. Но Шепитько этого уже не застала.

По словам людей, знавших Шепитько, эта неудача сильно ожесточила ее. Когда в 1968 году она собиралась ставить «Белорусский вокзал», это ожесточение проявилось очень явственно. Если у Вадима Трунина в сценарии все острые углы были сглажены, то Лариса мечтала в картине их предельно обнажить, показать, как обращается с ветеранами охамевшая власть. Наверное, сними она этот фильм, его ожидала бы точно такая же судьба, как и «Родину электричества». Но Шепитько за него так и не взялась, видимо, вовремя осознав, что из ее смелой затеи ничего не получится.

В 1970 году она приступила к съемкам фильма «Ты и Я» по сценарию Г. Шпаликова. И эта картина вызвала неудовольствие у чиновников Госкино и, прежде чем выйти на экран, была безжалостно порезана ножницами цензоров.

Не лучшим образом обстояли дела и у мужа Шепитько Элема Климова. К началу 70-х годов он сумел снять только три фильма, да и те пробивались к зрителю с большим трудом. Назову эти картины: «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (1964), «Похождения зубного врача» (1965) и «Спорт, спорт, спорт» (1971).

По словам Климова, жили они тогда с женой небогато, постоянно занимая деньги в долг. Во время работы над фильмами зарплату постановщикам не платили и лишь после окончания съемок выплачивали гонорар. И хотя это были нормальные деньги, однако у наших героев они все уходили на раздачу многочисленных долгов. Ничего не имели они и с проката своих картин. Несмотря на то, что ряд снятых ими фильмов получил награды на нескольких престижных

фестивалях за рубежом, денег с этого они так и не поимели: все оседало в «Совэкспортфильме».

В 1972 году Климову наконец-то разрешили снять фильм о Григории Распутине, постановки которого он добивался дважды: в 1967 и 1969 годах. Тогда в Госкино поменялось руководство (А. Романова сменил Ф. Ермаш), и картину о царском фаворите решили запустить в производство. Преисполненный самых радужных надежд, Климов взялся за эту работу, но итог ее был печален. Фильм он снял, однако его тут же и закрыли. На полке ему суждено было пролежать до 1985 года.

Тем временем, в 1973 году, Шепитько решила на время оставить кинематограф и родить ребенка. Было ей в ту пору 35 лет, согласитесь, не самый удачный возраст для беременности. Поэтому за несколько месяцев до родов ее положили на сохранение. И там с ней случилась беда. Проходя однажды по коридору, она внезапно потеряла равновесие, упала и ударилась головой о батарею. Получила легкое сотрясение мозга. Врачи запретили ей ходить и прописали постельный режим. Однако обследовали они ее не слишком внимательно и не заметили, что у нее был травмирован и позвоночник. Потом, правда, обнаружили и прописали ей вытягивание на жестком ложе. Так, не вставая, Лариса пролежала целый месяц. А затем она никак не могла встать, так как за время лежания у нее ослабли мышцы.

И все же, несмотря на все эти неприятности, ребенка она родила, мальчика, которого счастливые родители назвали Антоном.

В 1974 году Л. Шепитько было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. (Ее мужу это звание присвоят через два года после нее.)

В 1975 году Шепитько вновь вернулась в кинематограф: ей тогда разрешили снять фильм по повести Василя Быкова «Сотников» (за два года до того, когда она только заикнулась об этом, ей тут же заткнули рот окриком «нельзя»). Правда, и контроль за этой работой неуживчивого режиссера был особенным: Комитет рассматривал и утверждал актерские пробы, буквально отслеживал каждый шаг режиссера. А потом начался форменный накат на все, что Лариса сняла.

Главным пунктом обвинения было то, что Лариса якобы сделала из партизанской повести «религиозную притчу с мистическим

оттенком». Отмечу, что Лариса в последние годы никогда не скрывала своих увлечений мистикой, поэтому перенесение ею подобных чувств в собственные работы вполне вероятно. Для советского атеистического кино это было явной крамолой. Поэтому было приказано убрать и религиозную музыку, и любые намеки на библейские сюжеты и т. д. и т. п.

Даже одного этого обвинения было вполне достаточно для того, чтобы положить картину на полку. Что, собственно, и предполагалось тогда сделать. Но тут в дело вмешался случай. Так как картина была снята по повести белорусского писателя, ее затребовал к себе сам 1-й секретарь ЦК Компартии Белоруссии, кандидат в члены Политбюро Петр Машеров. И ее привезли в Минск. По словам очевидцев, картина настолько потрясла белорусского руководителя (а он сам был фронтовик), что прямо в зале он расплакался. После этого класть фильм на полку было уже невозможно. В 1977 году он вышел на широкий экран и взял сразу два приза: Главный приз на Всесоюзном кинофестивале в Риге и приз ФИПРЕССИ на Международном кинофестивале в Западном Берлине. Это был подлинный триумф Ларисы Шепитько, который едва не разрушил ее семью. Вспоминает Э. Климов:

«После «Восхождения» она стала очень знаменитой. У меня как раз тогда все сильно не заладилось. Первый запуск фильма «Иди и смотри» прихлопнуло Госкино, и я был в стрессовом состоянии. Тяжелейший был период в моей жизни. А она летает по всему миру, купается в лучах славы. Успех красит, и она стала окончательно красавицей. Ну, думаю, сейчас кто-нибудь у меня ее отнимет. Хотя и понимал, что это невозможно, не тот она человек. Это был, наверное, самый критический момент в наших отношениях… Я даже ушел из дома, в таком находился состоянии…

Она подумала, что я к какой-то женщине пошел. А на самом деле я жил у Вити Мережко, но Лариса этого так и не узнала. Я не признавался потом. И у нее хватило и мудрости, и сердечности, и любви, и такта как-то меня привести в порядок…»

В 1979 году Шепитько приступила к съемкам очередной своей картины — «Прощание с Матерой» по повести В. Распутина. Вспоминает Э. Климов:

«На свою беду, я сам насоветовал ей это снимать. Она готовилась делать «Село Степанчиково». У них с Наташей Рязанцевой был готов сценарий, и они, можно сказать, были уже почти что в запуске. Но Лариса, видно, еще колебалась, окончательного решения не принимала. И вот сидим мы втроем на кухне, с нами наш сын Антон, еще маленький совсем. И идет у нас такой вроде полушутливый разговор, игра такая — мы объясняемся через Антона. Лариса говорит ему: «Спроси папу, какой фильм мне все-таки делать». Я отвечаю: «Передай маме, что «Село Степанчиково» ей делать не надо». Антоша ей докладывает: «Не надо «Село Степанчиково» делать». — «А ты спроси у папы: «Почему не надо?» — «А потому не надо, скажи маме, что для того, чтобы «Село Степанчиково» делать, надо иметь чувство юмора. А у нее — нету». — «А ты спроси, Антоша, что же тогда маме делать?» — «Скажи маме, что ей надо делать «Прощание с Матерой». Если она хочет после «Восхождения» подняться куда-то еще выше, то это как раз для нее…»

Горечь Климова по поводу того, что именно он насоветовал жене снимать эту картину, не случайна — во время съемок Шепитько трагически погибла. Но была ли ее смерть неожиданной? Думаю, что для нее самой — нет.

В последние годы жизни Ларису буквально притягивала к себе тема смерти. Например, в «Восхождении» финальная сцена — массовая казнь. После этого фильма Лариса собиралась ставить по сценарию В. Войновича картину «Любовь». Но, несмотря на столь оптимистическое название, фильм должен был стать трагическим: в его финале разъяренные деревенские старейшины убивают молодых влюбленных — парня и девушку. И, наконец, «Прощание с Матерой». В его финале умирающая мать зовет к себе всех своих сыновей, чтобы они простились и с ней, и с затапливаемой по приказу строителей ГЭС деревней. С чем же, как не с предчувствием близкой смерти, было связано столь частое появление «костлявой» в последних фильмах Шепитько?

Я уже упоминал о том, что Лариса была крайним мистиком, верила в загробную жизнь, в переселение душ, в то, что она уже несколько раз жила, и т. д. Очень серьезно она относилась и ко всяким предсказаниям. В 1978 году она была в Болгарии и там посетила знаменитую Вангу. И та предсказала ей скорую смерть. Услышав это,

Лариса в тот же день вместе с подругой пошла в храм и взяла с нее клятву, что если она умрет, то подруга будет заботиться об ее сыне Антоне.

Л. Гуревич вспоминает: «Где-то за год до трагедии мы случайно встретились с Ларисой в Доме кино.

— Привет! — сказала она. — Знаешь, я скоро умру.

Сказала, как всегда, на бегу, на лестнице: мы опаздывали на чью-то премьеру.

— Не дури! — сказал я тоже на бегу. — Что за блажь!

— Я серьезно, мне Ванга предсказала.

— Больше слушай! — осерчал я. — Посмотри, на тебя все оборачиваются: молодая, красивая!

— Ты тоже не веришь, — как-то грустно усмехнулась она…»

Трагедия произошла 2 июля 1979 года на Ленинградском шоссе. Послушаем Э. Климова:

«Она уезжала в Осташков на Селигер снимать «Матеру»; попрощалась с друзьями, со знакомыми, а со мной нет. Я, наверное, был единственный, с кем она не попрощалась. Она ждала, что мы с Антоном приедем к ней на машине. У нас есть друг, художник-фотограф Коля Гнисюк, он часто приезжал и ко мне, и к ней в экспедиции снимать. И Лариса ему сказала перед отъездом: «Коля, если ты через месяц не приедешь, ты меня не застанешь…»

Я не могу это объяснить, но я увидел ее гибель во сне. Этот страшный сон я не могу забыть до сих пор. Я проснулся в ужасе, долго не мог успокоиться, ходил по квартире, курил. Как потом выяснилось, трагедия произошла именно в это время. На 187-м километре Ленинградского шоссе их «Волга» по неустановленной причине вышла на полосу встречного движения и врезалась в мчавшийся навстречу грузовик. Уже после ее гибели я задавал себе вопрос: ну, она, предположим, особая, а при чем тут другие, те, которые погибли вместе с ней? (Кроме Ларисы, погибли оператор Владимир Чухнов и художник Юрий Фоменко. — Ф. Р.) И мне рассказали люди, которые их видели, что все они в этот месяц, который провели в экспедиции, были какие-то на себя не похожие. Ведь съемки, особенно в экспедиции, требуют огромного напряжения, где все нацелено на действие, на результат, а они все были какие-то размагниченные, странные… (В своем «Дневнике» Ю. Нагибин отметил такой факт: на

похоронах жены Климов произнес слова: «Это мне Гришка Распутин мстит. Не надо было его трогать». Климов тогда как раз снимал «Агонию». — Ф. Р.)

Последний фильм Шепитько доснимал ее муж Климов. В прокат он вышел в 1982 году и назывался коротко — «Прощание».

P.S. Сын Л. Шепитько и Э. Климова стал профессиональным журналистом, одно время работал в газете «Аргументы и факты». Кроме того, он пишет хорошие стихи.

Смерть на воде
Евгений Карелов

Особняком в нашем списке стоит смерть режиссера **Евгения Карелова**. Он был одним из самых талантливых режиссеров советского кинематографа 60—70-х годов. Ему в равной степени удавались фильмы самых разных жанров. Он прекрасно справлялся с произведениями на героико-революционную тему («Нахаленок», «Служили два товарища»), с комедиями («Дети Дон Кихота», «Семь стариков и одна девушка») и с маштабными экранизациями (т/ф «Два капитана»). Короче, всем был хорош Карелов. Но имел одну слабость, присущую многим творческим людям, — был слаб по части «зеленого змия». На этой почве в начале 70-х от него ушла жена. Вскоре Карелов женился вновь, взяв в жены художницу с «Мосфильма». Жена режиссеру досталась красивая, но из разряда «черных вдов» — два предыдущих ее супруга ушли из жизни при трагических обстоятельствах. Однако героя нашего рассказа этот факт не остановил.

Карелов погиб вскоре после новой женитьбы — 11 июля 1977 года. Трагедия произошла в Гаграх, куда Карелов приехал отдохнуть. В тот роковой день 45-летний режиссер отправился купаться в компании со своим коллегой Евгением Матвеевым. Купались они долго, после чего Матвеев вернулся на берег, а Карелов решил напоследок окунуться еще разок. Однако этот разок стал последним — на поверхность воды он больше не вынырнул. Что послужило причиной гибели режиссера, так до сих пор и не выяснено.

Роковой 1987-й
Юрий Чулюкин. Александр Серый

Роковым для советской кинорежиссуры стал 1987 год: тогда из жизни при трагических обстоятельствах ушли сразу два известных режиссера. Первым открыл список **Юрий Чулюкин**, снявший больше десятка фильмов, но прославившийся двумя. Речь идет о комедиях «Неподдающиеся» (1959) и «Девчата» (1961).

Чулюкин погиб вдали от родины и при обстоятельствах, до сих пор так и не выясненных. Трагедия произошла в марте 1987 года в Мозамбике, в городе Мапуту, где проходила неделя советских фильмов. Привез на нее свою картину о событиях Гражданской войны на Дальнем Востоке «Поговорим, брат» и Юрий Чулюкин. Во время пребывания в городе он жил в отеле «Ровума» на 10-м этаже. И ничто, кажется, не предвещало беды. Но в 4 часа утра 7 марта работники гостиницы нашли бездыханное тело советского режиссера на полу лестничной шахты. Он был мертв. Врачи констатировали, что смерть режиссера наступила от удара об пол. Местные власти этот трагический случай списали на самоубийство.

Второй жертвой рокового 87-го стал **Александр Серый**, прославившийся комедией «Джентльмены удачи» (1971). Между тем снял он ее не случайно.

Идея этого фильма пришла в голову режиссеру Георгию Данелии, который таким образом хотел помочь Серому вернуться в большой кинематограф. Дело в том, что с Серым они в 1959 году окончили Высшие режиссерские курсы, но если Данелия сразу после курсов сумел удачно устроить свою судьбу в кинематографе, то Серому не повезло — он угодил в тюрьму. Случай проходил по разряду бытовых: Серый из ревности ударил некоего мужчину топором по голове и сделал его инвалидом. За это и получил солидный тюремный срок. Однако отсидел всего пять лет, выйдя на волю с помощью родственников (его мама была известным профессором, работала в Академии наук СССР). Девушка Марина, из-за которой Серый и угодил за решетку, его дождалась и стала его женой. В 1961 году у них родилась дочь Ольга.

Кстати, тот человек, которого Серый сделал инвалидом, напомнил о себе вскоре после освобождения режиссера. Как-то вечером в дверь

Серого позвонили. Он открыл и успел заметить в дверном проеме силуэт человека. В следующую секунду раздался хлопок, и в режиссера угодила стрела из гарпунного ружья. Только чудо спасло Серого от смерти. После хлопка он инстинктивно дернулся, и стрела, летевшая точно ему в лицо, лишь пробила щеку и задела ухо. А неизвестный скрылся так же внезапно, как и появился. Была версия, что это сделал давний «соперник» режиссера (или кто-то из его друзей), но доказать это так и не смогли.

Между тем карьера Серого в кино на какое-то время застопорилась. К серьезной работе его не допускали, предпочитая держать на подхвате. Но постепенно лед вокруг него начал таять, и он получил возможность заниматься любимым делом. Правда, пока всего лишь в соавторстве. Так вместе с Анатолием Бобровским он снял детектив «Выстрел в тумане» (1964), а с Константином Жуковым — социальную драму «Иностранка» (1966). Последняя картина едва не поставила крест на дальнейшей режиссерской судьбе Серого. Критика обвинила ленту в малохудожественности и потакании дурным вкусам. И от режиссуры Серого отлучили. Впору было менять профессию. И здесь руку помощи Серому протянул его бывший однокашник Георгий Данелия. Он задумал написать сценарий, по которому его друг поставил бы хорошую комедию. Причем, учитывая, что с тюремными нравами Серый был знаком не понаслышке, сюжет будущего фильма решено было увязать с неволей. Так на свет появились «Джентльмены удачи», которые имели фантастический успех.

Так вышло, но после этого триумфа Серый снял еще две картины, но их даже близко нельзя поставить рядом с «Джентльменами…». Речь идет о фильмах «Ты — мне, я — тебе» (1977) и «Берегите мужчин» (1983). В «Ты — мне…» сюжетная коллизия чем-то напоминала «Джентльменов…»: вновь все крутилось вокруг близнецов (правда, теперь родных братьев). Стоит отметить, что в эту картину Серый не пригласил ни одного человека из тех, с кем он работал несколько лет назад над «Джентльменами удачи» (кроме композитора Г. Гладкова). Несмотря на хорошую прокатную судьбу (3-е место, 41,6 млн. зрителей), этот фильм был гораздо слабее «Джентльменов удачи». И уж совсем безрадостной была прокатная судьба «Мужчин». Несмотря на то что в нем снимались звезды (Леонид Куравлев, Нина Русланова), зритель шел на фильм весьма неохотно. Эта неудача поставила крест

на режиссерских амбициях Серого. А затем последовала трагедия. В конце 80-х душевное состояние Серого продолжало ухудшаться. Тут еще и тяжелая болезнь, которая в последние годы обострилась и стала просто невыносимой. Как итог: 10 октября 1987 года Александр Серый застрелился, не дожив всего нескольких дней до своего шестидесятилетия.

Потери последних лет
В. Кучинский. М. Пташук

Весной 1996 года трагически оборвалась жизнь кинорежиссера **Владимира Кучинского**, известного по фильму с участием Вячеслава Тихонова «Любовь с привилегиями» (1990). В тот роковой день 17 апреля к режиссеру приехал его коллега — оператор киностудии имени Довженко Александр Шумович. Мужчины расположились на кухне, а жена хозяина квартиры сидела в комнате. Внезапно до нее донесся какой-то шум, после чего раздался выстрел из охотничьего ружья (режиссер был охотником). Когда женщина вбежала на кухню, ее глазам предстала ужасная картина: ее муж сидел на стуле с ружьем в руках, а гость лежал на полу с простреленной головой.

Как оказалось, причиной ссоры была ревность. Кучинский приревновал к гостю свою жену и не нашел ничего лучшего, как схватиться за ружье.

Утром следующего дня женщине с трудом удалось выйти из дома, объяснив мужу, что она сходит в магазин и тут же вернется назад. Кучинский ей ответил: «Если через пятнадцать минут ты не вернешься — я застрелюсь». Так оно и получилось. Едва выйдя на улицу, женщина тут же бросилась искать милиционеров, и, пока она это делала, отпущенное ей время истекло. Когда же она вместе с милиционерами вернулась назад, Кучинский был уже мертв. Стоит отметить, что в тот день в Москве было зарегистрировано рекордное количество самоубийств — 9.

Спустя шесть лет при трагических обстоятельствах из жизни ушел еще один кинорежиссер — **Михаил Пташук**. В отличие от Кучинского он не покончил с собой, а стал жертвой автокатастрофы. Трагедия произошла 27 апреля 2002 года.

Пташук приехал в Москву из Белоруссии в конце апреля, чтобы участвовать в очередной, 15-й по счету, церемонии вручения высшей кинематографической премии России «Ника» (мероприятие было назначено на 28 апреля, Пташук номинировался с фильмом «В августе 44-го…», причем фильм проходил по шести номинациям). Однако накануне этого события Пташук погиб. Вот как об этом сообщал «Московский комсомолец»:

«Причиной аварии, в которой погиб режиссер, стала ошибка его спутницы. Пташук погиб в результате автокатастрофы, которая произошла вечером 27 апреля на Краснопресненской набережной. Девушка, сидевшая за рулем машины «Мицубиси», в которой ехал режиссер, не справилась с управлением, автомобиль выехал на полосу встречного движения и здесь врезался в «Газель». Удар был такой силы, что двигатель иномарки оказался вжатым в салон. И водитель, и пассажир, сидевший на переднем сиденье, погибли на месте аварии. 29 апреля тело Пташука готовили к отправке на родину. Сотрудникам посольства пришлось самим покупать по меркам траурный костюм для погибшего…»

Трагедии на эстрадном и музыкальном олимпах

В небе под Харьковом
Виктор Чистяков

В начале 70-х в Советском Союзе не было популярнее пародиста, чем Виктор Чистяков, который так виртуозно имитировал голоса звезд отечественной эстрады, что равных ему практически не было (разве что Геннадий Дудник, но тот специализировался на артистах-мужчинах, в то время как Чистяков мастерски подражал даже женщинам).

Между тем свою карьеру Виктор Чистяков начинал как драматический актер: после окончания театрального училища он работал в Ленинградском театре имени Комиссаржевской. Там же в качестве артистки трудилась и его молодая супруга Наталья Рыбакова. Однако в театре карьера Чистякова не складывалась, и он по-настоящему был занят всего лишь в одном спектакле — в «Принце и нищем». Поэтому параллельно он решил податься на эстраду. Еще в студенческие годы Чистяков виртуозно имитировал голоса популярных эстрадных исполнителей и теперь решил заняться этим профессионально. Именно на этом поприще его и поджидал поистине феноменальный успех. То, как он пародировал популярных артистов — в особенности хорошо у него получались женские голоса, приводило в неописуемый восторг публику. Чего нельзя было сказать о самих пародируемых. Например, Людмила Зыкина сильно злилась, когда слышала свои песни в исполнении Чистякова.

Между тем успех, обрушившийся на Чистякова, окрылил его. И он решил уйти из театра и перебраться в Москву. Однако переехать в столицу оказалось делом непростым. Какое-то время супругам Чистяковым просто не везло. Например, главреж Театра на Таганке Юрий Любимов согласился было взять Чистякова к себе в труппу, но с условием — без жены. Виктор от такого варианта отказался. Другой известный режиссер — Марк Захаров — от услуг Чистякова отказался сразу, объяснив, что не видит в нем театрального артиста. И только главреж Театра имени Гоголя Борис Голубовский «клюнул» на Чистякова и его жену, рассчитывая с их помощью осуществить постановку комедии «Тетка Чарлея». Ранней осенью 1971 года

Чистяковы перебрались в Москву и поселились в общежитии театра на улице Чехова. Тогда никто из них и в страшном сне не мог себе представить, что одному из них жить осталось всего-то ничего — восемь месяцев.

Вспоминает Г. Бардин: «Мы познакомились в 1971 году в большом актерском общежитии, где в трех комнатах жили тогда актеры Театра имени Гоголя. В одной из комнат жил я, в другой — один актер нашего театра, а третья освободилась после того, как актеры-молодожены получили квартиру. В освободившуюся комнату и должны были приехать артисты из Ленинграда. Поначалу мы даже не знали, кто именно приедет. Потом прошел слух, что едет артист Виктор Чистяков с женой. На него Борис Голубовский собирался ставить «Тетку Чарлея». В театре было настороженное отношение к этому, потому что все мы знали Чистякова как эстрадную звезду, а не как драматического актера. Театр — сложный организм, и нового человека чаще встречают в штыки, пока он не проявит себя. Так что Чистяков еще не приехал, а коллектив уже был как-то настроен против него, тем более что сферы влияния у нас были поделены, и при вечном лозунге театра «Против кого дружите?» выходило тогда, что дружили против новичка из Ленинграда.

И вот Виктор с Натальей приехали, поселились у меня за стенкой. У нас была одна кухня, один туалет, общий телефон, который с его приездом трещал не переставая. Виктор с людьми сходился не сразу, всегда давал почувствовать дистанцию. И по телефону, и в обычном общении просил называть себя Виктором Ивановичем, а было-то ему двадцать восемь лет. Он не любил панибратства, тем более что уже вошел в плеяду лучших эстрадных артистов Советского Союза. Требовал к себе соответствующего отношения, и, надо сказать, заслуживал его. Вообще, чувство собственного достоинства у него было развито, но никогда не переходило в настырность, в наглость. Наоборот, в этой хамской стране он хотел отгородиться от норм общепринятых хотя бы этой формой общения: «Виктор Иванович», «вы». Мы тоже вначале были на «вы», ну а потом уж как-то разговорились один-другой раз и перешли на «ты».

Волею судьбы в Москве Чистяков прожил чуть меньше года. Стать настоящим москвичом и окончательно завоевать эстрадный

олимп ему помешала трагическая случайность. События развивались следующим образом.

18 мая 1972 года в 10.38 утра Виктор Чистяков должен был вылетать в Харьков на празднование 25-летия местной оперетты. Однако в силу двух обстоятельств — того, что в эту ночь он лег спать около четырех утра (был в гостях у поэта Юрия Энтина, а потом дома долго подписывал свои фотографии для поклонников), и своей привычки везде и всюду опаздывать — он и в это утро проспал дольше обычного. И, когда встал, поняв, что опоздал, решил лететь следующим рейсом. Это было возможно, поскольку концерт был назначен на вечер. Однако супруга устроила ему истерику, и он сорвался из дома, даже не побрившись и не позавтракав. Он даже не успел заехать к Энтину на Балаклавский проспект (хотя это было по пути во Внуково), чтобы забрать свои темные очки, забытые им накануне. Но на самолет он все-таки успел, причем только по одной причине: летчики долго выясняли отношения со своим руководством, отказываясь лететь на этом самолете, поскольку он уже выслужил свой летный срок. Однако пилотов удалось уговорить, им сказали: это харьковский самолет, вот и перегоните его в Харьков и поставьте на прикол. Пока летчики ругались, Чистяков успел на этот самолет, уже практически опоздав на него.

Вспоминает Ю. Энтин: «Я ему говорил: «Давай я тебе заплачу! Только не летай, потому что ты просто себя истощаешь. Нельзя бесконечно делать одно и то же, тем более тебе так трудно. Готовься к своим мультипликационным ролям, давай поговорим лишний раз спокойно, без суеты, будет полезно подумать о тетке Чарлея, и вообще нельзя такое количество концертов давать!» Я даже угрожал ему! И он мне тогда поклялся, что это будет в последний раз, что больше он не будет летать, просто сейчас надо немного заработать…

Поскольку Витя обещал к нам заехать за очками, мы встали в девять утра. Налили кофе (крепкий кофе он обожал, это был для него как наркотик, он постоянно его пил и никогда не успевал позавтракать), сделали какие-то бутербродики, чтобы Витя перекусил на ходу. Стали ждать. Десять часов — его нет. Позвонили Наташе, которая сказала, что, скорей всего, он опоздал, потому что проспал, встал поздно, не позавтракал, выскочил и помчался в аэропорт: «Не

знаю, успеет или нет, но, по-моему, не должен успеть», — сказала Наташа.

Ну, не успел — так не успел. Прошло какое-то время, часов в двенадцать — в час она нам позвонила: «Странно! Ничего не понимаю! Сейчас мне позвонили из Харькова и сказали, что самолет вроде не приземлился, что Вити нет». Звонили устроители его гастролей. На это я сказал, что раз он опаздывал, то, скорей всего, полетит другим самолетом. Подумал, что все это ерунда, не придал никакого значения. Но через некоторое время Наташа снова позвонила и сказала, что все это очень подозрительно, ей вновь из Харькова позвонили и сказали, что не только Виктор, но и все другие артисты, которых ждали, не прилетели. Мы почувствовали в ее голосе тревогу, сели на машину и примчались. Стали думать: что делать, куда звонить? Появился Хазанов. Кто-то нам объяснил, что нужно звонить в аэропорт и говорить кодовую фразу: «Нет ли замечаний по рейсу?» Тогда нам ответили, что замечания есть. У нас началась паника. Мы все почувствовали недоброе. Вскоре пришло сообщение, что самолет разбился…»

Стоит отметить, что на эти гастроли должны были вылететь многие популярные артисты — Евгений Петросян, Лев Лещенко и другие, но они в силу разных причин остались в Москве. Например, Лещенко не улетел из-за Гостелерадио, которое не отпустило его в Харьков ввиду участия в творческом вечере поэта Льва Ошанина. Но пятеро музыкантов его оркестра в тот самолет сели. И все разбились. Тогда же с Лещенко произошла еще одна мистическая история. У него в оркестре не хватало трубача, и один из его музыкантов — Михаил Вишневский — пообещал найти подходящего парня. И нашел его в утесовском оркестре, причем именно 18 мая тот должен был прилететь в Москву с гастролей. Трубач действительно прилетел, но в тот же день пошел в магазин за хлебом и угодил под колеса троллейбуса. А в это самое время в местечке Русская Лозовая, что в 18 км от Харькова, разбился самолет, в котором летели Михаил Вишневский и еще четверо музыкантов из оркестра Лещенко. Их всех и похоронили на одном кладбище — на Кузьминском.

По официальной версии, причиной гибели самолета Ан-10 стала «усталость металла» (мы помним, как летчики отказывались на нем лететь из-за его ветхости): в воздухе у самолета отвалилось сначала

одно крыло, затем другое. На место аварии даже приехал сам конструктор этого самолета Антонов и лично констатировал, что эта конкретная машина уже давным-давно отлетала свой срок.

Первым к месту катастрофы добрался тамошний лесник. Он потом рассказывал, что место падения самолета представляло собой страшное зрелище. От людей практически ничего не осталось, сохранилось лишь одно тело — оно принадлежало младенцу. Прибывшие вскоре военные погрузили все останки в цинковые контейнеры и увезли. Жене Чистякова Наталье представители Аэрофлота вручили свидетельство о смерти, где было написано, что смерть ее мужа произошла в результате обширной травмы с разрушением тела. Выдали 300 рублей страховки (тогда все пассажиры авиарейсов платили 25 копеек страхового взноса). Еще Наталье отдали фотографию с паспорта мужа, который уцелел — у него только края слегка обгорели, а в середине как будто пуля прошла. Сам паспорт забрали.

Похороны жертв авиационной катастрофы под Харьковом состоялись 25 мая в Москве и Ленинграде. Как мы помним, все останки погибших были собраны в цинковые контейнеры, после чего было произведено братское кремирование. Затем прах разделили по урнам и раздали родственникам погибших.

Между тем самыми многочисленными были похороны в городе на Неве, где хоронили Виктора Чистякова, которого знала вся страна. Урна с его прахом была установлена в учебном Театре на Моховой, в здании ЛГИТМиКа, где учился покойный. Поначалу родственники собирались провести панихиду в ленинградской квартире Чистякова, поскольку не хотели иметь ничего общего с Театром Комиссаржевской, где долгое время работал покойный. Ведь Чистяков уходил оттуда со скандалом, у него были испорчены отношения со многими его актерами. Однако и вариант с квартирой тоже был не лучшим — ведь должно было прийти огромное количество людей, и, чтобы принять всех, надо было подыскать более подходящее место. В итоге остановились на ЛГИТМиКе. День похорон показал, что это решение было правильным. Народу пришло столько, что улицу пришлось перекрыть для транспорта. После гражданской панихиды траурная процессия отправилась на Богословское кладбище. Как вспоминает сестра покойного Галина Чистякова:

«На кладбище я пробраться к своему брату не смогла. Мы приехали, но там уже было столько народу, который знал, где будут хоронить, что пройти туда оказалось физически невозможно. С одной стороны за руку меня поддерживал муж, ноги были ватные, я постоянно теряла сознание. С другой — тоже кто-то поддерживал, а когда толпа хлынула, мы не смогли пробраться к могиле. Приехали уже на следующий день…»

СашБаш
Александр Башлачев

Александр Башлачев (среди своих — СашБаш) был одним из самых талантливых рок-музыкантов России и пользовался непререкаемым авторитетом в рок-среде. Его пронзительные баллады люди цитировали наизусть. Однако, кроме восторженных отзывов, Башлачев ничего больше не имел: в материальном отношении он был, что называется, гол как сокол. У него не было ни нормального дома, ни нормальной семьи. Единственным утешением музыканта был алкоголь, который он потреблял в неумеренном количестве.

Говорят, в последние несколько месяцев своей жизни Башлачев только и говорил, что о смерти. Точнее, о способах самоубийства. Казалось, что он выбирает, как ему эстетичнее уйти из жизни. Без крови и грязи.

В начале февраля 1988 года 28-летний Башлачев и его гражданская жена Настя Рахлина (она тогда была беременна) приехали в Москву из Ленинграда. Поскольку жить им было негде, они отправились по друзьям-знакомым. Первым, к кому зашли, был Артемий Троицкий (он снимал квартиру на Беговой). Но он их у себя не оставил, о чем теперь сильно жалеет. Вот его собственные слова: «Сашка дал мне понять, что ему вообще негде жить и было бы хорошо на какое-то время остановиться у меня. Я тогда не приютил его, а мило и весело сказал: «Давай, Саня, заходи как-нибудь» — и закрыл дверь. Мне до сих пор стыдно и страшно за эти слова. Это была главная ошибка в моей жизни. Я никогда себе этого не прощу! Ведь я мог продлить ему жизнь на неделю, две, месяц…»

В итоге Настя осталась в Москве (она была москвичкой), а Башлачев вернулся в Ленинград. Он остановился у фиктивной жены, Евгении Каменецкой, в маленькой однокомнатной квартирке. Вечером 16 февраля там состоялась бурная вечеринка с огромным количеством вина. Но Башлачев был единственным, кто не пил: утром он собирался вместе с Женей и ее парнем Шуриком сходить в баню. Той же ночью он позвонил Насте.

Рассказывает И. Боброва: «Проснувшись утром, Саша попытался разбудить остальных, но не смог.

— Ты что, с ума сошел: какая баня в такую рань?! — отмахнулся Шурик, парень Жени. — Голова еще трещит…

Сколько прошло времени, никто не знал. Просто в какой-то момент Женю Каменецкую как будто подбросило. Она выбежала на кухню. Окно было распахнуто настежь. Дату на настенном календаре — 17 февраля 1988 года — кто-то обвел черным фломастером.

Через несколько минут в дверь позвонили. «Не у вас из окна человек упал?..» — осторожно осведомился мужчина с погонами.

Его смерть долго мусолили в околомузыкальных кругах. Одни приписывали Саше шизофрению, другие — увлечение алкоголем, третьи — наркотики…»

Н. Рахлина: «Все это неправда. Сашка действительно несколько раз курил анашу, но никогда не покупал ее сам. А пьянел от одного стакана вина…

Сашкино решение уйти из жизни не было внезапным. Мы не встраивались в быт. У нас не получалось… иметь квартиру и магазин под боком. Не получалось заработать деньги. Он больше не мог жить на улице. Это был замкнутый круг, пробить который мы не сумели…».

Последний сон
Виктор Цой

1990-е годы только начались, а отечественная рок-музыка понесла новые потери. Открыл скорбный список признанный кумир 80-х **Виктор Цой**, который погиб на исходе лета 90-го в автомобильной катастрофе под Юрмалой на 28-м году жизни. События развивались следующим образом.

24 июня 1990 года Цой дал свой последний в жизни концерт — вместе с группой «Кино» он выступил на Большой арене Лужников в рамках финала традиционного ежегодного праздника газеты «Московский комсомолец». Никто из присутствующих не догадывался, что видит певца в последний раз. На следующий день Цой уехал отдыхать в Прибалтику на новом, только что купленном «Москвиче». Именно на нем он и погиб. Днем 15 августа Цой возвращался на машине с рыбалки и заснул за рулем. В результате его «Москвич» в 12 часов 28 минут на огромной скорости (130 км в час) выскочил из-за поворота на Тукумс (на 35-м километре трассы Слока — Талси) и протаранил пустой автобус «Икарус-280», который от этого удара отлетел на 100 метров и упал в реку. Смерть 28-летнего музыканта была мгновенной. Удар был настолько сильным, что двигатель «Москвича» раскрошился, и его остатки затем люди находили в радиусе 60 метров от места аварии. Одно колесо от машины так и не нашли. Уцелели только крышка багажника с неразбитым стеклом, задний мост и компакт-кассета с записью нового альбома группы «Кино». От самого Виктора не осталось практически ничего — тело было изуродовано до неузнаваемости. Как будет написано в патолого-анатомической экспертизе: «Цой. Р. В. был абсолютно трезв накануне своей трагической гибели. Во всяком случае, он не употреблял алкоголь в течение последних 48 часов до смерти. Анализ клеток мозга свидетельствует о том, что он уснул, вероятно, от переутомления».

Рассказывает супруга В. Цоя Марианна: «В протоколе написано, что он заснул. В это не верит никто из близких. Витя шел по жизни на легких кошачьих лапах, был крайне осторожен. Я думаю, что он

просто увлекся движением — бывает такая эйфория. Ездил он на ста пятидесяти. По всей видимости, нарушение было со стороны Вити, судя по следам протекторов на асфальте. Он врезался в автобус на встречной полосе. Элементарная автомобильная катастрофа. В убийство я не верю. Цой не был человеком, которого кому-то хочется убрать».

Вспоминает Д. Шавырин: «Несмотря на субботу, в Ленсовете было проведено экстренное совещание. Благодаря усилиям Айзеншписа (продюсер группы «Кино». — *Ф. Р.*) было получено разрешение на захоронение на одном из лучших кладбищ Ленинграда — на Богословском. Нашли место — почти как у Высоцкого. Чтобы к могиле был открыт доступ большого количества людей. Но главный вопрос: как избежать эксцессов во время похорон? Музыканты «Кино» собрались вечером в студии ЛенТВ и в прямом эфире обратились к своим поклонникам. Это было единственно правильным решением в той взрывоопасной ситуации.

Все, кто собрался во дворике ленинградского рок-клуба на Рубинштейна, 13, организованно вышли на Невский, и колонна проследовала к кладбищу. По пути — церемония возложения цветов на кучи угля. Красные розы у ворот кочегарки, которую все слушатели «Кино» знают как «камчатку». Всю ночь под питерским небом звучали песни Цоя. За 28 лет он успел написать их более трехсот…

Траурная процессия медленно движется к Богословскому кладбищу. Тысячи людей молча ожидают, пока родственники и близкие прощаются с Виктором. Ни одной попытки прорваться через кордон. Причем вовсе не милиция, а ребята из рок-клуба сдерживают десятки тысяч фэнов. Первыми цветы на могилу кладут Андрей Макаревич, всего на полчаса прилетевший в Ленинград (у «Машины времени» идут концерты в Москве), Артем Троицкий, Джоанна Стингрей, Сергей Курехин (умрет в июле 1996 года на 42-м году жизни. — *Ф. Р.*), Костя Кинчев…

Мы уезжаем из Ленинграда под вечер. По пути вновь заехали на кладбище. Очередь желающих попрощаться с Витей выстроилась на многие километры. Питер плакал с раннего утра, когда начал накрапывать дождь. Он прекратился всего на двадцать минут, когда гроб опускали в могилу, а затем хлынул с полной силой. В тот день плакали не только поклонники.

Говорят, что дождь во время похорон — доброе предзнаменование, что память об этом человеке будет сохранена навечно. А накануне была такая жара.

«Закрой за мной дверь, я ухожу», — пел Витя на своем последнем в жизни концерте в «Лужниках». Мы закрыли ее, Виктор, тихо, тихо. Спи спокойно, мы не будем тебе мешать».

Короткая песня
Яна Дягилева

Не прошло и года со дня гибели Цоя, как отечественную рок-музыку постигла новая утрата: из жизни ушла 25-летняя **Яна Дягилева**.

Слава пришла к Дягилевой в 1987 году, когда рок-движение в СССР обрело долгожданную свободу. По мнению многих специалистов, в советском роке Дягилева была явлением не меньшей важности, чем Гребенщиков или Башлачев. И если бы судьба отмерила ей долгую жизнь, ее имя гремело бы не менее громко. Но Дягилева была на вершине успеха всего четыре года.

На конец весны 1991 года Дягилева должна была совершить гастрольный тур по городам Золотого кольца вместе с группой «Калинов мост». Но тур не состоялся — Яна впала в жуткую депрессию. Сутки она пролежала пластом на кровати и уехала из Москвы домой, в Новосибирск. И спустя несколько дней погибла.

9 мая Дягилева была на даче, где вместе с родственниками отмечала День Победы. В середине дня Яна ушла из дома, сказав, что погуляет в лесу. Однако домой так и не вернулась ни в тот день, ни на другой. Родственники заявили в милицию. Спустя почти неделю Дягилеву нашли — мертвую. Ее тело прибилось к берегу реки Ины (приток Оби). Признаков насильственной смерти на теле обнаружено не было. «Это или несчастный случай, или самоубийство», — решили в милиции.

Друзья погибшей обвиняли в ее смерти лидера группы «Гражданская оборона» Егора Летова. Но сам он от этих обвинений категорически открестился. Егор заявил следующее: «Ну, это глупости все. Мы с ней вообще долго не виделись, несколько лет. Редко переписывались. Она жила совершенно своей жизнью — у нее была своя команда, она писала свои песни, стихи. У нее была своя семья. Она совсем даже не собиралась… и никаких у нее суицидальных не было намерений. Человек-то веселейший был, ужасно любящий жизнь. А все эти разговоры о ее стремлении к смерти… Некоторым

людям очень хочется создать определенный миф. Что же произошло на самом деле, я не знаю и комментировать не буду».

Трагедии конца девяностых
Сергей Коржуков. Петлюра. Шандор. Игорь Сорин

Летом 1994 года эстрадный мир России потрясла новая трагедия — погиб солист популярного ансамбля «Лесоповал» 35-летний **Сергей Коржуков**.

«Лесоповал» стал популярен именно благодаря таланту Сергея Коржукова. До этого поэт Михаил Танич, создатель этого ансамбля, работал с другим вокалистом, но дела шли плохо. По совету жены Танич встретился с Сергеем. Они записали первую песню, и она тут же стала популярной.

Коржуков до этого окончил медицинское училище и два года проработал фельдшером на «Скорой помощи». Играть на гитаре начал с пятого класса. Любовь к музыке в конце концов и подвигла его бросить медицину и устроиться певцом в ресторан «Эрмитаж». Там он проработал 12 лет, пока не встретился с Таничем.

С Коржуковым произошло то же, что в свое время с Владимиром Высоцким. Тот тоже никогда не сидел в тюрьме, однако очень талантливо пел о заключенных. Правда, Высоцкий пел в иные времена, когда афишировать блатные песни было делом опасным. У Коржукова все было наоборот: песни в его исполнении крутили по ТВ, на радио, в свет вышли три диска-гиганта.

Однако, как выяснилось позже, внезапно свалившаяся на артиста популярность оказалась для него непосильной ношей. В жизни Коржуков был болезненно застенчивым, неуверенным в себе человеком. Он почему-то считал себя недостойным того успеха, что выпал на его долю. Во многом это и определило приход той трагедии. Ранним утром 20 июля 1994 года Коржуков упал с балкона своего высотного дома. Смерть наступила мгновенно от разрыва аорты. До сих пор так и неясно, что это было: самоубийство или несчастный случай.

Два года спустя, уже при иных обстоятельствах, погиб еще один популярный исполнитель блатных песен, Петлюра. Этот молодой певец из Ставрополя стал широко известен всей стране в 1995 году

после выхода в свет двух его альбомов: «Малолетка» и «Скорый поезд», выпущенных фирмой «Мастер-Саунд». Эта фирма открыла слушателю певца, она же взялась и за дальнейшую его раскрутку. В 1996 году вышел третий его альбом — «Печальный парень». После этого Петлюра перебрался в Москву, где руководство «Мастер-Саунд» обещало купить ему квартиру. Однако справить новоселье певец так и не успел.

Вечером 28 сентября 1996 года программа телеканала ТВ-6 «Дорожный патруль» показала очередной сюжет с места аварии — накануне ночью на Севастопольском проспекте разбился автомобиль «БМВ». Несколько пассажиров, находившихся на заднем сиденье иномарки, получили травмы различной тяжести, и только водитель, молодой парень 22 лет, от полученных травм скончался. Имя погибшего на тот момент известно не было, и только спустя несколько часов выяснилось, что им оказался популярный исполнитель «блатного» жанра **Юрий Барабаш**, выступавший под псевдонимом **Петлюра**.

Как выяснило следствие, это была не обычная автокатастрофа, а спланированное убийство. Правда, жертвой должен был стать не певец, а его попутчики, у которых возникли трения с представителями криминального мира. Но в результате взрыва погиб Петлюра. Похоронили певца на Хованском кладбище. А в начале следующего года фирма «Мастер-Саунд» выпустила последнюю запись певца — «Прощальный альбом».

В 1998 году еще один популярный исполнитель принял смерть от своего «железного коня». Речь идет о 25-летнем цыганском певце **Шандоре**. Он принадлежал к известному цыганскому роду Пэтровых (его дядя и тетя — артисты Дуфуня и Валентина Вишневские) и с детства мечтал стать артистом. Уже в 5-летнем возрасте он снялся в комедии «Баламут», которая в прокате 1979 года заняла 7-е место. В более взрослые годы Шандор снялся еще в нескольких фильмах, последние из которых снял его дядя — Дуфуня Вишневский («Грешные ангелы любви» (1993) и «Я виноват» (1995)).

В 80-х Шандор увлекся карате и даже стал чемпионом Европы. Однако в одном из поединков он повредил себе колено и вынужден был навсегда оставить татами. После этого в его жизнь вошла музыка. В середине 90-х Шандор решил начать карьеру эстрадного артиста и

запел в стиле соул. Как писали о нем критики: «Девчонки приходят в восторг от его внешности плейбоя — огненно-черные глаза, язвительная улыбка, завораживающая «кошачья» пластика».

1998 год начался для Шандора весьма обнадеживающе. На телевизионные экраны вышел музыкальный фильм «Новые приключения Буратино», в котором Шандор, наряду с десятком других российских поп-звезд, сыграл одну из ролей. Летом певец планировал провести в Москве фестиваль музыки соул, собирался в гастрольный тур по городам Америки, готовил к выходу свой третий сольный альбом. Кроме того, в начале лета он в очередной раз собирался стать отцом (до этого у него родились две девочки и мальчик — Янош, причем годовщина рождения сына совпала с днем гибели отца — 27 апреля 1998 года). Рассказывает жена певца — Сабрина:

«Этот день начинался так красиво. С самого раннего утра мы готовились к празднованию дня рождения старшего сына Яноша. Внезапно Шандору позвонили, он спешно завел машину, поцеловал меня, детей и пообещал скоро вернуться. Но… знаете, Янош до сих пор так и не прикоснулся к подаркам, купленным отцом, и даже не стал разрезать именинный торт — все ждет, когда же вернется любимый папочка…»

Судя по всему, Шандор увлекся ездой на огромной скорости (по словам близких, он всегда любил быструю езду) и не справился с управлением. На 25-м километре трассы Москва — Крым его «шестисотый» «Мерседес» несколько раз перевернулся и свалился в кювет. Певец скончался на месте. По одной из версий, на трассе Шандора «подрезал» какой-то лихач, и, чтобы избежать столкновения, певец резко вывернул руль. Последним пристанищем «принца Шандора» (так называли его братья-ромалы) стало Кузьминское кладбище.

Вскоре после гибели мужа его жена Сабрина родила мальчика. Его назвали в честь отца Шандором.

Четыре месяца спустя эстрадный мир потрясла еще одна смерть — покончил с собой один из участников группы «Иванушки Интернешнл» **Игорь Сорин**.

Сорин родился в 1970 году. Будучи учеником второго класса, впервые попал на съемочную площадку (снимался фильм по произведениям Марка Твена). Произошло это случайно. Газета

«Пионерская правда» объявила конкурс на роль Тома Сойера, Сорин откликнулся и совершенно неожиданно победил. Однако сыграть главную роль ему так и не довелось. У режиссера вскоре поменялись планы, и вместо Сорина на главную роль взяли другого актера.

После окончания школы Сорин пошел в ПТУ, чтобы до армии получить хоть какую-то специальность. Однако когда пришел срок призываться в армию, Сорина комиссовали — врачи обнаружили язву.

Между тем в училище был создан вокально-инструментальный ансамбль, в котором Сорин занял место вокалиста. Ансамбль неплохо выступал и на одном из городских конкурсов занял 2-е место. Члены жюри отметили вокальные данные солиста и пригласили Сорина в клуб «Трудовых резервов» — заниматься вокалом с педагогом.

Окончив училище, Сорин устроился рабочим сцены в Театр имени Ермоловой. Однако он решил продолжать свое образование и вскоре поступил в Музыкальное училище имени Гнесиных.

Череда случайностей в жизни Сорина продолжалась. В начале 90-х Сорин гулял по Москве и случайно прочитал на каком-то заборе объявление о том, что Варшавский драматический театр набирает труппу для участия в мюзикле «Метро». Театр ставил спектакль о жизни молодежи с участием актеров разных стран. На отборочном туре Сорин познакомился с Андреем Апполоновым-Григорьевым: Игорь прошел по конкурсу как вокалист, а Андрей как танцор. После триумфального выступления в Варшаве спектакль улетел в Америку, где с артистами был заключен контракт на пять лет. Все складывалось как нельзя лучше. В Америке Сорину даже предложили учиться в нью-йоркской академии вокала… Однако в дело вмешались непредвиденные обстоятельства. У режиссера театра начались сложности с местными коллегами, и это противостояние привело к расколу в коллективе. Часть артистов осталась в Штатах, а другие вернулись в Польшу. В числе последних покинул Америку и Сорин, который вернулся в Москву и сумел восстановиться в Гнесинке. Дипломным спектаклем Сорина стал мюзикл «Прекрасный Адонис».

После окончания училища Сорин какое-то время находился в «свободном плавании» — сочинял музыку, писал сценарии. Но в 1994 году из Сочи приехал Апполонов-Григорьев («Рыжий») и предложил другу место певца в новой группе Игоря Матвиенко «Иванушки

Интернешнл». Группа довольно быстро стала популярной, и на ее участников обрушилась внезапная слава.

Рассказывает мать И. Сорина Светлана Александровна: «Игорь пригласил нас на свой концерт только тогда, когда стало очевидно, что «Иванушки» популярны. Вообще-то он не любил славу и всегда был недоволен собой. Говорил, что ему в «Иванушках» тесно и слишком… легко. Он ненавидел петь под «фанеру» и страшно злился, когда им делали замечания по этому поводу…

У нас были довольно жесткие отношения с соседями из-за фанаток, которые исписали весь наш подъезд любовными посланиями, адресованными Игорю. Все этажи и лифты пестрели слезными обращениями к нему. Нам это надоело, и я вынесла этим ненормальным девчонкам ведро с порошком и сказала, что если они уважают Игоря, то должны вымыть все этажи. Вымыли.

Почти все деньги, которые Игорек стал зарабатывать в «Иванушках», уходили у него на экипировку. Он не любил стандартные вещи, поэтому всегда отоваривался на Тишинской барахолке, скупал всю старину. Приходил домой порой в ботинках или шинели, которые носили лет 30–50 назад…»

Между тем 3 марта 1998 года Сорин в последний раз выступил в составе «Иванушек», после чего принял решение покинуть группу. Что именно явилось причиной этого поступка, неизвестно. Слава его была в самом зените, коллеги по группе относились к нему с уважением. Судя по всему, Игорю надоело однообразие, давившее на психику всех участников группы. Но если у двух других участников «Иванушек» нервы оказались покрепче, то Сорин не выдержал.

Тогда же он сменил и место жительства — из небольшой однокомнатной квартиры в районе Текстильщиков (там он жил со своей девушкой Сашей) он переехал в Кунцево, где снял квартиру. Летом того же года Сорин начал работу над первым своим сольным альбомом. Говорят, он очень надеялся на меценатов, но его надежды не сбылись — никто не захотел ему помочь, уж очень строптивым казался Игорь. Видимо, отказ сотрудничать с ним сыграл немалую роль в дальнейшем поведении Сорина.

В конце августа Сорин активно работал над записью своего сольного альбома. Репетиции проходили в одной из квартир на шестом

этаже дома № 12 по улице Вересаева. Казалось, ничто не предвещает беды. Однако…

Рано утром 1 сентября Сорин сказал друзьям, что пойдет покурить, вышел на балкон и больше в квартиру не вернулся. Когда обеспокоенные друзья хватились его, Сорин уже шагнул вниз. В 7.10 его доставили в 71-ю городскую больницу. Врачи поставили первоначальный диагноз — сотрясение головного мозга, ушибы внутренних органов. Однако позже оказалось, что все намного сложнее. Врачи констатировали перелом первого и пятого шейных позвонков, ушиб почек, полный паралич нижней части тела, частичный паралич рук. О трагедии с известным певцом стало известно в Комитете здравоохранения Москвы, руководство которого сообщило, что готово в случае необходимости предоставить дополнительную помощь и специалистов. Срочно был созван консилиум врачей и ведущих нейрохирургов города. В конце концов было решено прооперировать больного. Операция длилась около пяти часов, проводил ее известный профессор А. Г. Оганезов. Был удален пятый шейный позвонок, вместо которого поставили трансплантант. В интервью газете «Московские ведомости» главврач 71-й городской больницы Ш. Гайнуллин сообщил: «Сначала подключили современную американскую дыхательную аппаратуру, но после операции Игорь стал дышать сам. Были предположения, что Сорин бросился с балкона в состоянии алкогольного опьянения, но я официально заявляю, что эти слухи не имеют под собой никаких оснований. У каждого больного, поступающего к нам по «Скорой помощи», мы берем анализ крови на содержание в ней алкоголя. В крови Игоря его содержание — ноль. На присутствие наркотических препаратов тесты не проводятся…»

После операции Сорин пришел в себя, даже заговорил. На вопрос, сам ли он выбросился из окна или под воздействием чего или кого-либо, он ответил, что сделал это по своей воле. Несмотря на удачный исход операции, состояние Сорина оставалось очень тяжелым — он по-прежнему был парализован. Заведующий реанимационным отделением В. Фоняков в одном из интервью в те дни говорил: «В принципе, если бы не внутреннее повреждение спинного мозга, можно было бы рассчитывать на полное выздоровление. А так… если парень и выживет, то останется инвалидом…»

Чуда не произошло. 4 сентября в 18 часов 30 минут Игорь Сорин скончался. Похороны состоялись три дня спустя на Кузьминском кладбище Москвы. Газета «Московские ведомости» сообщала: «Сотни одетых в траур подростков, в основном девчонки, рыдали в голос, оплакивая своего кумира. Из известных в шоу-тусовке персон корреспондентами «Ведомостей» были замечены «Иванушки», державшиеся особняком, Валерий Меладзе, Сергей Мазаев. Отрешенно принимали соболезнования родители Игоря. Отец за минувшую неделю исхудал так, что многие родственники не узнавали в нем прежнего жизнелюбивого Володю. Была здесь и девушка Александра, с которой Игорь жил в последнее время. Оказывается, он очень хотел иметь ребенка, но никак не мог решиться на этот ответственный шаг, пока сам не встанет на ноги. Говорят, в своей предсмертной записке Сорин написал: «Приглашаю всех полететь со мной к звездам».

Шагнувший вниз
Мурат Насыров

Насыров стал популярен в середине 90-х, исполнив хит «Мальчик хочет в Тамбов». Тогда на него обратили внимание многие, в том числе и Алла Пугачева, которая пророчила Насырову блестящее будущее. Увы, но это пророчество не сбылось. Молодому певцу не хватило бульдожей хватки, чтобы сделать себе звездную карьеру. В итоге он пропал из вида своих поклонников, довольствуясь разовыми выступлениями в разного рода увесилительных заведениях. На жизнь хватало (семья Насырова состояла из неработающей жены и двоих детей), однако о возвращении к прежней славе говорить не приходилось. Видимо, именно это и привело к трагическому исходу в январе 2007 года. О том, что предшествовало трагедии и как она произошла, проследим по рассказам близких певца и журналистов.

Наталья Бойко (вдова Насырова): «Мы собирались официально расписаться. Мурат сам это предложил: «Я уже назначил день и знаю, в каком ты платье будешь». Это было в среду. В пятницу его не стало…

С последних гастролей муж вернулся другим. Там произошла страшная драка — кто-то из обслуживающего персонала за сценой начал хамить: мол, кто ты такой. Приехал в депрессии. Пытался выйти из этого состояния, обращался к врачам. Последние дни прошли у Мурата на пике публичности: какие-то клубы, масса народа… К тому страшному дню он не спал несколько ночей: бессонница преследовала. И, возможно, кто-то предложил ему выпить психотропное что-то. И это спровоцировало вот такой страшный поступок…».

«Московский комсомолец» (номер от 22 января 2007 года): «Последний день жизни музыканта — пятница, 19-е. Насыров сам не свой. Утром его гражданская жена Наташа вернулась из своего родного города Нарвы. Мурат встретил ее на вокзале и отвез домой (семья проживала в доме № 15 по улице Вучетича). Казалось, все было как всегда, если не считать странного поведения супруга. Он суетился, ходил по квартире быстрыми шагами, не находя себе места, кому-то звонил, часто подходил к окну…

Вечером, около 20.00, Наташа засобиралась в гости: давно хотела пересечься с подругой. Насыров отвез ее на своем авто. Двое детей — 10-летняя Лия и 6-летний Аким — остались под присмотром бабушки, матери Наташи, Греты Бойко.

Вернувшись домой один, беспокойный Мурат заперся в своей студии (рабочая комната композитора оборудована прямо в квартире). Там он пробовал петь. «Джульетта… Джульетта!» — доносились унылые напевы из-за двери. Но творческий процесс длился недолго. Спустя час певец разбудил уже спавших детей и непонятно зачем стал показывать им на свой рисованный портрет формата А3. Глядя на изображение, он уверял Лию и Акима, что картинка шевелится. Потом переоделся в свой концертный костюм и стал рваться на балкон. Грете Бойко удалось его остановить. В какой-то момент певец выскочил на лестничную площадку и позвонил ближайшим соседям, с которыми дружит семья Насырова. Открывшим дверь приятелям Мурат принялся кричать: «Я видел Бога и Багу (имеется в виду недавно погибший гитарист группы «А-Студио» Баглан Садвакасов. — Авт.). Он меня зовет… Ему там плохо. Мне нужно к нему… Поехали в одно место…».

Друзья как могли успокаивали музыканта. Однако вскоре помощь пришлось оказывать уже Греете, которая следом за зятем вышла на лестницу. От переживаний 59-летняя женщина почувствовала себя плохо. В это время Насыров опять нырнул в квартиру. На сей раз проследить за ним было некому.

В 22.30 настал апофеоз безумного дня. Заключительный аккорд — певец повесил себе на шею фотоаппарат и с портретом в руках прыгнул с пятого этажа…

— Все эти симптомы указывают на кратковременное помешательство, — пояснил «МК» врач-психиатр с 20-летним стажем Николай Володин. — Поскольку ранее погибший не обращался к специалистам психиатрии, можно предположить, что Насыров принял сильнодействующие препараты. В частности, это мог быть ЛСД. Эффект от него бывает именно такой: галлюцинации, видения, желание последовать за каким-то ранее умершим другом…

Да, сумасшедшим певец, безусловно, не был. А вот наркотики… Как стало известно «МК», однажды «скорая помощь» уже приезжала в дом на Вучетича. Было это пару месяцев назад. По неофициальной

информации, тогда артист тоже был во взвинченном состоянии, но лишь высказывал намерение наложить на себя руки. Его привели в чувство. Также есть данные, что Насыров лечился от наркозависимости в спецклинике. Причем не под своей фамилией…

Был ли Насыров на момент гибели в состоянии наркотического опьянения, точно не известно. Пока это лишь домыслы…».

Отметим, что вскоре в СМИ прошла информация, что судмедэксперты 10-го морга не нашли в организме Насырова следов алкоголя и наркотиков. Тогда же было опубликовано резюме журналиста Отара Кушанашвили, который лично знал певца: «Я знаю, что это было самоубийство. Зачем врать? Человеку было очень плохо. Мурат вообще был склонен к депрессиям. Три года назад мы вместе с Насыровым ездили на корпоратив в Турцию. После концерта выпивали вместе в номере. Насыров был грустным, он только похоронил отца. Под конец вечера Мурат неожиданно встал и вышел на балкон, я машинально пошел за ним. В общем, я чудом снял Насырова с перил. Мурат был готов к роковому прыжку. Так что это была далеко не первая попытка…».

Были и другие версии случившегося. Например, в еженедельнике «Мир новостей» (номер от 23 января) писалось следующее: «Теща погибшего версию самоубийства отвергает. Якобы Мурат вышел поправить телевизионную антенну на балконе, поскользнулся на мокрой поверхности и упал с 5-го этажа…».

Здесь же был помещен комментарий промоутера Раиса Чапала: «Самоубийство — шаг отчаянный. И, что бы сейчас ни говорили те люди, которым совершенно не было дела до певца, пока он жил себе и здравствовал, самоубийство — поступок столь же спорный, как все поступки Мурата до сих пор. Он не ругался матом, не кричал на лифтерш, не устраивал скандалов, обожал жену, не бил мерзавцев по лицу, не раздевался публично догола… И все это вместе с талантом певца было просто никому не нужно на обитаемой нашими соотечественниками суше. В праздничных концертах на ТВ ему не оставалось места среди прочих. И люди, принимающие решения, чьими голосами будет петь телевизор в новогоднюю ночь, не искали Мурата с интересными предложениями…».

Заканчивалась заметка следующим выводом: «Восточный человек, наивный, страстный, романтичный… Мурат Насыров жил, не

разделяя чувства и поступки. Он стал заложником большого реалити-шоу «Шоу-бизнес», так и не научившись проглатывать слезы обиды перед вездесущей телекамерой. Его похоронили на родине, которую он некогда оставил, поправ законы рода и традиции… Он жил, как чувствовал. И так же поступал».

Люди гибнут за кумира.
Самоубийства фанатов

Случаев, когда фанаты известных людей кончают жизнь самоубийством, превеликое множество. Например, после смерти Сергея Есенина в 1925 году на его могиле покончили с собой сразу несколько женщин, в том числе и любовница поэта Бениславская. После смерти Сергея Лемешева в июне 1977 года на его могиле свели счеты с жизнью четверо поклонниц. Не стали исключением и Виктор Цой и Игорь Тальков. Из любви к первому покончили с собой семь человек: двое убили себя у «стены Цоя» на Арбате, пятеро — возле его могилы. Некоторые из них, прежде чем расстаться с жизнью, оставили предсмертные записки, в которых написали, что больше не в силах жить без своего кумира.

На могиле Талькова было совершено два самоубийства, причем в обоих случаях это были девушки 14–15 лет. Вообще же, по данным Интер-медиа, только в 1997 году в России погибли 228 фанатов эстрадных и спортивных звезд, из которых 39 человек покончили жизнь самоубийством. Назову лишь несколько подобных случаев.

Некая девушка, узнав о том, что ее кумир — солист группы «На-На» Владимир Политов — женится на израильтянке, покончила с собой. Позднее выяснилось, что этот слух ложный, однако девушку было уже не вернуть.

В Рыбинске 16-летняя Катя Лапшина свела счеты с жизнью (повесилась) в день 40-летия своего кумира — Майкла Джексона (28 августа 1998 года). Перед смертью она крепко зажала в кулаке маленький портретик Джексона, который так и не смогли вынуть из сведенной судорогой руки. С этим портретиком девушку и похоронили.

На сегодняшний день по количеству самоубийств среди фанатов Россия уверенно приближается к развитым странам Запада, где фанатизм давно уже является для общества серьезной проблемой. Там фанаты убивают своих кумиров, чтобы прославиться (случай с Джоном Ленноном), покушаются на президентов, чтобы обратить на себя внимание своих кумиров (случай с поклонником киноактрисы

Джоди Фостер, едва не убившим Рональда Рейгана), покушаются на соперников своих кумиров (случай с теннисисткой Моникой Селеш, раненной поклонником ее соперницы), убивают кумиров из ревности (случай с Джанни Версаче) и т. д. Из последних случаев, произошедших на Западе, назову следующие.

В январе 1997 года полицейским американского штата Флорида удалось предотвратить покушение на певицу Бьорк (она проживает в Лондоне), которое хотел предпринять один из ее поклонников. Причем его метод отличался удивительной изощренностью. Узнав, что певица закрутила любовный роман с чернокожим ди-джеем, 20-летний Рикардо Лопес решил ей отомстить: запечатал в посылку взрывчатку и отправил ее певице. Сразу после этого он застрелился, причем заснял свой уход в мир иной на видеокамеру. При этом в его доме звучала одна из песен Бьорк, и свое самоубийство Лопес адресовал именно ей. Взрывчатка наверняка убила бы Бьорк, и певица отправилась бы на тот свет вслед за своим сумасшедшим фанатом. Но в дело вмешался случай. Тело самоубийцы пролежало в его квартире около недели, пока соседи, учуяв неприятный запах, не вызвали полицию. Обнаружив труп и лежавшую с ним видеокамеру, полицейские решили просмотреть отснятую видеокассету. Так стало известно, кому именно была отправлена посылка со смертоносным грузом.

Жертвой другого маньяка едва не стала певица Лиза Джермано. Этот человек в течение двух лет преследовал ее повсюду, даже на гастролях. О пережитых страхах певица позднее рассказывала: «Я постоянно оглядывалась назад, обзавелась системой сигнализации, я не могла спать при одной лишь мысли о том, что он знает, где я сейчас нахожусь. И еще хуже то, что потом уже теряешь доверие вообще ко всем окружающим и живешь в постоянном страхе».

Маньяка обезвредили по чистой случайности. Однажды он приревновал певицу к некоему мужчине, избил его и был схвачен полицией. После этого его поместили в психушку. Эта же участь постигла и другого маньяка — Роберта Дьюи Хоскинса, который несколько раз проникал на территорию голливудской виллы Мадонны и неоднократно угрожал перерезать ей горло от уха до уха.

Между тем в России только в 1999–2003 годах из-за неразделенной любви к артистам покончили с собой более 100

несовершеннолетних девчонок и мальчишек. Вот лишь несколько имен из этого скорбного списка.

1999 год. В феврале 11-летний рязанец Олег Иванов лег на рельсы перед приближающимся поездом, сказав накануне своим друзьям, что не может жить без Ларисы Черниковой.

В сентябре 14-летняя москвичка Раиса Проскурина выбросилась из окна собственного дома с плакатом на шее «Я люблю тебя, Игорек!» (речь шла о бывшем солисте группы «Иванушки Интернешнл» Игоре Сорине, который выбросился из окна в сентябре 1998 года).

В октябре 12-летняя школьница из города Казани Марина Выдрина, так и не дождавшись развода своего кумира Влада Сташевского, включила на кухне газ и закрыла все форточки в квартире. (Для сведения: Сташевский развелся со своей первой женой осенью 2003 года.)

В декабре самарская 8-классница Елена Миткова, вооружившись ножом, перерезала себе вены, услышав якобы, как ее зовет к себе Виктор Цой.

2000 год. В январе учащийся 1-го курса коммерческого колледжа города Калуги Олег Ващенко выбросился из окна недостроенного дома, узнав о помолвке одной из солисток группы «Стрелки».

В марте 12-летний житель подмосковного города Одинцово Саша Солдатенко выбросился с балкона своей квартиры на 5-м этаже. Перед смертью он написал короткую записку, в которой признался: «Я люблю Земфиру».

Этот скорбный список, в котором еще более 90 имен, можно продолжать и дальше, но нет сил. В нем только имена разные, а обстоятельства смерти почти одинаковые: подростки-самоубийцы либо выбрасываются из окна, либо режут себе вены, либо задыхаются от газа, либо вешаются. И как остановить эту волну самоубийств, не знает никто.

Трагедии в цирке

По следам Отелло
Игорь Запашный

Игорь Запашный был младшим из династии знаменитых братьев-дрессировщиков Запашных. Свой отсчет эта династия ведет с 1882 года с имени клоуна Карла Томсона, одна из дочерей которого — цирковая наездница Лидия — впоследствии вышла замуж за атлета Михаила Запашного (до этого он работал грузчиком в Ейске и в цирк попал благодаря протекции самого Ивана Поддубного). Их дети — Сергей (1926), Вальтер (1928) и Мстислав (1938) — создали номер «Акробаты-вольтижеры братья Запашные», который принес им славу на многих цирковых аренах мира. С этим номером братья стали лауреатами VI Всесоюзного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году.

Младший из династии Запашных, Игорь, тоже избрал профессию акробата и по мере своего взросления привлекался братьями к работе. Вообще, как утверждают очевидцы, Игорь был самым застенчивым из братьев и в цирке пользовался всеобщей любовью. Представить себе, что именно этот застенчивый юноша станет главным виновником жуткой трагедии, в те годы было просто невозможно. А виной всему стала элементарная ревность.

В конце 50-х Игорь влюбился в свою коллегу по работе — юную акробатку Олю Лапиадо, которая тоже принадлежала к знаменитой цирковой династии, появившейся на свет благодаря стараниям Александра Лапиадо (настоящая фамилия Королев), начинавшего свою карьеру в цирке в конце XIX века в качестве атлета и борца. Впоследствии Лапиадо стал дрессировать лошадей и верблюдов и создал номер «Тысяча и одна ночь», где выступал вместе со своими детьми Александром, Клеопатрой и Калиссой.

Когда Игорь и Оля полюбили друг друга, все их коллеги по работе были в восторге: со стороны казалось, что эти два ангелоподобных создания буквально созданы друг для друга. Влюбленные никогда не расставались друг с другом, по цирку ходили под ручку и даже на гастроли старались выезжать вместе. Но эта идиллия длилась недолго. Вскоре после свадьбы Игорь стал жутко ревновать свою пассию

буквально к каждому прохожему. А тут еще Ольгу угораздило попробовать себя в кинематографе: в 1963 году она снялась в фильме «Гранатовый браслет». И пусть роль у нее там была крохотная, однако в мире кино у девушки тоже появились поклонники. На этой почве в доме стали все чаще возникать ссоры. Дело дошло до того, что Игорь стал поднимать руку на свою супругу, и она несколько раз уходила из дома. Однако затем каждый раз возвращалась обратно после того, как Игорь давал слезные клятвы исправиться. Так продолжалось на протяжении нескольких лет. А в 1967 году грянула трагедия.

После очередного скандала Ольга приняла окончательное решение уйти от Игоря. Но, поскольку на носу были очередные гастроли — в Саратове, вещи забрать она не успела, отложив это дело на потом. Гастроли длились почти месяц, после чего Ольга вернулась в Москву. Когда поезд прибыл на вокзал, взору циркачей предстала неожиданная картина: на перроне стоял Игорь Запашный в строгом костюме и с роскошным букетом цветов в руках. «Твой опять мириться пришел», — сказал Ольге кто-то из коллег. Но Ольга была настроена твердо. «Я для себя уже все решила», — заявила она и отправилась объявить это и своему бывшему мужу. Их разговор длился всего несколько минут, после чего Ольга вернулась к коллегам, которые терпеливо дожидались ее, чтобы вместе уехать с вокзала, и сообщила им, что едет… с Игорем. «Мне надо свои вещи забрать», — заявила она и помахала друзьям на прощанье рукой. Больше живой ее никто не видел.

На следующий день коллеги Ольги, так и не дождавшиеся ее приезда, заподозрили неладное. Они позвонили Игорю домой, но там никто не отозвался. Тогда на ноги была поднята милиция. Когда стражи порядка явились в квартиру Игоря, их там ждала жуткая находка. В двух больших сумках они нашли… расчлененное тело Ольги Лапиадо. Как установят потом эксперты, девушке было нанесено около 20 ножевых ранений. В тот же день Игорь Запашный был арестован. Причем милиции он сдался сам, после того как переговорил со своим старшим братом Мстиславом Запашным. Именно тот убедил его прийти с повинной, в противном случае обещая вызвать милицию сам.

Во время следствия Игорь не стал отпираться и честно рассказал о том, как и почему убил свою бывшую возлюбленную. По его словам,

все произошло спонтанно. Едва они переступили порог квартиры, как между ними опять вспыхнула ссора. Игорь просил Ольгу вернуться к нему, а та заявила, что между ними все кончено и что она встретила другого мужчину. Игорь не стал разбираться, правдой было ее последнее заявление или нет, схватил со стола нож и…

Учитывая, что убийство было совершено с особой жестокостью, суд приговорил убийцу к расстрелу. Однако Игорю помог брат — все тот же Мстислав Запашный. Он дошел до Председателя Президиума Верховного Совета СССР Николая Подгорного и уговорил его заменить вышку 15 годами тюрьмы. Правда, из 15 лет, которые Игорь отсидел от звонка до звонка, 13 лет его братья были невыездными.

Будучи в тюрьме, Игорь умудрился там жениться и на свободу вышел уже семейным человеком. Живет он в Санкт-Петербурге и по-прежнему связан с цирком — иногда помогает своим братьям в цирковых номерах.

Гибель Ириски
Ирина Асмус

Эту артистку в 70-е годы многие знали как Ириску из популярной некогда телевизионной передачи «АБВГДейка». Но мало кто знает, что, прежде чем попасть в цирк, **Ирина Асмус** работала в Театре имени Комиссаржевской в Ленинграде. Многие тогда видели в ней преемницу Алисы Фрейндлих, которая тоже играла в этом же театре, только чуть раньше Асмус. Однако в тот момент, когда ее успех в театре был очевиден, Асмус внезапно ушла на цирковую арену. Она стала клоуном. Как пишет о ней Е. Дмитриевская: «Ирина Асмус была рождена для цирка, но она принесла на манеж свой опыт драматической актрисы, опыт сыгранных ею на сцене ролей».

В последние месяцы жизни у нее не все ладилось. Ее почему-то заменили в «АБВГДейке» на другую исполнительницу, хотя все дети Советского Союза были безумно влюблены в Ириску. Ирина очень переживала этот уход.

И. Асмус погибла во время представления в Гомеле весной 1987 года. Рассказывает Ю. Осипов: «Ириску поднимали под купол на шейной петле. Трюк эффектный: она держит во рту «зубник», а потом во время подъема вращается вокруг оси. И на самом верху вдруг сломалась машинка вращения — в металле оказался брак. Ириска упала на арену с восьмиметровой высоты и умерла прямо на глазах обожающей ее ребятни».

Трагедии наших дней
Валерий Филатов. Валерий Запашный

За три года (2001–2004) в России покончили с собой сразу двое известных цирковых артистов, представлявших знаменитые цирковые династии. Первым в этом списке был **Валерий Филатов** — цирковой дрессировщик, один из представителей цирковой династии Филатовых, который покончил с собой (застрелился) 22 января 2001 года на 57-м году жизни.

Филатов выстрелил себе в голову из пистолета чешского производства калибра 7,65 (купил его несколько лет назад). О событиях того рокового дня вспоминает его дочь Юлия:

«В этот день папа был выпивши. Он попросил мою маму, Людмилу Валентиновну, купить ему еще пива к ужину или что-нибудь из спиртного. Она вышла в магазин буквально на несколько минут, купила фарш, выпивку. Вернувшись, пожарила котлеты. Затем пошла звать папу. Она застала его в спальне неподвижно лежащим на кровати: ноги скрещены, руки находились за головой. Мама решила, что он уснул. И лишь присмотревшись, увидела струйку крови на виске. Она сначала даже не заметила в его руке пистолет…

В момент трагедии дома никого не было. Даже соседи по площадке отсутствовали. Вообще никто выстрелов не слышал. Мама тут же позвонила мне. Поскольку я сидела с маленькими детьми, то срочно вызвала мужа. Андрей мгновенно примчался… Первое, что увидел, — растерянную маму и отца в крови. Набрал «02». Позднее подошла и я. Благо, живем в одном доме, только в разных подъездах (Москва, улица Супруна, дом 3/5. — *Ф. Р.*). К этому времени уже приехала милиция, больше 10 человек. Сначала они вели себя по-хамски. Они отнеслись к нам пренебрежительно, кричали, как будто мы были убийцами отца.

Следователь постоянно спрашивал меня, кто я такая и что здесь делаю. Мы старались не обращать внимания на некорректное поведение сыщиков, изо всех сил пытались держаться спокойно. Только когда приехали люди из прокуратуры, пыл милиционеров поубавился, и допрос проходил более спокойно. Правда, на многие

вопросы, которые нам задавали, мы не могли ответить. В частности, откуда у папы пистолет…»

Что стало поводом к самоубийству, подлинно так и не известно. Есть только версии. Например, родственники погибшего утверждают, что у него был рак и именно это послужило поводом к добровольному уходу из жизни. Психолог В. Шахиджанян имеет иную точку зрения:

«Если я не ошибаюсь, за последние двадцать пять лет это первый случай, когда цирковой артист сам ушел из жизни. Разборки со смертельными исходами в цирковой среде за это время бывали, убийства тоже, самоубийств не было. Я был знаком с Валерием Андреевичем. Хороший дрессировщик. Обаятельный и интеллигентный человек. Славой обделен не был. Сильная личность. Не боялся работать с хищниками на открытом манеже. Помню, когда много лет назад он выступал в Цирке на Цветном бульваре, было немало споров, можно ли выпускать на манеж леопардов без клетки (номер «Леопарды на свободе» Филатов создал в 1978 году. — *Ф. Р.*). Служба безопасности опасалась, не пострадают ли зрители. Валерий Андреевич настоял на своем до конца и взял всю ответственность на себя. Я не верю, что он сам мог свести счеты с жизнью, не верю…»

А вот мнение человека из цирковой среды, который попросил не называть его имени (его слова также опубликовала «Комсомольская правда»): «Пил Валерка, причем пил очень и очень много. Казалось бы, с чего, ведь он все имел: прекрасную семью, великолепный номер, светлые перспективы… А вот пить бросить никак не соглашался. Так что я не исключаю, что непоправимый поступок он вполне мог совершить под воздействием алкоголя. Хотя кто его знает. Как справедливо говорится: «Чужая душа потемки». Теперь бог ему судья…»

Следующая трагедия в мире цирка произошла в конце лета 2004 года: 17 августа в Курске повесился 53-летний дрессировщик **Валерий Запашный**, принадлежавший к цирковой династии Запашных и проработавший в цирке 30 лет. По одной из версий, поводом к добровольному уходу из жизни послужило сообщение о том, что номер с медведями, который готовил Запашный, расформирован. По словам жены дрессировщика Ирины, события выглядели следующим образом:

«Вечером я с ребенком заглянула к соседям. Валера остался дома, смотрел олимпийские соревнования. После этого мы вместе собирались погулять с малышом. Я провела у соседки всего полчасика, а когда вернулась, увидела, что Валерий… висит на водопроводной трубе. Рядом лежала предсмертная записка: «Я ушел, люблю тебя и сына». Я закричала, позвала Дениса (33-летний сын Запашного от первого брака, тоже цирковой артист. — *Ф. Р.*). Прибежали соседи, вызвали «Скорую помощь». Пока ждали медиков, мы пытались привести Валерия в чувство, но все было бесполезно…».

По другой версии, Запашный хотел фальсифицировать свою смерть, напугать молодую жену, с которой он в очередной раз сильно поругался (их ругань за несколько минут до трагедии слышал Денис). По словам зятя покойного Владимира Филатенко: «Валерий таким образом решил напугать-предупредить Ирину. В последний момент он пытался выбраться из петли, на шее эксперты обнаружили следы от ногтей… Как объяснили специалисты, некоторое время — минуты две-три — он еще осознавал, что происходит, но сделать уже ничего не мог… А потом он попросту потерял сознание. В период медленного удушья, как и у поэта Есенина, у него полопалось на теле множество капиллярных сосудов…».

Трагедии в мире телевидения

Первые потери
Нина Кондратова. Анатолий Овсянников. Тамара Каретникова

Одна из первых трагедий на советском телевидении произошла в конце 50-х, когда наше ТВ только-только приобретало популярность. Дикторов тогда было раз, два и обчелся: **Нина Кондратова**, Ольга Чепурнова и Валентина Леонтьева… Однако Чепурнова вскоре умерла, а с Кондратовой случилось несчастье. Она вела репортаж с ВДНХ, рассказывала о корове-рекордсменке, которая дала какие-то немыслимые надои. Кондратова настолько увлеклась рассказом, что слишком близко подошла к животному. А корова, внезапно испугавшись камеры, направленной на нее, взяла и боднула Кондратову рогом. Удар был настолько сильный, что у нее вытек глаз. После такого несчастья Кондратовой впору было менять профессию. Однако руководство ТВ, учитывая огромную популярность диктора, посчитало неэтичным отправлять ее на пенсию по инвалидности. В итоге Кондратовой была сделана сложная операция по замене вытекшего глаза искусственным, привезенным из-за границы. И спустя какое-то время Кондратова снова вернулась в эфир.

В 70-е годы одним из самых популярных людей на советском ТВ был **Анатолий Овсянников**. В стране было несколько известных политобозревателей, но к большинству из них народ относился скептически: людей раздражала их явная политическая ангажированность, фарисейство. На экранах телевизоров они всегда смотрелись странно: хорошо одетые («упакованные», как тогда говорили), с лоснящимися физиономиями, они вели репортажи из крупнейших столиц мировых держав, взахлеб хая тамошнюю жизнь. Так вот, 43-летний Анатолий Овсянников из этого ряда явно выделялся: во всяком случае, в нем не было никакой оголтелости. Во многом благодаря его стараниям «Международная панорама» стала одной из смотрибельных передач на советском ТВ. Миллионы советских «битломанов» именно ему были благодарны за то, что в заставке «Панорамы» был показан отрывок из фильма «Ночь после трудного дня», где «битлов» показывали живьем. Звучал даже пусть

крохотный, но отрывок из их песни. Это было единственное появление «Битлз» на экранах советских телевизоров.

К сожалению, «эпоха Овсянникова» на советском ТВ длилась недолго. 20 августа 1979 года он возвращался с дачи в Москву и попал в автокатастрофу. Травмы, которые он получил, оказались несовместимы с жизнью.

Большой популярностью в конце 80-х у телезрителей столицы стал пользоваться Московский канал, где работали две прекрасные ведущие: Анэля Меркулова и **Тамара Каретникова**. Если первая вела сугубо интеллектуальные, духовные беседы с гостями студии, то вторая специализировалась на криминале. Каретникову можно смело назвать первооткрывателем криминального репортажа на отечественном телевидении. Ее репортажи о столичной преступности поражали многих своей оперативностью и смелостью. Однако полностью ее талант так и не смог раскрыться — в октябре 1989 года Каретникова скончалась. Эта внезапная смерть популярной телеведущей буквально всколыхнула людей, по городу поползли слухи о том, что это не просто смерть, а месть мафии. Поэтому (случай беспрецедентный!) и Центральное телевидение, и многие средства массовой информации вынуждены были оповестить граждан о том, что журналистка умерла естественной смертью, от отравления пищевыми продуктами.

На полных скоростях
Сергей Супонев

За последующие с момента гибели В. Листьева девять лет в мире российского ТВ больше никого не убивали. А трагедии если и случались, то крайне редко. Последняя датирована декабрем 2001 года, когда по собственной неосторожности погиб популярный телеведущий и руководитель Дирекции развлекательного и детского вещания ОРТ 38-летний **Сергей Супонев**.

Трагедия произошла в небольшой тверской деревушке Едимново, где у Супонева была дача. В тот субботний день 8 декабря Сергей решил покататься на снегоходе. Взяв к себе в попутчицы знакомую девушку, Супонев тронулся в путь. Однако поездка длилась недолго. Снегоход, на котором катался Супонев по льду замерзшей реки, занесло, и, не справившись с управлением, он на полном ходу врезался в стоявшее на берегу могучее, в три обхвата, дерево (свою роль сыграли и сгущавшиеся сумерки). От удара снегохода Супонева и его попутчицу выбросило и с огромной силой швырнуло головой о землю. Оба умерли практически мгновенно.

Рассказывает жена Супонева Ольга: «Сергей все время играл жизнью и смертью. Он говорил, что ему очень скучно жить, не рискуя. Однажды он купил скутер и собирался отправиться на нем на дачу. Я отказалась ехать. Зная его, я не сомневалась: все, что случилось сейчас, должно произойти на скутере. В результате Сережа все-таки сел на скутер. После чего был жуткий скандал, я целый месяц не разговаривала с ним. На протяжении всего года я жила в постоянной тревоге за мужа. Как-то он перевернулся на яхте и чуть не погиб. Я никак не могла до него дозвониться, потому что телефон он утопил. В тот день я не могла играть роль в спектакле (Ольга играет в Театре сатиры. — *Ф. Р.*). У меня текли слезы, я забывала слова, чувствовала — что-то случилось. А недавно Сергей провалился в канализационный люк на даче. Зимой он упал с мотоцикла, потом как-то разбил себе глаз стеклом, когда садился в машину. А за неделю до гибели Сережа порезал ногу и потерял пол-литра крови. И все эти травмы

происходили с такой периодичностью, что мы не успевали отдыхать от них…

Интуиция подвела меня только в этот раз. Первый раз в жизни я абсолютно ничего не почувствовала. Вечером Сережа позвонил мне с дачи: «Все нормально, завтра вернусь».

Я ничего не почувствовала, когда ко мне домой приехали соседи по даче и сказали: «Сережа разбился, но неизвестно, до какой степени». Хотя в тот момент они уже знали правду. Я сидела и успокаивала их: «Не волнуйтесь, все нормально, иначе мне бы уже позвонили и все рассказали». До меня до сих пор не доходит, что Сережи больше нет… Это было так внезапно. Тогда, на яхте, было по-другому, он сам вытаскивал себя из смерти. А тут не успел. Все произошло мгновенно…».

На волосок от смерти

В те времена, когда существовал Советский Союз, в прессе не существовало популярной нынче рубрики «Криминальная хроника». Поэтому обо всех происшествиях, происходивших со знаменитыми людьми, широкие массы узнавали только по слухам и сплетням. Однако, даже несмотря на это, та оперативность, с какой распространялась информация по стране, поражала воображение. Например, ночью на другом конце страны, во Владивостоке, происходило событие, а утром об этом знали уже в Москве. Правда, по мере продвижения слух обрастал разными фантастическими подробностями, но этот же грех мы с вами наблюдаем и сегодня: иные из нынешних журналистов тоже не прочь и приврать, и приукрасить.

В 1946 году жертвой слухов стала звездная чета в лице кинорежиссера **Григория Александрова** и актрисы **Любови Орловой**. Они тогда были в Чехословакии, где на студии «Баррандов» работали над комедией «Весна», как вдруг на родине распространились слухи, что они погибли. Между тем слух был верен лишь отчасти: звездная чета действительно едва не погибла, однако судьба оказалась к ним благосклонна. Дело было так. Однажды Александров, Орлова и актер Николай Черкасов (он, как и Орлова, также играл в фильме одну из центральных ролей) возвращались на машине со съемок. Дорога была мокрой, и на одном из поворотов автомобиль выбросило в кювет. В результате Александров получил перелом ключицы, у Черкасова было поранено лицо, выбито несколько зубов. Сидевшая на заднем сиденье автомобиля Орлова практически не пострадала. Однако съемки картины пришлось остановить, так как двое участников фильма очутились в больнице. Спустя пару недель работа над картиной возобновилась.

В 1964 году едва не простился с жизнью популярный эстрадный певец **Эдуард Хиль**. Вот как он сам об этом вспоминает: «Будучи с гастролями в Колумбии, я попал в жуткую катастрофу на самолете «Дуглас». Мы летели над горами и хохмили. А потом я выглянул в окно и увидел огонь на правом крыле. Когда стало ясно, что самолет вот-вот потерпит крушение, колумбийские пилоты в панике убежали

из кабины и попрятались в туалетах. А посадили «Дуглас» французские летчики, которые случайно летели в этом же самолете в качестве пассажиров. После посадки французы сказали нам: «Считайте, это второй ваш день рождения!» Все бы ничего, но все мы, 11 советских артистов, летевших тем рейсом, на следующий день поседели…».

Летом 1965 года на волосок от смерти побывал кинорежиссер и актер **Сергей Бондарчук**. Он тогда работал над своей грандиозной эпопей «Война и мир» и, завершив съемки первых двух серий, получил неожиданное указание руководства Госкино в спешном порядке подготовить фильм к показу на Московском кинофестивале. А поскольку до начала фестиваля оставались считаные дни, Бондарчуку пришлось работать в авральном порядке. Работа велась днем и ночью по 14 часов, да еще в дикую жару. В результате здоровье Бондарчука не выдержало. В один из дней он вышел из просмотрового зала с чашкой чаю и упал. Коллеги немедленно вызвали сразу две «Скорые», которые, на счастье, примчались в считаные минуты. Это, собственно, и спасло великого режиссера: врачи вывели Бондарчука из состояния клинической смерти — несколько минут сердце не билось. По словам его жены И. Скобцевой: «Только на следующий день меня пустили к нему — у него были такие опрокинутые внутрь глаза!..»

В том же 1965 году советский кинематограф едва не потерял еще одну звезду — **Евгения Матвеева**. Произошло это на Украине в городе Николаеве во время праздничного представления, в котором участвовали многие популярные актеры, загримированные под героев любимых кинофильмов. Наш герой был в образе Макара Нагульнова из «Поднятой целины».

По сценарию Нагульнов-Матвеев должен был совершить круг по стадиону на тачанке. Дело вроде бы нехитрое, однако следовало учитывать, что под тачанку актеру выделили какую-то допотопную телегу, которая могла развалиться в любой момент. Е. Матвеев хотел было уже отказаться от этого мероприятия, но устроители концерта буквально насели на него со всех сторон: «На представлении будет сам первый секретарь ЦК КПУ товарищ Подгорный, поэтому вы не можете отказать…» Короче, Матвеев согласился. И едва не поплатился за это жизнью.

В том момент, когда кони пробежали лишь несколько метров, на стадионе внезапно включили прожектора. Это было так неожиданно, что кони беспорядочно рванули вскачь. Наш герой попытался было их остановить, но эта попытка оказалась безуспешной. На одном из поворотов у тачанки отлетело колесо, она опрокинулась, и актер, совершив головокружительный прыжок метров на 7–8, рухнул на асфальт. Далее послушаем его собственный рассказ: «После кратковременного пребывания в обкомовской больнице (так называемая местная Кремлевка) меня транспортировали в Москву, в Институт курортологии и физиотерапии.

Руки и ноги не двигались… При малейшей попытке шевельнуться — боль в позвоночнике до потери сознания.

Вера Степановна Преображенская — добрейший, милейший человек, замечательный специалист, невропатолог, после длительных исследований, собравшись с духом, при помощи латинской терминологии начала излагать суть моего заболевания:

— Ну… Ваш позвоночник серьезно поврежден: два диска раздавлены, ущемляют нерв… От вас потребуется надолго очень большое терпение и усилие… Может, придется подумать о другой профессии…

Лечение было длительным и мучительным. Об этом говорить не хочется. А вот о чем не могу не сказать. Где-то в прессе, кажется, в «Советском экране», проскользнула заметка об этом происшествии, да и слух разнесся — шлепнулся-то я на глазах тридцатитысячного зрителя, пошел поток писем. Писали люди со всех уголков страны, кроме выражения сочувствия предлагали способы лечения травами, корнями, смолами… Предлагали свои услуги быть сиделками или поводырями… Предлагали деньги, продукты…

Выписался из института закованным в жесткий корсет, борцовский ремень и с палочкой. Еле уговорил не давать мне инвалидность второй группы (это без права работы) — согласились на 3-ю. Спасибо!.. И, как говорится, «положили пенсион» — 41 рубль…

Я не ждал подарков, хотя от добрых людей они приходили в виде предложений: работать педагогом, завтруппой, директором… А киностудии «Ленфильм» и имени Довженко рискнули дать мне постановки. Первая — экранизация повести И. Герасимова «Соловьи»,

вторая — «Цыган» А. Калинина. Режиссура — это было то, о чем я тайно мечтал… И я решился на «Цыгана».

В декабре 1969 года едва не расстались с жизнью сразу несколько звезд советского кинематографа: киноактер **Георгий Юматов**, его жена актриса **Муза Крепкогорская** и режиссер **Геннадий Полока**. Беда случилась за несколько дней до наступления Нового года — 25 декабря, когда все трое возвращались на такси из аэропорта Внуково в Москву (они были в Одессе, где снимался фильм «Один из нас»). Дорога была жуткая — гололед. На полпути прямо перед ними внезапно занесло в сторону самосвал, и водитель такси только чудом успел вывернуть руль. Однако избежать столкновения все равно не удалось — «Волга» врезалась в заднее колесо большегрузной машины. Юматов, который сидел на заднем сиденье, успел крикнуть жене, чтобы она закрыла лицо. Та машинально выставила впереди себя кейс, чем и спасла себе жизнь: осколки разбитого стекла ее практически не задели. У актрисы оказались порваны связки и образовалась трещина в ноге. А вот водителю не повезло: сорванный двигатель угодил ему в голову, превратив лицо в кровавое месиво. Сидевшие на заднем сиденье Юматов и Полока тоже пострадали: у первого оказалась трещина позвоночника, у второго — раздроблено колено. Поэтому если Крепкогорскую врачи довольно быстро отпустили, то Полоке на пострадавшую ногу наложили гипс, а Юматова почти на месяц уложили в койку, заковав в специальный корсет. В нем он и снимался в фильме «Один из нас».

В марте 1971 года едва не погиб от бандитского ножа популярный футболист, игрок минского «Динамо» и сборной СССР 28-летний **Эдуард Малофеев**. События развивались следующим образом. Той весной динамовцы проводили предсезонную подготовку в Болгарии (чемпионат СССР должен был начаться 4 апреля), как вдруг туда пришла радостная весть: у Малофеева родилась дочь. По такому случаю тренер принял решение отпустить счастливого папашу на родину. А ехать надо было под Коломну, в Голутвин. Малофеев доехал до Москвы и с Казанского вокзала отправился к месту назначения. Однако из-за неосведомленности проводника поезда состав проехал Коломну без остановок. Пришлось футболисту чесать аж до Рязани. Когда он туда прибыл, на дворе стояла глухая ночь. Однако на стоянке дежурило одно-единственное такси. Поскольку Малофеев вернулся из-

за границы при деньгах, такса в 50 рублей, заломленная за ночную поездку таксистом, не показалась ему слишком большой. Да и какие могут быть споры в два часа ночи?

Между тем от вокзала такси отчалило не с одним, а с двумя пассажирами. Аккурат после того, как в автомобиль загрузился с двумя вместительными сумками футболист, в попутчики напросился еще один пассажир — пожилой мужик в надвинутой на глаза кепке. Он взгромоздился на заднее сиденье и тут же начал бурчать: дескать, развелось на свете буржуев — не продохнешь (он явно имел в виду Малофеева, который действительно выглядел как заправский денди: в модном импортном пальто, с красивыми сумками). Однако на его ворчание ни таксист, ни сам Малофеев не обратили внимания.

Тем временем возле вокзального КПП такси тормознул милиционер. Он заглянул в салон и аж присвистнул. «Вы хоть знаете, с кем едете? — спросил он у шофера, кивая на заднее сиденье. — Это же вор-рецидивист, он несколько дней назад только из тюрьмы освободился, а вы его на заднее сиденье посадили. А ну-ка, пересаживайся!» Последняя фраза была обращена к зэку, который безропотно поменялся местами с Малофеевым. «Вот влип!» — подумал про себя футболист, когда такси вновь рвануло в темень.

Они проехали примерно половину пути, когда таксист внезапно резко тормознул машину. «Ты чего в кармане держишь? — спросил он у мужика в кепке и тут же навалился на него всем телом. — У него там что-то есть!» Малофеев в свою очередь навалился на мужика сзади. Вдвоем они живо скрутили попутчика и заставили его выйти из автомобиля. Пока футболист держал его за руки, таксист споро обшарил его карманы. Вскоре на свет были извлечены нож и опасная бритва. Только тут Малофееву и таксисту стало понятно, под каким дамокловым мечом они все это время находились. Обезоружив зэка, они оставили его на дороге, а сами рванули в Рязань. Оба потом всю дорогу благодарили милиционера: кабы не он, порешил бы их рецидивист за милую душу, как куропаток.

Любимец женщин **Александр Абдулов** по их вине едва не погиб. Это случилось в начале 70-х, когда Абдулов учился в ГИТИСе и жил в общежитии театра на Трифоновке. Он тогда сильно влюбился в одну девушку, а она предпочла ему другого — студента того же театрального вуза. Узнав про это, Абдулов пришел в общежитие,

закрылся в своей комнате и вскрыл себе вены. Он уже терял сознание, и жизнь медленно уходила из него, стекая тоненькими струйками в эмалированный таз, когда судьбе было угодно послать ему спасение в лице соседа по комнате. Тот раньше времени вернулся в общагу и, почувствовав неладное, взломал дверь комнаты, где истекал кровью Абдулов.

Во второй половине 70-х едва не принял смерть от «железного коня» гений хоккея **Валерий Харламов**. Это случилось в среду, 26 мая 1976 года, в Москве. Меньше двух недель назад он женился, и вот на тебе — вместе с женой разбился на собственной «Волге». Авария произошла утром на Ленинградском шоссе. За рулем автомобиля был Харламов, который на одном из участков трассы решил обогнать грузовик. Навстречу шла другая грузовая машина, но Харламову показалось, что он успеет проскочить между ними. Спортсмен ударил по газам, но в следующую секунду увидел, что из-за встречной машины выскакивает, идя на обгон, еще один лихач — на такси. Харламов вдавил ногу в педаль тормоза, однако было поздно — его «Волга» врезалась в телеграфный столб.

В этой аварии сильнее всех пострадал Харламов: у него оказались сломаны правая нога, несколько ребер и было сильнейшее сотрясение мозга (Ирина отделалась переломом пятки и сотрясением мозга). Пострадавших доставили в 67-ю городскую больницу, а изуродованную «Волгу» привезли на территорию Дворца спорта ЦСКА. Когда в клубе узнали об этом, тут же позвонили домой врачу команды Олегу Белаковскому. На удачу, тот оказался дома и примчался сначала в ЦСКА, а потом помчался в 67-ю. Быстро договорившись с тамошними врачами, он уже через пару часов перевез Харламова и Ирину в более комфортабельную лечебницу — в военный госпиталь. Там за выздоровление пострадавших взялся хирург-виртуоз Андрей Сельцовский. К сожалению, спустя пять лет после этой аварии Харламов все-таки погибнет — и именно в автокатастрофе.

В те же годы в автоаварии едва не погиб и популярный телеведущий **Юрий Николаев**. Он тогда вел «Утреннюю почту» на ТВ и благодаря своей славе сумел купить себе кооперативную квартиру в Бибирево, внеся взнос в 1000 рублей. Обновился и его автопарк: начав в 1969 году с захудалого «Запорожца», Николаев в середине 70-х ездил уже на новых «Жигулях». К сожалению, больше

обычного он стал и выпивать. Однажды сел за руль в пьяном виде (обмывал с друзьями новую машину) и едва не погиб. Дело было 30 октября, когда выпал первый снег. Николаев возвращался с телевидения домой, возле моста у кинотеатра «Рига» превысил скорость и врезался в бордюрный камень. Машину подбросило на несколько метров вверх, затем она перевернулась на крышу и закружилась на мокром асфальте. В итоге Николаев сломал несколько ребер, получил сотрясение мозга. Машина, естественно, всмятку, и после ремонта он продал ее за копейки.

Актер **Всеволод Абдулов** однажды тоже угодил в жуткую автокатастрофу, которая едва не стоила ему жизни. Случилось это за два с половиной года до описанного выше случая. В те дни Абдулов находился в Баку, где снимался в детской сказке (играл роль доброго волшебника). 21 августа 1977 года съемки эпизодов с его участием закончились, и Абдулов засобирался в Москву. Перед отъездом заехал на коньячный завод, где взял две канистры коньяка, фруктов, овощей и тронулся в путь. Однако по пути его ждало несчастье. 23 августа, когда Абдулов подъезжал к городу Ефремов Тульской области, у его автомобиля лопнуло переднее колесо. Машина пошла юзом, после чего сделала шесть (!) полных переворотов через капот. Спустя несколько минут, когда к месту аварии примчалась «Скорая помощь», Абдулова извлекли из искореженной машины и отвезли в хирургическое отделение Центральной районной больницы Ефремова. Сразу взяли пробу на алкоголь, но она показала отрицательный результат. Поставили диагноз: ушиб головного мозга средней тяжести с поражением правого полушария, закрытая травма черепа с подоболочным кровотечением, ушибленная рана в теменной области. Из Тульской областной больницы за Абдуловым специально приезжал врач Валерий Драбушев, чтобы перевезти к себе, но сделать это сразу не удалось — была опасность навредить больному. Это произошло только 29 августа, когда в состоянии Абдулова появилось некоторое улучшение. В Тулу, в нейротравматологическое отделение областной больницы в Глушанках его доставили с помощью санитарной авиации. В карточке больного в те дни были сделаны записи: «ведет себя неадекватно», «сознание затемненное».

После этого случая всем казалось, что карьера Абдулова в кино и театре завершена. Но вышло иначе. Спустя полгода он вернулся в

театр, а летом 1978 года Высоцкий уговорил Абдулова составить ему компанию в фильме «Место встречи изменить нельзя» — Абдулов сыграл там предателя-муровца. Поскольку последствия тяжелой травмы еще сказывались, Абдулову специально писали слова его роли на бумаге и в виде транспаранта растягивали за кадром.

«Мушкетер» **Михаил Боярский** мог расстаться с жизнью неоднократно. Так, летом 1978 года, снимаясь в «Д'Артаньяне и трех мушкетерах» в Одессе, он был поражен… шпагой. Дело было на съемках эпизода, где его герой — Д'Артаньян — фехтует с Рошфором (Борис Клюев). В пылу азарта Боярский пропустил один из уколов, и острие шпаги угодило ему прямо в небо. Актеру выбило зуб, а чуть позже врачи ему сообщили, что если бы укол пришелся чуть выше, в гортань, то смертельного исхода было не миновать.

Спустя год Боярский опять едва не погиб, но на этот раз в автоаварии. Дело было 27 июня 1979 года. В тот день утром он приехал поездом «Красная стрела» из Ленинграда в Москву, чтобы здесь участвовать в съемках фильма «Сватовство гусара». С киностудии «Мосфильм» группа вскоре направилась в Подмосковье, где должны были проходить натурные съемки: Боярскому, который играл бравого гусара, предстояло гарцевать на лошади. Он сидел на переднем сиденье автомобиля, который вела художник фильма, и всю дорогу предвкушал удовольствие от предстоящей верховой езды, да еще в компании с такой партнершей, как Елена Коренева. Увы, его мечтам в тот день не суждено было сбыться. Где-то на полпути, когда Боярский задремал, убаюканный быстрой ездой, на их полосу внезапно выскочил легковой автомобиль. Видимо, его водитель на мокром асфальте не справился с управлением. Два автомобиля столкнулись лоб в лоб. В итоге Боярский очнулся только в больнице: у него было сотрясение мозга, повреждение позвонка, почек. Повреждения были настолько серьезными, что врачи запретили ему двигаться. Он так и пролежит почти без движения целый месяц.

В ноябре 1979 года едва не умерла **Ирина Понаровская**. Неприятности начались еще летом, во время гастролей певицы в Иркутске. Она внезапно почувствовала сильное переутомление и была вынуждена лечь в местную физиотерапевтическую клинику. Первое, с чего начали лечение врачи, было девятидневное голодание. На третий день Ирине сделали чистку печени, избавив все желчные протоки от

холестериновых пробок. После этого у нее нормализовалось давление (в клинику она поступила невротиком с очень низким давлением), а через несколько дней ее выписали. Но история на этом не закончилась.

В начале ноября, во время гастролей в Курске, у Понаровской начались сильные почечные колики (у певицы врожденный порок — деформация мочевого канала). Боли были настолько сильными, что ей несколько раз вызывали «Скорую», вводили очень сильные лекарства и наркотики. Отменить концерты было нельзя, и Понаровская после лечения продолжала петь. И во время одного из выступлений (9 ноября) прямо на сцене произошел болевой шок от чрезмерной нагрузки. Сердце певицы не выдержало и остановилось.

И. Понаровская вспоминает: «Меня увезли в реанимацию. Сначала оживили, потом сделали снимок и увидели какое-то препятствие в нижнем мочеточнике. Спустя две недели пришлось лечь на операцию. Как выяснилось, это был не камень, а сужение протока, которое и пришлось оперировать, потому что сердце уже с трудом справлялось с чрезвычайной почечной нагрузкой. Представляете, на операционном столе, когда я была в глубоком наркозе, случилась еще одна остановка сердца. В истории болезни так и написано: две остановки сердца… Но на третий день после операции я уже делала зарядку, чтобы быстрее войти в форму. А ведь из меня во все стороны торчали аж восемь трубок!»

Другой кумир — **Владимир Высоцкий** — за свою 42-летнюю жизнь мог погибнуть не один десяток раз. Еще в середине 60-х он предпринял попытку самоубийства (хотел повеситься с горя), затем еще пару раз пытался выброситься с балкона, но друзья, которые находились поблизости, успевали буквально вытащить его с того света, схватив за полы пиджака. Дважды у Высоцкого была клиническая смерть: в июле 1969 года (в Москве) и ровно десять лет спустя (в Бухаре). А уж сколько раз Высоцкий попадал в автомобильные аварии, вообще подсчету не поддается. Самый первый серьезный случай произошел в начале 70-х. Вот как его описывает М. Влади:

«Ты едешь на машине в Армению с Давидом (Карапетяном. — *Ф. Р.*) — приятелем, который там родился. Ни у одного из вас нет водительских прав, и едете вы, естественно, с запасом коньяка в багажнике…

При выезде из Москвы все трагично. Мы только что в энный раз расстались, ты ушел из театра после страшного скандала с Любимовым. К тому же, плохо вписавшись в поворот, вы несколько раз переворачиваетесь через крышу и остаетесь невредимы лишь потому, что, как ты говоришь, бог пьяных любит. Немного собравшись с силами и заменив бутылки, разбитые во время невольного каскада, вы снова трогаетесь в путь. Мишель — жена Давида, которой, кстати, принадлежит машина, — уже не знает, каким святым молиться. Я в это время еду в Париж и узнаю подробности эпопеи лишь значительно позже…»

За последующие несколько лет Высоцкий побывал еще в нескольких автомобильных авариях, каждая из которых могла либо убить его, либо сделать инвалидом. Но каждый раз судьба была милостива к Высоцкому, награждая его всего лишь незначительными царапинами. Последняя такая авария произошла за полгода до смерти Высоцкого — 1 января 1980 года.

Вспоминает В. Янклович: «Мы садимся в машину (Сева Абдулов тоже поехал) — и Володя гонит на скорости двести километров, не обращая внимания ни на светофоры, ни на перекрестки…

На Ленинском проспекте, прямо напротив Первой Градской больницы, машина врезается в троллейбус. Сева ломает руку, у меня сотрясение мозга. Подъезжает «Скорая», Володя пересаживает нас туда, а сам на десять минут уезжает на такси. Вскоре появляется в больнице — поднимает на ноги всех врачей! Мне делают уколы, Севе загипсовывают руку. Первого января вся Москва гудела, что Высоцкий насмерть разбился на своей машине».

Несмотря на то что в тот же день Высоцкий съездил в ГАИ и подарил ее начальнику свою пластинку с автографом, дело об аварии все-таки завели. И еще потребовали возместить троллейбусному парку ущерб в размере… 27 рублей 25 копеек.

В том же 1980 году едва не погиб в автокатастрофе популярный актер театра и кино **Михаил Козаков**. Причем, волею судьбы, рядом с ним в автомобиле находился все тот же Валерий Янклович, а также сценарист Игорь Шевцов. Они ехали в аэропорт Домодедово, и где-то на полпути сидевший за рулем Шевцов не справился с управлением. Только по счастливой случайности никто из находившихся в машине не погиб, однако пребывание в больничных покоях они себе

обеспечили (Козаков с переломами и трещиной таза пролежал почти пять месяцев).

В 1981 году от рук маньяка едва не погибла певица **Екатерина Шаврина**. По злой иронии, это случилось 8 марта. Шаврина в тот день выступала с концертом в Москве, домой возвращалась поздно ночью. На беду, одета она была в роскошную песцовую шубу, которая, видимо, и привлекла внимание преступника. Он довел певицу до подъезда, а потом зашел с ней в лифт. Шаврина повернулась к нему спиной, предварительно попросив его нажать на кнопку седьмого этажа. Но тот вместо ответа выхватил нож и ударил артистку в шею. А потом произошло то, чего бандит явно не ожидал. Собрав в кулак все свои силы, певица вцепилась в преступника и стала дико орать. В это мгновение двери лифта открылись, и они вывалились на лестничную площадку. Шаврина смогла оттолкнуть от себя бандита и принялась звонить во все двери подряд. Бандит счел за благо ретироваться. После этого случая Моссовет помог Шавриной сменить место жительства — она перебралась в охраняемый квартал, в дом на улице Алексея Толстого.

В 1983 году едва не распрощался с жизнью популярный актер театра и кино **Константин Григорьев**, известный широкому зрителю по фильмам «Раба любви», «Трактир на Пятницкой» (главарь банды Серый), «Хождение по мукам», «Транссибирский экспресс» и др. Беда случилась с актером в ресторане Дома ВТО, что на улице Горького. Вот, казалось бы, совсем не бандитское заведение, а место, где собирается исключительно творческая интеллигенция. А что получилось?

В тот вечер Григорьев из-за пустяка повздорил с одним из посетителей ресторана и вышел с ним выяснять отношения «по-мужски» на лестницу. Инцидент грозил обоим всего лишь мордобитием, не более того. Во всяком случае, так думал Григорьев. Но разговора «по-мужски» не получилось, поскольку такой разговор предполагает равенство сторон — один на один. А у оппонента Григорьева в том же ресторане оказался дружок, который, воспользовавшись тем, что актер его не заметил, зашел сзади и нанес ему сильный удар по голове то ли кастетом, то ли еще чем-то тяжелым. Лица нападавшего Григорьев рассмотреть не успел, поскольку все

произошло внезапно. Актер упал с лестницы и в довершение всего сильно ударился головой о ступеньку. После чего потерял сознание.

Очнулся Григорьев уже в больнице. Черепно-мозговая травма была настолько серьезной, что актер перенес восемь операций. Все это время длилось следствие по факту нападения на актера, но поймать злоумышленников так и не удалось — они как в воду канули. А Григорьев стал инвалидом с частичной потерей памяти и дисфункцией левого полушария головного мозга. Врачи категорически заявили актеру, что ни о каком возвращении к актерской профессии речи идти не может. Но Григорьев думал иначе. Для него продолжение актерской стези было бы той победой, которая означала бы победу над недугом. В итоге уже год спустя он вернулся на съемочную площадку — снялся в фильме Автандила Квирикашвили «Кто сильнее его». И пусть роль была не главная, но и это можно было считать большим успехом. Затем были фильмы: «Секретный фарватер», «По Таганке ходят танки» и др.

Осенью того же 1983 года советский кинематограф едва не лишился другой своей звезды — **Андрея Мягкова**. Трагедия едва не произошла в Костроме во время съемок фильма Эльдара Рязанова «Жестокий романс». В тот день, 18 сентября 1983 года, вечером снимали эпизод на пристани: возбужденный Карандышев подбегает к лодочнику, нанимает лодку и отправляется на «Ласточку», куда компания кутил увезла его невесту. Далее послушаем воспоминания самого Э. Рязанова:

«Место для съемки было выбрано эффектное — около красавца Ипатьевского монастыря. Сняли первый дубль. Но не очень удачно. Кадр получился невыразительный, потому что буксир прошлепал своими колесами довольно далеко от лодки. Мягкову было сказано, чтобы в следующем дубле он греб поближе к буксиру, а капитану тоже дали указание не удаляться от лодки с актером. Началась съемка второго дубля. Мягков прыгнул в лодку и яростно греб от берега. Он сидел спиной к буксиру и не видел, не ожидал, не мог себе даже представить того, что произойдет через мгновение. Мы, стоящие на берегу, вдруг замерли в предчувствии ужасной катастрофы. Никто не подозревал, что огромные, трехметровые в длину, чугунные лопасти пароходного колеса образуют недалеко от себя сильное течение, нечто вроде водяного смерча-воронки, и что этот водяной вихрь неумолимо засасывает под пароход все. Буквально в течение двух секунд лодка с

Андреем Мягковым исчезла под лопастями колеса, была погребена в волжской пучине. Капитан на мостике скомандовал «стоп-машина», но было уже поздно. Лопасти по инерции еще били по воде — правда, все медленнее и медленнее. И наконец остановились. Повторяю, лопасти были чугунные и каждая весила несколько сот килограммов. На поверхности воды никого и ничего не было. Мы застыли в шоке. И только киноаппарат, который забыли выключить, продолжал бесстрастно фиксировать это страшное событие. Наконец, через несколько секунд (минут, часов?) всплыли на поверхность раздробленные доски — то, что осталось от лодки. И стало окончательно ясно, что Андрей погиб. Прошло еще некоторое время. Оцепеневшие от ужаса люди застыли. Жуткая пауза повисла над Волгой. И вдруг из глубины всплыл Андрей. Он отфыркался и поплыл к берегу. Это было невероятно! Это было истинное чудо! Мы засуетились, забегали, кто-то бросился в другую лодку и погреб навстречу артисту, но Мягков сам успел подплыть к месту, где стояла кинокамера. Его вытащили на причал. Он дрожал от холода — дело происходило осенью, вода в Волге была градусов восемь-десять. На нем не было ни царапины. Андрей позже говорил, что его спас Бог. Ибо перед съемкой он около двух часов гулял по Ипатьевскому монастырю, заходил в собор и мыслями находился наедине с Господом. Мокрого, окоченевшего Андрея быстро переправили на «Самару» — там был горячий душ. Надо отметить и комедийную деталь, которая вспомнилась позже. Когда голова Андрея появилась из водоворота, какой-то мальчик на берегу вдруг закричал:

— Смотри, а дядя-то стал лысый!

Где-то там, в глубине, вода смыла с головы Мягкова парик…

Несмотря на то, что весь этот кошмар кончился благополучно, меня продолжал колотить озноб. Он не проходил весь вечер. Признаюсь, мы крепко выпили в честь чудесного спасения Андрея Васильевича, но стресс был таков, что алкоголь не брал, расслабиться никак не удавалось…»

В 1986 году едва не погибла на съемках молодая актриса **Наталья Вавилова** (Александра в «Москва слезам не верит»). Этот случай стал поводом к тому, что Вавилова навсегда распрощалась с кинематографом.

В фильме Юрия Борецкого «Николай Подвойский» у Вавиловой была главная женская роль. Поскольку фильм рассказывал о профессиональном революционере и командире Красной Армии Николае Подвойском, в нем было много сцен с участием лошадей. На одной из них по сюжету должна была скакать и Наталья Вавилова. За два месяца до начала съемок Вавилова начала посещать конноспортивную школу в Измайлове и за время обучения научилась хорошо держаться в седле. И все же беды избежать не удалось.

Натурные съемки проходили в Ярославле. За пару часов до начала съемок второй режиссер привез Вавилову на ипподром, чтобы она, во-первых, потренировалась, во-вторых — чтобы лошадь привыкла к наезднице. А погода в тот день была не самой лучшей — моросил дождь. Но к беде привел не он, а одна из работниц ипподрома — юная девушка. Она не знала, какая лошадь была закреплена за Вавиловой, и вывела ей другую — больную, у которой уже пятый месяц болели сухожилия. И эта лошадь, едва почувствовав на себе седока, рванула с места и стала сбрасывать с себя актрису. Какое-то время Вавилова пыталась удержаться в седле, но, когда сил бороться уже не осталась, она упала на землю. Приземление оказалось совсем не мягким — актриса получила тяжелую травму (а могла и вовсе стать инвалидом, как это случилось в то же самое время с популярным голливудским актером Кристофером Ривом, который тоже упал с лошади, сломал себе позвоночник и оказался навсегда прикованным к инвалидной коляске).

Больше месяца Вавилова пролежала на больничной койке, а когда выписалась, приняла решение уйти из кинематографа. И дело здесь было не только в травме. После этого несчастья режиссер фильма категорически заявил, что дождется выписки Вавиловой из больницы и продолжит снимать только ее. Но руководство киностудии не захотело так долго ждать исполнительницу и заставило режиссера взять на роль героини другую актрису (ею стала Елена Борзова). Эта обида и стала поводом к уходу Вавиловой из профессии (с тех пор она снялась только один раз — в 1990 году в фильме своего мужа Самвела Гаспарова «Стервятники на дорогах»).

В 1987 году едва не погиб **Геннадий Хазанов**. 15 декабря вместе со своей супругой Златой он завершил свои гастрольные выступления в США, и в вашингтонском аэропорту они сели в самолет,

отбывающий на родину. Самолет вырулил на взлетную полосу, проехал несколько метров и внезапно вернулся в исходное положение. Как выяснилось потом, машина была неисправна и, поднимись она в воздух, через несколько минут полета рассыпалась бы на куски. К счастью, летчики вовремя заметили неисправность.

Летом 1988 года заглянул в глаза смерти **Евгений Леонов**. Несчастье случилось в Германии, в Гамбурге, куда Театр Ленинского комсомола приехал на три дня на театральный фестиваль со спектаклем «Диктатура совести». Гастроли уже подходили к концу, когда на третий день Леонову стало плохо. После спектакля он стал сильно кашлять, и его коллеги вызвали «Скорую». Врач осмотрел больного и сказал, что это легкие, надо сделать рентген. Леонова повезли в больницу. Но прямо в машине у нашего героя наступила клиническая смерть. Далее — слова Ванды Леоновой: «Врачи не знали, чем она вызвана: ведь у Жени был целый букет болячек. Сахарный диабет, плохие сосуды, сердце… Слава богу, это случилось в Германии — у нас бы он умер. Его подключили к аппаратуре. Сердце забилось. В госпитале перед операцией ему хотели сделать шунтирование (перешивание сосудов), отключили аппаратуру. Но сердце не выдержало, последовал обширнейший инфаркт. На его фоне и шла операция, которая продолжалась 4,5 часа».

Во время операции у больного вытащили из ноги пять кусков вен и пришили возле сердца. После этого он пролежал в коме 16 суток. Самым опасным был 9-й день, врачи так и сказали: «Если в этот день не умрет, значит — выживет». Сыну нашего героя (Андрей тогда тоже находился в Германии вместе с театром) посоветовали сидеть рядом с отцом и разговаривать с ним. «Сиди и беседуй с ним и с Господом. Если он тебя услышит наверху, отец вернется». И он действительно вернулся, пропутешествовав где-то 28 дней.

Вспоминает Е. Леонов: «Когда со мной случилось это несчастье, люди писали: «Леонов, мы свечки за вас ставим». А с другой стороны, министерство, правительство откликнулось своеобразно, телеграммой на красном бланке: «Немцы — вы выдающиеся, вы спасли выдающегося артиста, мы тоже все выдающиеся…» За этой телеграммой ничего не было. Жену ко мне в Германию не сразу выпустили. Сначала они с сыном жили на мои суточные, а потом их из гостиницы вышибли. Правда, нашелся человек — работал там по

летной части — так вот, он дал ключи от своей квартиры и сказал: «Там картошка, там крупа, живите, сколько надо…»

Реабилитационный период у Леонова занял ровно четыре месяца. Больше лечиться он сам не захотел, так как мечтал, чтобы состоялась премьера нового спектакля, в котором он играл главную роль — Тевье-молочника в «Поминальной молитве» Г. Горина. По окончании спектакля толпы восхищенных зрителей шли к сцене с охапками цветов и, передавая их Леонову, говорили: «Живите долго! Здоровья вам и счастья!».

В 1991 году в автокатастрофе едва не погиб киноактер **Александр Панкратов-Черный**. Причем в этой истории есть мистические корни. А началось все в конце 80-х, когда судьба занесла Панкратова в Ялту, где снимался очередной фильм с его участием. Там же с гастролями находился певец Игорь Тальков. Однажды они оказались за одним столиком в баре местной гостиницы и коротали время в неторопливой беседе. И тут к ним за столик сел известный астролог Павел Глоба. Учитывая повышенный интерес, который всегда вызывает у людей астрология, нетрудно догадаться, на какую тему заговорили актер и певец с появлением Глобы — об астрологии. Слово за слово, но вскоре Тальков стал подтрунивать над Глобой: мол, дурите народ! Глоба, естественно, обиделся и попросил Талькова назвать дату своего рождения, а также показать ладонь. Когда певец выполнил эту просьбу, астролог мрачно сообщил, что Тальков погибнет через несколько лет не своей смертью при большом стечении народа. Тут уже настала очередь Панкратова смеяться, он тоже относился к астрологии с некоторой долей сарказма. Тогда Глоба взял и его ладонь и выдал не менее мрачный прогноз: «Знаки Зодиака у вас с Тальковым разные, а погибнете вы в один день и один час». Панкратов в ответ только отмахнулся: «Типун тебе на язык!»

С тех пор прошло несколько лет, и все участники той беседы давно забыли о мрачных предсказаниях астролога. А зря. Поздним вечером 6 октября 1991 года Панкратов возвращался в ялтинскую гостиницу со съемочной площадки фильма «Официант с золотым подносом». Он сидел на заднем сиденье автомобиля «БМВ» и мирно дремал. Когда до гостиницы оставалось ровно половина пути, «БМВ» внезапно подрезали неизвестно откуда вынырнувшие «Жигули», и иномарка на полной скорости врезалась сначала в легковушку, затем в

бордюр и, наконец, в росший на тротуаре кипарис. В результате этой аварии Панкратов получил тяжелые травмы: ему пробило голову, были сломаны 9 ребер. В тот же день его доставили в местную больницу. А утром следующего дня, включив телевизор, он узнал, что накануне вечером во Дворце спорта «Юбилейный» в Санкт-Петербурге был смертельно ранен выстрелом в упор Игорь Тальков. Предсказание Глобы сбылось, правда, наполовину. Позднее другая известная предсказательница — Джуна — объяснит Панкратову, что от неминуемой гибели его спасло сильное биополе, которого у Талькова, видимо, не было.

Другая звезда — **Владимир Винокур** — бывал на волосок от смерти неоднократно. В первый раз это едва не произошло в конце августа 1986 года. Тогда Винокур со своим старым приятелем Львом Лещенко (они познакомились в начале 70-х) должны были из Новороссийска отправиться в Сочи. Преодолеть этот путь им предстояло на теплоходе «Адмирал Нахимов». Однако за сутки до отправления Лещенко внезапно вызвали в Москву, на вечер какого-то композитора. Оставшись один, Винокур загрустил и, чтобы развеять тоску, всю ночь гулял с коллегами-артистами в гостинице. В результате все утро они проспали как убитые, а когда проснулись, узнали, что «Нахимов» отплыл в Сочи без них. И пришлось Винокуру вместе со своим коллективом десять часов трястись на морском трамвайчике и проклинать судьбу за невезение — ведь на теплоходе для них была заказана люксовая палуба. Однако проклятия в адрес судьбы-злодейки продолжались ровно до прибытия артистов в Новороссийск. Там же они узнали страшную новость о том, что минувшей ночью «Адмирал Нахимов» столкнулся с другим судном и затонул вместе со всеми пассажирами. Причем люксовую палубу снесло сразу.

Во второй раз Винокур едва не погиб во время гастролей в Афганистане. Тогда еще ограниченный контингент советских войск находился в этой стране, и многие наши актеры выезжали туда с концертами. В тот день Винокур выступал на открытой площадке в одном из воинских гарнизонов, когда душманы внезапно начали обстрел. Судя по всему, они получили сведения, что на концерте будет присутствовать командующий 40-й армией генерал Борис Громов, и решили уничтожить его. Два реактивных снаряда прилетели аккурат в то место, где выступали артисты. Правда, один раз случился недолет,

второй — перелет. Было видно, что душманы пристреливаются и с третьего раза точно попадут в цель. Однако третьего раза по неизвестной причине так и не последовало.

В январе 1992 года жизнь Винокура вновь оказалась на волоске. На этот раз беда приключилась с артистом в Германии, где он выступал с концертами. В тот роковой день, 27 января, Винокур вместе с двумя коллегами по театру — техническим ассистентом и аккомпаниатором — и полковником одной из местных воинских частей возвращался после концерта в Берлин. Дороги в Германии идеальные, но в тот день был сильный гололед. На одном из участков трассы машину занесло, и она врезалась в бетонный столб. В этой аварии технический ассистент и полковник погибли, Винокур и аккомпаниатор получили тяжелые травмы.

Когда Винокура привезли в пригородную больницу в Людвигфельде, врачи сказали, что инвалидность ему обеспечена. Собирались уже ампутировать ему левую ногу. Однако вскоре Винокура забрали в госпиталь советских войск, и наши врачи сделали все от них зависящее, чтобы не только сохранить Винокуру ноги, но и вернуть его к полноценной жизни.

В течение двух последующих месяцев Винокур вынужден был лежать на госпитальной койке ногами вверх. И все это время о нем не забывали его близкие, друзья. К нему приезжали Иосиф Кобзон, Лев Лещенко, Бисер Киров (последний бегал вокруг кровати Винокура с гитарой, пел ему песни и просил больного подпевать). Регулярно звонили из России Николай Озеров, Юрий Никулин, Валентин Гафт, Людмила Зыкина, Николай Сличенко, Муслим Магомаев и многие другие друзья и коллеги Винокура. А когда он наконец встал на костыли и было решено перевезти его на родину, друзья устроили Винокуру поистине торжественный прием. В. Винокур вспоминает: «Вы представляете, как встречают правительство? Так и меня примерно. Привезли на военном самолете на аэродром, выхожу на костылях, вижу — стоит делегация: Иосиф Кобзон, Борис Громов, Александр Ширвиндт и Лева Оганезов. А рядом военно-морской оркестр играет «Прощание славянки». После такой встречи я в город Саки уехал долечиваться, в санаторий. Там меня тоже вниманием не обделяли. Лева Лещенко, мой ближайший друг, специально приехал в санаторий на три дня…»

Уже летом того же года Винокур вновь вернулся на эстраду и в конце года выпустил в свет очередной спектакль — «Вино-шоу-кур».

В начале 90-х едва не погибла в автокатастрофе киноактриса **Елена Проклова**. К счастью, все обошлось, однако лицо актрисы было травмировано. В институте на Ольховке ей была сделана операция хирургом Руденко. «Передо мной стоит одна задача: чтобы осталось лицо нашей любимой актрисы!» — сказал он. Операция прошла успешно, и теперь Проклова выглядит так же прекрасно, как и прежде (лишь форму носа слегка изменили).

Летом 1992 года российская эстрада едва не потеряла певца **Александра Розенбаума**. Он тогда сильно увлекался «зеленым змием», и на этой почве беда и случилась. Розенбаум был тогда на гастролях в Австралии, которые проходили с огромным успехом — русскоязычная диаспора заранее раскупила все билеты на его выступления. Но в один из дней, находясь в номере своей гостиницы, Розенбаум вновь «хватил лишнего», и сердце его остановилось. К счастью, рядом оказался его администратор, который когда-то работал фельдшером. Он тут же вызвал «Скорую помощь», а сам принялся качать Розенбауму сердце. Вскоре приехали врачи, которые применили электроды и вывели Розенбаума из состояния клинической смерти. Эти электроды с тех пор хранятся в питерском доме артиста.

Осенью 1994 года от рук грабителей едва не погибла популярная телеведущая **Юлия Белянчикова** (на советском ТВ она много лет вела передачу «Здоровье»). В тот злополучный день Белянчикова была в доме одна, когда в дверь внезапно позвонили. Привыкшая всегда доверять людям, даже незнакомым, она открыла дверь и тут же получила несколько сильнейших ударов по голове. Она потеряла сознание. В доме перевернули все вверх дном, однако — что очень странно — ничего не взяли. Вернувшийся вскоре домой сын отвез ее в больницу, где врачи поставили диагноз — череп проломлен в трех местах. После реанимации она долго не могла прийти в себя — у нее была полная амнезия.

В середине июля 1996 года клиническую смерть пережил певец **Сергей Захаров.** Это произошло во время гастролей певца в Челябинской области. Он жил на турбазе «Ильменская», где ему стало плохо. Вот как он сам об этом вспоминает: «В пять часов утра мы должны были вылететь в Москву из Миасса. Я дремал в номере. И

когда почувствовал, что теряю сознание, сполз с постели в полуобморочном состоянии, видя маленькую щелочку света в двери, пополз к выходу. Было очень трудно удерживать сознание, и не хватало кислорода. Но я выполз, и меня обнаружили. А в этот момент мимо гостиницы проезжал единственный во всем городе реанимобиль. Помню четко свой взгляд сверху на происходящее: на кровати лежал незнакомый мне мужик, но не я, рядом стояли санитары со своим аппаратом. Все, что происходило в комнате, я помню очень ярко. Я ощущал радость и блаженство. Хотелось вырваться из комнаты, но окна закрыты. Увидел за тумбой телевизора две батарейки, выпавшие из пульта, накануне я не мог их найти. Вдруг санитар сказал: «Давай напряжение». Раздался хлопок, и через секунду я на них смотрел уже снизу. В состоянии клинической смерти, без пульса и дыхания, я провел шесть минут, но ощущение счастья у меня осталось до сих пор.

Потом меня повезли в больницу, и там произошло еще одно счастливое совпадение: в тот день там случайно дежурил лучший местный врач-кардиолог. Там была единственная капсула вещества, растворяющего тромбы, присланная американцами как демонстрационный материал. Она лежала в сейфе, его пришлось взламывать, и в течение полутора часов мне вводили это лекарство…»

За месяц до случая с Захаровым на волосок от смерти оказалась популярная киноактриса **Надежда Румянцева**. Только ее случай другого порядка — она стала жертвой бандитского налета. Случилось это 11 июня 1996 года. Вот как об этом вспоминала сама актриса:

«На нас с мужем напали грабители. Эти люди хорошо знали, кого они идут убивать и грабить. Две недели они нас выслеживали, точно знали, что уже в восемь часов муж уезжает. Но в этот день он задержался. Я на кухне готовлю завтрак, Вилен делает зарядку, и тут звонят в дверь. Муж через дверь спрашивает, кто там, а ему отвечают: «К Надежде Васильевне». Он открывает, грабители рвут дверь — оба спортсмены (самбисты, как потом выяснилось). (К слову, и Румянцева с мужем тоже когда-то имели самое непосредственное отношение к спорту: она занималась карате, а он был боксером. — Ф. Р.) Они сюда приехали с Западной Украины заработать на строительстве, но один из них проигрался, и ему нужно было возвращать долги. Ожидали одну меня застать, а тут Вилен. Они вдвоем стали его избивать прямо на лестничной клетке, он кричит: «Надя, позвони в милицию!»

Я вместо этого выскочила, увидела окровавленного, в разорванной одежде мужа, которого избивают двое неизвестных, и прыгнула одному из них на спину, чтобы оторвать его от Вилена. Бандит вынужден был переключиться на меня — схватил, затолкал в квартиру, достал пистолет: «Быстро давай сюда деньги!» Он разбил мне губы, сломал ребра… А я повела себя как Зоя Космодемьянская — не могла унижаться перед этим подонком, показывать, что мне больно, страшно. Говорю: «Все открыто — ищи. Что найдешь, твое будет. Только поделиться со мной не забудь». А у него пена на губах, глаза бешеные: «Застрелю!» Я в ответ: «Ну, стреляй, может, из меня, как из шкатулки, деньги посыплются». Это я рассказываю так долго, а на самом деле все произошло за считаные секунды… Вилен сумел одолеть своего противника и погнал его вниз по лестнице. По пути он позвонил во все двери, кричал, чтобы вызвали милицию. Потом спохватился, что я осталась одна, вернулся и ворвался в квартиру, как тигр. «Мой» бандит поворачивается с пистолетом на него. Вилен прыгнул на этого подонка, сшиб его с ног, оружие выбил. Кричит: «Надя, возьми пистолет!», а бандит меня ногами отпихивает. Но я все-таки изловчилась и схватила пистолет. Мы уже на этом парне сидели, когда помощь пришла: ворвались человек десять — и в камуфляже, и в цивильном, с автоматами, с пистолетами — должно быть, очень многие соседи звонили в милицию.

А пистолет-то все у меня в руках. Милиционер подходит ко мне осторожно-осторожно и ласково так спрашивает, как у ребенка: «А чей это пистолетик?» — «Это его». Он: «Дайте мне, так всем будет спокойнее». А пистолет, как потом выяснилось, был боевым, заряженным восемью патронами…

Муж пострадал не слишком серьезно, да и мои косточки постепенно срослись. Но история эта оставила горький след в душе: я даже не могла спать в своей квартире. Отчасти поэтому переехали за город, взяв кредит и построив домик…»

В мае 1997 года в ряде российских газет появились статьи под названием «**Наталья Фатеева** едва не погибла в Германии». Что же произошло с известной актрисой?

Как оказалось, в том месяце она вместе со своими друзьями отправилась на отдых в Германию. Все шло вполне благополучно, пока кто-то из друзей актрисы не решил купить себе новый автомобиль.

Покупку произвели в Мюнстере и, чтобы довезти ее до Берлина, решили использовать прицеп. Однако, видимо, закрепили автомобиль небрежно, что едва не привело к трагедии. На огромной скорости машина съехала с прицепа и врезалась в джип, в котором находилась Н. Фатеева. Дикая боль в позвоночнике свалила ее. Между тем это несчастье оказалось далеко не последним для российской актрисы на немецкой земле.

В больнице, куда ее привезли, врачи отнеслись к ней с пренебрежением, поставили неправильный диагноз и начали лечить несуществующую болезнь. Тем временем «друзья» актрисы развернули лихорадочную деятельность по сбору доказательств в свою пользу, лишь бы не лишиться своего дорогого автомобиля. В конце концов суд над водителем, который взял Н. Фатееву третьим пассажиром в двухместный джип, вынес решение не в пользу россиянки. Вернувшись в Москву, актриса заявила: «Много времени и сил я потратила просто на то, чтобы стереть из памяти людей, которых раньше считала добрыми приятелями».

В том же 1997 году чуть было не простился с жизнью актер **Александр Михайлов**. Правда, в его случае не обошлось без мистики. Дело было так. Худрук Малого театра Юрий Соломин предложил Михайлову сыграть царя в спектакле «Смерть Иоанна Грозного». Актер трижды отказывался и просил убрать из названия слово «смерть». Однако Соломин не соглашался и твердил, что у Михайлова звездная болезнь. В итоге уговоры помогли — премьера состоялась. А когда через пару месяцев Михайлов отправился на свой дачный участок за 70 километров от Москвы, с ним произошел жуткий случай. Вот как об этом вспоминает сам актер:

«Как-то раз присел я на бревнышко во дворе, закурил, и вдруг, ни с того ни с сего, у меня горлом пошла темная кровь. Надо сказать, что дом мой стоит в типичной русской глухомани. Кругом никого, и телефона тоже нет. Чувствую — помираю. Но неожиданно к дому подъезжает машина, а в ней мой старый приятель и сосед по даче Александр Потапов (актер того же Малого театра, народный артист России. — *Ф. Р.*). Без лишних слов Саша усадил меня на заднее сиденье автомобиля, и мы помчались в столицу. Сознание я не терял и на всякий случай, прямо в пути, отхаркиваясь кровью, стал давать Потапову устные распоряжения по поводу моего наследства.

Недобрым словом помянул и Соломина за его упорство по поводу «смерти Иоанна» — как-то в голове у меня сложились вместе мой внезапный приступ и имя упорного худрука. И вдруг, словно по волшебству, кровотечение прекратилось! Уже в Склифе профессор, обследовавший меня, сказал, что впервые в его практике произошел такой поразительный случай. Оказывается, у меня был разрыв аорты, обычно заканчивающийся смертью. На мое счастье, тромб заткнул этот разрыв, и я выжил! Правда, из меня вытекло литра полтора крови. После операции и лечения, вернувшись домой, я со своими близкими отмечал второе рождение. И здесь случилась вторая жуткая и непонятная вещь. В тот вечер под ногами у нас по своему обыкновению путался кокер-спаниель Билл, которого я за глупость назвал Клинтоном. Пока его не отшвырнешь куда-нибудь в угол, он как заводной будет прыгать на тебя. Опасаясь, что пес повредит мой еще не заживший шов, я схватил его за холку и только было собирался отшвырнуть от себя, как вдруг упал и потерял сознание. Очнулся на больничной койке с диагнозом… заворот кишок. Мне сделали операцию под общим наркозом. Слава богу, сердце выдержало. Полгода мне пришлось проваляться в клинике. Уже пошел на поправку, а тут в палату явился Соломин. Я ему протянул заранее написанное заявление об уходе из театра. А Юрий Мефодьевич мне говорит: «Не волнуйся, мы название спектакля поменяли. Даже в афишах слова «смерть» нет».

В июне 2001 года едва не оборвалась жизнь **Иосифа Кобзона**. А началась эта история еще в начале июня, когда певец поступил в клинику имени Вишневского с обострением в пояснично-крестцовой области — радикулитом. У него были сильные боли в конечностях, а потом ему поставили подключичный катетер, чтобы лишний раз не беспокоить вены (катетер — игла большого диаметра с присоединенной к ней пластиковой трубкой, свободный конец которой закрывается заглушкой, игла вводится в вену под ключицу, трубка прикрепляется к телу кусочком пластыря. — *Ф. Р.*). Но Кобзон позволил себе вольность — 8 июня улетел с катетером в Астану, на Дни Москвы, чтобы исполнить там новую песню «Гимн Астане». Но вместо положенного одного дня Кобзон пробыл там три. В итоге у него началось заражение. Сразу начались пневмония, плеврит и отек легкого на фоне общего сепсиса.

11 июня Кобзон снова поступил в госпиталь Вишневского, а спустя четыре дня он внезапно потерял сознание. Случилось это прямо в ванной, где певец мылся, чтобы через несколько часов выступить на концерте перед военными медиками. В течение двух недель Кобзон находился между жизнью и смертью — в коме. Его жена, посоветовавшись с врачами, перевела певца в другую клинику — в «Медицину». И все время, пока Кобзон находился там, Нелли была рядом с мужем. Ее молитвами он, собственно, и очнулся. Случилось это 28 июня. По словам Кобзона: «Когда очнулся, понял, что нахожусь в реанимации, в какой-то темноте, как мне казалось. Больше ничего не помню, но я уже себя ощущал. 29-го я начал общаться с женой, а 30-го уже гораздо светлее было. А 2 июля я впервые задал вопрос: кого родила Катя? Мы ждали четвертую внучку. Нелли ответила: «22 июня родилась девочка Аннушка…»

В конфликте с законом

Сто кругов ада
Георгий Жженов

Карьера **Георгия Жженова** в кино началась довольно рано: ему было 18 лет, когда в 1933 году он снялся в фильме «Ошибка героя». Потом было еще несколько фильмов, самым известным из которых был «Комсомольск» (1937) Сергея Герасимова. Однако премьеры фильма Жженов не увидел — его упекли за решетку. Что же произошло?

Старший брат Жженова Борис в те годы учился на третьем курсе механико-математического факультета Ленинградского университета. Учился он хорошо, активно участвовал в общественной жизни вуза. Однако все это оказалось перечеркнутым после доноса, который состряпал на него кто-то из сокурсников. Тогда в Ленинграде, после убийства С. Кирова, органы НКВД проводили регулярные профилактические мероприятия и раскрывали «вражеские гнезда». В 1937 году наступила очередь ЛГУ. Когда чекисты явились в университет и стали по одному вызывать на допрос студентов, один из них и доложил, что Борис Жженов — враг народа. «Почему вы так решили?» — задали ему вопрос чекисты. «В декабре 34-го, когда мы все пошли прощаться с Сергеем Мироновичем Кировым, он это сделать отказался. Сказал, что у него нет теплой обуви, а он боится отморозить ноги. И добавил: если я пойду, Киров от этого все равно не воскреснет».

Этого заявления вполне хватило для того, чтобы обвинить Бориса Жженова в антисоветской деятельности и арестовать его. А следом настала очередь и его младшего брата — Георгия. Причем его арестовали тоже по доносу. Некий молодой актер написал, что тот во время съемок «Комсомольска» познакомился с военным атташе Америки и, находясь с ним в одном купе поезда, распевал песни, шутил и т. д. Этого оказалось достаточно, чтобы решить судьбу Жженова. Правда, арестовали его только со второго захода. Чекисты пришли за ним в последний съемочный день, и дирекция киностудии «Ленфильм» обратилась в НКВД с настоятельной просьбой отложить арест на один день, чтобы завершить съемки. И такое разрешение

было получено. Актер благополучно отснялся и на следующий день был арестован. Им с братом «впаяли» 58-ю статью, дали по 8 лет и отправили в разные места: Борис попал в Норильск, а Георгий — в Магадан. А семью Жженовых выселили из Ленинграда.

Первые два года Жженов валил лес на таежных делянках Дукчанского леспромхоза (его напарником по двуручной пиле был советский разведчик Сергей Чаплин). А когда началась война, их этапировали в тайгу на золотые прииски. Там Чаплин погиб. Тысячу раз мог погибнуть и Георгий, однако судьба была милостива к нему, каждый раз отводя от него костлявую в самый последний момент. Например, в 1943 году он, будучи больным цингой, отмахал пешком по тайге 10 километров, чтобы добраться до прииска «17», где его дожидались две посылки, которые его мать еще в 1940 году отправила ему с воли. И он дошел. И хотя все содержимое посылок успело за три года испортиться, этот переход оказал на заключенного самое благотворное влияние. После него он вдруг понял, что выживет в этом аду.

А вот у его братьев судьба оказалась куда как печальнее: в 1943 году Борис умер в воркутинском лагере от дистрофии, а другого на глазах у матери расстреляли фашисты в Мариуполе.

Между тем в 1944 году Жженову вновь повезло — его приняли в труппу Магаданского театра. Театр был многожанровый: и опера, и оперетта, и драма, и эстрада, и цирк. Труппа состояла из 180 человек, причем 120 из них — зэки. Через этот театр прошли многие известные актеры и режиссеры: Леонид Варпаховский, Юрий Розенштраух, Александр Демич, Константин Никаноров, Вадим Козин и другие.

Именно в этом театре Жженов встретил свою первую жену, тоже актрису из Ленинграда по имени Лида. Ее арестовали как «врага народа» в 1937-м, приговорили сначала к расстрелу, но затем заменили его десятью годами лагерей. В 1946 году у них родилась дочь, которую назвали Аленой. В конце того же года они наконец освободились и вернулись на материк. Около года Жженов работал на Свердловской киностудии — фактически под гласным надзором. Потом его выгнали из-за отсутствия прописки, и он устроился в труппу маленького театра в городке Павлово-на-Оке. Но жизнь там продолжалась недолго. Уже в июне 1949 года (когда в стране началась вторая волна сталинских чисток) его вновь арестовали и бросили в горьковскую тюрьму. Через

полгода объявили заочный приговор Особого совещания: ссылка в Красноярский край. Этап через всю Россию в Красноярск. Еще два месяца тюрьмы. И, наконец, Норильск — Норильский заполярный драмтеатр, где он работал в качестве ссыльного актера вплоть до реабилитации в 1954 году (в этом же театре тогда играл и И. Смоктуновский). В том году Жженов наконец вернулся в Ленинград и был принят в труппу Театра имени Ленсовета.

Если б не Сталин
Борис Андреев

Начало Великой Отечественной войны популярный киноактер **Борис Андреев** встретил в Москве. А месяц спустя — в июле 41-го — оказался замешан в скандале, который едва не стоил ему жизни. Дело было так. Актер зашел в ресторан гостиницы «Москва» и оказался за одним столиком с двумя мужчинами. Один из них, судя по всему, был какой-то начальник, другой — его подчиненный. Однако артист не знал, какое ведомство они представляют. К концу вечера, когда было выпито уже изрядное количество спиртного, между Андреевым и начальником разгорелся какой-то спор. Сначала он шел на повышенных тонах, но затем актер не сдержался, вскочил на ноги и со всей силы врезал своему оппоненту кулаком в лицо. А кулак у Андреева был размером чуть меньше арбуза. Начальник так и рухнул на пол. Следом за ним свалился и его подчиненный, попытавшийся было осадить артиста.

Как оказалось, пострадавшие были работниками НКВД, а именно: один был генералом, а другой — его адъютантом. Поэтому 26 июля 1941 года Андреева арестовали. Ему вменили в вину «контрреволюционную агитацию и высказывание террористических намерений» и приговорили… к расстрелу. Однако в дело вмешался случай. Один из выносивших приговор прекрасно знал о том, что Андреев является любимым артистом самого Сталина. Вот он и решил подстраховаться: доложил вождю о том, какая история произошла с Андреевым. Думал, видно, пусть Сталин решит, как быть в такой ситуации. И Сталин разрешил ситуацию как нельзя справедливо.

— Пускай этот актер еще погуляет, — сказал «вождь всех времен и народов».

В тюрьму по недоразумению
Анатолий Папанов

В 1941 году 18-летний **Анатолий Папанов** работал на московском заводе «Шарикоподшипник», и в один из дней кто-то из рабочих его бригады совершил кражу: вынес с территории завода несколько строительных деталей. По нынешним меркам это не самое тяжкое преступление, но в те времена подобное каралось жестоко. Поэтому, как только обнаружилась кража, на завод приехала милиция и арестовала всю бригаду, в том числе и Папанова. Всех их посадили в Бутырку. Допросы вел умудренный опытом следователь, который не отличался чрезмерной кровожадностью. Вызвав на допрос нашего героя, он, видимо, сразу понял, что этот наивный юноша вряд ли причастен к краже. Поэтому на девятые сутки он распорядился отпустить Папанова из-под ареста.

Между тем, вернувшись домой, Папанов тут же попал под горячую руку своего отца. Тот не стал ни в чем разбираться, подошел к сыну и ударом кулака свалил его с ног. В своем рвении наказать сына отец явно переусердствовал: он не рассчитал силу удара, и Папанову пришлось в течение нескольких недель проваляться дома. А через три месяца началась война, и Папанов ушел на фронт.

Еще один конфликт с законом случился у Папанова уже четверть века спустя, когда он уже стал знаменитым артистом. Однако от объяснений с общественностью Папанова это не спасло. Дело было так.

Будучи на одной вечеринке, Папанов перебрал с выпивкой и, ковыляя в одиночку домой, внезапно почувствовал себя плохо и присел на лавочку. В этот момент его и заметил постовой милиционер. Подойдя к артисту, он в темноте не узнал его и принял за обычного пьянчужку. «Гражданин, здесь сидеть не положено!» — сурово обратился страж порядка к Папанову и решительно взял его за локоть. И тут произошло неожиданное. Папанов внезапно взорвался, вскочил с лавки и схватил милиционера за галстук. Тот, в свою очередь, попытался вырваться, но Папанов вошел в раж и рывком сорвал галстук с постового. К счастью, большего он сделать не успел, так как

милиционер оказался и моложе, и ловчее, поэтому довольно быстро скрутил пожилого человека. И пришлось актеру прошествовать в ближайшее отделение милиции.

Уже через несколько дней после этого происшествия весть о нем достигла стен Театра сатиры. В дирекцию пришла бумага из отделения милиции о том, что актер Папанов, будучи в подпитии, совершил хулиганский поступок по отношению к представителю законной власти. Поэтому милицейское начальство требовало сурово наказать провинившегося. Не выполнить этого наказа дирекция театра не решилась. Буквально в тот же день, когда в театр пришла бумага, было собрано общее собрание коллектива, в повестке которого значился один вопрос — недостойное поведение актера Папанова. Это собрание длилось около трех часов.

Как вспоминают очевидцы, недостатка в выступающих на этом мероприятии не было. Большая часть актеров оказалась на стороне провинившегося и просила руководство театра не наказывать сурово Папанова. Однако нашлись и такие, кто потребовал не только уволить его из коллектива, но и поставить вопрос о лишении его звания заслуженного артиста РСФСР. К счастью, таких оказалось меньшинство, и Папанов отделался всего лишь строгим выговором.

По приказу Берии
Братья Старостины

В 30-е годы прошлого века футбол в Советском Союзе был одним из самых популярных видов спорта. Однако в силу сложившейся в те годы в стране политической ситуации честной эту игру назвать было сложно. Например, общество «Динамо», куратором которого был всемогущий НКВД, имело такие рычаги давления, которые выбивали любые козыри из рук соперников. Одним из самых действенных рычагов была угроза ареста.

Регулярные чемпионаты страны по футболу стали проводиться в СССР с весны 1936 года. Первым чемпионом стало московское «Динамо», а еще одна команда этого же общества — из Киева — взяла «серебро». Однако уже осенью золотые медали 2-го чемпионата завоевал столичный «Спартак». Именно это общество и стало основным конкурентом бело-голубых в борьбе за чемпионство. Поэтому, когда в 1937 году в стране начались массовые репрессии, кураторы «Динамо» из НКВД сделали все от них зависящее, чтобы выжать из этой ситуации максимум выгоды, — они стали арестовывать представителей практически всех спортивных обществ страны, кроме динамовцев. Поводы к арестам были самые разные. Например, руководитель общества «Буревестник», а по совместительству судья Виктор Стрепихеев угодил в застенки только за то, что судил международный матч по футболу, где столичное «Динамо» играло против басков и проиграло 4:7. Стрепихеева обвинили в диверсии (не смог засудить испанцев) и отправили в лагерь. Был арестован лучший в то время судья и первый руководитель «Локомотива» Виктор Рябоконь.

Много арестованных было из общества «Спартак». Например, за решеткой оказалась целая группа лыжников, среди них спартаковские — Николай Королев и трое его братьев. Других братьев — Старостиных, которые играли в футбольном «Спартаке», тогда арестовать не решились из-за их фантастической популярности в народе. Зато бывшего футболиста этой же команды Виктора Прокофьева арестовали только за то, что он был женат на сестре

Старостиных. Были также отправлены за решетку и там уничтожены многие покровители «Спартака» во властных структурах. Так поступили с руководителем Промкооперации Казимиром Василевским, генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ Александром Косаревым.

Между тем в футбольном чемпионате-38 золотые медали достались «Спартаку», а сразу четыре динамовских клуба, из Киева, Москвы, Тбилиси и Ленинграда, заняли места с 4-го по 7-е. Год спустя ситуация повторилась: «Спартак» вновь стал чемпионом, а серебро досталось динамовцам из Тбилиси. Остальные динамовские клубы скатились еще ниже: москвичи заняли 7-е место, киевляне — 8-е, ленинградцы — 10-е, одесситы — 14-е. А тут еще «Спартак» умудрился взять и Кубок СССР, победив в четвертьфинале тбилисцев, которых лично патронировал новый нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия. Эта победа переполнила чашу терпения Берии, и он решил повернуть историю вспять. Благо, при его положении сделать это было не так уж и трудно.

Четвертьфинальный матч между «Спартаком» и тбилисским «Динамо» состоялся в сентябре. Красно-белые победили 1:0, однако гол оказался спорным — мяч был в воздухе, когда защитник «Динамо» Шавгулидзе в невероятном шпагате выбил его из ворот в поле, но судья посчитал, что мяч уже пересек линию ворот. Этим и решил воспользоваться Берия. По его совету тбилисцы подали протест, однако Всесоюзная футбольная секция его отклонила. Через две недели (14 сентября) «Спартак» сыграл в финале с ленинградским «Сталинцем», выиграл 3:1 и завоевал Кубок СССР. Но Берию такой исход не устроил, и он пустил в ход все свое влияние, чтобы Комитет физкультуры аннулировал решение футбольной секции и принял решение о переигровке четвертьфинала. И хотя ситуация выглядела абсурднее некуда (финал-то уже был сыгран!), но спорить с Берией никто не решился.

И все же, как Берия ни старался повернуть ход истории вспять, ему это не удалось. В повторном матче «Спартак» опять оказался сильнее и победил 3:2. И Кубок сохранил за собой. Берия этого унижения не забыл и затаил жгучую обиду на братьев Старостиных. О том, в каком состоянии находился в те дни Берия, говорит такой факт: он отдал команду своим людям по-быстрому состряпать на Николая

Старостина (он возглавлял общество «Спартак») уголовное дело и выписал ордер на его арест. Однако за спартаковца неожиданно заступился председатель Совнаркома Вячеслав Молотов. А перечить ему Берия тогда еще не решался (он всего лишь год занимал кресло наркома внутренних дел). Однако, будучи человеком злопамятным, Берия свое унижение во время переигровки полуфинала Кубка-39 не забыл и только ждал удобного случая, чтобы отомстить Старостиным. Ждать пришлось два с половиной года.

Стоит отметить, что два последних предвоенных чемпионата по футболу принесли подлинный триумф динамовцам. Так, в сезоне-40 золотые медали достались москвичам, серебряные — тбилисцам. «Спартак» вынужден был довольствоваться только «бронзой». Еще лучше складывались дела у бело-голубых в сезоне-41 (хотя он и не был доигран из-за начавшейся войны), где сразу три динамовских коллектива расположились на самом верху турнирной таблицы: москвичи, тбилисцы и ленинградцы. А красно-белые были всего лишь седьмыми. Казалось бы, самолюбие Берия должно было быть удовлетворено. Но, как оказалось, унижение 39-го года нарком так и не забыл. И уже в разгар войны, когда большинству нашего населения было не до футбола, Берия обрушил на братьев Старостиных свое возмездие.

Ранней весной 1942 года Николай Старостин заметил, что за ним следят: во время перемещений по городу за его машиной неотступно следовал один и тот же автомобиль с двумя неизвестными мужчинами. Старостин немедленно связался со 2-м секретарем Московского горкома партии Павлюковым (он был страстным болельщиком «Спартака») и рассказал ему о своих подозрениях. Секретарь пообещал разобраться. Но его вмешательство только усугубило ситуацию. За Старостиным действительно следила московская ГБ, собирая на него компромат, а после вмешательства Павлюкова слежку за руководителем «Спартака» доверили центральному аппарату МГБ. Там у Старостина заступников не было. И 20 марта Николая Старостина, а также его братьев Андрея, Петра и Александра арестовали.

Вспоминает Н. Старостин: «В тот день мне удалось вернуться с работы раньше обычного. Назавтра предстоял трудный день. Он таким

и оказался. Причем начался гораздо раньше и совсем не так, как я рассчитывал.

…Проснулся от яркого луча света, ударившего в глаза. Два направленных в лицо луча от фонарей, две вытянутые руки с пистолетами и низкий, грубый голос:

— Где оружие?

Все выглядело довольно комично. Мне казалось, я еще не проснулся и вижу дурной сон. Крик «встать!» мгновенно вернул меня к реальности.

— Зачем же так шуметь? Вы разбудите детей. Револьвер в ящике письменного стола. Там же и разрешение на его хранение.

— Одевайтесь! Вот ордер на ваш арест.

Забрав револьвер, «гости» явно почувствовали себя спокойнее. Их предупредили, что они будут брать опасного террориста Старостина, и бравые чекисты всерьез опасались вооруженного сопротивления.

Обычно я очень чутко сплю и потому не мог взять в толк, как посторонние люди ночью бесшумно проникли в квартиру. Дверь закрывалась на цепочку, ее можно было открыть только изнутри, а звонок я бы непременно услышал. Что за чертовщина?

Все разъяснилось несколько минут спустя. Когда меня уводили, жившая у нас домработница, очень скромная провинциальная женщина, бывшая монашка, всегда такая приветливая со мной, даже не вышла попрощаться. Это она абсолютно точно знала час, когда сбросить цепочку и открыть дверь.

Монашка-осведомитель? Удивительно! Впрочем, в моей жизни наступало время, когда надо было отвыкать чему-либо удивляться.

Не разрешив взять с собой никаких вещей, меня вывели на родную Спиридоньевку. Последнее, что я успел увидеть, пока заталкивали в машину, — два испуганно светящихся окна на фоне, как тогда показалось, совершенно мертвого дома.

Ровно через десять минут я очутился на Лубянке…»

В устах самого Берии эта история выглядела следующим образом (цитирую его личный дневник):

«4 апреля 1942 года.

Дошли руки арестовать Старостиных. Мячик гоняли здорово, люди оказались дерьмо. Строили из себя интеллигентиков. Вроде им дали все, что могли дать. Сколько чемпионов в тылу у немцев воюют,

как спортсмены под Москвой воевали, а эти мало что шкурники и спекулянты, так еще и предатели. Шлепнуть бы, но зачем. Коба (Сталин. — *Ф. Р.*) сказал, уберите это дерьмо подальше от Москвы, а так пусть воняет. Интеллигенты без дерьма не могут…».

В лубянской тюрьме Старостина продержали полтора года. Ему и его братьям упорно «шили» статью о покушении на жизнь самого Сталина: мол, будучи в сговоре с генсеком ЦК ВЛКСМ Александром Косаревым, братья собирались убить вождя всех народов во время парада на Красной площади в 1937 году (по мнению лубянских следователей, снайпер должен был спрятаться в макете огромной футбольной бутсы, которую везли по Красной площади). Однако братья отказывались подписывать протоколы и упорно гнули свою линию: мы ни в чем не виноваты. Так же вели себя и еще четыре спартаковца, арестованных по «делу Старостиных»: Евгений Архангельский, Станислав Леута, Петр Попов и Павел Тикстон (двое последних к тому же были мужьями сестер Старостиных).

В ноябре 1943 года состоялся суд над Старостиными и их «подельниками». Братья признали себя виновными (чтобы поскорее закончить свое пребывание в лубянских застенках), и им присудили по десять лет лагерей. Архангельскому (он, кстати, единственный, кто не признал себя виновным) и Леуте дали по восемь лет.

Старостиных раскидали по разным лагерям. Но благодаря их фантастической популярности жизнь в неволе у них была более-менее сносная. Так, Александр стал тренером «Динамо» города Инта, а Николай — тренером ухтинского «Динамо». В обоих лагерях делами заправляли ярые фанаты футбола: в Инте генерал Барабанов, в Ухте — генерал Бурдаков. Лучше всего дела шли у Николая, при котором ухтинцы заиграли широко и размашисто. Самый сенсационный матч они сыграли против «Динамо» из Сыктывкара, разгромив его… 16:0. Бурдаков был на вершине счастья, и, будь его воля, он немедленно выпустил бы Старостина на свободу. Хотя в таком случае он бы потерял классного тренера.

Поздней осенью 1944 года вольготная жизнь Николая закончилась. В Хабаровске генерал Гоглидзе, друг Берии и тоже ярый фанат футбола, прознал о том, какие чудеса творит Старостин, и затребовал его к себе на Дальний Восток, в Хабаровск. Но Бурдаков уже настолько прикипел к Старостину, что решил спасти — отправил

Николая в глухую тайгу, а в Москву (Гоглидзе действовал через Центр) сообщил, что заключенный Старостин нездоров и следовать в Хабаровск не может. В тайге Старостин впервые узнал, что такое лесоповал. Но ему и там повезло, причем опять решающую роль сыграло его футбольное прошлое. Главным врачом в лагере оказался некто Соколов — страстный футбольный болельщик. Узнав легендарного Старостина, он поспособствовал, чтобы того перевели к нему в санчасть массажистом.

И все же, как ни выгораживал Старостина генерал Бурдаков, в Хабаровск тому ехать пришлось. Кстати, в пути Николай случайно встретился со своим братом Александром, который направлялся этапом в Соликамск.

По дороге к месту назначения со Старостиными неоднократно могла случиться беда, но не случилась, поскольку уголовники тоже уважали легендарных братьев-спартаковцев. По словам Николая, «принадлежность к футболу была лучшей охранной грамотой. Когда вечерами по просьбе своих соседей по нарам я начинал вспоминать футбольные истории, игра в карты сразу прекращалась. Самые отпетые рецидивисты тихо, как примерные школьники, слушали мои рассказы. Я мог жить — не тужить…»

В Хабаровск Николай Старостин прибыл 8 мая 1945 года. На следующий день весь мир узнал о том, что война закончилась, и у миллионов заключенных в советских лагерях появилась надежда, что их участь изменится к лучшему. Но эти надежды оказались напрасными — война войной, но и осваивать Сибирь кому-то надо было.

Несмотря на то что Гоглидзе был другом Берии, даже он не решился с ходу назначить Старостина тренером хабаровского «Динамо». Поэтому временно отправил его в Комсомольск-на-Амуре, в тамошнее «Динамо». Там Старостина взял под свою опеку начальник Амурлага генерал Петренко. Положение Старостина облегчало еще и то, что к нему разрешили приезжать из Москвы его жене и дочке.

В 1948 году судьба Николая Старостина могла круто измениться. В Москве объвился еще один футбольно-хоккейный меценат — сын самого вождя народов Василий Сталин, который решил бросить вызов Берии. Под его руководством была сформирована команда ВВС, куда он стал набирать лучших игроков со всей страны. Тренером

футбольной команды Василий решил заиметь нашего героя — Николая Старостина. К тому времени тот уже считался досрочно освобожденным, однако в списке городов, куда он не имел права приезжать, значилась Москва. Но для сына Сталина запретов не существовало. Поэтому в один из дней он прислал за Старостиным свой личный самолет (Василий тогда занимал пост командующего ВВС Московского военного округа), который и доставил Николая в столицу. В тот же день ему восстановили в паспорте его московскую прописку — Спиридоньевская улица, 15, квартира 13. Однако радость Старостина длилась недолго — всего два дня. Потом к нему домой явились люди в штатском (посланцы Берии) и объявили, что его прописка аннулирована и ему необходимо немедленно возвращаться либо обратно в Комсомольск-на-Амуре, либо в любой другой город, где ему разрешается проживать. Старостин выбрал Майкоп. Однако, прежде чем уехать, он решил в последний раз наведаться к Василию Сталину.

Когда сын вождя узнал, что произошло со Старостиным, он был вне себя от гнева. «Как они посмели без моего ведома давать указания моему работнику!» — бушевал Василий. И тут же приказал Старостину переселиться к нему, в особняк на Гоголевском бульваре. «Здесь вас не достанут, — заявил Василий. — А я пока утрясу вашу проблему». По словам Старостина: «Василий Сталин решил бороться за меня не потому, что добивался торжества справедливости. Я был ему нужен как тренер. Но сейчас и это отошло для него на задний план. Суть заключалась в том, что он ни в чем не хотел уступать своему заклятому врагу — Берии, которого люто ненавидел, постоянно ругал его последними словами, совершенно не заботясь о том, кто был в тот момент рядом. Я несколько раз пытался остеречь его, говоря: «Василий Иосифович, ведь все, что вы произносите, докладывают немедленно Берии». — «Вот и хорошо, пусть послушает о себе правду и знает, что я о нем думаю», — отвечал он…»

Поскольку угроза Старостину со стороны Берии продолжала сохраняться даже в особняке сына вождя, ему приходилось несладко: он вынужден был как прикленный всюду следовать за Василием, и даже ночью они спали вместе, благо широкая кровать это позволяла. Причем Василий обязательно клал под подушку взведенный пистолет. Выйти из особняка в одиночку Старостин опасался, поскольку

однажды заметил на противоположной стороне улицы двух субъектов в штатском, внимательно следивших за подъездом особняка. Однако увидеть жену и дочерей Старостину жуть как хотелось. И однажды он не выдержал.

В одну из ночей, когда Василий изрядно набрался (а к тому времени он уже был законченным алкоголиком), Старостин бесшумно выскользнул из особняка и рванул к себе на Спиридоньевку. Только зря он надеялся перехитрить ищеек Берии, которые прекрасно понимали, чем им могла грозить такая оплошность — упустить из виду объект слежки. Старостин пробыл в родном доме всего лишь несколько часов. Ровно в шесть утра в дверь позвонили, и, когда он открыл, на пороге возникли мрачные субъекты в штатском. Они приказали Старостину одеться и лично повезли его на вокзал, чтобы оттуда прямиком отправить в Майкоп. Но Берия допустил ошибку: надо было везти Старостина самолетом, а не поездом. Поскольку уже в Орле поезд догнал начальник контрразведки Василия Сталина (догнал на самолете) и заставил Старостина вернуться в Москву. Но детективная история на этом не закончилась.

Василий, взбешенный поступком Берии, который он расценил как личное оскорбление, решил ответить тем же. Едва Старостин появился на пороге его особняка, сын вождя повез его на стадион «Динамо», где хозяева принимали его команду ВВС. Зная, что на матче обязательно будут люди Берии, Василий хотел показать им Старостина и тем самым взять реванш за свое недавнее унижение. И все же победа в итоге осталась за Берией. Тот воспользовался тем, что Василий в те дни находился в опале после одного трагического случая (будучи на рыбалке, он с друзьями глушил рыбу гранатами, и по пьянке один из глушивших — личный пилот Василия — погиб), и лично доложил Иосифу Сталину (они оба в те дни отдыхали в Пицунде) о том произволе, который творит его сын: прикрывает ссыльного осужденного. И вождь взял сторону Берии. Узнав об этом, Василий самолетом рванул к отцу, но тот не принял сына, выставив вперед врачей, которые объявили, что вождь народов плохо себя чувствует. И Василий понял, что сражение за Старостина проиграл. Поэтому, когда Николай позвонил ему из Москвы и сообщил, что устал от сложившейся ситуации и вылетает в Крым, Василий возражать не стал.

Расплата за московскую эпопею не заставила себя долго ждать. Берия вновь явил Старостину свою злопамятность и сделал так, что его осудили на пожизненную ссылку в Казахстан. Правда, и там Старостин без любимого дела не остался: в Алма-Ате он поднимал тамошние футбол и хоккей. Там его и застал июнь 1953 года. В том месяце арестовали Берию, и «дело братьев Старостиных» вскоре было пересмотрено. К тому времени Андрей Старостин жил в Норильске, Андрей — в Соликамске (ему пришлось тяжелее всех — он работал на лесоповале), Петр — под Тулой, где работал начальником ОКСа. В марте 1955 года уголовное дело братьев Старостиных было прекращено и им разрешили вернуться в Москву.

Лампочка Спартака
Спартак Мишулин

В конце 30-х годов мать **Спартака Мишулина** арестовали как «врага народа», и он остался на попечении отчима, своего дяди и его жены. Отчим был пьющим, поэтому в воспитании ребенка (да еще чужого) применял только один метод — кулаки. В конце концов, Спартаку это надоело, и он уехал из Москвы: увидел на улице объявление о наборе в 1-ю артшколу и поехал по указанному адресу (его ввела в заблуждение приставка «арт» — он подумал, что это школа артистов). На самом деле это была артиллерийская школа в Анжеро-Судженске (под Кемеровом). На дворе стоял 1942 год.

Именно в артиллерийской школе в юноше проснулось желание творить: он стал руководителем художественной самодеятельности и силами учеников поставил спектакль. Однако в местном клубе не оказалось лампочек, и, чтобы не сорвать премьеру, Спартак отправился в клуб соседнего села и тайком свинтил в нем все лампочки. Но у этого преступления нашлись свидетели. Они «заложили» молодого режиссера, и того сразу после премьеры арестовали как расхитителя социалистической собственности. Уже попутно следователи разоблачили и другие «преступления», совершенные С. Мишулиным: кражу из библиотеки книги «История гражданской войны» и порчу плаката, на котором был изображен товарищ Сталин (будущий актер на обратной стороне плаката писал приключенческий роман «Золотой гроб»). За все эти «преступления» Спартак получил несколько лет тюрьмы. Ему могли впаять и более суровый приговор, однако следователи учли его юный возраст, выкинули из дела 58-ю статью (политическую) и классифицировали дело как хулиганство.

В тюрьме Мишулину повезло — он встретил бывшего шофера своего дяди. Тот был при должности и устроил Спартака на хорошее место — прицепщиком на трактор. Работа была простая: дернул за веревку — плуг поднялся. Казалось бы, работай себе потихонечку и жди конца срока. Однако и здесь Мишулину не повезло. Однажды он пошел за водой для своего сменщика, но по дороге решил прилечь в борозду отдохнуть. Тут его и разморило. И в это время сменщик,

уставший его ждать, завел трактор и начал работать без него. Спартак проснулся только в тот момент, когда трактор уже начал наезжать на него, и выбраться из-под него возможности никакой не было. И его начало засасывать под задний мост. Сменщик увидел это слишком поздно, поэтому, когда он все-таки остановил трактор, Мишулин уже не подавал никаких признаков жизни. Врачи, узнавшие, в какой переплет попал юный заключенный, даже не стали его по-настоящему осматривать и сразу определили в морг. А он через какое-то время там очнулся.

Однако, как говорит пословица, нет худа без добра. Попав после этого случая в разряд калек, Спартак был назначен начальником пожарного отделения на мельницу. Но и здесь ему не удалось обойтись без происшествия. Он решил помочь зэкам, которые голодали, и стал тайно привозить им муку в бочке вместо воды. Но однажды какой-то начальник попросил у Спартака напиться, а в бочке воды не оказалось. Короче, впаяли ему за воровство еще полтора года.

В середине 40-х Мишулин наконец-то освободился и стал думать, куда податься. Возвращаться в Москву он не мог — не хотел компрометировать дядю и других родственников. Тут один из зэков, освободившихся вместе с ним, предложил ехать в деревню Брусово Тверской области, где его жена работала директором Дома культуры. И Спартак согласился.

Тюремные университеты Захара Большакова
Петр Вельяминов

Популярный актер **Петр Вельяминов**, известный по многим кинофильмам, но особенно — по двум ролям председателей колхозов в телевизионных блокбастерах «Тени исчезают в полдень» (1972) и «Вечный зов» (1976–1983), угодил в сталинские лагеря, будучи 16-летним юношей. Арестовали его 31 марта 1943 года прямо на Манежной площади в Москве. Арестовали обыденно: люди в штатском подошли к нему с двух сторон и сопроводили на Лубянку (благо это в минуте езды от Манежной).

Рассказывает П. Вельяминов: «Я шел по «особо важным», и, судя по постановлению Особого совещания, у меня был очень неприятный букет статей, который и определил все дело, которое, как мне сказали потом следователи, реабилитировавшие меня, было сильно раздуто. На меня было написано многое, чему я и сам теперь удивляюсь. Главная статья у меня была «измена Родине», которая звучала как «соучастие в деятельности антисоветской организации «Возрождение России» (это сейчас «возрождение России» хорошо звучит). Вроде эти люди печатали листовки, а я как будто был боевиком. Все это, конечно, чистый бред.

Вспоминаю, как меня привезли на Лубянку. В кабинете сидело человек пять в штатском. Я был молодой и неопытный… Наверное, можно было играть под дурачка и расплакаться… Но так как меня воспитывали без страха во всем (отец Петра был офицером царской армии и при большевиках, несмотря на то что принял их власть, дважды репрессировался), я держал себя независимо. Я тут же сказал, что, вместо того, чтобы судить одного виновного, они хотят судить сто невинных… Они сказали, что я из молодых да ранних, что со мной «все ясно».

Я думал, что этой беседой все и кончится, они поймут, что я человек умный и образованный, «толковый», знаю, что такое презумпция невиновности. Ведь в шестнадцать лет знаешь все! Поводов арестовать меня не было никаких, кроме, может быть, одного. Я ухаживал за девушкой. Она была на год старше меня, но война

сблизила нас. Многие наши сверстники уехали в эвакуацию. Мы жили на одной площадке в доме на Мытной. Вместе проводили время, поступали на курсы, вместе учились. Ее отец был доцентом Московского архитектурного института — известный в своих кругах человек, увлекающийся искусством, у него было прекрасное собрание книг и картин. Я часто бывал в их квартире, где всегда было много людей — коллег, гостей… Вскоре хозяина дома и других преподавателей института арестовали. Кто-то из них, как я понял, не сдал радиоприемник (их полагалось сдать) и слушал «заграницу», немецкое радио на русском языке, и, естественно, они обменивались мнениями. Это были, может быть, и не пораженческие разговоры, но, так или иначе, наше «всеслышащее ухо» их услышало. И кто-то из арестованных назвал и мое имя. Этого было достаточно…

В первый день страха у меня не было. Было непонимание происходящего, сумбур впечатлений и чувств. У меня был комбинезон, весь на «молниях», — его подарила мне вдова одного летчика. Так как там был запрещен металл, его сняли, хотели вырвать «молнии», но не вышло, и мне дали обычную лагерную гимнастерку и лагерные штаны. Остригли. И первое ощущение было непонятное. Все было дико: водят по лестнице — руки назад… Я никак не мог поверить, что это всерьез. Когда меня посадили в машину, там, у Манежа, у меня была единственная мысль: «Зря я поехал трамваем 26-м, который сворачивал на улицу Герцена, нужно было поехать другим, меня бы по Москве повозили подольше». Потому что от Манежной площади до Лубянки — всего ничего. Но у меня не было мысли, что вся жизнь от этого совершенно изменится. И только после первого допроса… Я как сейчас помню этого капитана Кочнова, который со страшным матом кричал на меня, что я преступник, что я знал, что они слушают вражеское радио. «Тебе же Маринка говорила, что они слушают!» — «Говорила, но говорила-то мне». — «Но ты знал и не донес, да? Значит, ты участвовал!» — «Нет, я не участвовал». — «Участвовал! Да ты сволочь, выродок, ты не комсомолец!» Этот крик и ор кончился побоями. Это был первый допрос. После этого меня перевели на седьмой этаж.

Вернувшись в камеру, я переоделся. Мне бросили вещи в большом рюкзаке, сшитом мамой, — рубашки, белье, носки. Я понял, что это после ночного обыска дома и что жизнь моя кончилась. Я

заплакал, захлюпал носом. Бегали черные тараканы, которых было много на Лубянке. А ночью был новый допрос… И так каждый день. Это ведь изматывающая система. Примерно в одиннадцать — в начале двенадцатого ночи вызывают на допрос. Допрашивает следователь, он иногда спит, дремлет в кабинете. Сижу. Потом он пишет часов до пяти. Отпускает. Идешь в камеру. В шесть — уже подъем. Тюремный завтрак. Можно сидеть, но не лежать. Спать нельзя. Все время ходит по коридору надзиратель, который смотрит, стучит ключом в глазок. Если закрыл глаза — встань. Утром, часов в десять, снова вызывали и лишали возможности спать, так как с двух часов до пяти был… ну, не «мертвый» час, а разрешали лечь, но не закрывать глаза. И так изо дня в день. Если человек засыпал, его встряхивали, будили. Если нарушал — в карцер…»

В сентябре того же 1943 года Вельяминова перевели в Бутырку. Там был более свободный режим, но все равно приходилось несладко. Но Вельяминов просидел там недолго — 21 ноября его отправили этапом в Сибирь. Причем, уезжая из Бутырки, он встретился со знаменитым футболистом Николаем Старостиным, которого тоже упекли за решетку без всякого серьезного повода (не помогла даже Звезда Героя Социалистического Труда, которую спортсмену дали незадолго до этого). С ним Вельяминов доехал в одном вагоне до Котласа, после чего судьба их временно разъединила.

Из Котласской пересылки Вельяминов должен был поехать на Север: в Ухту, Воркуту или на Печору. Случись так, ему бы там не выжить. Но будущему актеру повезло: на комиссии он познакомился с одним стоматологом, который знал его бабушку (до революции они были соседями), и тот добился, чтобы его по разряду «до 18 лет» отправили на Северный Урал, в Лобву, на строительство гидролизного завода. Вельяминов попал в бригаду таких же «малолеток» и делал ящики для снарядов и патронов. Спустя несколько месяцев Вельяминов имел реальный шанс вырваться на свободу — он заболел дистрофией (весил 47 кг). Но из-за букета статей, которые на нем висели, его на свободу не выпустили, а только отправили лечиться. Врачи в лазарете оказались на редкость чуткими людьми, и Вельяминов вскоре пошел на поправку.

Чутким к Вельяминову оказался и начальник сельхоза Ростовцев. Понимая, что после такой болезни парню долго с киркой и лопатой не

протянуть (заключенные рыли мерзлую землю), он перевел его санитаром в центральный лазарет. Будучи там, Вельяминов узнал, что его мать посадили вторично, и от отчаяния он попытался вскрыть себе вены. К счастью, его спасли, а когда он поправился, не стали добавлять новый срок (за саботаж) к прежнему.

На Урале после сельхоза по совету одного из заключенных Вельяминов пошел в самодеятельность. Потом он два года (1948–1949) работал в джазе, который обслуживал лагеря Краснотурьинского района. Затем худрук самодеятельности Валерий Федорович Валертинский пригласил Вельяминова сыграть Макферсона в спектакле «Русский вопрос». Эта постановка имела большой успех, за что и Валертинскому, и Вельяминову начальство сбросило почти полгода отсидки.

9 апреля 1952 года, получив еще полгода зачетов, Вельяминов был выпущен на свободу. Он вернулся в Москву, но поскольку оба его родителя продолжали сидеть, а родная сестра жила впроголодь со своей семьей, Вельяминов не смог нигде прописаться и уехал в Абакан, где поступил в тамошний театр. В течение последующих двух десятилетий он сменил еще несколько театров в разных городах страны.

Слава пришла к Вельяминову в феврале 1972 года, когда на телевизионные экраны вышел сериал «Тени исчезают в полдень», где он сыграл главную роль — убежденного большевика Захара Большакова. Спустя четыре года ему присвоили звание заслуженного артиста РСФСР, хотя мытарств с присвоением было много — судимость Вельяминова у многих вызывала опаску. С еще большим трудом ему присвоили следующее звание — народный артист РСФСР.

Вспоминает П. Вельяминов: «Я заполнил анкету. Проходит месяц, я работаю. Начальник отдела кадров «Мосфильма» как-то просит зайти: «Петр Сергеевич, вы сидели?» — «Да, сидел». — «С вас снята судимость?» — «Да, снята». — «Но вы не реабилитированы?» — «Нет». — «Знаете, давайте сделаем так: вы напишете заявление, а мы со стороны «Мосфильма» сделаем ходатайство». — «А разве реабилитация не автоматически дается?» — «Что вы! Снятие судимости — это просто справка, которая дает возможность рассмотрения положения о паспортах. А реабилитация — это признание судебной ошибки…»

И я пишу заявление, отношу, потом прихожу и вижу, у кадровика рот перекривился. Говорит: «Знаете, Петр Сергеевич, мы же не знаем, за что вы сидели. Мы вам напишем объективку: на «Мосфильме» с 1974 года, сыграл то-то и т. д.» Злой, бешеный, униженный до предела, я все-таки еду на угол проспекта Калинина. А там, в приемной Президиума Верховного Совета, люди сидят на полу, многие по квартирным делам. Хлопочут за мужей, сыновей… Какой-то мрачный тип спросил меня, по какому делу я, и прямо при мне стал читать мое заявление… Так закрутилась машина, и лишь через два с лишним года мне наконец выдали свидетельство о реабилитации. Потом дали звание народного артиста РСФСР…»

В тюрьму… за красоту
Татьяна Окуневская

В 40-е годы **Татьяна Окуневская** считалась одной из самых, как теперь принято говорить, сексапильных актрис советского кинематографа. Но именно ее красота и сыграла с ней злую шутку: на нее «положил глаз» сам Лаврентий Берия. В конце 1945 года, когда Горбатов уехал в качестве журналиста на Нюрнбергский процесс, Берия обманом заманил красавицу-актрису в свой особняк на улице Качалова. Сама она так описывает тот день: «Оказалось, мы сразу не едем в Кремль, а должны подождать в особняке, когда кончится заседание. Входим… Накрытый стол, на котором есть все, что только может прийти в голову. Я сжалась, я сказала, что перед концертом не ем, а тем более не пью, и он не стал настаивать, как все грузины, чуть не вливающие вино за пазуху. Он начал есть — некрасиво, жадно, руками, пить, болтать, меня попросил только пригубить доставленное из Грузии «наилучшее из вин». Через некоторое время он встал и вышел в одну из дверей, не извиняясь, ничего не сказав… Явившись вновь, он объясняет, что заседание «у них» кончилось, но Иосиф так устал, что концерт отложил. Я встала, чтобы ехать домой. Он сказал, что теперь можно выпить и что, если я не выпью этот бокал, он меня никуда не отпустит. Я стоя выпила. Он обнял меня за талию и подталкивает к двери, но не к той, в которую он выходил, и не к той, в которую мы вошли, и, противно сопя в ухо, тихо говорит, что поздно, что надо немного отдохнуть, что потом он отвезет меня домой. И все, и провал. Очнулась: тишина, никого вокруг…

Изнасилована, случилось непоправимое, чувств нет, выхода нет, сутки веки не закрываются даже рукой…»

Не менее влиятельным ухажером актрисы был и тогдашний министр госбезопасности СССР Виктор Абакумов. Но ему не повезло: когда в гостинице «Москва», во время одного из приемов, он полез к ней целоваться, она влепила ему пощечину. Правда, тогда она не знала, кем в реальности был этот человек. Он же ей этого не простил. 13 ноября 1948 года Окуневскую арестовали по статье 58.10 — антисоветская агитация и пропаганда. Ей инкриминировали: во-

первых, в доносе некоего Жоржа Рублева (это был псевдоним гэбэшного стукача) говорилось, что Окуневская, встречая Новый год под Веной, в особняке маршала Конева, подняла тост за тех, кто погибает в сталинских лагерях, во-вторых, в Киеве на съемках картины «Сказка о царе Салтане» актриса в перерыве между съемками посетила кафе на Прорезной и там подняла тост со словами: «Все коммунисты — лживые и нечестные люди».

Кроме этого Окуневской припомнили и связь с врагом — югославским послом Поповичем. Во время ареста никакого ордера ей предъявлено не было, актрисе показали только короткую записку: «Вы подлежите аресту. Абакумов».

После 13 месяцев содержания в одиночной камере, где ее подвергали не только изнурительным допросам, но и избиениям, Окуневскую вновь привели в лубянский кабинет Абакумова. По ее словам, в тот день стол шефа госбезопасности ломился от различных яств, которые испускали такой аромат, что ей, похудевшей до 46 килограммов, стало плохо. Абакумов видел это и, наверное, считал, что сопротивление гордой женщины сломлено. Таким образом он одержал уже не одну победу. Когда он попытался обнять Окуневскую, та, как и во время их первой встречи, влепила ему пощечину. Этим она собственноручно подписала себе приговор. По приговору суда ее осудили на 10 лет и отправили в один из лагерей в Джезказгане (таких лагерей она затем сменит еще четыре).

Лагерная «эпопея» Окуневской длилась более четырех лет. Вроде бы не много по меркам того жестокого времени, однако так может показаться только обывателю, никогда не хлебавшему лагерной баланды. За эти годы актриса несколько раз была на грани голодной смерти, однажды чуть не умерла от гнойного плеврита. И каждый раз, когда над ней нависала опасность, какое-то чудо отводило беду в сторону.

Но самое удивительное то, что только в лагере Окуневская внезапно встретила свою первую и единственную в жизни любовь.

Его звали Алексей. Они встретились в Каргопольлаге в агитбригаде, где он играл на аккордеоне. По словам Окуневской, она влюбилась в него с первого взгляда. Вскоре и он обратил на нее внимание. Однако ничего между ними не было и быть не могло. Если бы кто-то из спецчасти увидел их вместе, их бы тут же разлучили

навсегда. Поэтому их уделом были лишь короткие встречи после репетиций в агитбригаде.

Между тем законный муж осужденной актрисы, Б. Горбатов, счел за благо вычеркнуть ее из своей жизни навсегда.

За все время, пока она находилась на Лубянке, он не принес ей ни одной передачи. А как только ее отправили в лагерь, он тут же выселил мать Окуневской из своей квартиры, а дочь от первого брака поспешно выдал замуж. А вскоре и сам женился на актрисе Театра сатиры Н. Архиповой. Правда, прожил он с новой женой недолго: в 1954 году, в возрасте 42 лет, он умер от инсульта. (Н. Архипова после этого вышла замуж за актера Г. Менглета).

В том же году была выпущена на свободу и Окуневская. Алексей остался в лагере.

Судьба его сложилась трагически: освободившись через какое-то время, он умер от туберкулеза в Тарту. Там его и похоронили.

Пять лет в неволе
Лидия Русланова

Знаменитую певицу **Лидию Русланову** арестовали 25 сентября 1948 года в ее собственной квартире по адресу Москва, Лаврушинский переулок, дом 17, квартира 39. Певицу обвинили в антисоветской деятельности и буржуазном разложении. В качестве доказательств по первому пункту привели слова ее бывших друзей (тоже арестованных), которые слышали от нее речи антисоветского содержания. По второму пункту все было еще проще: на квартире у ее бывшей няни (Петровка, 26) были обнаружены 208 бриллиантов, а также изумруды, сапфиры, которые принадлежали Руслановой. На вопрос следователя, откуда у нее такое богатство, певица честно ответила: «Я не задумываясь покупала их, чтобы бриллиантов становилось все больше и больше. Я хорошо зарабатывала исполнением русских песен. Особенно во время войны, когда «левых» концертов стало намного больше. А скупкой бриллиантов и других ценностей я стала заниматься с 1930 года, и, признаюсь, делала это не без азарта».

Отмечу, что на момент ареста у семейства Крюковых-Руслановых, кроме драгоценностей, было две дачи, три квартиры, четыре автомобиля, антикварная мебель, более 130 полотен известных русских художников и многое другое. Приведу слова Е. Амирхановой, в 40-е годы побывавшей в доме у Руслановой: «Жила она в переулке рядом с Домом литераторов. У нее не дом был, а музей! Стояла очень красивая павловская мебель. Помню диван, а на нем покрывало из чернобурок. Когда я первый раз туда пришла, Русланова говорит:

— Садись на диван.

— Лидия Андреевна, я лучше на стул сяду.

— Садись! В кои-то веки попала в хороший дом и боишься сесть?

Ну… сажусь, а сама боюсь двинуться — как бы эти чернобурки не помять. Картин у нее очень много было. А еще у Руслановой была такая красивая шкатулка из красного дерева, с хитрыми замками, она мне ее сама показала. Полная драгоценностей…»

Между тем арестованный Крюков на допросах признался в собственном разложении, в том, что при своем госпитале устроил

бордель, что нес в свой дом все, что плохо лежит, что многократно участвовал в антисоветских разговорах с самим маршалом Г. Жуковым. Последние показания недруги маршала тут же используют против него, и Жуков будет надолго отправлен в почетную ссылку в Одессу. Арестовать его, как это сделали с Крюковым, не позволит сам Сталин.

А Русланову в июле 1950 года посадят в знаменитую Владимирскую тюрьму, в которой она просидит до 4 августа 1953 года. К тому времени умрет Сталин, арестуют Л. Берию. Но самое главное, Г. Жуков станет заместителем министра обороны СССР и будет лично хлопотать о ее освобождении. В том же августе из тюрьмы освободят и Крюкова.

После освобождения Русланова вновь вернулась на эстраду и, несмотря на то что вскоре ее начали теснить более молодые исполнительницы (Л. Зыкина, О. Воронец), продолжала выступать на сцене. Правда, делала она это все реже, так как за годы отсидки в тюрьме серьезно повредила голос. Но слава ее все равно была огромной.

Остап Бендер за решеткой
Арчил Гомиашвили

Актер **Арчил Гомиашвили**, прежде чем стать Остапом Бендером советского кинематографа, имел за плечами несколько судимостей. В первый раз он угодил за решетку в начале 40-х. Виной всему — безотцовщина. Его отец, который долгие годы был видным партийным работником, в одночасье превратился во «врага народа» и был отправлен в ГУЛАГ. Арчил, который в те годы учился в Тбилисском художественном техникуме (в 1940–1942 годах), внезапно связался со шпаной и совершил преступление. Суд приговорил его к нескольким годам заключения, но Гомиашвили спасла внезапная амнистия, объявленная в стране. Через некоторое время его вновь арестовали — на этот раз за хулиганство, но вскоре отпустили за отсутствием состава преступления. Вполне вероятно, что скользкая дорожка, на которую встал тогда Гомиашвили, рано или поздно привела бы его к печальному итогу, если бы не случай. В те годы Гомиашвили увлекся театром и поступил в Школу-студию МХАТ. Правда, и там его уличные замашки давали о себе знать. Несколько раз Гомиашвили собирались исключить из студии то за драку, то за хулиганство. Но каждый раз ему везло: то удавалось отговориться самому, то за него кто-нибудь заступался. Но продолжаться до бесконечности это везение не могло. 7 ноября 1948 года в гостинице «Националь» Гомиашвили подрался с неким молодым человеком, который попытался ухаживать за популярной киноактрисой Людмилой Целиковской. В драке участвовало несколько человек, и кто-то из них серьезно повредил «ухажеру» глаз. Когда к месту происшествия примчалась милиция и арестовала всех, пострадавший показал на Гомиашвили и сказал: «Это он меня ударил». И Гомиашвили оказался в КПЗ.

За драку в общественном месте и нанесение тяжелых побоев Гомиашвили светил солидный срок. И он уже не сомневался в том, что обязательно его получит. Но ему вновь повезло. Через два с половиной месяца после ареста в Москву приехала его мать и прямиком отправилась в милицию. Но там ей сказали: договоритесь с потерпевшим — пусть он заберет свое заявление. Мать нашла

пострадавшего, и тот заявил, что заберет заявление только после денежной компенсации за причиненное увечье. Пришлось женщине собирать деньги. В конце концов сына от тюрьмы она спасла.

Выйдя на свободу, Гомиашвили спешно покинул Москву и отправился в Тбилиси, где вскоре был принят в труппу Академического театра имени Марджанишвили. С тех пор серьезных конфликтов с законом будущий киношный Остап Бендер не имел.

Пострадавший за шутку
Николай Рыбников

Карьера популярного киноактера **Николая Рыбникова** могла вовсе не начаться, поскольку, еще будучи студентом ВГИКа, Рыбников едва не угодил в лагерь. А поводом к этому была шутка, которую инициировал сам Рыбников. Дело было так.

Одной из граней рыбниковского таланта было его умение мастерски пародировать многих известных людей. Но поначалу это свое умение Рыбников не выносил за стены студенческого общежития, которое находилось в подмосковном городе Бабушкине. Его розыгрыши касались только коллег-студентов. Например, в арсенале Рыбникова был такой розыгрыш. Узнав о «темном пятне» в биографии какого-нибудь студента, Рыбников с единомышленниками заманивали бедолагу в свою комнату. Там он заранее прятался в шкафу и с помощью подключенного к работающему радиоприемнику микрофона имитировал голос диктора. О чем же вещал этот голос? Весь розыгрыш строился на том, что приглашенный в комнату студент выслушивал из радиоприемника всю свою подноготную, включая и самые интимные подробности из собственной биографии. К примеру, один из студентов тайно верил в Бога, посещал церковь. Про это стало известно Рыбникову и Ко, которые тут же обыграли этот факт. В другом случае они заставили потеть от ужаса студента операторского факультета, который, будучи в командировке, без разрешения снял на фотоаппарат приграничную территорию.

Все эти розыгрыши доставляли Рыбникову и трем его приятелям огромное удовольствие, чего нельзя было сказать об испытуемых. Иногда голос из радиоприемника доводил их буквально до истерики. Однако, когда правда вскрывалась и довольный Рыбников выходил из шкафа, ни один из испытуемых не решался заявить об этом розыгрыше руководству института. Это и понятно — в таком случае студенту пришлось бы рассказать и о собственных грехах. Таким образом, рыбниковские розыгрыши долгое время не выходили за стены общежития. Так продолжалось до апреля 1951 года, когда Рыбников с

товарищами, видимо, утратив чувство реальности, решили замахнуться… на советское правительство. Что же тогда произошло?

В один из последних мартовских дней шутники собрали в своей комнате половину общежития, и Рыбников (все так же прячась в шкафу) голосом Юрия Левитана зачитал правительственное постановление о снижении розничных цен. Согласно этому постановлению, с 1 апреля цены на продовольствие снижались в 5 раз, на винно-водочные изделия в 7 раз, а соль и спички должны были отпускать бесплатно. Ни один из присутствующих в комнате, кроме самих шутников, ни на секунду не усомнился в реальности происходящего и поэтому встретил правительственное постановление громом аплодисментов и криками: «Да здравствует товарищ Сталин!» и «Слава советскому правительству!»

Между тем последствия этого розыгрыша оказались плачевными для его зачинщиков. Уже через несколько дней после него буквально весь поселок горячо обсуждал постановление о снижении розничных цен и с нетерпением ожидал наступления 1 апреля. В конце концов новость об этом дошла до компетентных органов, которые не имели права остаться безучастными к такому скандалу. Шутников довольно быстро разоблачили и увезли в кутузку. Если учитывать суровость тогдашних времен, то студентам-шутникам грозило как минимум 25 лет строгого режима за антисоветскую пропаганду.

К счастью, следователь, который вел это дело, оказался совсем не кровожадным и не стал заводить на ребят уголовное дело. Однако наказание шутники все равно понесли. Их исключили из комсомола, а Рыбникова решили вдобавок отчислить и из ВГИКа. Таким образом, весной 1951 года карьера будущей звезды советского экрана Николая Рыбникова могла с позором завершиться, едва начавшись, не вмешайся в ситуацию руководство курса. Справедливо считая Рыбникова одним из лучших своих учеников, оно взяло его на поруки. Отчисления не произошло, но после этого случая он еще долго ходил «тише воды, ниже травы».

Отмечу, что всю эту историю рассказал широким массам свидетель тех событий режиссер Петр Тодоровский в фильме «Какая чудная игра» (1995). Однако в финале он погрешил против истины и закончил дело трагедией: всех участников розыгрыша расстреляли.

Трагедия футболиста
Эдуард Стрельцов

В конце 1950-х годов в Советском Союзе не было популярнее футболиста из плеяды молодых, чем игрок столичного «Торпедо» **Эдуард Стрельцов**. На футбольном поле он творил чудеса, после чего о нем взахлеб писали газеты, а толпы поклонниц буквально преследовали молодое дарование по пятам. На этой почве у парня элементарно закружилась голова. Что неудивительно, ведь к моменту, когда на Стрельцова обрушилась всенародная слава, ему было всего лишь 19 лет. Мало кто из его сверстников смог бы устоять от соблазнов, которые открывает перед ними такая популярность. Не стал исключением и наш герой. Когда он впервые перешагнул порог команды «Торпедо», на нем был старенький ватник, а в руке деревянный чемодан. К 1957 году он получил от команды отдельную квартиру в новом доме на Автозаводской улице, стал прилично зарабатывать, женился (в этом браке у него родилась дочь). Одевался Стрельцов стильно, на голове соорудил модный кок. В общем, пижонил. Футболисты в те годы считались популярными личностями, многие из них были вхожи в артистическую богему. По словам самого Стрельцова, его никогда не тянуло в эту компанию, хотя со многими популярными артистами он был знаком (например, с Петром Алейниковым, Владимиром Земляникиным, Анатолием Папановым и др.).

Нарушения режима или пьянки у Стрельцова в те годы случались, причем в период с апреля 1957-го по январь 1958 года он несколько раз задерживался милицией за хулиганство на улице. Вот краткий перечень «подвигов» молодого футболиста.

14 апреля 1957 года Стрельцов учинил драку во Дворце культуры завода имени Лихачева. Когда его попытались утихомирить, то он еще более распоясался, ругался и кричал, что стоит ему только позвонить директору завода Крылову…

В ночь с 8 на 9 ноября того же года Стрельцов напился и стал ломиться в дверь семьи Спицыных по адресу Крутицкий вал, дом № 15. Испуганные соседи по телефону вызвали милицию, и дебошира

увезли в 93-е отделение милиции. Но и там он не успокоился: всю дорогу ругался и грозился пожаловаться куда следует.

Наконец, 26 января 1958 года Стрельцов в состоянии алкогольного опьянения учинил новую драку: возле станции метро «Динамо» подрался с неким гражданином Ивановым. Его вновь схватила милиция, и он опять оказал ей сопротивление. За это он был привлечен к ответственности по Указу от 19 декабря 1956 года «Об ответственности за мелкое хулиганство» и получил наказание в виде трех суток содержания под стражей.

Самое удивительное, что обо всех этих проступках футболиста знали руководители команды «Торпедо», однако серьезных мер в отношении провинившегося не принимали. Почему? Здесь два объяснения: или боялись его нервной реакции на это, или просто потворствовали восходящей звезде. Его прощали даже тогда, когда он чуть ли не срывал запланированные футбольные матчи. В 1957 году они вместе с Ивановым опоздали на поезд Москва — Берлин, и сборная команда СССР без них уехала на отборочную игру с командой ГДР (тогда решалось, кто из них поедет на чемпионат мира в Швецию). Пришлось нарушителям догонять товарищей на машине. В Можайске ради них было принято решение остановить поезд и дожидаться, пока они не подъедут на автомобиле. После этого происшествия оба провинившихся чувствовали себя виноватыми перед командой и горели желанием на поле загладить свою вину. И им это удалось. Стрельцов, например, несмотря на травму ноги, умудрился сделать голевую передачу и забить один гол. Благодаря этому наши тогда и победили.

Все вышеперечисленные проступки не делали чести спортсмену, однако в какой-то мере были объяснимы: «звездная» болезнь для девятнадцатилетнего парня дело обычное. Выросший без отца, Стрельцов так и не сумел найти достойную замену ему — старшего товарища, который своим авторитетом сумел бы остановить его от скатывания в пропасть.

В июне 1958 года в Швеции должен был стартовать очередной чемпионат мира по футболу. Миллионы болельщиков во всем мире с нетерпением ждали его начала, мысленно уже предвкушая прекрасный футбол. Советские любители футбола ждали его с еще большим интересом: всем хотелось быть свидетелями дуэли двух восходящих

звезд мирового футбола: бразильца Пеле и нашего Эдуарда Стрельцова. Однако эта дуэль так и не состоялась.

Сборная СССР должна была выехать в Стокгольм 28 мая. За три дня до этого события игроки сборной собрались в ателье на проспекте Мира, где должны были примерить специально сшитые для них костюмы. После этого игроки разошлись. Стрельцов сначала сходил в баню, затем отправился к знакомому директору магазина на улицу Горького, где у него была назначена встреча с Борисом Татушиным и Михаилом Огоньковым. Они тогда задерживались, и наш герой уже собирался было ехать домой, но тут в комнату зашел еще один знакомый Стрельцова — Сергей Сальников. Они вместе выпили, а тут и Татушин с Огоньковым подошли. Далее — слово М. Огонькову:

«Мы со Стрельцовым на моей машине поехали на Пушкинскую площадь, где должен был ждать Татушин, с которым мы договорились поехать за город отдохнуть. В машине Татушина сидел незнакомый мне парень по имени Эдик (Эдуард Тарханов — летчик. — *Ф. Р.*) и две девушки, Инна и Ира, которых я тоже не знал. Эдик предложил поехать к нему на дачу на станцию Правда, где поблизости есть водохранилище. Мы купили вино и закуску. Приехав на водохранилище, выпили, поиграли в волейбол. По дороге на дачу остановились в Пушкине, где Татушин оставил нас, а потом привез еще двух девушек, Тамару и Марину, которых я тоже не знал. Вечером на даче еще играли в волейбол, в теннис. Сели за стол в 12 часов ночи…»

О том, как развивались события дальше, существует две версии. По одной из них (ее подтверждает следователь прокуратуры Э. Миронова), после шумного застолья молодые люди разбились на пары и разошлись по разным комнатам. Стрельцову «досталась» Марина, однако она уединяться не захотела и сказала об этом хозяйке дачи. Но та не стала ее слушать и просто затолкала в комнату, где был Стрельцов, и закрыла дверь на ключ. Марина начала плакать, на что Стрельцов ответил руганью и тумаками. Однако девушка оказалась не из робких, и, когда Стрельцов начал срывать с нее платье, она вцепилась ему в лицо и стала царапать его. Судя по всему, это окончательно вывело из себя футболиста, и он обрушил на девушку град ударов. В результате, выбив ей несколько зубов и сломав нос, он довольно быстро подавил сопротивление жертвы и бросил ее на

кровать. Самое удивительное, что, слыша шум этой борьбы, к месту происшествия не пришел ни один из друзей футболиста. Если бы кто-то из них вмешался и унял пьяного приятеля, трагедии удалось бы избежать. Однако…

Другую версию на страницах газеты «Совершенно секретно» высказал еще один юрист — Андрей Сухомлинов (он получил доступ к материалам уголовного дела Э. Стрельцова). По его словам, все выглядело совершенно иначе. Как же?

Оказывается, весь вечер Стрельцов и Марина вели себя как близкие люди — гуляли, целовались, за столом ели с одной вилки. Вечером все вновь уселись за стол, и веселье продолжалось до глубокой ночи. При этом всеми было выпито довольно большое количество спиртного, в том числе и Мариной со Стрельцовым (на столе тогда стояла сорокаградусная «Старка»). После застолья все разбрелись по комнатам, причем Стрельцов и Марина ушли чуть раньше остальных. Судя по всему, именно в этот отрезок времени все и произошло.

Видимо, Стрельцов в комнате стал приставать к девушке, а та стала сопротивляться. Сама она на суде вспомнит, что Стрельцов обращался с ней грубо и ей это не понравилось. Однако ее воспоминания простираются только до того момента, когда Стрельцов толкнул ее на кровать. Что было потом, она так и не вспомнила — была сильно пьяна.

Между тем вскоре в ту же комнату на ночлег пришли еще двое: Ирина и Тарханов, которые устроились на полу. Посреди ночи Ирина внезапно проснулась и увидела, что Стрельцов и Марина вновь занимаются любовью. Причем никакой борьбы в этом случае уже не было.

Далее — рассказ О. Белаковского: «Наутро мы встречались на Ярославском вокзале, чтобы ехать на тренировку в Тарасовку. Эдик Стрельцов задерживался. А появился в самом плачевном виде: лицо сильно поцарапано, ноготь на пальце откушен, и вообще выглядел он, прямо скажем… Да еще под парами со вчерашнего дня… Лева Яшин его спрашивает: «Что это, Эдик, с тобой?» А тот отвечает: «Да я, Лев Иванович, был у бабушки на даче, и меня там собака покусала…» Яшин посмеялся: «Да, — говорит, — какая злая собака!»

Я подхожу к тренеру Качалину: «Стрельцов нарушил режим вчера, тренироваться не может». Качалин огорчился, конечно: «Ладно, положите его спать пока…»

Между тем, пока Стрельцов отсыпался после бурной ночи на базе в Тарасовке, Марина с довольно помятым видом вернулась домой и сообщила, что ее изнасиловали. Мать воспылала справедливым гневом и тут же повела дочь в местное отделение милиции. Той же ночью Э. Стрельцов, Б. Татушин и М. Огоньков были арестованы прямо на базе сборной в Тарасовке. Правда, вскоре двух последних освободили, и под арестом остался один Стрельцов. Ему и было предъявлено обвинение в изнасиловании.

Вспоминая те драматичные дни, тогдашний начальник сборной СССР Владимир Мошкаркин рассказывал: «Я чувствую и свою вину за случившееся. Ведь я поддался на уговоры игроков и отпустил их за день до отъезда в Швецию со сбора в Тарасовке проститься с родными. Утром они должны были явиться к завтраку… Прояви я стойкость, не пойди на поводу у команды, Эдик в Швеции, глядишь, и Пеле затмил бы. Но я бы главным виновником этой истории назвал Б. Татушина. Кто такая пострадавшая — Лебедева? Подруга его знакомой. Татушин и свел их, увлек на дачу…»

О том, что знаменитый футболист Стрельцов арестован, стало известно москвичам уже на следующий день. Комментариев на этот счет было огромное количество, но всей правды мы не знаем даже сейчас, по прошествии стольких лет после этих событий. Но кое-какие выводы сделать все-таки можно.

Например, однозначно можно утверждать, что это дело намеренно раздувалось по указу сверху — по инициативе Н. Хрущева. Узнав о том, что знаменитый футболист избил и изнасиловал девушку, он пришел в неописуемую ярость и приказал раскрутить это дело «на всю катушку». Кроме того, ходили слухи о том, что свой зуб имел на Стрельцова и кое-кто из окружения Хрущева. Например, Екатерина Фурцева. В свое время она мечтала выдать свою дочь за этого футболиста, но Стрельцов якобы ей отказал, заявив: «Я свою Алку ни на кого не променяю!» Этого поступка ему, видимо, не простили.

Еще одним доказательством того, что Стрельцова стремились засадить за решетку, было то, что пострадавшая через пять дней после случившегося полностью отказалась от своих обвинений. В своей

записке от 30 мая она писала: «Прошу прекратить дело Стрельцова Э. А., так как я ему прощаю». Однако это заявление следствие проигнорировало. А затем потерпевшая забрала свое заявление обратно.

Далее. Многие, наблюдавшие стремительное восхождение Стрельцова к вершинам славы, утверждают, что это не давало спокойно спать большинству влиятельных спортивных чиновников. Конечно, с одной стороны, он приносил советскому спорту огромную славу и популярность во всем мире, но, с другой стороны, уж очень он был строптив… Не этим ли был вызван и такой эпизод, который произошел за три дня до случая на даче. В тот день в ЦК были приглашены председатель Спорткомитета СССР Романов и начальник сборной Мошкаркин. Там им сказали: «Есть мнение, что Стрельцов намерен остаться в Швеции. Поэтому брать его туда не стоит». Романов и Мошкаркин, пораженные таким заявлением, сначала растерялись, однако затем принялись горячо убеждать высокого начальника в абсурдности этой мысли. «Откуда вы это взяли?» — вопрошали они. «А вы не помните, как три года назад шведы сами зазывали Стрельцова к себе? Вдруг он согласится на этот раз? Ведь он неуправляем», — отвечал им высокий начальник. Но защитники Стрельцова все-таки сумели переубедить его и отказаться от своих подозрений. Стрельцова в сборной оставили, но обмануть судьбу так и не удалось.

Буквально за месяц до начала судебного процесса, когда в народе все чаще стали звучать мысли о том, что власти специально хотят засадить в тюрьму всесоюзную знаменитость, в центральной прессе была начата кампания по дискредитации Стрельцова. Так, в газете «Комсомольская правда» был напечатан фельетон Семена Нариньяни под весьма выразительным названием — «Звездная болезнь». Прочитав эту статью, любой нормальный человек делал однозначный вывод: и правильно сделали, что арестовали этого распоясавшегося юнца. Не случайно, что вырезка из газеты с этим фельетоном была сразу же подшита в уголовное дело № 53–50, заведенное на Стрельцова. (Интересно отметить такой факт: через некоторое время практически вся следственная группа, работавшая по этому делу, была уличена во взяточничестве по другому делу и предстала перед судом.)

В те дни, когда Стрельцов сидел за решеткой, сборная СССР по футболу отправилась в Швецию на чемпионат мира. В ее составе не было трех игроков: Э. Стрельцова, Б. Татушина и М. Огонькова. Так как выбыли они из состава сборной буквально накануне турнира, замену им пришлось искать в спешном порядке. Все это, естественно, не могло не сказаться на игре команды. В результате сборная СССР свела вничью матч с командой Англии (2:2), выиграла у Австрии (2:0), но проиграла сборной Швеции (0:2). Последний матч и решил судьбу нашей сборной: она выбыла из дальнейшего спора за звание чемпионов мира. Думаю, вряд ли наша команда выступила бы столь неудачно, не случись то происшествие на даче. Однако история не знает сослагательного наклонения.

Суд над Стрельцовым состоялся в конце июля 1958 года в здании Московского областного суда. У большинства присутствовавших на нем в начале процесса была еще надежда на то, что правосудие будет снисходительным по отношению к восходящей звезде. Однако никакого снисхождения Стрельцов не дождался. Приговор суда от 24 июля был откровенно суров: согласно Указу от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилования» осудить Э. А. Стрельцова на 12 лет лишения свободы. Когда этот приговор был оглашен, подсудимый в сердцах заявил: «Предлагали мне остаться во Франции, но я не захотел. А жаль!..» Сразу после приговора его первая жена подала на развод.

Первые месяцы своего заключения Стрельцов отбывал на лесоповале в Кировской области. Однако там он не задержался. Однажды его сильно избили другие заключенные, и начальство решило перевести его в другое место — в колонию № 5 города Донского Тульской области. Здесь никаких инцидентов у него уже не возникало. Поэтому в 1960 году срок заключения Стрельцову был снижен с 12 до 7 лет. Через год, когда зоны поделили на режимы и на «строгом» (в колонии № 5) стали концентрировать рецидивистов, Стрельцова как впервые осужденного перевели в соседнюю колонию — № 1. Тогда эта колония только отстроилась, и на всю зону был всего один барак. Все зэки работали в инструментальном цехе, и Стрельцов вместе со всеми точил гаечные ключи с трещоткой. Несколько позднее (уже в Электростали) его перевели в отряд хозяйственной обслуги на должность библиотекаря. Тогда же он пошел учиться в восьмой класс.

Самое удивительное, но даже в заключении Стрельцову удавалось играть в футбол. В одном из писем матери он писал: «Уже начали играть в футбол. Играли товарищескую игру с 7-м лагпунктом, выиграли со счетом 7:1. С 1 июня начнется розыгрыш кубка по лагерям. Будем ездить на разные лагпункты. Время пойдет веселей…»

Стоит отметить, что, в отличие от футбольных матчей на свободе, игры в зоне представляли собой несколько иное зрелище. Например, в большинстве своем игроки зэковских команд были откровенными костоломами и не чурались никаких нарушений. Играть против таких футболистов было опасно для здоровья. Но Э. Стрельцов играл и даже умудрялся демонстрировать техничный и результативный футбол. Так, во время игры с командой костоломов, когда счет был 10:0 в их пользу, Стрельцов внезапно взорвался и стал один за другим вколачивать голы в их ворота. Остановить его было невозможно. Видя все это, зрители на трибунах ревели так восторженно, что обитатели соседнего поселка подумали, что на зоне начался бунт.

После того как первая жена Стрельцова подала на развод, у него на воле осталась девушка Галя, с которой он переписывался какое-то время. Однако затем и она вышла замуж за другого. По этому поводу Стрельцов в одном из писем матери написал: «Встретишь Галю, передай ей привет и пожелай ей счастья в семейной жизни. Правильно она сделала».

Первые годы своего заключения Стрельцов писал просьбы о пересмотре его дела, снижении срока. Однако все его просьбы оставались без внимания. В конце концов, он и вовсе перестал их писать и просил мать, чтобы она тоже зря не обивала пороги начальственных кабинетов. Читаем в одном из его писем: «Еще я могу тебе посоветовать никуда не ходить. Это, по-моему, для тебя будет лучше. А то ты со своим здоровьем доходишься, что ляжешь и не встанешь. А когда я освобожусь, то мне некуда будет ехать, никого у меня не будет…»

И еще строчки, уже из другого письма: «Мама, не ты не доглядела, а я сам виноват. Ты мне тысячу раз говорила, что эти «друзья», водка и эти «девушки» до хорошего не доведут. Но я не слушал тебя, и вот — результат… Я думал, что приносил деньги домой и отдавал их тебе — и в этом заключался весь сыновий долг. А

оказывается, это не так, маму нужно в полном смысле любить. И как только я освобожусь, у нас все будет по-новому…»

Через какое-то время Стрельцова перевели в колонию общего режима и назначили там ночным дневальным. Эта должность позволяла ему ночью заниматься уроками, а днем поддерживать спортивную форму. Однако среди зэков эта должность считалась позорной, поэтому блатные откровенно презирали Стрельцова. Но он и не стремился водить дружбу с блатными.

В футбол играть Стрельцову вскоре запретили из-за досадного случая. Настоящего футбольного мяча у него не было, поэтому он смастерил самодельный: скрутил две телогрейки и обтянул их проволокой. Получился какой-никакой, но мяч. Однако весил он не менее пяти килограммов, и однажды вратарь, ловивший его после удара Стрельцова, сломал себе ключицу. После этого начальство изъяло мяч и запретило зэкам играть в футбол. Но это было уже в самом конце тюремной эпопеи нашего героя. Через несколько месяцев он наконец вышел на свободу (большую помощь в этом оказал сын тогдашнего Председателя Верховного Совета СССР А. Микояна). На дворе стоял 1963 год.

Тот год изменил и личную жизнь нашего героя. Буквально через полгода после освобождения он познакомился на стадионе «Торпедо» с девушкой по имени Раиса. Она работала продавщицей в ГУМе и жила там же, где и Стрельцов, — на Автозаводской улице. В тот день вместе с подругами Рая пришла на стадион. Одну из ее подруг знал Стрельцов. Вот через нее они и познакомились. Вскоре они поженились, и в этом браке у них родился сын Игорь.

В 1963–1964 годах Стрельцов играл в футбол за цеховую команду и за первую мужскую «Торпедо». Играл неплохо, и с каждым матчем набирал свою былую мощь и мастерство. Наконец в сезоне 1965 года было официально объявлено, что Стрельцов возвращается в основной состав «Торпедо». Стоит отметить, что это был беспрецедентный случай в истории отечественного футбола: еще никто из игроков не возвращался в большой футбол после шестилетнего перерыва.

Между тем возвращение нашего героя в большой футбол не было легким. О той закулисной борьбе, которая ему предшествовала, рассказывает бывший в те годы секретарем парткома ЗИЛа А. Вольский: «Шла настойчивая борьба за то, чтобы Стрельцову

разрешили играть. Она длилась полтора года. Не хочу ничего плохого говорить о прежних руководителях федерации футбола, но они совершенно не отстаивали Стрельцова. Бился только один завод.

Однажды мы допустили непозволительный для себя шаг. Команда играла в Горьком. Вдруг весь стадион начал кричать: «Стрель-цо-ва! Стрель-цо-ва!» Естественно, без разрешения никто его на поле выпустить не мог. Тогда люди начали поджигать газеты. Это было страшное пламя. Загорелась даже часть трибун. Почти пожар. В перерыве к нам в раздевалку пришел один из руководителей Горьковского автозавода: «Ребята, если вы не выпустите его, они сожгут стадион». И тогда я говорю тренеру Марьенко: «Знаешь что, выпускай Стрельцова. В конце концов ничего страшного в этом нет. Ну, накажут…» Эдик вышел. Стадион принимал его стоя.

Когда мы приехали в Москву, мне позвонил тогдашний секретарь ЦК КПСС по идеологии Ильичев. Кричал: «Что вы хулиганите?! Бандита, развратника, насильника выпустили на поле. Это абсолютно недопустимо. Мы вас накажем». Я говорю: «Меня-то легко наказать. Как вы завод накажете? Тех болельщиков, которые просили его выпустить?..» Он сказал: «Мы разъясним, но уже без вас». Затем мой поступок обсуждали на бюро горкома…

Тогда мы решили действовать иным путем. Написали письмо на имя нового Председателя Президиума Верховного Совета СССР Брежнева. Первая страничка полностью состояла из имен депутатов Верховного Совета СССР, РСФСР, которых на ЗИЛе было немало, орденоносцев, знатных людей… И еще сорок страниц примерно с десятью тысячами подписей рядовых рабочих. После чего нас с Александром Ивановичем Косицыным, тоже работником ЗИЛа, и депутатами пригласили в Верховный Совет. Брежнев меня просто потряс. Он сказал: «А я не понимаю… Если слесарь отбыл срок, почему ему нельзя работать слесарем?» Мы, естественно, с дрожью повскакали: дорогой Леонид Ильич, и так далее… Я попутно рассказал о звонке Ильичева. На что Брежнев ответил: «Ну, на Ильичева мы управу найдем». Не знаю, сколько потребовалось времени, чтобы Стрельцову разрешили играть. По-моему, меньше часа. Вышло постановление Федерации футбола СССР, и Стрельцов был мгновенно заявлен. При всем том, что он полысел, потяжелел, гениальность осталась…»

Тюремные университеты «поручика Голицына»
Михаил Звездинский

Первые неприятности с законом произошли у **Михаила Звездинского** в 1962 году. Вечером, после одного из концертов, молодого певца пригласил прокатиться в своем роскошном автомобиле один из поклонников его творчества. В автомобиле, кроме его владельца, сидели две девицы, которые не менее активно зазывали певца в салон. Звездинский согласился. Однако не успели они проехать и несколько сот метров, как на ближайшем перекрестке их тормознули орудовцы (нынешние гаишники). А далее произошло неожиданное. Хозяин автомобиля и его спутницы бросились врассыпную, а Звездинский, обремененный гитарой, с которой он никогда не расставался, застрял в дверях и был схвачен доблестной милицией. Но, даже оказавшись в милиции, он не потерял присутствия духа, считая, что обязан своим задержанием нелепой оплошности орудовцев — ведь за рулем сидел не он, а владелец автомобиля, которого и следует привлекать к ответственности за нарушение правил дорожного движения. Однако все оказалось намного сложнее.

В багажнике автомобиля милиционеры обнаружили некие ценные вещи, которые числились в розыске как похищенные. На все заверения Звездинского, что он эти вещи в глаза никогда не видел, милиционеры лишь скептически ухмылялись и советовали чистосердечно во всем признаться. В итоге на певца завели уголовное дело. 19 сентября 1962 года нарсуд Бауманского района города Москвы осудил Звездинского по статье 144, часть 2-й УК РСФСР к одному году лишения свободы. Существует версия, что таким образом власти расправились с 16-летним парнем, имевшим смелость распевать на публике белогвардейские песни.

Из положенного срока Звездинский отсидел чуть меньше 10 месяцев — он вышел на свободу 2 июля 1963 года. Вернувшись в Москву, вновь вышел на сцену — стал выступать в составе различных музыкальных коллективов, аккомпанировал звездам тогдашней эстрады: Майе Кристалинской, Гелене Великановой, Маргарите

Суворовой. Попутно писал новые песни и исполнял их в самых разных аудиториях. В частности, им были написаны следующие произведения: «Сгорая, плачут свечи» (1962), «Хрупкое сердце» (1963), «Очарована-околдована», «След любви» (обе — 1964) и др.

В 1965 году Звездинского призвали в армию. Тогда же он вторично имел неприятности с законом. Однажды он получил телеграмму от родных, в которой ему сообщали, что его мать тяжело больна. Звездинский обратился к командованию воинской части, в которой он служил, с просьбой предоставить ему отпуск. Однако командование посчитало, что болезнь матери не является убедительным поводом для предоставления солдату краткосрочного отпуска, и в просьбе Звездинскому отказало. И тогда он покинул пределы части без всякого разрешения. За это был объявлен дезертиром и привлечен к уголовной ответственности. Суд состоялся 19 октября 1966 года. По статье 255 «а» и 246 «а» УК РСФСР (побег из части, дезертирство) Звездинский был осужден к трем годам лишения свободы.

На свободу Звездинский вышел 18 мая 1969 года. Судимость ему погасили, и он вернулся в Москву. Вновь занялся творчеством. Одно время работал барабанщиком в вокально-инструментальном ансамбле «Норок», где в то время дебютировала еще совсем юная Ксения Георгиади, затем перешел в ансамбль «Веселые ребята». Однако быть все время на втором, а то и третьем плане Звездинскому вскоре наскучило, и он возобновил сольные выступления. К тому времени сочиненные им в начале 60-х песни уже распевало полстраны (в частности, в Союзе их исполнял Аркадий Северный, за границей — Вилли Токарев, Григорий Димонт и др.), так что почва для его возвращения была хорошо подготовлена. И Звездинский стал выступать как солист варьете в ресторане «Архангельское». На дворе стоял 1972 год. Однако его сольное творчество вскоре было прервано новым арестом.

В очередной раз Звездинского арестовали осенью 1973 года во время морского круиза Одесса — Батуми. Причем в том аресте участвовали сотрудники КГБ. Почему именно они? Дело в том, что Звездинский в то время крутил любовь с итальянкой, а подобные дела находились в компетенции органов госбезопасности. Итальянку отправили на родину, а Звездинского обвинили… в ее изнасиловании и

19 октября 1973 года впаяли новый срок — три года лишения свободы. Правда, отсидеть его полностью певцу не довелось — 15 января 1974 года он был освобожден от отбывания наказания в исправительно-трудовой колонии и направлен на стройки народного хозяйства — на «химию». Там Звездинский проработал до 1976 года.

Вернувшись в очередной раз в Москву, Звездинский устроился в ресторан «Сосновый бор», где начал выступать с собственной программой. По его словам: «В ресторан ко мне часто приезжал Сергей Аполлинариевич Герасимов. И вообще, у меня собирался весь Дом кино. Высоцкий, Боря Хмельницкий, Долинский, Миша Козаков, Евстигнеев, Жванецкий, Карцев и Ильченко. Мне смешно называть… Вы спросите, кто ко мне не приезжал?

Многие ребята начинали у меня. Те, что сегодня стали звездами: Володя Кузьмин, Барыкин, Саша Серов на саксофоне играл. Пресняков-старший, Миша Муромов был тогда в «Старом замке» администратором, и я учил его играть на гитаре, Малежик… «Поехали к Звездинскому» — звучало примерно так же, как «поехали в «Мулен Руж» или в «Максим».

Четыре года власть терпеливо взирала на то, как Звездинский «развращает» советский народ песнями про белогвардейцев и зарабатывает баснословные деньги (по нескольку тысяч рублей за вечер). Наконец ее терпению пришел конец. В марте 1980 года, в преддверии Московской Олимпиады, было решено уничтожить «гнездо антисоветчины». О том, как это происходило, рассказывают очевидцы.

Николай Миронов (ныне генерал-майор милиции в отставке, а тогда — начальник Управления БХСС): «В конце дня начальник ГУВД Трушин вызвал меня в кабинет и сказал, что, мол, первый секретарь горкома партии Гришин дал указание в месячный срок поймать и посадить Михаила Звездинского. Основание — «все зарубежные «радиоголоса» трубят о том, что Москва днем — коммунистическая, а ночью — купеческая. А это порочит имя столицы — образцового коммунистического города.

Один сотрудник сообщил, что примерно в 9—10 вечера этот человек обычно покидает ресторан на Калининском проспекте, предупредив завсегдатаев: «Сегодня буду петь в таком-то месте…»

Послали туда агентуру. Вход обошелся недешево: с иностранцев брали по 100 «зеленых», с советских граждан — по тысяче рубликов. Собиралось там всякое жулье, «теневики», сорили деньгами направо и налево — словом, кутили с купеческим размахом часов до пяти утра. Потом «извозчики» доставляли господ и их дам по «номерам». Часто такие оргии устраивались в ресторане «Южный» на Ленинском проспекте. Песни Звездинский исполнял по заказу в сопровождении небольшого оркестра. За вечер собирал выручку от 20 до 50 тысяч рублей.

Для нас сложность была в том, чтобы определить, в каком именно заведении в очередной раз появится «объект» и каким образом, не вызывая подозрений, всучить ему микрофон без шнура, чтобы тайно сделать запись на радиоаппаратуру. Мы долго искали такой микрофон (по тем временам это было редкостью), все-таки раздобыли, но певец, увы, на наживку не клюнул. Наши сильно переживали, ведь Трушин дал команду записать репертуар для прослушивания Гришину. Видимо, того разбирало любопытство, что же Звездинский вытворяет. Как мне доложили подчиненные, явной антисоветчины нет, в основном эмигрантские песни типа «Поручик Голицын». Моим ребятам, кстати, они понравились. Однако Трушин остался недоволен: качество записи было плохое, и по этой причине он не стал показывать ее Гришину.

В операции задействовали очень много сотрудников — человек триста, словно ловили особо опасного рецидивиста. Мы узнали, что перед 8 Марта он «снял» ресторан в Советском районе.

Гости стали съезжаться к двум ночи, многие — на шикарных иномарках. Менее состоятельные — в автобусах. Группа захвата затаилась в расположенном рядом недостроенном доме. Все было на мази. Но карты спутал один из почитателей Звездинского, опоздавший на концерт. Подкатывая к ресторану, он засек гаишные машины и заподозрил неладное. Опасения усилились после того, как он срисовал расставленные на всех подъездных путях патрульные экипажи. Влетев в зал, отзывает Звездинского: «Миша, сматывайся, ты обложен кругом!»

Поднялась суматоха, из-за столов повскакивали иностранцы, возмущаясь: «Не имеете права!» Один из муровцев за словом в карман не полез: «Вы знаете, что постановлением Московского Совета

ресторанам разрешено работать до 23 часов? А сейчас сколько? Почему нарушаете наши порядки?» В общем, он их поставил на место…»

Далее послушаем рассказ М. Звездинского: «Милиционеры ворвались в зал как раз в тот момент, когда солист, оркестр и вся публика гремели знаменитым припевом из моей песни: «Эх, мальчики! Да вы налетчики! Кошелечки, кошельки да кошелечечки!..» «Всем оставаться на своих местах! — закричали милиционеры. — Оружие и документы на стол!» Находившиеся в зале женщины испуганно завизжали. Кто-то запротестовал, потребовал объяснений. Загрохотала посуда с опрокидываемых столов. Девицы с перепугу совали в салат драгоценности, которых у них быть не должно. Кто-то рванулся было к выходу, но не тут-то было — путь преградил заслон. Побежали на чердак, кто-то прыгал через окна в сугробы, где попадал в руки милиционеров из оцепления. Я тоже попытался скрыться. Молодой был, сильный, крутой. Выпрыгнул в окно, сбил подоспевших милиционеров. Но все же меня настигли, повалили в сугроб, скрутили руки, бросили в «воронок».

Н. Миронов: «Группа захвата вывела пьяную публику, рассадила в автобусы. Задержанных отвезли на Петровку, 38. Чтобы забрать всех, пришлось делать рейса три. Допросили около двухсот человек, более или менее трезвых. Они сразу раскололись, подробно рассказали, сколько заплатили своему кумиру. А вскоре сюда же доставили и самого Звездинского…»

М. Звездинский: «После допроса меня отвели в камеру. Представляете, попадаю к блатным в тройке от Кардена. Я же выступал на праздничном концерте и соответственно был одет. Кому-то не понравилось, что я так вырядился. Пришлось уложить двух недовольных на пол — карате я увлекался всерьез. Пока они приходили в себя, услышал из угла: «Ты — Звездинский?» Так воочию убедился, что поклонниками моего творчества были не только «сливки» общества, писатели, художники, артисты, но и… воры в законе, захаживавшие на мои концерты. По тюремному телеграфу немедленно пронеслось: «Звездинского не трогать!»

Вскоре после этого состоялся суд, который осудил Звездинского по статье 153, ч. 1, и 174, ч. 1, УК РСФСР к 4 годам лагерей и 2 годам «химии» за дачу взятки и частное предпринимательство. Первую

половину срока Звездинский отбывал в лагере под Улан-Удэ. Именно там его вскоре застала весть о том, что на свободе у него родился сын — Артем.

С матерью своего ребенка — Нонной — Звездинский познакомился примерно за год до этого ареста. Нонна училась в Институте стран Азии и Африки, была активисткой-комсомолкой, увлекалась художественной самодеятельностью. И вот однажды Звездинский приехал с выступлениями к ней в институт, а после концерта были устроены танцы. На танцах они и познакомились. Когда в 80-м Звездинского осудили, Нонна не отреклась от него и почти каждый свой отпуск проводила у него — в зоне под Улан-Удэ.

В 1988 году Звездинский освободился и вернулся в Москву. У него тогда не было ни жилья, ни прописки. На помощь пришла все та же Нонна, на которой он женился и под крышу которой перебрался со всем своим небогатым имуществом. С 1989 года Звездинский вновь возвращается на сцену и не уходит с нее до сего дня.

Еще одна трагедия футболиста
Юрий Севидов

В 1965 году сел в тюрьму популярный спортсмен, футболист московского «Спартака» **Юрий Севидов**. Он был сыном знаменитого футболиста Александра Севидова, звезда которого сияла на футбольном небосклоне страны в 30—40-е годы (он играл в минском «Динамо», столичных «Крыльях Советов», «Торпедо»). Юрий начинал свою карьеру в столичной ФШМ, куда пришел 12-летним подростком в 1954 году. Затем два года играл в кишиневской команде «Молдова» (там тренером был его отец), откуда его в 1960 году и пригласили в столичный «Спартак». Именно там звезда Севидова и засияла в полную мощь. Его называли не иначе как «вторым Стрельцовым» и прочили блистательную карьеру. Когда в начале 60-х Севидов находился в турне по Франции, ему поступило предложение играть в «Андерлехте». Но он отказался, поскольку такой поступок по тем временам мог быть приравнен к измене родине. Да и зачем ему было уезжать на Запад, когда и в Союзе он жил неплохо. У него была отдельная квартира, красавица-жена и редкая по тем временам роскошь — иномарка «Форд», которую ему помог достать тесть-дипломат. В 1962 году в составе «Спартака» Севидов стал чемпионом страны и лучшим бомбардиром первенства — забил 16 голов. В 1963 и 1965 годах Севидов стал обладателем Кубка СССР. В 1964 году талантливого парня пригласили играть за олимпийскую сборную, в которой он провел три матча и отметился голом. Короче, все в жизни Севидова шло как нельзя лучше. Но субботний день 18 сентября 1965 года перечеркнул все надежды Севидова на дальнейшее благополучие.

В тот день «Спартак» вернулся из Брянска. Оставив вещи на базе в Тарасовке, Севидов с двумя приятелями по команде (Михаилом Пасуэло и Янишевским) отправились в баню. После помывки зашли в шашлычную. Как и положено, выпили. Правда, Севидов опрокинул в себя всего лишь одну рюмку коньяка, а от остальных отказался, мотивируя это тем, что за рулем. Однако, как оказалось, и этой рюмки будет достаточно.

Севидов возвращался домой от гостиницы «Россия». Возле высотки на Котельнической набережной, прямо перед мостом, где Яуза впадает в Москву-реку, на дорогу внезапно выскочил пожилой мужчина. Далее послушаем рассказ самого футболиста:

«Я заметил этого человека издали. Позже меня обвиняли в том, что я несся с бешеной скоростью. Но достаточно было провести всего один следственный эксперимент, чтобы убедиться, что бешеной скорости там быть просто не могло. Если бы скорость и в самом деле была сумасшедшей, этот человек не упал бы на капот, а перелетел через машину. К тому же я ехал уже вдоль высотки и, видя, что академик собирается переходить дорогу, на всякий случай еще взял влево, так как все равно собирался поворачивать налево, под арку. Впереди меня шла еще одна машина, так этот человек перебегает перед той машиной и останавливается. Я включаю поворотник и все внимание переключаю как бы на левую сторону, откуда все движение идет. Поток надо оттуда пропустить и поворачивать — вот я и «переключился»… Дальше все происходило как во сне: его швырнуло мне прямо на лобовое стекло, и он медленно сполз вниз по капоту. Машину вынесло на встречную полосу. Там ехал грузовик, за ним еще вереница легковушек — я просто чудом ушел от столкновения с ними. Но здесь-то развернуться негде, и я дальше еду, метров двести проезжаю, в первом же переулке разворачиваюсь и возвращаюсь на то место, где человека этого оставил. Минуты полторы прошло, никак не больше, а после мне на суде пихать начали, будто бы я сбежать хотел и все такое… Но самое удивительное, что человек тот даже сознание не потерял, когда я его сбил! Машина низкая у меня была, и я бампером ему ногу только и сломал… Возвращаюсь я, значит, а никого нет! Вот ситуация, правда? Потом выяснилось, в том же потоке «Скорая помощь» ехала, вот она человека этого до соседней, 23-й больницы и добросила. Там цепочка совпадений для меня трагических продолжается — дежурный хирург ушел. На день рождения к жене, кажется. Что-то такое мелькнуло, когда я дело читал, но на суде, понятно, все замяли. Вместо хирурга студент-практикант сидел. Перепугался он или еще что — уж не знаю, но только поставил неправильный диагноз, положил сбитого на стол, и от наркоза тот умер: сердце больное было…

Сбил я человека того в субботу. Допросили меня, значит, отпустили, и воскресенье я дома провел. Вечером только на сбор отправился — во вторник должны были мы с Одессой дома играть. Потом уже, в понедельник, часов в восемь утра, в Тарасовку на базу спартаковскую «воронок» милицейский прилетает. Меня под руки берут: «Ты хоть представляешь, кого сбил?» — «Да нет, я как-то не спрашивал…» А когда до того меня допрашивали, в субботу еще, сами же милиционеры открытым текстом говорили: «Ну, старики правила частенько нарушают, это больные люди — годик, наверное, получишь условно или двадцать процентов от зарплаты…»

Но выяснилось, что сбил я академика Дмитрия Ивановича Рябчикова…»

Рябчиков был большой величиной в академическом мире страны. Он относился к числу засекреченных специалистов и находился под охраной КГБ. Но в тот роковой день, как будто нарочно, чекистов рядом с ним не оказалось — они куда-то подевались. И Рябчиков, впервые оказавшийся без охраны, угодил под машину, поскольку до этого сам никогда дорогу не переходил, а по городу передвигался в служебном авто. Кроме того, Рябчиков был сильно расстроен. Будучи с приятелем в кинотеатре «Ударник» на просмотре фильма, он увидел там свою собственную жену (она была на тридцать лет моложе его), которая сидела на переднем ряду под ручку с каким-то импозантным мужчиной. С горя Рябчиков зашел в ближайшее кафе и пропустил пару рюмок коньяка. А спустя несколько минут угодил под колеса севидовского «Форда».

Севидова препроводили прямиком в Бутырку, в одиночную камеру. Поскольку сбил он знаменитого человека, академика, дело приобрело для него нешуточный оборот. Дело дошло до ЦК КПСС, откуда поступила команда: впаять на полную катушку. Тем более что и Академия наук СССР во главе с самим Келдышем написала открытое письмо, где призывала покарать «убийцу академика Рябчикова». Следом (в декабре 1965 года) по Севидову долбанула и «Комсомольская правда», где была опубликована статья М. Блатина, где тот характеризовал Севидова как ограниченного человека. Что было сущей неправдой: за начитанность и образованность Севидова в «Спартаке» называли Философом. Но «наверху» это уже никого не интересовало, поскольку машина расправы была запущена на полную

катушку. Пока Севидов сидел в Бутырке, в «Спартаке» поменяли руководство: сняли главного тренера Никиту Симоняна, а чуть позже и председателя российского совета «Спартака» Николая Старостина.

Суд над Севидовым состоялся в Москве в конце февраля 1966 года. Ажиотаж был огромный: в зал набилось около пяти тысяч человек. Председателем суда был назначен молодой судья, так как назначенный до этого опытный судья от ведения процесса отказался (сказал, что дело шито белыми нитками). Суд продолжался в течение трех дней, что вызвало очередное раздражение «наверху». Председателю суда позвонила куратор из ЦК КПСС и спросила: «Что это вы так долго возитесь с Севидовым? Дать ему высшую меру, и все!» Тот ответил, как на духу: «Не можем. У него в статье потолок — десять лет». — «Так давайте, какие еще вопросы?!» Судья так и поступил. Во время чтения приговора отец Севидова так был возмущен, что бросил свой партийный билет в лицо председателю суда.

Март-апрель Севидов провел в пересыльной тюрьме на Красной Пресне, ожидая ответа на свою кассационную жалобу. Надежд на то, что ее рассмотрят положительно, не было никаких, но формальность требовалось соблюсти. В мае Севидова отправили в лагерь. Тамошние зэки встретили его тепло, поскольку футбол любили. По случаю прибытия знаменитости в библиотеке был даже накрыт праздничный стол, где было все: икра, «Лимонная» водка, сыр и другие деликатесы. Приветствуя Севидова, зэки дружно удивлялись, за что это ему 10 лет впаяли. «Тут у нас один духарик сидит. Он на самосвале врезался в автобусную остановку, передавив кучу народа: пятеро погибли, человек десять покалечились. Так ему всего пять лет влепили. Ну дела!..»

Севидова взял под свою опеку грузинский вор по кличке Зверь. С его помощью футболист попал на «хлебную» должность — стал нарядчиком. Однако эта должность его едва не погубила. Как-то к нему подошли украинские воры и попросили не ставить завтра на лесоповал одного своего товарища: мол, у парня день рождения. Но Севидов не смог этого сделать, поскольку работать было некому. И он честно сказал об этом ворам. Те не стали поднимать бучу, послав вместо именинника другого человека. Однако в процессе работы начальство вскрыло подлог. Когда об этом узнали украинские воры,

они подумали, что их парня сдал Севидов. И приговорили его к смерти. И плохо бы пришлось футболисту, не вступись за него Зверь. Он вызвал на толковище именинника и устроил ему экзекуцию: заставил своих нукеров избить его чуть ли не до полусмерти. За то, что тот не вышел на работу и послал вместо себя другого человека. После этого украинские воры отступили, но приговор Севидову не отменили — ждали только удобного случая. И он вскоре представился.

Однажды по лагерю с быстротой молнии разнеслась весть о том, что Зверя освобождают. Севидов понял, что при таком раскладе жить ему осталось немного. Единственный шанс — тоже сменить прописку. Но как это сделать? Помог отец, которому он честно рассказал о своих проблемах. Тот немедленно поднял все свои связи и добился того, чтобы сына перевели на «химию». А в ноябре 1969 года Севидова освободили по амнистии. Он вернулся в Москву, но жил там недолго и вскоре уехал в Алма-Ату, в команду «Кайрат», которую тренировал его отец. Там он играл два года, после чего перешел в донецкий «Шахтер». Закончил свою игровую карьеру Севидов в рязанском «Спартаке» в 1974 году.

В погоне за насильником
Владимир Высоцкий

В конце 60-х, когда имя Владимира Высоцкого стало широко известно по всей стране, в народе усиленно ходили слухи, что он сидел в тюрьме, причем за изнасилование. Как мы теперь знаем, ничего подобного с ним не было, однако слух этот родился неспроста. История его возникновения следующая.

В конце мая 1966 года Высоцкий отправился в Ригу, чтобы подписать договор с местной киностудией по поводу его участия в фильме «**Последний жулик»**. Договор он подписал, после чего вернулся в Москву. Однако уже спустя несколько дней Рига вновь напомнила ему о себе. Причем отнюдь не с киношной стороны, а с криминальной. Что же случилось? В Риге объявился сексуальный маньяк, который нападал на девочек от пяти до 15 лет. По словам жертв, это был молодой человек невысокого роста, который любил декламировать стихи. Одно из стихотворений принадлежало… Владимиру Высоцкому. Оперативники поначалу не придали значения этому обстоятельству, но когда сразу несколько жертв опознали в фотографии Высоцкого своего мучителя, они решили проверить эту версию. И узнали, что Высоцкий аккурат в те самые дни, когда происходили преступления, находился в их краях, в Риге. Тут уж даже у самых отъявленных скептиков сомнения улетучились. Поскольку Высоцкий к тому времени вернулся обратно в Москву, рижские сыщики дали запрос в столицу. Видимо, кто-то из московских милиционеров оказался большим поклонником творчества Высоцкого и предупредил его о грозящих ему неприятностях и посоветовал на время спрятаться. Высоцкий так и поступил: нашел приют дома у своего приятеля Юрия Гладкова. Последний вспоминает:

«Володя пришел ко мне и вот здесь, в этой комнате, жил два дня. Я ему сказал: «Сиди здесь и никуда не выходи!» А в это время мы вместе с Борисом Скориным наводили справки… В конце концов мы узнали, что к Володе это никакого отношения не имеет…»

Буба за решеткой
Борис Сичкин

Актер **Борис Сичкин** после триумфа «Неуловимых мстителей», где он блестяще сыграл куплетиста Бубу Касторского, снялся еще в целом ряде картин, однако в конце 1973 года попал в серьезный переплет. Тогда в Министерстве культуры СССР началась очередная кампания по выявлению артистов, дающих «левые» концерты. Под эту кампанию и попал Сичкин. Сотрудники московского ОБХСС собрали компромат на режиссера Эдуарда Смольного, который устраивал гастроли Сичкина в Тамбовской области. Как только этот компромат появился в тамбовской прокуратуре, Сичкина срочно вызвали туда.

11 октября 1973 года Сичкин снимался на «Мосфильме» в фильме «Эстафета» (в прокате — «Неисправимый лгун»).

В тот день снимали эпизод, где его герой танцевал восточный танец и пел шуточную песню для высокого гостя (в этой роли снимался Георгий Вицин). Актер все исполнил превосходно, уложившись в минимальное количество дублей. Хотя изображать из себя шута Сичкину в тот день было ох как не просто — в его кармане уже лежала повестка с вызовом в прокуратуру Тамбова. Закончив съемки, артист сел в машину и отправился на вокзал, чтобы оттуда ближайшим поездом выехать в Тамбов. В планах Сичкина было уже на следующий день вновь объявиться на съемочной площадке. Но, увы…

Порог тамбовской прокуратуры Сичкин переступил в 9 часов утра 12 октября. Он был спокоен, собран и верил, что это дело займет у него минимум времени — час, в крайнем случае полтора. Но пришлось задержаться куда дольше. Допрашивал актера следователь по особо важным делам Терещенко. Что удивило Сичкина, все вопросы, которые ему задавались, не имели никакого отношения к делу, по которому он был вызван. Например, его спрашивали о пребывании на фронте в годы войны, есть ли у него правительственные награды и какая у него семья. Когда следователь таким образом удовлетворил свое любопытство, он внезапно поднялся из-за стола и надолго покинул кабинет. А с Сичкиным осталась старушка, которая оказалась ревизором Министерства культуры.

Буравя актера своим проницательным взглядом, она с каким-то необъяснимым злорадством сообщила:

— Я ведь спектакли и фильмы смотрю не как на художественную ценность. Я выискиваю в них финансовые злоупотребления, чтобы потом передать дело в суд. Я много художников посадила.

Сичкину после этих слов стало не по себе. Он вдруг ясно осознал, что вокруг него происходит что-то нехорошее, но что именно и каковы будущие последствия всего происходящего, объяснить пока не мог. А его пребывание в прокуратуре между тем затягивалось. Терещенко не объявлялся, зато вместо него в кабинет один за другим стали заходить какие-то странные люди. Первым зашел невысокого роста мужчина, который представился прокурором Соколовым: он пожал Сичкину руку и удалился. Следом явился пожилой мужчина: тот вообще не представился, только окинул артиста любопытным взглядом, таинственно улыбнулся и ушел (как выяснилось позднее, это был журналист местной газеты, которого попросили написать фельетон про «левые» концерты, а когда он отказался это сделать, его сына хотели посадить в тюрьму, обвинив в изнасиловании).

Последними в кабинет зашли двое мужчин: первый представился заместителем областного прокурора Мусатовым, второй — следователем Шичаниным. Первый внезапно принялся признаваться Сичкину в любви: мол, я сам, а также вся моя семья являемся горячими поклонниками вашего таланта, а второй попросил актера написать свою автобиографию. На удивленный вопрос Сичкина «Зачем?» коротко ответил: «Так надо». Пришлось подчиниться. «Видимо, облпрокуратура собирается ходатайствовать перед Минкультом о присвоении мне почетного звания», — усмехнулся про себя Сичкин.

Когда с автобиографией было покончено, в кабинет вернулся Терещенко. Взглянув на часы, — а было уже двенадцать дня, — он сказал гостю, что тот может быть свободен до четырех часов. Потом он понадобится еще максимум на часок, после чего может смело возвращаться в Москву. Сичкин поверил.

В назначенное время он вернулся в прокуратуру, свято веря, что часа через полтора будет уже сидеть в поезде. Но Терещенко его обманул. Под видом очной ставки с администратором в КПЗ он привел актера в камеру, где объявил… что тот арестован. Майор, начальник

КПЗ, громко скомандовал потрясенному произошедшим артисту раздеться. Тот повиновался. После тщательного шмона майор, не скрывая своего злорадства, сострил: «Как ты там в кино пел: «…я не плачу, я никогда не плачу»? Это ты, артист, там, в кино, не плакал, а тут, в тюрьме, заплачешь…» Далее послушаем рассказ самого Б. Сичкина:

«Меня втолкнули в так называемую камеру. Это была не камера, а ящик — метр в длину и полметра в ширину. Этот гроб не отапливался и не имел света. Лежать в этом гробу нельзя было по причине малых размеров. Но, как выяснилось, и сидеть в нем тоже нельзя было, так как «нары» были обиты железными полосками. Большее время дня и ночи приходилось стоять, упираясь ногами в парашу. Полное впечатление, что тебя замуровали. Если учесть, что я страдаю клаустрофобией — боязнью закрытого пространства, можно представить, что я чувствовал себя намного хуже, чем дома…»

Следствие по этому делу длилось год и восемь дней, и все это время Сичкин содержался в тюрьме. За это время трепали нервы и его родственникам: жена попала в больницу, сына отчислили из консерватории. 27 декабря 1974 года Сичкина выпустили на свободу, однако его мытарства на этом не прекратились: он попал в разряд запрещенных артистов, и работы было крайне мало. Его фамилию даже стерли из титров всех фильмов, где он снимался (в том числе и из «Неуловимых…»). Наконец в 1979 году Сичкин вместе с семьей принял решение уехать из СССР.

Неистовый Сергей
Сергей Параджанов

В 1973 году на экраны Советского Союза вышел фильм **Сергея Параджанова** «Цвет граната». Но он продержался в прокате всего лишь несколько месяцев, после чего был снят. Повод был серьезный — в декабре 1973 года Параджанова арестовали. За что? Ему инкриминировали гомосексуализм. Имело ли это обвинение под собой какие-либо основания? Здесь мнения расходятся. Одни утверждают, что гомосексуализм имел место в жизни режиссера, другие отрицают это. В качестве веского аргумента приверженцы второй версии напирали на то, что Параджанов по сути своей был провокатором, любителем эпатажа. В его доме всегда было много людей, к которым режиссер относился прежде всего как к аудитории. Причем это были совершенно разные люди. Среди них были его друзья, случайные знакомые и еще невесть кто. И каждый раз Параджанов устраивал перед ними маленький спектакль, во время которого зрители с трудом различали, где в его словах правда, а где вымысел. А говорил он вещи совсем не безобидные. Например, в одном случае он мог рассказать о том, как переспал с известной киноактрисой, а в другом — как он соблазнил известного художника. Люди искушенные могли «отфильтровать» рассказы Параджанова по степени их правдоподобности, но новички терялись и принимали все за чистую монету. А Параджанову это нравилось. Видя, как у людей округляются от удивления глаза, он заводился еще больше и продолжал нести такое… Однажды его занесло слишком далеко. В интервью датской газете он заявил, что его благосклонности добивались аж два десятка членов ЦК КПСС. Естественно, сказал это в шутку, но его слова были напечатаны и растиражированы по всему миру. Когда об этом стало известно в Кремле, была дана команда Параджанова посадить. Тем более что зуб на него имели многие: и в Госкино, и в Министерстве культуры, и в самом ЦК.

Дело против Параджанова фабриковалось в спешке, поэтому статьи, которые ему инкриминировались, на ходу менялись. То это были валютные операции, то ограбление церквей (он собирал иконы),

то взяточничество. Наконец остановились на гомосексуализме. Благо нашелся человек, который дал слово дать против Параджанова соответствующие показания — мол, тот его изнасиловал. Кстати, это был единственный свидетель, который согласился выступить против Параджанова. Другие отказались. А один из них — архитектор Михаил Сенин — после беседы в киевском КГБ перерезал себе вены. Коллеги с киностудии Довженко, где теперь вновь работал Параджанов, на собрании обвинили своего коллегу в этой смерти. Мол, у человека не было другого выхода.

Параджанову «впаяли» пять лет и отправили сначала в одну из зон под Ворошиловградом, затем под Винницей. Однако права переписки его не лишили. И он писал из колонии своим родным, друзьям, знакомым. Приведу два отрывка из его писем 14-летнему племяннику (сыну его сестры Анны) Георгию Хачатурову, датированные 1974 годом:

«В Тбилиси жара, а тут уже дожди! Сыро. Кожа на ногах в плесени и волдырях. В лагере полторы тысячи человек, у всех не менее трех судимостей. Меня окружают кровавые судьбы, многие потеряли человеческий облик. Меня бросили к ним сознательно, чтобы они меня уничтожили. Блатного языка я не знаю, чифир не пью, наколок нет. Они меня презирали, думали — я подсадная утка, изучаю жизнь зоны, чтобы снять фильм. Но, слава богу, поверили. Многие исповедуются…

Часто пухну от голода. Лиля Брик (бывшая возлюбленная В. Маяковского, которая принимала самое деятельное участие в судьбе Параджанова. — ***Ф. Р.)*** прислала мне колбасу салями, конфеты французские. Все съели начальник зоны и начальник режима, я же нюхал обертки.

Работаю уборщиком в цехе. Недавно кто-то специально залил водой цех. Всю ночь, стоя в ледяной воде, ведрами выгребал воду. Харкаю кровью. Неужели это мой конец? Я скучаю по свободе. Где я — это страшно!

Пиши подробнее. Каждое письмо, которое я получаю, это кислородная подушка для меня.

Береги жизнь, родителей и честь. Не делай глупостей. Все наказуемо…»

По словам очевидцев, первое время в неволе Параджанов был раздавлен, сломлен и унижен. Над ним издевались все: и начальство колонии, и некоторые из заключенных. Вдобавок ко всему у Параджанова было плохо со здоровьем: болело сердце, мучил диабет. В колонии ему сделали операцию на легком. Но даже пребывая в этих нечеловеческих условиях, Параджанов оставался верен себе. Невзирая на насмешки других заключенных, он собирал на тюремном дворе выброшенные кем-то цветы, делал из них гербарии и отсылал в письмах друзьям. Однажды он подобрал крышку от кефира и гвоздем выдавил на ней портретик Пушкина. Зэки, обнаружив у него этот «медальон», похабно пошутили на этот счет, но вещицу не отобрали. Спустя десятилетие этот «медальон» попал к режиссеру Федерико Феллини, и он отлил из него серебряную медаль, которой с тех пор награждают лучший фильм на фестивале в Римини.

Рассказывает Д. Шевченко: «Лагерь не сломил Параджанова, не испоганил его душу. Он вынес из мира грязи, вшей и унижения красоту, стал подлинным художником. Здесь у них общее с Солженицыным, воскликнувшим когда-то: «Благословляю тебя, тюрьма!» Кусочек камешка, высохшая трава, железные стружки превращались в его руках в шедевры.

Не только Лиля Брик присылала ему подарки в зону. Однажды Параджанов совместно с лагерным банщиком Зозулей смастерил из колючей проволоки и собственных носков букет и отправил своей поклоннице ко дню 8 Марта. Лиля была в восторге и поставила подарок Параджанова в вазу, которую подарил ей Маяковский! Пришлось, правда, чтобы отбить тюремный запах, обрызгать букет одеколоном «Мустанг»…

Во всех зонах, где сидел, выполнял заказы заключенных. Рисовал для любимых, заждавшихся на свободе, портреты их избранников, мастерил коллажи. Своему умершему соседу по нарам изготовил из мешковины плащаницу с библейскими сюжетами (она сейчас в музее в Ереване).

В одной из колоний открыл школу живописи. Но лагерному начальству не понравились работы новоявленных «малевичей», не в лучшем свете выставляющие лагерный быт и нравы. Сергея перевели в другую зону…»

Огромные силы прилагала к тому, чтобы облегчить страдания Параджанова в тюрьме, вызволить его оттуда, уже упоминавшаяся Лиля Брик. Было ей в ту пору уже 80 лет, но она, несмотря на возраст, проявляла такую активность, которой могли бы позавидовать молодые. Именно она стала первой теребить иностранцев, чтобы они тоже поднялись на защиту Параджанова. Особенно сильным ее влияние было во Франции. В 1977 году она лично слетала в Париж, где открывалась выставка, посвященная В. Маяковскому, и там встретилась с французским писателем-коммунистом, лауреатом Ленинской премии Луи Арагоном. Она уговорила его встретиться в Москве с Брежневым и замолвить слово за Параджанова. И Арагон согласился. Он действительно встретился с генсеком и во время разговора упомянул о Параджанове. «Кто такой Параджанов?» — удивился Брежнев, который даже фамилии такой не знал. «Известный режиссер, — ответил Арагон. — Его посадили на пять лет, четыре из которых он уже отсидел. Нельзя ли его амнистировать?» Так как Брежнев хорошо относился к компартии Франции и лично к Луи Арагону, он пообещал обязательно разобраться в этом деле. И ведь сдержал свое слово. 30 декабря 1977 года Параджанова освободили, скостив ему целый год. Он вернулся в родной Тбилиси, где до сих пор жили его родители и сестра (улица Котэ Месхи, дом № 7).

Поскольку после отсидки за Параджановым навечно закрепилось мнение как о неблагонадежном, до кинематографа его уже не допускали. Режиссер какое-то время терпел, а потом отбил в Москву, председателю Совета министров СССР Алексею Косыгину, телеграмму хулиганского содержания: «Поскольку я являюсь единственным безработным кинорежиссером в Советском Союзе, убедительно прошу отпустить меня в голом виде через советско-иранскую границу, возможно, стану родоначальником в иранском кино. Параджанов». Эта телеграмма ему дорого стоила — против него сфабриковали дело о даче взятки, присовокупив туда же тунеядство и фарцовку антиквариатом. 12 февраля 1982 года Параджанова снова арестовали. Ему дали пять лет условно, из которых 11 месяцев он провел в Ортачальской тюрьме.

Соловей в неволе
Сергей Захаров

В середине 70-х не было в Советском Союзе популярней певца из молодых, чем Сергей Захаров. Его грампластинки расходились миллионными тиражами, на концерты невозможно было достать билеты. Однако испытание «медными трубами» Захаров достойно пройти не сумел — сорвался. Случилось это в начале марта 1977 года, когда Захаров в течение нескольких дней выступал в составе труппы ленинградского мюзик-холла на сцене Дворца культуры имени Ленсовета со спектаклем «Нет тебя прекрасней» (выступления были приурочены к Международному женскому дню). Спектакль пользовался огромным успехом у публики, и достать билеты на него было практически невозможно. Простые ленинградцы буквально дневали и ночевали у билетных касс, а так называемые блатные старались попасть на представление, заполучив контрамарки через администраторов Дворца либо через самих артистов. Собственно, именно из-за контрамарок и разгорелся весь сыр-бор.

В тот злополучный день Захаров в компании нескольких друзей, которым нужны были контрамарки, зашел в кабинет администратора Дворца культуры Роднова, чтобы с ним утрясти эту проблему. В тот момент в кабинете кроме хозяина находился и главный администратор мюзик-холла Михаил Кудряшов. Услышав просьбу Захарова, тот заметил, что свои контрамарки артист уже получил от него накануне и на большее рассчитывать не вправе. Это замечание Захарову не понравилось, и он попросил Кудряшова не вмешиваться: мол, я же не у тебя прошу. Тот тоже оказался не робкого десятка (как-никак бывший боксер-разрядник) и ответил артисту той же монетой — так же грубо. Захаров вспылил и бросился на администратора с кулаками. Если бы не присутствующие здесь хозяин кабинета и коллеги Захарова, то заварушка могла бы вспыхнуть нешуточная. Но драчунов мигом разняли, развели по разные стороны, а администратор дворца, дабы погасить конфликт, согласился пропустить друзей певца на спектакль. Но, как показали дальнейшие события, инцидент этим не исчерпался.

В антракте Захаров отыскал своего обидчика и предложил продолжить выяснение отношений где-нибудь в удобном месте — например, на улице. Кудряшов, который, как я уже упоминал, был боксером, согласился, тем более что Захаров пообещал, что они будут биться тет-а-тет. Здесь же определили и время поединка — сразу после завершения спектакля.

Представление закончилось поздно вечером, но Захаров еще какое-то время был занят — давал интервью для Киевского ТВ. Вопросы были стандартные: каковы ваши ближайшие планы, собираетесь ли продолжать свою карьеру в кино (Захаров снялся в водевиле «Небесные ласточки», премьера которого состоялась в декабре прошлого года) и т. д. Все это время Кудряшов терпеливо ждал, когда его будущий противник освободится. Наконец долгожданный миг наступил и соперники вышли на улицу. Но едва они приняли стойку, как место поединка окружили те самые друзья Захарова, которых он провел на спектакль: ученик студии мюзик-холла, неистовый меломан и бармен одного из ленинградских ресторанов. Не говоря ни слова, они накинулись на администратора и принялись избивать его в шесть рук. В итоге бывший боксер получил множественные травмы лица, а также повреждение паха. Травмы были настолько серьезные, что в тот же день администратора отправили в больницу, где он вынужден будет пролежать почти месяц. Инцидент хотя и получил огласку, однако пока ни к каким серьезным последствиям для певца не привел — это случится чуть позже. А пока Захаров продолжал выступать с концертами и раздавать бодрые интервью (8 марта он пел в «Голубом огоньке», правда, не зная, что это одно из последних его выступлений по ТВ).

В начале июня скандал получил свое продолжение. Михаил Кудряшов, который угодил в больницу, решил не оставлять происшедшее без последствий и подал на Захарова в суд. Как будет утверждать впоследствии сам певец, такой поворот событий был вызван одним: желанием 1-го секретаря Ленинградского обкома КПСС Григория Романова расправиться с ним чужими руками. Якобы Романов питал романтические чувства к известной певице Людмиле Сенчиной и ему показалось, что и Захаров питает к ней нечто подобное. Романов долго искал повод, чтобы убрать молодого соперника с дороги, и этот повод представился в марте, когда имя

Захарова всплыло в драке. Соответствующим инстанциям было дано указание сделать этот инцидент достоянием широкой общественности. В итоге в начале июня в журнале «Крокодил» (№ 17) появилась статья Н. Лабковского под названием «Скоропортящийся талант». В ней был подробно описан мартовский инцидент и давался весьма нелицеприятный портрет Сергея Захарова. Там, в частности, писалось:

> «И не смог устоять перед этой лавиной славы молодой человек без мало-мальски путного музыкального образования, без устоявшегося вкуса, без твердых моральных норм. И пошло веселье, пьяные загулы, забубенные компании…
>
> В московской гостинице «Россия» происходит пьяный дебош. В главной роли Сергей Захаров. «Знаменитость» отделывается пятнадцатирублевым штрафом. Из южного города приходит сигнал о далеко не рыцарском обращении с девушкой. Захарова журят: «Ай, ай, как не стыдно!» Захаров добродушно ухмыляется: «Ладно, обойдется».

В самом деле обходилось.

И вот премьер мюзик-холла выходит в ночной переулок. Мстительный, уверенный в себе. Ведь за ним трое. А свидетелей ни одного…

Михаил Кудряшов пролежал в больнице около месяца. Медики засвидетельствовали повреждения головы и паха.

— Избиение? Что вы! Просто драка. Один на один! — заявляет Захаров. — Секунданты? Но они только смотрели…

Получается, что пострадавший Кудряшов сам изловчился и нанес себе повреждение, чтобы бросить тень на доброе имя певца. Получается, что в драке «один на один» боксер получил серьезные травмы, тогда как певец отделался лишь легкими ссадинами. Любопытно, не правда ли?

Впрочем, независимо от того, как разъяснятся подробности, нравственная сторона всей этой истории ясна. На примере Захарова мы видим, что не всякий талант выдерживает проверку успехом. Бывают таланты скоропортящиеся. Их нельзя все время держать в тепле. Их нужно иногда охлаждать. Чтобы не разлагались».

Последнее пожелание автора будет вскоре исполнено: на Захарова заведут уголовное дело, и в течение пяти с половиной месяцев он будет «охлаждаться» в камере Крестов. Затем будет суд, который приговорит певца к 1 году тюремного заключения по статье «пресечение служебной деятельности» (он избил администратора во время исполнения им служебных обязанностей). Пока певец сидел, был отдан приказ изъять из продажи все грампластинки с его записями, а водевиль «Небесные ласточки» надолго (на 10 лет) упрятали в запасники Центрального телевидения (последний раз фильм показали за пять недель до злосчастной драки — 30 января).

В течение нескольких месяцев Захаров отбывал срок в городе Сланцы, где работал на «химии». Когда он туда прибыл, учителя из местной школы стали водить к нему экскурсии, чтобы на его примере показать детям, как следует себя вести. «Видите вон того дядю? — спрашивала учительница своих учеников и показывала в сторону Захарова. — Совсем недавно он выступал по телевизору, пел песни, а теперь месит раствор. А почему? Потому что по Конституции у нас перед законом все равны». Слушал Захаров эти речи, слушал, да и не выдержал. Попросил, чтобы его перевели в другое место. И его перевели поближе к дому — в питерские «Кресты». Там он работал на картонажной фабрике и делал коробочки для мелков. Освободился Захаров 11 июня 1978 года.

Трижды судимый Петруха
Николай Годовиков

После триумфа «Белого солнца пустыни», где **Николай Годовиков** сыграл красноармейца Петруху, можно было ожидать дальнейшего прогресса молодого актера на ниве кинематографа. Но этого не произошло — он, конечно, снимался, но роли были маленькие, ничем не приметные. Поэтому Годовиков учиться на актера не пошел, а устроился слесарем на один из ленинградских заводов.

В эти же годы Годовиков женился, в 1974 году у него родилась дочь Маша. Однако этот брак продержался недолго. В 1977 году он едва не погиб от удара «розочкой» во время драки с соседом по ленинградской коммуналке. После выписки из больницы работал в магазине, затем на дрожжевом и кожевенном заводах. Но работать было трудно: из-за недавней раны у него стали появляться свищи. В 1979 году он работу бросил и вскоре «загремел» в тюрьму по статье 209-1 УК (тунеядство). Сам он так объясняет это:

«Кино сыграло отрицательную роль в моих отношениях с милицией. У меня не сложились отношения с участковым. Он мне говорил: «Ты вот снимаешься в кино, сыграл Петруху, а я простой участковый. Но, если захочу, я тебя посажу». Я спрашивал: «А тебе-то какой интерес от этого?» И он мне вот так простенько объяснил: «Ты живешь один в 25-метровой комнате, а я с семьей мыкаюсь в восемнадцати метрах». Это меня взбесило, я могу иногда резкое что-то сказать или какой-то поступок резкий совершить, даже, может быть, неожиданно для себя самого. И я ему сказал прямо: «Послушай, ты приехал из Псковской области и хочешь, чтобы у тебя сразу дворец был. У тебя в твоем Скабаристане дом с участком стоит, моего рядом нет, но меня, ты знаешь, как-то жаба не давит, мне это безразлично». Ну и в итоге он меня посадил за тунеядство» (Годовикову дали один год. — *Ф. Р.*).

В марте 1980 года Петруху освободили. Он приехал домой, а дверь у него взломана, в комнате ничего нет — ни мебели, ни телевизора, ни постельного белья. Соседи потом рассказали, что разорил его все тот же участковый. Это он собрал в жэке дворников,

привел в комнату Годовикова и сказал: «Кому что нравится, забирайте себе, а остальное в окно выбрасывайте». Причем его не волновало то, что он самым бессовестным образом нарушает закон: по нему осужденного могли выписать с жилплощади только через полгода после того, как приговор вступил в силу, а его выписали — и четырех месяцев не прошло после ареста, он еще под следствием сидел.

Годовиков отправился к начальнику РУВД, честно рассказал ему все. Тот в ответ: «Да-да, ты напиши заявление, перечисли, что пропало, и оставь секретарю. Да сообщи адрес, где тебя можно найти». Годовиков сделал все, как было велено. А через несколько дней заявляется к нему все тот же участковый, забирает его под белы рученьки и дает ему подписку, как бомжу. А по закону — вторая подписка — и можно смело отправляться на зону.

Поехал Годовиков туда, куда его направили, — в Приозерск Ленинградской области. Приехал, а ему говорят: «У нас нет мест в общежитии, ты сначала пропишись, а потом мы тебе дадим работу». Короче, замкнутый круг: остался бывший актер без прописки, без жилья, без работы. А кушать-то хочется. Побомжевал он малость, походил в каком-то потертом ватнике, пока не познакомился на какой-то квартире с ворами, которые оказались намного человечнее, чем все остальные, с кем Годовикова сводила судьба в последнее время. Дали они ему 500 рублей — по тем временам деньги немалые, одели с ног до головы, обули. Причем сказали: мы ничего от тебя не требуем, устраивайся и живи. Но Годовиков — человек очень благодарный по натуре: когда им нужно было помочь, сам предложил свои услуги и пошел с ними на ограбление.

Случилось это в июле 1980 года. Закончилась эта вылазка для преступников плачевно: их поймали. Годовикову дали 4 года. Срок он отбывал в колонии в Яблоневке. Вот что он рассказывает о тех днях:

«Там было много малолеток, которые после 18 лет прибыли из так называемой детской зоны. А там нравы намного хуже, чем во взрослой. Они и переносят свою беспредельщину. Как-то прихожу после смены, собираюсь чайку попить, как кто-то из шпаны командует: «Верха! В пэвээр! По-быстрому!» «Верха» — это те, кто спит на втором этаже, на первом спят зэки заслуженные, их редко трогают. А «пэвээр» — это комната политико-воспитательной работы. Ну, мы идем в пэвээр, заходим, смотрим — «бойцы» стоят вдоль

стены, уже в кожаных перчатках. Значит, будет «замес», то есть избиение. Я уже и рейку присмотрел. Решил — лучше пусть убьют, чем с опущенными почками медленно подыхать. Но меня тихонько оттеснили в сторону, знали, что главшпанзоны башку им оторвет. Оказалось, что кто-то из «верхов» «протек», пожаловался якобы администрации. Решили всех «замесить», а там, мол, пусть сами разбираются…»

Выйдя на свободу, Годовиков какое-то время жил один, но затем встретил женщину, с которой стал жить гражданским браком. Даже в кино в тот период умудрился сняться, причем опять про басмачей — «В черных песках». В 1989 году у них родился сын Артем. Но затем фортуна вновь отвернулась от Петрухи. В начале 90-х жена и теща выгнали его из дома, и он опять стал бомжевать. И снова, оказавшись на обочине жизни, он не придумал ничего лучшего, как пойти воровать. И опять попался. Причем курьезно.

Приехали они с подельником в местечко под Ленинградом, имея при себе сумку с набором «фомок». Выпили винца и пошли вдоль по улице, разглядывая окна. Наконец узрели открытую форточку в окне первого этажа. Первым туда забрался Петруха, «фомками» вскрыл двери в комнаты (те оказались запертыми). Добычей воров в тот день стали: кофе, кроличья шапка, гобеленовая скатерть, джинсы, трое наручных часов, фотоаппарат, две сберкнижки, рюкзак (в последний они сложили украденное). Упаковав пожитки, собрались было уже уходить, как на пороге внезапно «нарисовалась» милиция, которую вызвала дочь хозяйки квартиры (она не смогла открыть ключом входную дверь и позвонила по 02). Кстати, сам Годовиков на суде описал совсем иную картину своего задержания. Якобы дочь хозяйки была сильно беременная и, увидев непрошеных гостей, свалилась в обмороке. Испугавшись, что у барышни могут случиться преждевременные роды, воры сами вызвали «Скорую», да еще остались ее дожидаться. Тут их и повязали. Суд состоялся аккурат 1 мая 1991 года и приговорил Годовикова к 2 годам 6 месяцам колонии. Отсиживал он срок во Владимире, в колонии строгого режима, известной всем как «тройка» (ОД 1/3).

Освободившись в третий раз, Годовиков сумел наконец вернуться в свой родной город — теперь он уже назывался Санкт-Петербург. Познакомился с женщиной (бывшей женой известного хоккеиста из

СКА Андрея Белякова, трагически погибшего), которая устроила его к себе на работу — в Метрострой. С 1994 года о нем вновь стали писать газеты, он несколько раз выступал по телевидению. Вроде жизнь у него наладилась.

За решеткой — первый чемпион мира
Виталий Соломин

Из всех советских спортсменов больше всех за решеткой побывали боксеры. Достаточно вспомнить такие имена, как Виктор Агеев, Олег Коротаев, **Виталий Соломин**. О последнем и пойдет речь.

Слава пришла к Соломину в 1974 году, когда он стал первым советским боксером, завоевавшим «золото» чемпионата мира (он выступал в легком весе — 60 кг). Произошло это в Гаване. Но мало кто знает, что на тот чемпионат Соломин мог и не попасть, поскольку за несколько дней до отъезда угодил в криминальную историю. Она произошла в пермском ресторане «Центральный», где Соломин любил бывать в свободное время. И вот в разгар веселья кто-то из парней, сидевших за соседним столиком, узнав Соломина, обозвал его щенком (внешне Соломин выглядел как подросток, что не помешало ему стать чемпионом Европы-72 среди юниоров). Соломин вспыхнул, как спичка, и отправил парня в нокдаун. А когда на помощь своему дружку бросились его приятели, Соломин и им «начистил рыла». В итоге его забрали в милицию. И это случилось за день до отъезда на сборы перед чемпионатом мира. Все шло к тому, чтобы Соломина в Гавану не брать. Но тут его выручил его тренер Юрий Подшивалов. Он добился аудиенции у начальника пермской милиции и уговорил его не заводить на Соломина уголовное дело. Главный милиционер оказался человеком с пониманием и, хотя бокс особенно не жаловал, распорядился Соломина освободить. А когда прощался с тренером, сказал: «Если ваш боксер не станет чемпионом мира, мы его посадим». «Обязательно станет!» — заверил милиционера Подшивалов. Хотя в душе мало надеялся на такой успех: все-таки в соперниках у 21-летнего Соломина были такие титулованные боксеры, как румын Куцов, кубинец Эчайде. Но Соломин сумел не только завоевать золотую медаль, но еще вдобавок был назван самым техничным боксером чемпионата и получил за это престижнейший Кубок Рассела.

Соломин боксировал до 1979 года, став в том году серебряным чемпионом страны. А в 1983 году случилось неожиданное. Соломина обвинили в разбойном нападении, совершенном на некоего

гражданина Добренко за два года до этого. Боксера арестовали и привезли в 108-е отделение Москвы (возле улицы Горького). Несмотря на то что Соломин категорически отрицал свою причастность к данному делу, его поместили в следственный изолятор на Петровке, и начались бесконечные допросы. В июне 1985 года состоялся суд, который «впаял» первому советскому чемпиону мира по боксу 10 лет колонии усиленного режима с конфискацией имущества. Из этих лет Соломин отсидел четыре года. В 1988 году Генеральный прокурор СССР опротестовал состоявшееся по делу решение и отправил его для дополнительного расследования. В итоге в начале 90-х Соломин был реабилитирован и досрочно освобожден. Но годы, проведенные в неволе, все же сказались на здоровье боксера — в декабре 1997 года Соломин умер в возрасте 44 лет.

«Морозко» в тюрьме
Эдуард Изотов

Киноактер Эдуард Изотов начал свою карьеру в большом кинематографе в конце 50-х, снявшись в таких фильмах, как «В степной тиши», «Первые испытания» и др. Однако настоящая слава пришла к нему в 1965 году, когда на экраны вышел фильм-сказка «Морозко», где Изотов сыграл главную роль. Фильм получил «Золотого льва» на Венецианском фестивале в 1965 году, а Изотова западная пресса назвала «русской звездой».

Как окажется потом, эта роль станет единственной звездной ролью талантливого актера. За последующие годы он снимется еще в добром десятке картин, но ни одна из них так и не сможет стать хотя бы вровень с «Морозко». А потом Изотов угодит в тюрьму.

Это случится в 1983 году, когда у власти недолгое время находился Юрий Андропов. Кто помнит то время, не даст соврать: нравы тогда были строгие. После многолетнего брежневского разгильдяйства власти впервые за долгие годы решили «закрутить гайки». Были начаты широкомасштабные кампании против коррупции, спекулянтов, тунеядцев и прогульщиков (последних отлавливали средь бела дня в общественных местах и, если у них не было уважительных причин прогуливать работу, налагали на них штрафы).

Изотова угораздило попасть не в ряды прогульщиков, а… валютных спекулянтов. Он в то время развелся со своей первой женой Ингой (они поженились еще в 1956 году, когда учились во ВГИКе) и женился во второй раз — на монтажере Ирине. Именно она и стала косвенным виновником трагедии. Молодожены приобрели земельный участок и решили построить на нем дом. Но денег не хватало. И тогда Ирина решила обменять на рубли несколько золотых монет (они достались Ирине по наследству) и доллары. А за помощью Ирина обратилась к своему бывшему супругу, который в валютных делах был сведущим человеком. Настолько сведущим, что за ним уже давно следил… КГБ. Естественно, знай об этом Ирина, она бы и близко не подошла к своему бывшему супругу, но она этого не знала. И вот в один из дней они втроем (бывший муж, Ирина и Изотов) сели в

машину и отправились на валютный «толчок», который находился у популярного кафе «Лира» на улице Горького (теперь на этом месте стоит не менее популярный у москвичей «Макдоналдс»). Именно там их и задержали сотрудники КГБ. На всех троих были немедленно заведены уголовные дела.

Когда об этом узнали коллеги Изотова, они бросились спасать его. Особенно старалась его первая жена Инга. Она отправилась прямиком к Сергею Герасимову, но тот, выяснив все перипетии этого дела, отказался помогать актеру. Тогда на помощь Эдуарду пришли его коллеги актеры. Они наняли ему хорошего адвоката и все время следствия поддерживали своим участием. Они даже написали письмо в суд, где просили простить Изотова. Свои подписи под этой петицией поставили такие звезды советского кинематографа, как Николай Крючков, Петр Глебов, Алла Ларионова, Николай Рыбников, Олег Стриженов, Людмила Хитяева и многие другие. Правда, с этим письмом пришлось помучиться. Буквально за несколько часов до начала процесса адвокат Изотова сказал, что все подписи под письмом должны быть официально заверены, и бывшая жена Изотова бросилась на «Мосфильм». Но в тамошней канцелярии испугались брать на себя ответственность и ставить печать под письмом отказались. Инга была в отчаянии. И вот, когда она стояла в коридоре и плакала, одна из секретарш пошла ей навстречу и на свой страх и риск поставила печать под письмом.

Особенно страстную речь произнес на суде Олег Стриженов. Он сказал: «Изотов — великолепный артист, его обожают зрители. Он ни разу в жизни не говорил о валюте и не знал, что это такое. Чтобы он заинтересовался какой-то тряпкой? Да никогда! Его участие в этом деле — недоразумение, ошибка!..»

Увы, но все усилия друзей и коллег Изотова оказались напрасными — суд приговорил Изотова к трем годам тюрьмы с конфискацией имущества (у них с женой забрали машину, деньги). Отняли бы и квартиру, но там, к счастью, была прописаны не они, а дочь Ирины.

И все же заступничество коллег помогло Изотову: его не стали отправлять к черту на рога, и весь срок он просидел в Москве, в Матросской Тишине. Однако это обстоятельство не помогло актеру — тюрьма есть тюрьма. К концу срока из красивого и статного мужчины

Изотов превратился чуть ли не в старика с надломленной психикой. И, освободившись в 1986 году, прожил он после этого недолго. У него случилось шесть (!) инсультов, последний из которых и стал роковым для актера.

«Вези меня, извозчик…»
Александр Новиков

Свои тюремные университеты певец Александр Новиков проходил в середине 80-х. И за решетку угодил при следующих обстоятельствах. В конце 70-х он устроился музыкантом и певцом в один из свердловских ресторанов. Проработал там около четырех лет. За это время сумел скопить приличную сумму и открыл собственную студию-мастерскую, где не только записывал песни в стиле рок (его ансамбль назывался «Полигон»), но и изготавливал студийное оборудование для государственных Дворцов культуры, кинотеатров. Так продолжалось до лета 1984 года. Затем Новикова арестовали.

Львиную долю репертуара группы «Полигон» составляли рок-композиции. Однако в начале 84-го Новикову вдруг захотелось напеть несколько собственных песен, написанных в жанре городского романса, в народе именуемых «блатными». Среди этих песен были три, которым в скором времени суждено будет стать хитами: «Вези меня, извозчик», «Я вышел родом из еврейского квартала» и «Помнишь, девочка?». За раскрутку этого альбома взялся некий пожилой господин — большой спец в этом деле. Правда, прослушав запись, он честно признался Новикову: «Я могу это раскатать на всю страну за два месяца, но вас, молодой человек, посадят». Новикова это предупреждение не остановило. 3 мая 1984 года магнитный альбом «Вези меня, извозчик» вышел в свет. Успех альбома был ошеломляющим: уже через неделю его слушали по всему Союзу, включая самые отдаленные уголки страны. Не остался он незамеченным и властью. В конце лета того же года Новикова арестовали. О том, как это происходило, рассказывает он сам:

«Арестовали прямо на улице, запихнули в машину и отвезли в местное УВД. Там положили передо мной документ под названием «Экспертиза по песням Александра Новикова». В документе приводились тексты моих песен из «Извозчика», и к каждому — внушительная рецензия. И потом общая рецензия на все. В этой, заключительной, было написано, что автор вышеупомянутых песен нуждается, дескать, если не в психиатрической, то в тюремной

изоляции точно. Подписали этот документ композитор Евгений Родыгин, автор песни «Едут новоселы по земле целинной», несколько партфункционеров и чиновников от культуры. Короче, я обвинялся во всех грехах: унижении национальных меньшинств, пропаганде аморализма, пошлости, насилия, проституции, алкоголизма, наркомании — огромный был набор…»

В течение года Новиков сидел под следствием в тюрьме, после чего состоялся суд. Так как судить человека за песни властям было несподручно, был выбран беспроигрышный вариант: Новикова обвинили в мошенничестве и хищении (якобы он в собственной студии изготовлял аппаратуру, которую затем продавал под торговыми марками известных фирм). Надавили на покупателей, на экспертов в комиссионках — из пятидесяти лишь один отказался подписывать «заявление». По статье 93-прим (хищение в особо крупных размерах) Новикову «впаяли» 10 лет.

А. Новиков вспоминает: «Я еще почти год ожидал в тюрьме решения по моей кассационной жалобе. Сначала в Свердловске, затем в Камышлове, это 250 км от Свердловска, в такой тихой провинциальной тюряге, которой уже, наверное, лет триста. А перевозили меня туда словно особо опасного рецидивиста.

Когда приехали в Камышлов, смотрю — на перроне огромная толпа охранников. Неужели, думаю, по мою душу? И точно, по мою. Как только я спрыгнул, меня тут же схватили за руки, за ноги, за пояс и так, не опуская на землю, бегом потащили в «воронок». А до этого заблокировали весь вокзал — пассажиров загнали внутрь и возле дверей расставили охрану. И вот, значит, весь вокзал смотрел, как меня «принимала» камышловская тюрьма. А самое смешное, когда поехали в этом «воронке», шофер поставил запись «Извозчика». Меня ведь тогда все и везде слушали. И менты слушали, и следователи, которые допрашивали. Один мне так прямо и говорил: мол, мне лично твой альбом нравится, но что я могу поделать? Тюрьма в Камышлове буквой «о», окна камер выходят во двор. Чтобы камеры между собой не переговаривались, во дворе стоят громкоговорители — врубают музыку, если что. Так вот, очень часто это была музыка из моего альбома. А когда меня на суд везли, опять в «воронке» крутили «Вези меня, извозчик».

Отсидев год в Камышлове, Новиков затем был переведен в один из лагерей на севере страны. Руководство лагеря встретило певца со всеми подобающими его рангу «почестями». В зоне был проведен широкомасштабный шмон — у зэков, а также у конвойных изъяли все гитары и магнитофоны. Было строжайше запрещено проносить эти вещи на территорию лагеря. Новикову же запретили продвигаться по зоне в сторону клуба. Помимо этого были и другие наезды. Начальник отряда в первый же день после приезда Новикова вызвал к себе бригадира, завхоза и председателя Совета профилактики правонарушений и приказал создать Новикову самые тяжелые условия. И те создавали. К примеру, приходит он в барак, выбирает себе свободное место, а ему говорят — ляжешь вот здесь, у входа, рядом с так называемыми чертями (одна из низших категорий заключенных). Новиков, естественно, отвечает: нет. Вызывают начальника отряда. Но и на его приказ Новиков откровенно плюет. За это его бросают в изолятор, где условия содержания — те еще. Работаешь как проклятый (по 12–14 часов), валишь лес, а «награда» — полбуханки хлеба на весь день.

Были и другие наказания за строптивость. Например, лишали свидания с родственниками. А в лагере эти свидания — чуть ли не единственный свет в окошке. Причем причину находили — не подкопаешься. Ставили Новикова на самое тяжелое место, где норму выработки заведомо не выполнишь, после чего обвиняли в плохой работе.

Вспоминает А. Новиков: «Против меня устраивали разные провокации. В лагере достаточно всякой сволочи, которая хочет досрочно освободиться, вступает в эти советы профилактики, «повязочники», или, по-лагерному, «козлы». Вот этих «козлов» на меня и натравливали. Но я оскорблений не терпел, одному грудную клетку проломил, другому челюсть свернул. Ну и постоянно попадал в карцер…»

Из положенных десяти лет Новиков отсидел шесть, после чего был выпущен на свободу. Причем своим освобождением он обязан нынешнему президенту России Борису Ельцину (кстати, «сажал» Новикова тоже Ельцин, который в те годы был первым секретарем Свердловского обкома партии). Как же произошло освобождение барда? В 1990 году Ельцин встречался со студентами Уральского

политехнического института. И среди вопросов, которые ему задавали, был такой: посадили, мол, Новикова незаконно, сидит уже шесть лет, просим разобраться. Ельцин тогда положил записку в карман и сказал: «Я не знаю всех обстоятельств этого дела, но берусь за него». И не обманул. Через три месяца после этой встречи Новикова выпустили на свободу.

Выстрел в себя
Георгий Юматов

Эта криминальная история, где действующим лицом был популярный киноактер **Георгий Юматов**, в свое время наделала много шума. Все началось 5 марта 1994 года, когда в семье Юматова умерла от саркомы их собака Фрося — забавная дворняга, похожая на болонку, купленная когда-то на Птичьем рынке за 15 рублей. Для бездетных супругов эта смерть стала настоящей трагедией. Почти всю ночь супруги не спали. Уже под утро жена наконец задремала, а Юматов, выпив снотворного, отправился во двор хоронить собаку. Так как одному долбить мерзлую землю было несподручно, Юматов обратился к услугам дворника, который в то утро работал во дворе. Этим человеком оказался 33-летний уроженец азербайджанского города Шуша (Нагорный Карабах) Мадатов Захид-оглы. В Москву он приехал в 1985 году и был прописан по улице Чертановской. Постоянного места работы не имел и дворником в ЖСК работников кино устроился всего лишь за неделю до описываемых событий.

К просьбе Юматова, который подкрепил ее обещанием заплатить за услуги 10 тысяч рублей, Мадатов отнесся положительно, и вскоре тело несчастной собаки было предано земле. Затем актер пригласил дворника к себе домой: во-первых, надо было расплатиться, и во-вторых, помянуть усопшее животное.

Рассказывает О. Сгибнев: «Поднялись в квартиру, хозяин отдал обещанные 10 тысяч и пригласил к столу, поставив перед гостем бутылку. Муза Викторовна ушла в другую комнату, сославшись на недомогание. Мужчины остались одни. Дворник под рюмку не прочь был поговорить, но Юматову было не до дружеских бесед, особенно когда гость захмелел и между прочим, но грубовато высказался в адрес хозяйки дома. Этот маленький конфликт преодолели, перейдя на охотничью тему. Мадатов все подливал себе водку, а Георгий Александрович цедил из рюмки свои 50 граммов (доказано следствием). Юматов показал дворнику ружье, которое ему, вернувшемуся с войны, в 1945-м подарила мать. А ружье действительно красивое: немецкая охотничья двустволка «зауэр 3

кольца», инкрустированная серебром с золотыми насечками. Юматов демонстрировал его, но, когда сторож хотел взять «зауэр» в руки, Георгий Александрович не дал, заметив, что жену, ружье и трубку в чужие руки не дают. И поставил ружье к себе.

Гость вел себя все раскованнее, свободнее: «Слушай, отэц, а я тебя в детстве в кино видел… Теперь, надо же, за одним столом сидым». Вдруг начал рассказывать о своих победах над женщинами, о своем сексуальном мастерстве. Юматов недовольно поморщился, возразив, что прожил с женой 45 лет и главным для них была любовь. На что Захид-оглы, цинично ухмыльнувшись, изрек: «Да, нэ скажи, и твою можно как угодно…»

«Слушай, парень, если пришел в дом, веди себя по-человечески, а нет, вот тебе — бог, вот — порог», — резко оборвал его Георгий Александрович.

В ответ Мадатов не спеша долил остатки водки в свою рюмку и одним глотком выпил. Смачно зажевал и с убежденностью подвыпившего человека, протестующе подняв руку, продолжал:

«Отэц, зачем меня обижаешь? Я чем хуже тебя? Ты такой же нищий, как и я. Ну артист, ну воевал. А кому ты сейчас нужен? Никому. Кому нужны твои побрякушки? Так скажу тебе, отэц, не на той стороне ты воевал и не в ту сторону стрелял, если бы стрелял куда надо, сейчас бы пил баварское пиво…»

Георгий Юматов, задохнувшись от возмущения, вскочил на ноги и, глядя в красное пьяное лицо гостя, срывающимся полушепотом произнес: «Ах ты, сука! Что ты знаешь о войне? Тогда что ж ты, говнюк, здесь ошиваешься, когда у тебя на родине стреляют?»

Реакция Мадатова была неожиданной и мгновенной: тоже вскочив на ноги, он схватил со стола нож (большой самодельный тесак для разделки мяса) и метнул его в хозяина. Даже спустя годы сказалась фронтовая выучка. Георгий Александрович резко уклонился, нож лишь рассек кожу на голове. Но, уклоняясь от ножа, Юматов машинально нажал на спусковые курки ружья, которое держал в руках. Прогрохотал выстрел. Заливаясь кровью, Мадатов упал на стул. Недоуменно и растерянно глядя на обмякшее тело, несколько минут Юматов стоял в шоке, затем, увидев в дверях побелевшее от ужаса лицо жены, обессиленно сел и как-то устало-опустошенно сказал: «Муза, вызывай милицию, я убил человека!»

Уже на следующий день трагедия, случившаяся в «актерском доме» на улице Черняховского, буквально всколыхнула Москву. Одна за другой в центральной прессе появляются статьи, в которых имя некогда знаменитого актера вновь набрано жирным шрифтом. Приведу отрывок лишь из одной статьи в «Труде» за 10 марта.

А. Данилкин пишет: «В квартире, где произошла трагедия, я оказался через несколько часов после случившегося. С первого же момента понимаешь: здесь живут нищие старики. Такие жилища по убогости почему-то всегда похожи друг на друга. Единственное напоминание о былом благополучии — пара старых, некогда роскошных стульев. И на всем печать заброшенности и ветхости…

Читатели должны узнать, как жил последние годы «баловень» кинематографической фортуны. В это трудно поверить, но любимец публики оказался всеми заброшенным и забытым. Вместе с женой они получали нищенские пенсии, на которые можно было купить в лучшем случае по пять килограммов не лучшей копченой колбасы…

Его (Юматова) чуть ли не до последнего времени приглашали сниматься. Правда, на копеечные гонорары. Коллеги, кинематографическое начальство, соседи — все видели, как на их глазах в пучину беспамятства, нищеты и болезней уходит знаменитый актер. Его бы подлечить, отправить в какой-нибудь дом отдыха, санаторий… Но никто вовремя не протянул руки…

…11 марта киноактеру Георгию Юматову исполняется 68 лет. Свой день рождения он встречает в роли арестанта, к тому же на больничной койке…»

Между тем коллеги и друзья Юматова старались, кто чем мог, поддержать его. Навещали, поддерживали морально и материально Виктор Мережко, Алла Ларионова, Олег Стриженов. Гильдия актеров России во главе с Евгением Жариковым обратилась за помощью в адвокатское бюро «Борис Кузнецов и партнеры».

Б. Кузнецов рассказывает: «Меня попросили взяться за дело Юматова спустя полтора месяца после происшествия. Я согласился (Кузнецов до тех пор неоднократно бескорыстно представлял интересы гильдии, бесплатно он взялся и за это дело). Юматов находился под стражей. До меня у него был другой адвокат. И сразу же меня насторожили несколько моментов в материалах дела. Во-первых, не была оформлена явка с повинной. Второе: смутило, что Юматов свое

первое объяснение дал работникам милиции в 20-й клинической больнице, куда его доставили с резаной раной головы сразу с места разыгравшейся трагедии. Больше в деле об этом не упоминалось. Следователь Савеловской межрайонной прокуратуры Алексей Царев, которому поручили расследование, толком ответить не смог, почему Юматов оказался сначала на больничной койке. Приехавшие после звонка две оперативно-следственные группы (одна из близлежащего отделения, другая из МУРа) сработали некачественно, не выяснив ни мотивов случившегося, ни полной картины убийства. Даже не обнаружили, куда попала дробь. Для них все было ясно: статья 103, «Умышленное убийство без отягчающих обстоятельств, на почве пьяной ссоры». И третье: в деле было всего два протокола допроса Юматова, и оба разные. В первых показаниях Юматов утверждал: «Я его убил, перезарядив ружье, выстрелил в его наглую рожу»; в другом, спустя время, — что выстрелил случайно. Я понял: он говорит неправду в том и другом случае…

При свидании со мной в тюрьме Георгий Александрович пытался отмалчиваться, я его чуть ли не пытал, убедившись, что он не совсем четко все помнит. Он не был пьян, но не забудьте, человек не спал всю ночь, выпил много снотворного, а это в сочетании даже с небольшой (50 граммов) дозой алкоголя дает порой непредсказуемый эффект…

Еду в больницу. Нахожу подтверждение, что после поступления туда Юматова у него была обнаружена резаная рана головы, наложены два шва. Далее поехал сам повторно осматривать место происшествия. Начал беседовать с окружением Юматова, со знакомыми, которые потом производили уборку в квартире. При этом не забываю о версии следствия и пытаюсь найти следы дроби в предполагаемом месте. Их там нет. Тщательнейшим образом осматриваю всю комнату. В конце концов выбоину в стене, дробь и простреленную штору я все же нашел, но совсем в другом месте. Еще раз беру протокол осмотра места происшествия. Там ничего подобного не зафиксировано. Значит, плохо искали. Формально. В стене было отверстие круглой формы (от выстрела дуплетом она имела бы форму эллипса или должно было быть две выбоины). Увиденное давало принципиально другую картину местонахождения Юматова во время выстрела. Мне стало ясно, что Георгий Александрович стрелял от двери. Продолжаю поиск. И на входной двери, на уровне головы, нахожу длинный отщеп. Понятно,

что он сделан каким-то предметом с режущей кромкой. Выходит, ситуация совсем не похожа на ту, что нарисовала себе следственная бригада».

Далее в своих поисках Кузнецов установил такую важную деталь. Оказывается, Юматов не знал, что его ружье заряжено. Дело в том, что последний раз он стрелял из него… в 68-м или в 69-м году, когда вместе с коллегой по работе, актером Сергеем Столяровым, ездил в стрелковый клуб «Динамо». Так как Юматов не был членом клуба, то пользовался он патронами Столярова. Тот и зарядил ему ружье. Таким образом, в заряженном состоянии «зауэр» пролежал в доме Юматова почти 25 лет!

Проведя свое расследование, Кузнецов заявил ходатайство об изменении меры пресечения. И оно было удовлетворено: 6 мая 1994 года Юматова выпустили на свободу, взяв с него подписку о невыезде.

В конце концов Кузнецову удалось доказать, что Юматов действовал в пределах необходимой обороны, причем воспользовался оружием спонтанно, более того, уверенный, что ружье не заряжено. Ружье не вскидывал. В заключении судмедэкспертизы говорится, что выстрел произошел снизу вверх, дробь, пройдя по касательной, порвала аорту Мадатову, из-за чего и наступила смерть.

Суд над Юматовым должен был состояться в июне 1994 года. Однако до него дело не дошло в связи с указом об амнистии по случаю 50-летия Победы. В своем заявлении Президенту России о помиловании Юматов написал: «Несмотря на то, что при рассмотрении уголовного дела в суде я мог быть оправдан, мое состояние здоровья лишило меня сил, и я не могу дальше вести борьбу, которая приведет меня к смерти. Как верующий и честный человек, считаю себя виновным перед Богом и людьми. Хочу провести остаток своих дней в молитвах о прощении и спокойно умереть в своей постели».

После той трагедии Юматов часто и много болел. Подводило сердце, нервная система. Иногда он вновь впадал в запой. Прожил после этого актер чуть больше трех лет.

Наезд «неуловимого»
Виктор Косых

Актер **Виктор Косых** (Данька из «Неуловимых мстителей») стал героем криминальной хроники в июле 1997 года. По версии журналистов, события выглядели следующим образом.

5 июля в семь часов вечера Косых с 11-летним сыном Максимом ехали на автомобиле «Жигули» по Отрадному проезду. Внезапно им в «хвост» пристроилась машина ГАИ, и милиционеры потребовали от актера припарковаться у обочины. Однако по какой-то причине Косых решил проигнорировать это требование и нажал на газ. Началась погоня, которая привела к трагедии. На перекрестке Березовой аллеи и Отрадного проезда Косых не справился с управлением, выехал на тротуар и врезался в столики летнего кафе «Биш». В результате пострадали трое отдыхавших мужчин: один из них (40 лет) погиб на месте, двое других (47 и 55 лет) получили травмы. Сам Косых был доставлен в травматологическое отделение Первой Градской больницы с диагнозом: «Ушиб подбородка и грудной клетки». Его сын, к счастью, не пострадал.

Сам Косых описывает происшествие иначе. Вот его слова: «Мы с сыном поехали покупать вещи для пионерлагеря. Вдруг прямо перед машиной трое пьяных кинулись перебегать улицу. Чтобы избежать наезда, я вывернул руль вправо, налетел на бордюр. Колесо взорвалось, машину на 180 градусов развернуло и выбросило в придорожное кафе. Три человека получили травмы. Один позже умер в больнице…

У меня взяли кровь на анализ и отпустили домой. Так что ни в какую кутузку, как сообщало телевидение, меня не сажали. На следующее утро получил справку, что в момент ДТП был совершенно трезв. Суд (он состоялся в начале июня 1998 года. — Ф. Р.) вынес вердикт — не имел технической возможности предотвратить наезд…»

«Видишь ли, Юра…»
Александр Милокостый

Слава пришла к Александру Милокостому в детстве: ему было 14 лет, когда на телевизионные экраны вышел сериал «Адъютант его превосходительства» (апрель 1970). Затем Милокостый снялся еще в нескольких картинах: «Всадник без головы» (1973), «Гранитные острова» (1976) и др. Службу в армии Александр проходил в Театре Советской Армии. В 1979–1989 годах работал в труппе Московского областного драматического театра, где играл ведущие роли в спектаклях «Ревизор», «Царь Федор Иоаннович», «Моя профессия — синьор из общества» и др. В 1989 году ушел в бизнес и ныне работает в инвестиционной компании «МИГ».

Со времен «Адъютанта…» имя актера А. Милокостого пропало из поля зрения широкого зрителя. О нем практически ничего не писала пресса, не показывало его новых работ телевидение. И только в октябре 1997 года имя актера вновь появилось в печати. Но на этот раз в хронике криминальных происшествий.

«Московский комсомолец» (30 октября): «Народный артист России Александр Милокостый, известный по многим кинофильмам, едва не стал на днях жертвой наемного убийцы. Причем заказчиком преступления оказалась его собственная жена. Проживая с Милокостым в одной квартире на улице Академика Петровского, 43-летняя врач-гинеколог Центрального дома матери и ребенка решила стать единоличной обладательницей жилья. Для этого надо было навсегда избавиться от супруга, который пребывал в последнее время в состоянии творческого кризиса и нигде не снимался.

Как сообщили «МК» в ГУВД Москвы, коварная женщина нашла двух неработающих москвичей, которым надлежало «убрать» путавшегося под ногами супруга за пять тысяч долларов. По разработанному ею плану убийцы должны были зарезать Милокостого в подъезде его дома (заказчица рассчитывала после смерти мужа списать несчастье на разбойное нападение). Однако подрядившиеся «киллеры» — 29-летняя женщина и 22-летний мужчина — решили все

сделать по-своему и наняли непосредственно для убийства (только уже за 2 миллиона рублей) случайно встретившегося им 42-летнего бомжа.

Во вторник, 28 октября, после того как организаторы преступления передали миллионы исполнителю, тот вдруг передумал убивать и донес на подельников в милицию. Их задержали прямо во дворе их дома на 2-й Владимирской улице. Жену артиста повязали чуть позже в злополучной квартире.

Сам Милокостый, который и не подозревал о готовящемся на него покушении, был просто шокирован. По его словам, все случившееся не укладывается у него в голове.

В настоящее время Перовской прокуратурой по факту подготовки убийства возбуждено уголовное дело».

Между тем, как показали дальнейшие события, не все в этом происшествии было так однозначно, как писал «Московский комсомолец». 13 ноября в газете «Ведомости. Москва» появилась заметка под лаконичным названием «Врача-гинеколога бросили на нары по доносу бомжа». В ней корреспондент Д. Лысков писал: «Рассказывает Наталья Милокостая, врач-гинеколог Центрального дома матери и ребенка:

— Мы разводимся с мужем Александром, и я временно жила у подруги. Вечером в дверь позвонили. Не успела я повернуть до конца ключ, как дверь распахнулась — ворвался ОМОН. Некто в штатском сунул мне в лицо удостоверение 2-го отдела МУРа. Мне стало плохо, но на это не обратили внимания — заломили руки за спину, надели наручники и повели в КПЗ.

Я плохо помню, что происходило потом. КПЗ казалась адом: постоянный мат, крики, в туалет допроситься невозможно, тем более узнать, за что посадили. Продержали в камере всю ночь и все утро, потом снова надели наручники и повезли в зарешеченной машине в измайловский СИЗО. Там посадили в общую камеру с матерыми уголовниками… Когда конвойные ушли, охранник посмотрел на меня с удивлением: «Вы не наш контингент». Вонь, злоба, отчаяние и страх — все это словами передать невозможно… Я даже обрадовалась, когда меня вызвали на допрос. А следователь прокуратуры наконец открыл мне причину ареста…»

Как выяснилось, во 2-й отдел МУРа заявился оборванный бомж, которого не так давно лечила подруга Натальи — та самая, у которой

она и была во время ареста, и заявил, что его пытаются нанять для заказного убийства. И милиция отреагировала мгновенно: на «штаб по подготовке преступления» была отправлена опергруппа.

«Меня гоняли из камеры на допрос, с допроса в камеру, — продолжает Наталья Милокостая. — А муж в это время терроризировал 15-летнюю дочь: «Ты мать больше не увидишь! Ее посадили, а знаешь, что у нас делается в тюрьмах?» Я уже ни на что не надеялась, как вдруг… меня освободили. За отсутствием состава преступления и недоказанностью вины. Домой я вернулась с кардионевритом. Но это, как выяснилось, — полбеды. Пока я находилась под следствием, газеты распространили информацию о том, что наша доблестная милиция предотвратила заказное убийство. Там были моя фамилия и адрес, все это читали мои соседи и сослуживцы. Сами представляете, что я выслушала после возвращения из тюрьмы… Я не хочу ничего делать. Не хочу судиться, не хочу выяснять, что это за бомж, сумасшедший ли он или его «купил» мой муж, ничего не хочу. Я безумно боюсь милиции…».

Трагедии на почве алкоголизма

На Руси бражничали испокон веков. И поговорка «На Руси питие — есть веселие» появилась не случайно — пить у нас действительно любили и предавались этому делу со всем размахом, какой был свойствен раздольной русской душе. Пили все: и низшие слои населения, и высшие. Причем если первые пили от плохой жизни, то вторые — от избытка хорошей. Первые глотали самогон и дешевые вина, вторые — марочные коньяки и не менее качественную водку. Однако итог для всех был один — ранняя смерть на почве алкоголизма. Но если смерть рядового гражданина большого отклика у населения не вызывала, то смерть какого-нибудь спившегося артиста или спортсмена всегда становилась поводом к широкому обсуждению. Так было раньше, так осталось и поныне.

Одной из первых советских кинозвезд сталинской поры, кого сгубил «зеленый змий», стала актриса **Валентина Серова**. Собственно, неумеренное употребление алкоголя поставило крест на судьбах многих советских кинозвезд (Петр Алейников, Сергей Гурзо и т. д.), однако случай Серовой особенный — она этот список открыла, будучи отринутой своими коллегами еще в конце 40-х. Последним звездным фильмом Серовой, где она сыграла главную роль, была комедия «Сердца четырех», которая вышла на экраны страны в 1945 году.

Истоки алкоголизма Серовой, судя по всему, берут свое начало с конца 30-х, когда она была замужем за Героем Советского Союза летчиком Анатолием Серовым. Тот на все банкеты стал брать свою молодую супругу, а банкет без выпивки — что брачная ночь без невесты. Хотя первое время Серова этому сопротивлялась и даже пыталась отучить от пагубной привычки своего мужа. Однажды она нашла его заначку — бутылку водки — и перепрятала ее в валенок. Серов сунулся — бутылки нет. Он к жене: где? Та в ответ: не знаю. Тогда он схватил топор и погнался за нею. Пришлось отдать.

В мае 1939 года Серов погиб, выполняя испытательный полет. Серова тогда была беременна и спустя четыре месяца родила сына Анатолия. Это событие, а также работа в театре и кино как-то отвлекли

ее от грустных мыслей. В те дни Серова практически не пила. И главное — даже малейших позывов к этому не было. А весной 1940 года стала гражданской женой писателя Константина Симонова. Казалось, что жизнь постепенно налаживается. Но потом грянула война, и Серова встретила будущего маршала Константина Рокоссовского. Она влюбилась в него так страстно и пылко, что готова была бросить Симонова и уйти к нему незамедлительно. Но Рокоссовский к такому повороту событий был не готов. Он не захотел бросать свою семью и связывать жизнь с кинозвездой. И первым пошел на разрыв. Видимо, этот разрыв и сыграл роковую роль в последующей судьбе Серовой.

Вернувшись к Симонову, которого она, по большому счету, не любила, Серова нашла утешение в алкоголе. Благо было где «приложиться» к рюмке: война близилась к своему благополучному концу, и в Москве опять возобновились богемные банкеты и застолья. Причем если раньше она пила, чтобы снять стресс, напряжение, то теперь пила от тоски и уныния. Как напишет в одном из своих писем Симонов: «У тебя, я знаю, есть чудовищная русская привычка пить именно с горя, с тоски, с хандры, с разлуки…»

Несмотря на то что в мае 1950 года Серова родила Симонову дочку Машу, победить свою болезнь она так и не сумела. И погубила не только себя, но и своего сына от первого брака Анатолия. Тот стал прикладываться к рюмке еще будучи подростком — лет в двенадцать. Причем делал это прямо дома: следил, когда кто-то из взрослых не допивал водку или вино, втихаря сливал остатки в стакан и пил. Так аукнулось Серовой нежелание отдавать сына в Суворовское училище (это предлагал сделать Симонов) и потворство тому, что он с юных лет сидел за столом вместе со взрослыми. Вот и насмотрелся.

Поскольку в кино Серову практически не снимали (разве что в небольших эпизодах), единственным местом ее работы оставался Малый театр. Но в январе 1952 года ее уволили и оттуда — за пьянку (как-то вечером она выпила с приятелем Павлом Шпрингфельдом и отказалась приезжать на вечерний спектакль). После этого случая Серова запила еще сильнее. Симонов, как мог, пытался спасти жену, но у него это плохо получалось. Болезнь пустила слишком длинные корни. Не спас Серову даже перевод в другой театр — имени Моссовета — и постановка специально под нее пьесы «История одной

любви», которую она впервые играла в Ленкоме 16 лет назад. Но нынешняя Серова была не чета той, ранней: та была молода и обаятельна, эта — бледна и с отекшим лицом. В 1956 году от Серовой ушел и Симонов. Как пишет Н. Пушнова: «Связь с Серовой становилась для него тягостной — неуместной. Человеку его ранга невозможно оставаться с такой женщиной. Невостребованная, никому, по сути, не нужная, уже стареющая актриса. Это было непрестижно в тех кругах, в которых он вращался. Тем более что от прежней красоты оставалось все меньше, красота таяла и таяла на глазах, вернее, так: она не просто таяла — время от времени красивая женщина уступала место тетке, вульгарной, малосимпатичной. И это было безобразнее обыкновенного и естественного старения двух людей. Шло уже самоуничтожение, и оно звалось алкоголизмом…»

В 1959 году мать Серовой, видя, что дочь безнадежно больна, забрала к себе Машу. И Серова осталась жить с сыном Анатолием. Но радости от этого житья было мало. К тому времени Анатолий стал еще более неуправляем: продолжал пить, водился со шпаной. Однажды он собрал во дворе мальчишек и, указывая на мамин «Виллис», заявил: «Это моя машина — что хочу, то с ней и сделаю». «Врешь!» — не поверили пацаны. Тогда Анатолий взял в руки железную трубу и стал крушить автомобиль. После этого его пришлось продать. А когда Серова угодила в больницу, сын продал из дома многие вещи: холодильник, ковры и др.

В последние несколько лет своей жизни Серова влачила поистине жалкое существование. Так как денег на выпивку у нее постоянно не хватало, она распродавала свои личные вещи, на продажу которых раньше у нее не поднималась рука. Например, в одном случае она по дешевке продала одной актрисе из Театра-студии киноактера дорогое кольцо, в другом — брошь, которую ей когда-то подарил Симонов.

Собутыльником и другом Серовой тогда был молодой мужчина, который работал постановщиком на одной из киностудий. Ему она доверяла все свои тайны, даже читала дневники, которые писала в течение нескольких лет.

Финальную точку в этой истории поставил 1975 год. Сначала тем летом в возрасте 36 лет от рокового пристрастия к алкоголю скончался Анатолий Серов. А буквально через полгода после этого — 12 декабря 1975 года — умерла и Валентина Серова. Ее нашли в коридоре на полу

с разбитым, черным от запекшейся крови лицом. Как напишет позднее ее дочь: «Умерла она одна, в пустой, обворованной спаивающими ее проходимцами квартире, из которой вынесли все, что поддавалось переноске вручную…»

А за четыре года до ухода Серовой погибла от алкоголизма другая звезда советского кинематографа — **Изольда Извицкая**. Она стала популярной в 1956 году, когда сыграла главную роль в фильме «Сорок первый». И в течение последующих пяти лет Извицкая снималась без остановки, став одной из самых снимаемых молодых актрис советского кино. Но ее триумф длился недолго. К началу 60-х Извицкая пристрастилась к алкоголю, причем очевидцы утверждают, что немалую роль при этом сыграл ее муж — актер Эдуард Бредун. В 60-е годы Извицкую практически не снимали, а если и брали сниматься, то лишь в эпизоды — длинные роли она могла сорвать. В марте 1971 года Извицкая умерла в возрасте 38 лет. К слову, и муж актрисы Эдуард Бредун тоже ушел из жизни сравнительно молодым — он не дожил до своего 50-летия трех месяцев.

На почве увлечения «зеленым змием» ушло из жизни и много прославленных советских спортсменов. Например, **Валерий Воронин**. Этот футболист в 60-е годы играл в столичном «Торпедо» и входил в состав первой сборной страны. Однако после тяжелейшей автоаварии в мае 1968 года он был вынужден уйти из большого спорта. Но найти себя на тренерском поприще Воронин так и не сумел. На спортивные невзгоды наложились личные — распался его брак. В итоге Воронин нашел утешение в алкоголе. Он его и погубил. В последние годы своей жизни Воронин буквально предчувствовал, что его ждет трагический уход. Не зря он часто повторял своим друзьям: «Я, как Володя Высоцкий, умру рано, не намного его переживу».

Очевидцы утверждают, что в последние годы жизни вокруг Воронина постоянно крутились какие-то подозрительные личности. Вот и накануне трагедии в «Лужники», где он работал, заехали какие-то веселые кавказцы. Коллега Воронина Юрий Степаненко спросил его: «Валера, ты их знаешь хорошо?» Тот рассмеялся и ответил утвердительно. Они все вместе уехали на «Волге». А на следующий день, 9 мая 1984 года, в 8.15 утра Валерия Воронина нашли с разбитым черепом рядом с Варшавскими банями у проезжей части автодороги. Врачи предприняли все возможное, чтобы спасти его, но все их

попытки были безрезультатны: 21 мая Воронин скончался. Степаненко честил себя за то, что не подумал запомнить номер той «Волги». Дело было закрыто из-за отсутствия улик и подозреваемых.

Популярного в 70-е годы певца **Аркадия Звездина** тоже погубил алкоголь. Практически всю свою сознательную жизнь он пил, в последние годы, что называется, пил не просыхая.

Рассказывает М. Шелег: «За год до смерти Аркадию Северному вшили ампулу, и он некоторое время не пил. В Москве, где он за ночные концерты заработал небольшую сумму, его обокрали. И похоже, обокрал кто-то из тех, кому он доверял. Это настолько потрясло Аркадия, что он решил покончить жизнь самоубийством — просто напиться, чтобы сработала вшитая ампула. Но ампула, по счастью, не сработала, Аркадий остался жив. Видно, это была советская ампула или над ним просто пошутили врачи. Это обстоятельство усугубило и без того тяжелое депрессивное состояние, в котором он находился. Аркадий ушел в запой длительный и последний. Он почти ничего не ел, исхудал и осунулся.

В последнее время он нашел приют на квартире обойщиков-шабашников… Эта компания зарабатывала тем, что обивала двери квартир дерматином, имела, как правило, много заказов и, соответственно, денег. Водка и вино на столе не переводились. И без того нетрезвая жизнь Аркадия превратилась в бесконечную пьянку. На работу его не брали, а только угощали водкой.

После очередного пьяного застолья Аркадий лег на продавленную тахту и уснул. Во сне, вероятно, ему стало плохо, он хрипел и кашлял. Собутыльники не обратили на это внимания, утром собрались и ушли на очередную халтуру. А когда вернулись, застали Аркадия в очень плохом состоянии — он лежал, разметавшись на грязном матрасе, хрипло стонал, один глаз вылез из глазницы…

Кинулись звонить в «Скорую помощь». Пока она приехала, пока врачи брезгливо осматривали пьяное бесчувственное тело, пока довезли до больницы, время уже было потеряно. Видимо, и в больнице не спешили приступить к операции, глядя на затрапезный вид поступившего пациента, очередного бомжа и пьяницы.

Так ночью с 11 на 12 апреля от кровоизлияния в мозг умер Аркадий Дмитриевич Звездин, он же Аркадий Северный, король

блатной песни. Диагноз: гипертоническая болезнь с атеросклерозом и тяжелая форма дистрофии.

В 1990 году из жизни ушел киноактер **Владимир Тихонов** — сын звездной пары Вячеслав Тихонов — Нонна Мордюкова. На момент смерти Владимиру было 42 года. Его ранний уход из жизни был предопределен множеством обстоятельств, но главный из них — дружба с «зеленым змием». Ему было всего 10 лет, когда его звездные родители развелись. Поскольку в ту пору оба делали успешную карьеру в кино и много снимались, времени на единственного ребенка у них практически не оставалось. И парень был предоставлен самому себе. И это в самом трудном для подростка возрасте — 12–15 лет! Единственное, что делали родители — давали ему побольше денег на карманные расходы, чтобы он ни в чем не нуждался. А он эти деньги спускал на дружков: сначала они пили вино, потом перешли на водку, а затем очередь дошла и до наркотиков. Как итог — в 1966 году, когда Мордюкова вернулась со съемок фильма «Комиссар», она нашла своего сына в больнице. Это было его первое попадание туда после употребления наркотиков. Несмотря на все старания матери защитить сына от пагубного влияния друзей, сделать это так и не удалось: Тихонов скатывался в пропасть все дальше и дальше. На экране он выглядел сильным и красивым молодым человеком, игравшим только положительных героев. А в жизни все оказалось иначе. Его не могли остановить даже любимые женщины и рождение детей: у него было два сына от двух Наташ — Варлей и Егоровой-Тихоновой. С последней он прожил дольше всех — 18 лет.

В то роковое лето 90-го Наталья уехала на гастроли в Ленинград (она танцевала в Московском балете), а Тихонов остался в Москве. И первое, что сделал, — нашел наркотики. И в тот же день умер от передозировки. В день его смерти, это было воскресенье, Наталье приснился тревожный сон. Якобы муж сидит на кухне и плачет навзрыд. Она проснулась в холодном поту, словно ее кто-то толкнул в плечо. За окном — низкое свинцовое небо и льет проливной дождь, будто сама природа по кому-то плачет. На следующий день Наталья вернулась в Москву, и актер Виктор Косых сообщил ей страшную новость: умер Володя. Она была в шоке. Ей казалось, что это кошмарный сон. Ведь в последнее время Володя держал себя в руках,

поглощенный обменом (он разменивал с матерью трехкомнатную квартиру в «высотке» на Котельнической набережной).

У Тихонова к сорока годам было два инсульта. Врачи предупредили его, что третий он не переживет. Но он их предостережениям не внял. Накануне своей смерти, в пятницу, он получил зарплату в Театре-студии киноактера и купил «колеса». Когда вечером ему позвонила приятельница, он сказал: «Не мешай, я проворачиваю котлеты». На слэнге наркоманов это означало, что он уже «с дозой». Когда в понедельник утром к нему зашел приятель, он нашел дверь квартиры открытой. Сам Тихонов бездыханный лежал на полу, а на столе стояла початая бутылка водки и лежала россыпь таблеток. Врачи поставили диагноз: ишемическая болезнь сердца.

В ноябре 1999-го скончался известный легкоатлет (прыжки в высоту) **Владимир Ященко**. В конце 70-х Ященко знала вся страна: 18-летний спортсмен блестяще выступил на чемпионате Европы, преодолев планку на высоте 235 сантиметров. Однако триумф молодого спортсмена длился недолго — всего три года. Потом Ященко получил серьезную травму, которую вовремя не залечил, и результаты пошли хуже (выше двух метров он уже прыгать не мог). Талантливый спортсмен вынужден был уйти из большого спорта. Ему предлагали работу в Спорткомитете Запорожья, где он жил, но Ященко отказался. Сказал: мол, не могу бумажки перебирать. Его позвали в ДЮСШ тренером, но он и там долго не задержался. Не сложилась у Ященко и семейная жизнь. Роман с москвичкой, подающей надежды девочкой-прыгуньей, закончился вместе с карьерой. В результате всех этих катаклизмов бывший кумир стал спиваться. Так продолжалось много лет. В ноябре 1999 года наступил финал.

Рассказывает О. Мусафирова: «В январе 99-го Ященко исполнилось 40. В марте Госкомспорт России пригласил его в Москву — подкормить и на профилактическое лечение. Вернулся счастливый, всем показывал костюм фирмы «Адидас», который ему подарили как члену сборной СССР и экс-рекордсмену.

…Я побеседовала в Запорожье со множеством людей, хорошо знавших Владимира Ященко и любивших его. Со мной говорили очень откровенно. А потом просили: «Это не для печати… Про пьянство, про цирроз печени… Такие, как Володя, рождаются раз в сто лет. Вот что надо помнить!» Только один немолодой и честный человек, бывший

спортсмен, чьей фамилии я называть не стану, признался: «Мы виноваты. Мы сами ему сперва предлагали: «Выпей, легче станет!» Чтоб не думал больше о высоте и постепенно становился обычным, как все… Никто из нас не спился. А он — разбился о землю».

Место на кладбище Володе досталось очень хорошее — на Аллее славы, там, где хоронят самых уважаемых в Запорожье граждан. Расходы по организации печального мероприятия взял на себя спортклуб завода «Трансформатор».

Когда покойного привезли из больницы, оказалось, его не во что обрядить. Нет даже костюма. В последние годы Володю, когда он появлялся на людях, видели в одном и том же: потрепанный турецкий свитерок и куртка-болонья еще времен СССР… Народу на прощание собралось немерено. И потеплело, будто и не декабрь…»

В 2000 году трагически завершилась жизнь популярного киноактера **Александра Соловьева**. Он стал широко известен после главных ролей в фильмах «Адам женится на Еве» (1980) и «Зеленый фургон» (1983). Однако после череды запоминающихся ролей в ряде других картин 80-х Соловьев из поля зрения поклонников внезапно пропал. Виной всему был алкоголь, к которому актер пристрастился еще на заре своей киношной карьеры. И хотя Соловьев делал несколько попыток «завязать», однако окончательно победить болезнь ему так и не удалось.

В августе 1997 года Соловьев проходил курс лечения у известного целителя Довженко. Там же тогда лечилась от той же болезни известная актриса Ирина Печерникова, с которой у Соловьева еще в 91-м был мимолетный роман. У Довженко их отношения возобновились, и в Москву они вернулись близкими людьми. С тех пор стали жить вместе. Но длилась их семейная жизнь недолго — до декабря 1999 года.

В том месяце Печерникова уехала в Калугу, а Соловьев остался в Москве. Ирина должна была приехать 24-го, чтобы вместе с мужем отправиться на премьеру в театр. Но приехать в срок не смогла. А когда на следующий день вернулась домой, мужа там не оказалось. Она обзвонила всех друзей и узнала, что в последний раз они видели Александра на банкете после спектакля. О том, что происходило на том банкете, вспоминает Е. Левина:

«25 декабря, накануне Нового года, я была в театре «Русский дом», где в тот день играли премьерный спектакль. Не знаю, случайно ли забрел туда Александр Соловьев, но только он едва стоял на ногах. Его штормило и раскачивало так, что он чуть не рухнул прямо в фойе. Кто-то Сашу приобнял и отвел в партер. Когда в момент кульминации действа Саша встал и нетвердой походкой покинул зал, публика с облегчением вздохнула: мало ли, что у пьяного на уме, а то еще провалит спектакль. Обошлось. Пьесу отыграли до конца, а когда устроили банкет, Саша вернулся. Бледный, с горящими глазами, агрессивный и злой, он рванул на сцену со словами: «Я долго молчал, а теперь все скажу», ухватился за микрофон. Запахло скандалом. Кто-то сказал: «Уйди, старик, не порть нам праздник».

И Саша ушел. Или его вывели из театра. Не знаю. Это потом выяснилось, что Саша испортил себе не только праздник, он провалил всю свою жизнь…»

С банкета Соловьев отправился домой. Однако не дошел до него каких-нибудь несколько сот метров. Что с ним случилось по дороге, так и осталось неизвестным, поэтому стоит рассказать только то, что известно.

Спустя примерно час после завершения банкета в 68-е отделение милиции, что на Мясницкой (в трех минутах ходьбы от соловьевского дома), заглянул прохожий: «У вас за углом мужчина лежит. Прилично одет. Поскользнулся, упал на бетонную клумбу, похоже, разбил голову». Командир роты Александр Боков с напарником Вячеславом Даниловым вышли проверить. И действительно обнаружили за углом мужчину, лежавшего на земле. Стали его поднимать, но тот внезапно попросил: «Оставьте меня, мне больно».

Милиционеры вызвали «Скорую», а пока она ехала, Данилов вдруг вспомнил: «Этот мужик на одного актера похож. Вот только фамилию не вспомню». Поскольку документов при пострадавшем не было, в журнале регистраций его записали как «неизвестного мужчину среднего роста, на вид лет сорока, похож на артиста. Голова травмирована». Спустя 15 минут «Скорая» увезла незнакомца, которым был Александр Соловьев, в реанимацию Склифа. Там на него завели номерную карточку — № 22043, поскольку личность его продолжала оставаться неизвестной.

Тем временем Печерникова продолжала находиться в неведении относительно того, где находится ее муж. Искать она его не пыталась несколько дней, так как думала, что он уехал куда-то на заработки (такое иногда случалось с Соловьевым, который не выносил одиночества). Однако 6 января 2000 года терпение актрисы лопнуло, и она отправилась на поиски супруга. И первым делом заехала в Склиф. Но среди больных Соловьева не оказалось. Тогда Печерникова попросила проводить ее в морг. Но и там Соловьева не было. Печерникова вернулась домой, надеясь, что муж все-таки объявится.

Неизвестно, как долго еще продолжалось бы это ожидание, если бы 21 января тот самый командир роты Александр Боков не спросил у замначальника отделения Сергея Фирсова: «А что, о том артисте, которого мы подобрали, сведений из больницы до сих пор нет?» Фирсов ответил: тот актер скончался. Под впечатлением этого известия милиционеры стали вспоминать имя этого актера. Не вспомнили, зато на память пришел фильм, где он играл, — «Зеленый фургон». «Там же Харатьян еще играл», — осенило Фирсова. И они решили немедленно позвонить артисту. А у того в тот день как раз был день рождения, и он с гостями сидел за праздничным столом. Но все, что мог, он сделал. И главное — сообщил фамилию своего партнера по фильму: «Это Саша Соловьев, он Красавчика играл». «А вы бы не могли приехать сейчас в морг и опознать его?» — спросили Харатьяна. «Не могу, у меня гости, — последовал ответ. — Но я могу дать вам телефоны двух его жен: Людмилы Гниловой и Ирины Печерниковой».

Милиционеры дозвонились до последней. Она приехала в морг и опознала своего супруга. По ее словам: «Я искала его везде: по всем больницам, моргам. Обзвонила, наверное, тысячу людей. И наконец нашла. В морге. Милиционер один честный оказался. 21 января позвонил и сказал: «Знаете, у нас был человек, похожий на вашего мужа. Мы его отправили в Склиф». Мне рассказали, что, когда он возвращался, поскользнулся, упал и разбил себе лоб. Милиционеры нашли его лежащим на снегу. А Саша и милиция — это разговор особый. Он их ненавидел… В морге я была еще 6-го. Осмотрела всех, кто прибыл туда без документов. Не нашла его и мысленно перекрестилась. А оказалось, они его там просто спрятали. Саши не стало 1 января. Врач, который делал операцию, оказался

родственником Жени Жарикова. Он мне сказал, что Саша умер от травмы шейных позвонков. А это очень похоже на удар дубинкой…»

Рассказывает Е. Левина: «Саша с пугающей точностью повторил судьбу своего отца. Иван Николаевич Соловьев тоже умер при странных обстоятельствах и целый месяц, забытый, пролежал в своей квартире, пока соседи не отреагировали на запах. Первым в ту квартиру в Норильске вошел Саша и испытал шок. Он же потом сам мыл и сдирал обои, сжигал пол — так все было отравлено запахом тлена. В течение долгих лет Саша находился под впечатлением ужасной смерти отца, просыпался по ночам от собственного крика, боялся, что с ним случится что-то страшное… Как будто предчувствовал…»

В отличие от Александра Соловьева у **Владимира Семенова** была всего одна звездная роль. Всесоюзная слава пришла к нему в юном возрасте — ему было шесть лет, когда режиссер Евгений Карелов взял его на главную роль в свою картину «Нахаленок». Маленький Вова Семенов сыграл эту роль просто гениально. Именно благодаря его игре фильм стал настоящим кинохитом в СССР и за его пределами: «Нахаленка» закупили 78 стран мира. Фразы, произнесенные юным актером с экрана, навсегда ушли в народ. Помню, мы в детстве козыряли ими направо и налево: «Я с тобой водиться не буду — у тебя из ушей дюже воняет», «Ладно, ладно, дедуля, вот выпадут у тебя зубы — я тебе жевать не буду» и т. д.

Между тем именно «Нахаленок» косвенно способствовал ранней смерти Семенова. Став звездой и снявшись затем еще в девяти фильмах, Семенов наивно посчитал, что триумф будет длиться вечно. Он даже во ВГИК не стал поступать, думая, что и без «корочки» сумеет неплохо устроиться в этой жизни. Не получилось. Пьянки-гулянки вскоре отняли у него здоровье, поставили крест на его личной жизни (жена с ребенком от него ушли). К тридцати годам Семенов превратился в конченого пьяницу. В конце концов его разбил инсульт, парализовав левую половину тела. Он перенес три операции, трепанацию черепа. Последние несколько лет жизни Семенов прожил в Раменском. Несмотря на болезнь, продолжал пить. Что в итоге и стало причиной его смерти в феврале 2004 года. Вот что рассказал журналистам «Московского комсомольца» заместитель главы администрации Раменского по вопросам здравоохранения Валерий

Торчинов: «Спасти Семенова было уже нельзя, я видел его во время врачебных обходов. У него начались необратимые нарушения в организме. Конечно, подорвал Владимир Иванович свое здоровье сильно — насколько я понимаю, 50 лет ему только следующим летом исполнилось бы, а выглядел он лет на десять старше. Может быть, для него было бы и лучше, если бы этой сверхпопулярности никогда не было…».